

0041430
4171

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XVI

(СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК)

Махачкала — 1966

001(Дар)
И 71

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XVI

Махачкала

1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. Д. ДАНИЯЛОВ (отв. редактор), Г. А. АЛИКБЕРОВ,
С. Ш. ГАДЖИЕВА, В. Г. ГАДЖИЕВ, Г. Г. ОСМАНОВ,
А. С. ОМАРОВ, А. Р. ШИХСАИДОВ.

38928

И С Т О Р И Я

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА — ДЕЛО ВСЕГО НАРОДА

Коммунистическая партия на всех этапах социалистического строительства последовательно проводит в жизнь ленинское указание о том, что народные массы являются решающей силой в свершении исторических преобразований. Особенно резко возросла активность трудящихся масс в период развернутого строительства коммунизма в СССР. Ликвидация культа личности и курс на строительство коммунизма, намеченный в Программе КПСС, дали новый мощный толчок развитию движения ударников за коммунистический труд, пробудили инициативу миллионов людей — появилась армия изобретателей и рационализаторов, инициаторов патристических начинаний.

Советские люди своей активной, творческой деятельностью, героическим трудом воплотили в жизнь ленинский план построения социализма в СССР, обеспечили полную и окончательную победу социализма в Советском Союзе. Трудом советского народа в нашей стране создана мощная, всесторонне развитая экономика. Советская страна вступила в период развернутого строительства коммунистического общества «Построение коммунизма, — говорится в Программе КПСС, — дело рук народа, его энергии, его разума».¹ Коммунизм создается трудом, он вырастает из творческого повседневного труда миллионов. Коммунизм — это не отвлеченное понятие, а реальное дело, творимое сотнями миллионов людей.

Марксизм-ленинизм впервые в истории правильно раскрыл закономерности общественного развития и показал, что изменения, происходящие в обществе, — это результат сознательной деятельности народных масс.

Буржуазные ученые процесс развития человеческого общества рассматривают как результат деятельности выдающихся личностей: королей, полководцев, правителей, полити-

¹ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, М., 1962, стр. 428.

ков, бизнесменов и т. д., а народ рассматривают как инертную массу, которая сама по себе, якобы, ничего не значит.

В противоположность этому марксизм-ленинизм утверждает, что отдельные личности, какими бы великими и гениальными они ни были, какой бы властью они ни располагали, не могут определять ход исторического развития. Истинным творцом истории на всех этапах развития человеческого общества выступает народ, трудящиеся массы. Народ своим трудом производит все материальные блага, необходимые для существования общества, и тем самым обеспечивает жизнь общества, его поступательное развитие. Роль народных масс в истории непосредственно зависит от уровня сознательности и организованности трудящихся, от того, насколько они ясно понимают свои интересы и цели.

Переход от капитализма к социализму немислим без творческого участия масс, понимания ими всей глубины происходящих событий. Социалистическая революция, указывал В. И. Ленин, «может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся».²

Исторический опыт наглядно подтвердил это ленинское положение.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции раскрыла невиданные ранее созидательные силы народа. В массах таятся неисчислимые творческие силы, богатейший родник талантов. Социализм освобождает энергию и способность народа, создает простор для проявления и применения их. «...мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время,— говорил В. И. Ленин, — какие богатые силы таятся в массах трудящихся ...которые до сих пор работали, как мертвые безгласные исполнители предначертаний капиталистов, какие силы таятся и могут развернуться при социалистическом устройстве общества».³

Ликвидация частной собственности на средства производства дала не только простор творческим силам народа, но и развитию производительных сил.

Как хозяин своей страны, советский народ сознательно участвует в создании нового общественного строя — коммунизма. Социализм и коммунизм,— говорил В. И. Ленин,— есть живое творчество масс, есть создание самих народных масс.⁴

Враги социализма утверждали, будто невозможно создать новое общество раньше, чем для этого будут подготовлены люди, т. е. воспитаны сами строители социализма.

² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 213.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 182.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 254—255.

В. И. Ленин разоблачил эти взгляды, убедительно доказав их несостоятельность. Он неоднократно подчеркивал, что воспитание человека в духе социализма происходит не само по себе, а в ходе социалистического строительства, в результате непосредственного участия народа в производстве.

Коммунистическая партия на всех этапах социалистического строительства последовательно проводила это ленинское указание в жизнь. Но в период культа личности Сталина ленинские принципы демократического централизма были грубо нарушены. ЦК КПСС, обсудив и отбросив культ личности и его последствия, очистил путь для гигантского разворота творческой активности и инициативы народных масс.

Култ личности мешал в должной мере развернуть критику наших недостатков, препятствовал полному использованию народного опыта. Парадная шумиха, формализм и бюрократизм, очковитительство — все это сдерживало, а подчас и глушило народную инициативу.

Бюрократический, бумажный метод руководства проникал не только в министерства, но и в общественные организации, мешая их работе в массах. Вот пример из жизни самой массовой организации профсоюзов.

В течение 1953 г. из ВЦСПС было отправлено 246 676 писем, 13 168 бандеролей, 12 367 телеграмм. На переписку было израсходовано 13 тонн бумаги. Живое дело организации масс подменяли разговорами, топили в безбрежном бумажном море. Подобный метод руководства был характерен для многих организаций и ведомств.

Так, управление пищевой промышленности Дагестанского совнархоза в 1962 г. получило от своих предприятий 11 500 писем, а отправило 28 880.⁵ Иными словами, из кабинетов управления ежедневно выходило 115 различных бумаг, или по 4—5 на каждое предприятие. Бумажный поток буквально захлестнул работников управления, за ним они не видели действительного положения дел, плохо изучали и несвоевременно решали возникавшие вопросы.

Ломая устаревшие представления, отменяя все отжившее, тормозящее наше движение вперед, ЦК КПСС создал необходимые условия для всемерного развития народного творчества и народной инициативы. ЦК партии и Советское правительство широко привлекали народные массы к решению сложных задач, стоящих перед страной.

Трудящиеся массы активно и широко участвуют в решении всех жизненных вопросов развития нашего общества, в том числе развития экономики, совершенствования социалистического производства, планирования народного хозяйст-

⁵ Текущий архив Дагестанского обкома КПСС.

ва. Достаточно сказать, что контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. обсуждались более чем на 968 тыс. собраний на заводах и стройках, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях и учебных заведениях. На этих собраниях присутствовало свыше 70 миллионов человек. С замечаниями, дополнениями и предложениями на собраниях выступило 4 миллиона 672 тысячи человек. Кроме того, в центральные и местные партийные и советские организации, в редакции газет, журналов, на радио и телевидении от трудящихся поступило свыше 650 тысяч писем и статей, содержащих предложения и замечания по различным разделам тезисов. ЦК КПСС о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР. Из этих писем более 300 тысяч было опубликовано.

У нас стало традицией то, что ЦК КПСС и Советское правительство, прежде чем принять какое-либо важное решение, ставят его ена обсуждение масс, с тем, чтобы учесть их замечания и предложения. Ныне это стало программным требованием КПСС. «Обсуждение трудящимися проектов законов и других решений как общегосударственного, так и местного значения должно стать системой. Важнейшие законопроекты следует выносить на всенародное голосование (референдум)».⁶

Важную роль в привлечении масс к управлению народным хозяйством, в повышении их активности играет то, что партия и правительство постоянно советуются с народом не только при принятии тех или иных решений, но и по вопросам о том, как лучше осуществлять принятые решения.

Большое значение в повышении творческой инициативы широких масс трудящихся имеют систематически созываемые ЦК КПСС и Советом Министров СССР совещания передовиков различных отраслей народного хозяйства. Только за период с 1954 по 1960 г. состоялось около 70 всесоюзных совещаний, в работе которых приняло участие свыше 100 тыс. человек. В 1961 и 1962 гг. состоялись зональные совещания работников сельского хозяйства, в которых участвовало более 50 тысяч человек.

Вся программа КПСС проникнута духом неиссякаемой ленинской веры в творческие способности народных масс в строительстве коммунистического общества. Программа обосновала, что возрастание активности народных масс в строительстве новой жизни — закон эпохи социализма.

Программа КПСС получила всенародное одобрение. Свыше 82 миллионов трудящихся приняли участие в обсуждении проекта новой Программы. Обсуждение его советским наро-

⁶ Материалы XXII съезда КПСС, стр. 399.

дом вылилось в яркую демонстрацию патриотизма и показало политическую зрелость народных масс. Для обсуждения этого документа только в Дагестанской республике проведено 2916 собраний с участием 285 855 человек, из которых выступило 17 904 человек.⁷

Рост сознательности народных масс определяется не только ростом их технической вооруженности, но и ростом их политической подготовленности решать самые сложные государственные задачи и уровнем культуры. Культурный и образовательный рост масс должен стать законом развития коммунистического общества.

Только в Дагестане за 10 лет (1953—1963 гг.) построено школ на 29 тысяч мест, детских дошкольных учреждений на 8 тысяч мест. Быстрыми темпами формируется интеллигенция, увеличивается число специалистов с высшим и средним образованием. Если в 1956 г. у нас было всего 1000 агрономов, зоотехников и ветврачей с высшим образованием, то в 1962 г. их уже насчитывалось 1836 человек. Всего специалистов с высшим и средним специальным образованием в 1956 г. было 24 200 человек, а в 1962 г. уже 37 887 человек.⁸ Большинство этих специалистов — из коренных народностей Дагестана.

В высших учебных заведениях количество студентов за 10 лет возросло более чем в 2 раза, в 3,5 раза выросло количество научных работников в научных учреждениях. Особенно разителен рост культурно-просветительных учреждений. Например, в 1950 г. в республике была 471 библиотека, а в 1962 г. их насчитывалось 1222.⁹

Теперь среднее и высшее образование имеет 40% рабочих и более 23% колхозников Советского Союза. Этим и обусловлено, что ныне ни один производственный план предприятия, совхоза или колхоз не принимается без предварительного обсуждения коллективами трудящихся.

Большую помощь в деле привлечения широких народных масс к активному руководству производственной деятельностью промышленных предприятий оказывают постоянно действующие совещания. В настоящее время в нашей стране насчитывается более 12 тысяч постоянно действующих производственных совещаний. В них принимают участие 35 миллионов рабочих и служащих. Эти производственные совещания призваны быть авторитетными самостоятельными органами рабочего класса. Партия ставит своей задачей расширить права постоянно действующих производственных совещаний,

⁷ Текущий архив Дагестанского обкома КПСС, 1962 г., книга 8, стр. 96.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

поднять их роль как органов общественного контроля над хозяйственной деятельностью предприятий.

За последние годы усиливается роль организации рационализаторов и изобретателей (ВОИР). В настоящее время на предприятиях, в промышленности, на транспорте, на стройках, в совхозах Дагестанской республики имеются 162 первичных организаций ВОИР. Они объединяют 6180 рабочих и инженерно-технических работников, которые приняли обязательства внести в фонд экономии семилетки 200 миллионов рублей за счет внедрения в производство изобретений и рационализаторских предложений. С начала семилетки ими подано около 42 тысяч предложений, от внедрения которых можно получить 13 миллионов рублей экономии.¹⁰

Большой вклад в совершенствование производства на предприятиях Дагестана вносят организации научно-технических обществ (НТО), объединяющие 4266 человек. Деятельность этих организаций неразрывно связана с движением за коммунистический труд.

На ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС было указано на необходимость расширить и углубить демократические принципы управления предприятиями нашей страны, правильно сочетать принцип единоначалия с самым широким привлечением масс к непосредственному управлению производством.

Строительство коммунизма в нашей стране отличается прежде всего творческой деятельностью советских людей. Подсчитано, что за последние шесть лет свыше 200 коллективов и передовиков предприятий,строек и колхозов выступили инициаторами различных форм соревнования за повышение производительности труда, за снижение себестоимости и улучшения качества продукции, за досрочное выполнение заданий семилетки и т. д.

Замечательные подвиги ткачихи В. Гагановой, украинского хлебороба Н. Заглады, ленинградского рабочего А. Леонова, донецкого шахтера Мамай и многие другие стали общенародным достоянием. И каждое из таких начинаний — одни сразу же, другие через некоторые промежутки времени — становилось движением масс.

Когда массы активно участвуют в развитии производства, тогда достигается наивысшая производительность труда, формируется новый человек, обеспечивается невиданный расцвет личности. Поэтому в Программе нашей партии указывается: «Коммунизм — это строй, где расцветают и полностью

¹⁰ Текущий архив Дагестанского областного совета профсоюзов. Протокол 12, 27 июля 1963 г., стр. 5.

раскрываются способности и таланты, лучшие нравственные качества свободного человека».¹¹

Жизнь полностью опровергла домыслы буржуазной пропаганды о том, что массы подавляют личность, что чем сильнее массы, тем якобы беспомощней личность. Напротив, чем сильнее массы — тем свободней личность. Не коллективизм, а буржуазный индивидуализм подавляет личность трудящегося.

Рост политической сознательности советских людей, их беззаветная преданность делу коммунистического строительства ярко проявляются в растущем патриотическом движении за досрочное выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства.

Так, в 1962 году выпуск продукции по сравнению с 1961 г. возрос на 9,5%. Валовая продукция промышленности за 1959—1962 гг. увеличилась на 45% вместо 39%, предусмотренных семилетним планом на эти годы. Произведено продукции на 28 миллиардов рублей больше, чем намечалось на истекшие четыре года. За эти годы в Дагестане валовая продукция промышленности также стала в 2 раза больше, чем было предусмотрено планом.

Промышленное производство за 10 лет (1953—63 гг.) по объему валовой продукции увеличилось в Дагестане в 2,6 раза, а по сравнению с 1940 годом в 4,5 раза.¹² Произошли значительные качественные изменения, вступило в строй 44 новых промышленных предприятий, в том числе такие крупнейшие, как Чирюртовская ГЭС, три завода железобетонных изделий, заводы электротехнической промышленности, машиностроительный завод сепараторов, завод шлифовальных станков, ряд предприятий винодельческой и рыбной промышленности. За этот период возникло более десяти отраслей промышленности, ранее не существовавших в Дагестане. Производство отдельных видов продукции возросло в 2—9 раз. Возросли и капитальные вложения в народное хозяйство. Если в 1953 г. они составляли 28,4 млн. рублей, то в 1962 г. — 78,3 млн. рублей: за 10 лет они составили на 221,5 миллионов рублей больше, чем за все остальные годы Советской власти.¹³

Выражением высокой политической сознательности является патриотическая инициатива ленинградских рабочих, которые в июне 1959 года приняли обязательство на один год раньше срока выполнить задания семилетнего плана по уровню производства и производительности труда.

¹¹ Материалы XXII съезда КПСС, стр. 368.

¹² Текущий архив Дагестанского обкома КПСС.

¹³ Там же.

Примером возрастания роли народных масс в борьбе за построение коммунизма служит патриотический призыв: «Ни одного отстающего предприятия, цеха, участка, бригады, рабочего» — выдвинутый участниками соревнования за звание бригад коммунистического труда.

Могучий размах творческой активности масс, их сознательное отношение к строительству коммунизма находят свое выражение в социалистическом соревновании. Социалистическое соревнование в СССР прошло путь от первых коммунистических субботников до массового движения за коммунистический труд. Коммунистические субботники представляли собой зачатки, ростки нового отношения к труду. Это был самоотверженный, беззаветный труд наиболее передовых рабочих во имя общей цели.

В ходе строительства социализма трудовой героизм становится массовым явлением, развиваются многообразные формы новаторства, техническое творчество масс. В период развернутого строительства коммунизма социалистическое соревнование поднялось на новую ступень. Наиболее ярким и массовым выражением трудового творчества народа является движение за звание бригады, цеха, предприятия коммунистического труда.

Наша партия с ленинской прозорливостью увидела в начавшемся движении новую, высшую форму соревнования периода развернутого строительства коммунизма. В его основе лежит борьба широких масс трудящихся за формирование коммунистических отношений, воспитание нового человека и создание материально-технической базы коммунизма.

Сила и великая будущность движения за коммунистический труд состоит в том, что в этом движении прекрасно сочетаются трудовая активность людей с их высокой сознательностью строителей нового общества. Мы идем и придем к победе коммунистического труда, как и предвидел это великий Ленин.

Этим славным патриотическим движением охвачены многие коллективы цехов, предприятий,строек, колхозов и учреждений. В Дагестане в этом движении участвуют свыше 78 200 человек. За звание коллективов коммунистического труда борются 84 предприятия, 3410 бригад, цехов и участков. Почетное звание предприятия коммунистического труда присвоено 39 коллективам, 1207 бригадам, цехам и участкам, с общим числом работающих в них 15 819 человек.¹⁴

Участники движения за коммунистический труд выступают активными борцами за внедрение в народное хозяйство

¹⁴ Текущий архив Дагестанского областного совета профсоюзов. Протокол № 18, 1963 г., стр. 218.

достижений науки и техники, лучшего производственного опыта. Они являются заповедями многих ценных начинаний, добиваются наивысшей производительности труда.

Современное движение за коммунистический труд, почин новаторов, рационализаторов и изобретателей явились одной из ярких форм проявления творческой активности и коммунистической сознательности масс. Ныне на всех предприятиях страны имеется большое количество новаторов. Число рационализаторов и изобретателей в Советском Союзе превышает 3 миллиона человек. Только за последние 5 лет рабочие и инженерно-технические работники внесли около четырех миллионов рационализаторских предложений и изобретений. Научно-технические общества и организации изобретателей стали в настоящее время массовыми. Они объединяют в своих рядах четыре миллиона человек.

Только на предприятиях Дагестанской республики созданы и работают на общественных началах 53 конструкторских бюро, 33 бюро экономического анализа, 28 бюро технической информации, 12 бюро технического промирования и т. д. Всего в республике 298 творческих объединений, в которых участвуют более 4,5 тыс. человек.¹⁵

Новаторы производства принимают активное участие в разработке важных научно-технических проблем; они ломают старые нормы и старую технологию, активно способствуют техническому прогрессу.

Ныне нет такой отрасли производства, где не было бы своих новаторов, рационализаторов и изобретателей, предлагающих все новые и новые усовершенствования — плод их знаний и мысли. Именно такой созидательный и творческий труд лежит в основе движения за коммунистический труд. Из будничного, но по своему содержанию сознательного и творческого труда миллионов вырастает величественное здание коммунистического общества.

Победа социалистической революции разрушила старый мир, основанный на эксплуатации человека человеком и положила начало новому миру, создаемому трудом.

Впервые после тысячелетий классового гнета владыкой мира действительно стал труд. Это привело к коренному изменению характера труда и отношения к нему как со стороны общества, так и со стороны отдельного человека. В социалистическом обществе труд приобрел совершенно новые черты.

Ныне миллионы советских людей с небывалым воодушевлением и энтузиазмом трудятся на самых различных участках коммунистического строительства, во всех уголках нашей Родины, чтобы приблизить победу коммунизма.

¹⁵ Там же.

Наше движение к коммунизму — это результат активно-го и сознательного творчества миллионов трудовых людей. Рост сознательности советского народа проявляется в выполнении грандиозных задач коммунистического строительства.

По зову партии на выполнение хозяйственно-политической задачи величайшей важности по освоению целинных и залежных земель поднялось более 300 тысяч юношей и девушек. Свыше 700 тысяч комсомольцев, движимых чувством патриотизма, отправлялись на строительство заводов, шахт, гидроэлектростанций в северные и восточные районы страны, на подземные работы, в шахты Донбасса и Кузбасса.

Только после XXI съезда КПСС на важнейшие стройки страны по комсомольским путевкам направлено более 200 тысяч юношей и девушек. Только дагестанский комсомол отправил на важнейшие стройки семилетки свыше двух тысяч юношей и девушек.¹⁷

Величайшие задачи коммунистического строительства могут быть решены лишь героическими усилиями, творческой активностью и решимостью трудящихся масс.

В. И. Ленин еще в 1918 г. писал, что «без привлечения к общественному строительству новых слоев народа, без пробуждения активности широких масс, доселе спавших, ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи».¹⁷

Величайшие общественные преобразования В. И. Ленин рассматривал в связи со степенью активности народных масс. Отсюда, чем более велики задачи коммунистического строительства, тем активнее должны быть действия народных масс.

Необходимость активных и сознательных действий масс в строительстве коммунистического общества Ленин объяснял новыми закономерностями общественного развития. Строительство коммунизма складывается и развивается не стихийно, а в результате сознательной и планомерной деятельности самих трудящихся, руководимых Коммунистической партией.

Исходя из исторического процесса развития общества, Ленин выдвинул и глубоко обосновал положение о том, что «социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»,¹⁸ что коммунизм должен быть доступен широким массам как дело их собственных рук. Ленин учил, что массы сами должны создать новую экономику, сами взяться за управление государством, за создание социалистической

¹⁶ Текущий архив Дагестанского обкома комсомола, протокол № 2, 12 июня 1962 г., стр. 5.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 183.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 255.

культуры, своими собственными силами построить коммунистическое общество. Осуществление этих задач немыслимо без творческой активности и инициативы строителей нового общества.

Экономической основой творческой активности масс является общественная социалистическая собственность на средства производства. Социалистическая собственность ликвидировала разрыв между трудом и собственностью, характерный для эксплуататорских обществ. Производители материальных благ выступают и как труженики и как владельцы средств производства. Это вызывает коренной переворот во взглядах на труд, изменяет отношение к труду. Появляется настоящая заинтересованность в труде, которая побуждает людей к активному творчеству на всех участках коммунистического строительства.

Коммунистического общества строится «для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества».¹⁹ Подтверждением этого является жизнь советских людей, которые сами пожинают плоды своего труда.

Положение советского человека в обществе определяется теперь личными способностями и отношением к труду. Принцип оплаты по количеству и качеству труда является могущим стимулом роста инициативы и производственной активности масс.

Сбросив с себя цепи капиталистического рабства и эксплуатации, трудовой народ освобождает тем самым колоссальные творческие силы, неиссякаемую энергию. Впервые создаются возможности для массового соревнования, для втягивания большинства трудящихся «на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты...».²⁰

Социалистическая революция порождает подлинно народную демократию, обеспечивающую расцвет активной творческой деятельности народа в области управления государственными делами, в решении вопросов экономического и культурного строительства. Советская власть, широкая народная демократия — прочная политическая основа подъема творческой активности масс. Вся система общественного и государственного строя в условиях социализма и перехода к коммунизму открывает широкий простор для массовой инициативы и активности трудящихся. В условиях социалистического строя для народа открывается доступ к образованию, науке, искусству, ко всем достижениям духовной культуры.

¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 37.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 367.

Все это стало, как указывал В. И. Ленин, общенародным достоянием и служит могучим стимулом постоянного роста активности и сознательности трудящихся, расцвет их таланта и дарований.

В переходный период от социализма к коммунизму еще шире возрастет роль социалистической демократии и самостоятельных организаций трудящихся. Конкретным проявлением этого явились грандиозные мероприятия, проведенные по инициативе ЦК КПСС по улучшению работы Советов, профсоюзов, комсомола, по укреплению социалистической законности, значительному расширению прав союзных республик и другие.

Государственные органы должны быть под неусыпным контролем со стороны народа, — говорится в Программе КПСС.

Партия вооружает массы передовой революционной теорией, указывает цель движения, поднимая тем самым их до уровня сознательных творцов истории.

Осознанность задач, которые ставит партия перед советским народом, наполняет труд советских людей большим духовным содержанием, делает его творческим и радостным.

Успехи в коммунистическом строительстве оказывают влияние на рост творческой активности народа. «Рост активности народных масс в строительстве новой жизни, — записано в Программе КПСС, — закон эпохи социализма».²¹

Победа социализма в СССР — лучшее свидетельство торжества ленинских идей о великой силе творческой активности и инициативы масс в строительстве нового общества.

Постепенное перерастание социализма в коммунизм — объективная закономерность. Оно подготовлено всем предшествующим развитием социалистического общества. Однако эта объективная историческая закономерность осуществляется активной сознательной деятельностью народных масс, руководимых Коммунистической партией.

Постепенный переход к коммунизму нельзя понимать как замедленное движение. Наоборот, это есть период бурного развития современной индустрии, крупного механизированного сельского хозяйства, всей экономики и культуры. Партия ставит задачу: за двадцать лет в основном построить в СССР коммунистическое общество. Задачи строительства коммунизма столь грандиозны, а темпы так велики, что для этого требуется новый подъем творческой инициативы и активности масс.

Возрастание активности народа — важнейший залог успешного осуществления новой Программы партии, залог

²¹ Материалы XXII съезда КПСС, стр. 329.

полной победы коммунизма. XX, XXI и XXII съезды партии, состоявшиеся в этом периоде пленумы ЦК КПСС уделили большое внимание вопросам активной борьбы за использование возможностей социалистического строя в целях ускоренного движения к коммунизму.

Составной частью экономической базы коммунизма является высокоразвитое, оснащенное передовой техникой крупное сельскохозяйственное производство. Организуя подъем сельского хозяйства, партия исходит из ленинского указания о том, что высшая производительность труда в сельском хозяйстве может быть достигнута при подлинной активности тружеников села, опирающихся на передовую науку и тех-

Решения декабрьского Пленума ЦК КПСС (1963 г.) о том, что ускоренное развитие химической промышленности — важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа, явились крупнейшим событием в жизни нашего народа и большой заботой партии о подъеме сельского хозяйства, о создании материально-технической базы коммунизма.

В решениях Пленума с предельной ясностью начертаны пути использования возможностей современной индустрии для того, чтобы ускорить решение коренных задач коммунистического строительства — превзойти наиболее развитые капиталистические страны по производительности общественного труда и достигнуть на этой основе самого высокого жизненного уровня при сравнении с любой страной капитализма. Прямым продолжением декабрьского Пленума ЦК явился февральский Пленум (1964 г.), на котором был рассмотрен вопрос об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстреешего увеличения производства сельскохозяйственной продукции. По существу вся эта работа Центрального Комитета КПСС является дальнейшей конкретизацией положений Программы партии о создании материально-технической базы коммунизма.

Химизацию народного хозяйства партия выдвигает на первый план. Государство выделяет огромные средства на развитие химической промышленности и комплексную механизацию сельского хозяйства. Химизация народного хозяйства позволит резко увеличить производство продуктов питания и предметов потребления. Продукты химической промышленности широко заменят натуральные материалы, резко интенсифицируют земледелие и животноводство.

Намечая широкую программу химизации народного хозяйства, ЦК КПСС сосредоточил усилия всех партийных и хозяйственных органов на том, чтобы в первую очередь

осуществить химизацию сельского хозяйства и таким путем интенсифицировать сельскохозяйственное производство, резко поднять урожайность всех культур. С помощью химии наша промышленность будет быстро увеличивать выпуск одежды, обуви, хозяйственных и культурно-бытовых товаров. Все это ускорит создание изобилия продуктов в стране, подготовит переход к коммунистическому принципу распределения материальных благ.

Выполнение принятой декабрьским Пленумом ЦК КПСС программы химизации народного хозяйства потребует огромных усилий, упорной, напряженной работы всей партии, всего народа. Успех дела будет зависеть прежде всего от уровня политической и организационной деятельности партийных организаций. от широкого разъяснения решений Пленума.

Химизация народного хозяйства будет быстро и успешно осуществлена лишь в том случае, если она станет поистине всенародным делом. Важно использовать все средства и методы пропаганды: повседневно освещать материалы Пленума в печати, по радио и телевидению, создать научно-популярные фильмы, пропагандирующие достижения химической науки, огромный экономический эффект от внедрения их в производство.

Коммунистическая партия подняла народ в великий поход за построение коммунизма. Одна из ключевых позиций, которые предстоит взять в этом походе, — быстрая химизация народного хозяйства. Нет сомнения, что эта задача будет так же успешно решена, как успешно выполнялись все предначертания партии.

В период строительства коммунизма возрастает политическая активность масс. Происходит дальнейшее развитие и совершенствование социалистической демократии, повышается активность всех членов общества в управлении хозяйственным и культурным строительством и в государственном руководстве. Социалистическая государственность развивается в общественное коммунистическое самоуправление путем всемерного развертывания социалистической демократии, привлечения всех граждан к активному участию в управлении государством. Лишь по мере развития демократии, роста сознательности, активности и самостоятельности масс будет совершаться постепенный процесс передачи функций государственных органов общественным организациям, представляющим органы самоуправления.

Взятый нашей партией курс на дальнейшую всестороннюю демократизацию общественной жизни, на привлечение всех трудящихся к активному участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством, вовлечение широких слоев населения в управление всеми общественными делами,

повышение роли массовых организаций трудящихся — все это означает дальнейшее развитие советской демократии к той высшей цели, когда, по определению Ленина, все люди научатся управлять всеми делами общества.

Разрабатывая вопрос о роли народных масс в строительстве коммунизма, о значении их творческой активности и инициативы, В. И. Ленин глубоко обосновал роль Коммунистической партии как политического руководителя, организатора и воспитателя масс, как решающей силы в развитии творческой активности народа.

Опираясь на живое творчество масс, поднимая их трудовую и политическую активность и инициативу, сознательность, наша партия успешно решает самые сложные задачи создания экономических, политических, культурных предпосылок коммунизма, ведет народ по пути подлинного прогресса и процветания.

Возрастание роли народных масс в период развернутого строительства коммунизма тесно связано с повышением руководящей роли Коммунистической партии. С каждым новым этапом коммунистического строительства, по мере углубления общественных преобразований, непрерывно растет активность народных масс и их требование к руководителю народа — Коммунистической партии.

Буржуазные идеологи, реформисты и ревизионисты подвергают клевете растущую роль народных масс и ищут какие-то противоречия между партией и народом. Они утверждают, что возрастание роли партии может происходить только за счет умаления роли масс. Они механически переносят антогонистические противоречия, существующие в буржуазном обществе, на социализм.

В условиях перехода к коммунизму возрастание роли партии происходит не за счет уменьшения активности народных масс, а за счет дальнейшего увеличения активности народа. Чем выше активность масс, строящих коммунизм, тем шире размах организационного руководства партии.

Для успешного движения к коммунизму необходим всесторонний учет практики, обобщение опыта миллионов народных масс. Такую задачу может выполнить только партия, только ее коллективный ум. Правильно выражая назревшие потребности материальной жизни общества, партия, опираясь на массы, вырабатывает научно обоснованную политику. Она поднимает сознательность трудящихся масс, ставит перед ними все новые задачи, которые встают в ходе коммунистического строительства, мобилизует массы на их решение. Опираясь на коллективный разум рабочего класса и всего советского народа. КПСС разрабатывает и проводит в жизнь планы коммунистического строительства. Коммуни-

стическая партия — это та сила, которая концентрирует волю, энергию и усилия нашего народа, строящего коммунизм.

Забота о благе народа — основа всей политики партии «Народ — решающая сила строительства коммунизма, — говорится в Программе КПСС — Партия существует для народа, в служении ему видит смысл своей деятельности. Дальнейшее расширение и углубление связей партии с народом — необходимое условие успеха в борьбе за коммунизм. Партия считает своим долгом постоянно советоваться с трудящимися по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, выносить эти вопросы на всенародное обсуждение, шире привлекать беспартийных к участию во всей своей работе. Чем дальше развивается социалистическая демократия, чем глубже и разностороннее должна быть работа партии среди трудящихся, тем сильнее будет ее влияние в массах».²²

Поскольку политика партии отвечает жизненным интересам трудящихся, партия обладает огромным авторитетом в народе и пользуется его полной поддержкой. В этом единении партии и народа источник великих побед коммунизма.

Таким образом, Коммунистическая партия, создавая материально-техническую базу коммунизма, проводит и намечает проведение огромной работы по дальнейшему укреплению советского социалистического строя, единства и сплоченности советского народа, по развитию советской демократии, активности и самостоятельности широких народных масс в строительстве коммунизма, по повышению организаторской и воспитательной роли партийных организаций.

Мирный, творческий, созидательный труд советского народа, строящего коммунизм, имеет огромное значение для прогрессивного развития всего человечества, ибо главное воздействие на ход мировой истории Советский Союз, весь социалистический лагерь оказывают прежде всего хозяйственным строительством. Социализм достиг огромных успехов в области производства, науки, техники, культуры. Ближится время, когда по удельному весу в мировом производстве социализм выйдет на первое место. Тем самым капитализму будет нанесено поражение в решающей сфере человеческой деятельности — в сфере материального производства. Когда советский народ построит коммунизм, будет пользоваться благами коммунизма, новые сотни миллионов людей скажут: «Мы за коммунизм!» Не путем войны, а примером более совершенной организации общества, расцветом производительных сил, созданием условий для счастья и бла-

²² Материалы XXII съезда КПСС, стр. 427.

гополучия человека коммунизм завоевывает умы и сердца народных масс.

В этом заключается великая освободительная миссия коммунизма.

Партия объединяет созидательную энергию миллионов людей, организует и вдохновляет их, обеспечивает непрерывный прогресс советского общества. Она глубоко верит в могучую творческую энергию, выражает его коренные интересы и в служении ему видит смысл всей своей деятельности.

Монолитное единство партии, ее идейную и организационную сплоченность, верность ленинским заветам с новой силой продемонстрировал состоявшийся 14 октября Пленум ЦК КПСС. Решения Пленума выразили волю всей партии, всего советского народа.

Советский Союз представляет собой грандиозную коммунистическую стройку. В цехах заводов и фабрик, на колхозных и совхозных полях, — всюду и везде, где бы не трудились советские люди, они практически претворяют в жизнь Программу КПСС, двигают вперед великое дело коммунистического строительства. В этом находит свое выражение неосокрушимое единство партии и народа, сплоченность всех трудящихся нашей страны в борьбе за осуществление генеральной линии партии.

Необходимое условие дальнейшего роста творческой активности масс состоит во всестороннем разворачивании и совершенствовании социалистической демократии. Наши успехи будут тем плодотворнее, чем активнее будут привлекаться широкие народные массы к участию в управлении государством, в руководстве хозяйственным и культурным строительством, в народном контроле. Строительство коммунизма — живое творческое дело, оно не мыслится без активного участия широчайших народных масс.

instituteofhistory.ru

ПРОФСОЮЗЫ ДАГЕСТАНА В БОРЬБЕ ЗА ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ XXII СЪЕЗДА КПСС

Крупнейшим событием нашего времени явился XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, состоявшийся в октябре 1961 года. Он вошел в историю нашей партии и советского народа, международного коммунистического движения как съезд строителей коммунизма. Решения съезда, его глубокие идеи оказывают могучее влияние не только на развитие Советского Союза, но и на весь ход мировой истории, служат источником вдохновения народа в борьбе за свою свободу и независимость, за мир и демократию, за светлое будущее всего человечества.

XXII съезд подвел итоги героического пути, пройденного КПСС со времени принятия второй Программы партии, и единодушно принял новую Программу КПСС — программу построения коммунистического общества в нашей стране. В Программе КПСС, принятой XXII съездом дана всесторонняя характеристика коммунистического общества, обоснованы закономерности перерастания социалистического общества в коммунистическое. В ней определены невиданные по темпам и размаху планы подъема народного хозяйства страны, повышения благосостояния народа и роста его культуры.

На съезде была дана высокая оценка деятельности массовых организаций трудящихся — Советов, профсоюзов, комсомола, кооперации. В условиях, когда все больше развивается коммунистическое самоуправление государством, роль этих организаций в жизни социалистического общества возрастает.

«Партия, — говорится в резолюции XXII съезда по отчету ЦК КПСС, — будет всемерно содействовать усилению деятельности профсоюзов по руководству хозяйством, в организации соревнования за коммунистический труд, в обучении масс управлению социалистическим производством и общественными делами, в повышении коммунистической сознательности трудящихся. Важная задача профсоюзов — постоян-

ная забота о человеке, его труде, образовании, быте, здоровье, отдыхе».¹

Советские профсоюзы горячо одобрили исторические решения XXII съезда партии, новую Программу КПСС. В ноябре 1961 года VIII Пленум ВЦСПС от имени миллионов трудящихся, объединенных в профессиональные союзы, заверил ЦК КПСС, что советские профсоюзы будут и впредь надежной опорой Коммунистической партии, активными борцами за победу коммунизма.

Задачи профсоюзных организаций Дагестана в связи с решениями XXII съезда КПСС обсудил VI пленум Дагсовпрофа (декабрь 1961 года). В докладе и в выступлениях участников пленума было указано на тот урон, который был нанесен профдвижению в годы культа личности. Отодвинув деятельность профсоюзов на задний план, репрессировав активных профсоюзных деятелей, лишив профсоюзы оперативного руководства на местах, расчленив силы и средства, культ личности привел к тому, что профсоюзы теряли свое значение и с профсоюзными организациями мало кто стал считаться. Указания В. И. Ленина о том, что строительство коммунизма дело рук миллионов, что профсоюзы СССР как родная организация рабочего класса должна быть организатором, воспитателем для десятков и сотен миллионов масс, были забыты.

Пленум Дагсовпрофа отметил огромные сдвиги в профработе, которые произошли после XX съезда КПСС. В последующем XXI и особенно XXII съезды партии подчеркнули роль и задачи профсоюзов, определили их место в советском обществе. Забота и повседневное руководство партии оживили, активизировали деятельность профсоюзов.

Широкое привлечение трудящихся к управлению производством развитие творческой инициативы масс способствовали выполнению и перевыполнению государственных планов и заданий, росту производительности труда. Так, государственный план 1961 года промышленностью Дагестана был выполнен на 103 проц., выработано сверх плана продукции на сумму 8,2 миллиона рублей. Перевыполнили план такие ведущие отрасли промышленности, как Управление «Дагнефть», Управление «Дагэнерго», управление металлообрабатывающей промышленности и др. Новые предприятия республики, такие, как завод шлифовальных станков, завод «Дагэлектромаш», увеличили выпуск продукции по сравнению с 1960 годом от 3 до 6 раз.²

6 января 1962 года состоялся торжественный пуск Чирюртовской ГЭС, которой было присвоено имя В. И. Ленина.

¹ Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, М., 1961, стр. 316.

² Газета «Дагестанская правда», 2 февраля 1962 года.

Строительством Чирюртовской ГЭС была не только создана энергетическая база для растущей промышленности Дагестана, для всемерного развития всех отраслей народного хозяйства, но и в значительной степени решена проблема подготовки кадров. Сотни и тысячи горцев, овладев сложными профессиями, влились в ряды растущего и крепнущего рабочего класса Дагестана. Имена лучших строителей Героя Социалистического Труда С. Абакарова, инженера Д. Майборода, шофера Ш. Гусейнова, машиниста Е. Овсянникова и др. стали известны всей республики. Стройка на Сулаке явилась олицетворением братской дружбы между народами нашей страны. Здесь трудились представители многих народностей СССР. Заказы для ГЭС выполнялись на предприятиях Урала, Москвы, Ленинграда, Армении, Грузии, Украины, Сибири.³

Выполняя решения XXII съезда КПСС, профсоюзы Дагестана проводили огромную работу по мобилизации трудящихся на досрочное выполнение, заданий семилетки, активно боролись за создание материально-технической базы коммунизма. Деятельность профсоюзов Дагестана в деле дальнейшего подъема экономики и культуры республики была подытожена на отчетно-выборных собраниях профсоюзных организаций, а также на VII областной межсоюзной конференции в марте 1962 года. К конференции число членов профсоюза достигло 180 тысяч человек. Профсоюзная организация Дагестана насчитывала в своем составе 11 областных, 146 городских и районных комитетов и 2515 ФЗМК. Число профактива за 2 года увеличилось на 10 тысяч человек. В результате отчетно-выборной кампании к руководству в более чем 60 проц. профорганизаций пришли новые кадры. Из общего числа членов ФЗМК около 40 проц. составляли женщины, 30 проц. члены и кандидаты КПСС, 15 проц. комсомольцы. Имеющие высшее и среднее образование составляли 59 проц.⁴

Особое внимание уделяли профсоюзы развитию инициативы и творческой активности рабочих и служащих в борьбе за дальнейший рост производительности труда, за технический прогресс, развертывание соревнования и его высшей формы — соревнования за коммунистический труд. В 1962 году свыше 103 тысяч рабочих и служащих участвовали во всенародном социалистическом соревновании. За высокое звание коллектива коммунистического труда боролись 62 предприятия, свыше двух тысяч бригад, цехов и участков. Были уже удостоены этого почетного звания 4 предприятия: стеклозавод «Дагестанские огни», винсовхоз им. Алиева, Махачкалинское

³ Там же, 6 января 1962 года.

⁴ Текущий архив Дагсовпрофа. Стенограмма VII областной межсоюзной конференции. Март 1962 г.

вагонное депо и Кизлярское отделение объединения «Сельхозтехника», а также 32 цеха и 720 бригад. За звание ударника коммунистического труда боролись 9426 человек и уже были удостоены этого звания 2185 человек.⁵ Пример в труде и в быту показывали Герой Социалистического труда, делегат XXII съезда партии крановщица Махачкалинского порта В. Шагинова, Герой Социалистического Труда бригадир бетонщиков Чирюртовской ГЭС С. Абакаров, ткачиха фабрики им. III-го Интернационала З. Нурбагандова, чабан племсовхоза «Червленые буруны» Д. Махсутов и другие.

В деле привлечения трудящихся к управлению производством возросло значение постоянно действующих производственных совещаний. Участвуя в работе производственных совещаний, рабочие и служащие овладевали навыками управления, проходили школу хозяйствования, набирались опыта руководства. В промышленности, стройках и в сельском хозяйстве было создано 320 общезаводских и цеховых постоянно действующих совещаний, в которые было избрано 16200 человек.

За 2 года, то-есть за период от VI до VII областной межсоюзной конференции, в работе этих совещаний приняло участие более 236 тысяч рабочих, ИТР и служащих, было внесено около 14 тыс. предложений и рекомендаций, большинство из которых было выполнено. Хорошо была поставлена работа производственных совещаний стекольного завода «Дагестанские огни», Буйнакского кобзювального комбината, фабрики III Интернационала и др. Только за 2 года производственное совещание завода «Дагестанские огни» (председатель А. Михеев) обсудило около 20 важных вопросов производственного и бытового характера. Было внесено десятки предложений и рекомендаций, внедрение которых дало более 400 тысяч рублей экономии.⁶

Важнейшей задачей профсоюзных организаций являлось широкое развитие технического творчества трудящихся, вовлечение их в борьбу за совершенствование производства, всемерное улучшение деятельности научно-технических обществ и организаций, развитие изобретательства и рационализации. В 1961—1962 годах в республике свыше 10 тысяч человек приняло участие в рационализаторской работе. Ими было внесено 21 тысяча различных предложений, внедрено в производство 10,5 тысяч, что дало экономию в сумме более 6 миллионов рублей. Хорошо была поставлена рационализаторская работа на заводе «Дагэлектромаш», химическом за-

⁵ Газета «Дагестанская правда», 15 марта 1962 г.

⁶ Текущий архив Дагсовпрофа. Стенограмма VII областной межсоюзной конференции. Март 1962 года.

воде им. Слепнева, Махачкалинской ТЭЦ, Избербашском нефтепромысловом управлении. На заводе «Дагэлектромаш» совет ВОИР регулярно организовывал консультации для рационализаторов, помогал им в разработке чертежей, проводил лекции по техническим вопросам, добивался внедрения предложений и рекомендаций. Рационализаторы Избербашского замода электротермического оборудования взяли обязательство выполнить семилетнее задание по экономии за пять лет и добиться, чтобы каждый четвертый работающий стал рационализатором. Свои обязательства коллектив завода выполнил успешно. В 1961 году завод получил экономику от внедренных предложений в сумме 102 тысяч рублей против 20 тысяч, предусмотренных планом.⁷

В борьбе за дальнейший подъем народного хозяйства активно участвовали научно-технические общества. В 1962 году в республике функционировало 8 отраслевых правлений НТО, которые объединяли 136 первичных организаций с числом членов общества 3,5 тысячи человек.

Профсоюзы вели большую воспитательную и культурно-просветительную работу среди трудящихся. Глубокое разъяснение и широкая пропаганда решений XXII съезда Коммунистической партии, воспитание рабочих и служащих в духе коллективизма, трудолюбия составляли основное содержание воспитательной работы профсоюзов. Только в промышленности и строительстве свыше 60 тысяч человек обязалось учиться, жить и работать по-коммунистически, повышать производственную квалификацию, культурно-технический уровень. В вечерних и заочных школах, техникумах и вузах без отрыва от производства обучалось около 20 тысяч человек и на различных курсах и семинарах производственно-технического обучения около 30 тысяч рабочих и служащих. Около 7 тысяч человек посещало школы рабочей молодежи и 5 тысяч человек — сельские школы.

Важнейшими центрами воспитания трудящихся являлись культурно-просветительные учреждения. На культурно-массовые мероприятия в 1961—1962 годах было израсходовано 2,4 миллиона рублей за счет средств профбюджета и 263,4 тыс. рублей за счет отчислений хозяйственных органов.

Разносторонней стала деятельность клубов и красных уголков. При 18 клубах были созданы постоянно действующие лектории, 10 народных университетов, в которых обучалось 41000 человек.⁸ Из них 6 университетов культуры, 2 университета передового опыта, 1 университет здоровья и 1 уни-

⁷ Газета «Дагестанская правда», 15 марта 1962 г.

⁸ Там же.

верситет правовых знаний. Было создано 6 клубов атеистов, 18 городских клубов шефствовали над сельскими клубами.⁹

В деятельности культпросветучреждений все большее развитие получили общественные начала. В клубах и красных уголках, библиотеках на общественных началах работало более 1000 человек. В 1962 году из 123 библиотек, находящихся в ведении профсоюзов, 89 обслуживались нештатными работниками.¹⁰ При Каспийском дворце культуры на общественных началах была создана киностудия, которая в течение трех лет выпустила 5 кинокартин. Любительская киностудия была также организована на стекольном заводе «Дагестанские огни». В клубах и красных уголках было прочитано 34 тысяч лекций, проведено 899 тематических вечеров, 305 встреч с новаторами производства. Силами художественной самодеятельности было дано 943 концерта и обслужено ими 350 тысяч человек. В республике стало традицией проводить весной праздник песни и пляски. В 1961 году в празднике песни, проведенном Дагсовпрофом и Махачкалинским ГК КПСС, приняло участие 5,5 тысячи человек.¹¹

С каждым годом усиливалась деятельность профсоюзов, направленная на улучшение охраны труда и техники безопасности. Для проведения мероприятий по охране труда привлекался широкий профсоюзный актив. В обкомах профсоюзов на общественных началах были созданы отделы труда, а также внештатные технические инспекции. За 1961 год производственный травматизм в народном хозяйстве республики по сравнению с предыдущими годами сократился на 13 проц. Постоянно росли расходы на социальное страхование рабочих и служащих. В 1962 году бюджет соцстраха составил 12 миллионов рублей.

Все большее место в работе профсоюзов занимали вопросы жилищного и бытового обслуживания трудящихся. За два года (1960—1961) были построены жилые дома с общей площадью 100,7 тыс. кв. метров, детские сады и ясли на 750 мест, открыто 265 предприятий торговли и общественного питания.¹² В 1961 году по сравнению с 1958 годом сельскому населению было продано товаров на 4,7 миллиона рублей больше.¹³ Возросла продажа тканей, обуви, радио и электротоваров, резко увеличилась продажа строительных материалов.

⁹ Текущий архив Дагсовпрофа. Стенограмма VII областной межсоюзной конференции. Март, 1962 г.

¹⁰ Газета «Дагестанская правда», 18 августа 1962 г.

¹¹ Текущий архив Дагсовпрофа. Стенограмма VII областной межсоюзной конференции. Март 1962 г.

¹² Текущий архив Дагсовпрофа. Стенограмма VII областной межсоюзной конференции. Март 1962 года.

¹³ Газета «Дагестанская правда», 13 июня 1962 г.

Вместе с тем профсоюзные организации в своей многогранной деятельности допускали и серьезные недостатки. Имелись еще предприятия, которые не выполняли государственные планы. В 1961 году, например, таких предприятий в республике было 26. Они недодали продукции на сумму более 8 миллионов рублей. Это говорит о том, что некоторые профорганизации поверхностно руководили социалистическим соревнованием, глубоко не вникали в экономику предприятий. Что приводило к низкой производственной дисциплине, к плохой организации труда, к текучести кадров. Так, в 1961 году в тресте «Дагестанстрой» прогулы составили 13094 человеко-дня, простои 7855 человеко-дней. За два года в строительные организации треста было принято 10235 человек, а уволено 8094.¹⁴

XXII съезд партии уделил особое внимание росту благосостояния советского народа, подчеркнул, что забота о человеке является первостепенной задачей партийных, советских, профсоюзных организаций. Однако, как было отмечено на VII областной конференции, не все профсоюзные организации и не все хозяйственные руководители уделяли должное внимание созданию нормальных условий труда и быта рабочих и служащих. Большие недостатки имелись в обеспечении населения жильем, в улучшении охраны труда, в организации отдыха трудящихся. Недостаточно хорошо была поставлена работа учреждений торговли и общественного питания, о чем говорилось на XV съезде работников потребительской кооперации Дагестана (июнь 1962 года).¹⁵

Не отвечал полностью требованиям идейный уровень воспитательной работы профсоюзов. Некоторые профсоюзные организации не придавали должного значения перестройке народного образования, недооценивали роль предприятий и общественных организаций в воспитании и подготовке молодежи к жизни, к общественно-полезному труду, не заботились о всемерном развитии физической культуры и спорта.

Главной задачей профсоюзных организаций на данном этапе, говорилось в материалах VII областной межсоюзной конференции, борьба за ликвидацию имеющихся недостатков, широкая пропаганда решений XXII съезда КПСС и мобилизация трудящихся на успешное претворение в жизнь намеченных съездом задач коммунистического строительства.

В 1962 году перед работниками промышленности Дагестана стояли большие, ответственные задачи. Объем производства промышленности, производящей средства производства должен был возрасти к концу года на 25 проц. На 52 проц.

¹⁴ Там же, 15 марта 1962 г.

¹⁵ Газета «Дагестанская правда», 13 июля 1962 г.

должно было увеличиться производство продукции машиностроения и на 30 проц. добыча нефти.¹⁶ Фактически же эти показатели были в значительной степени превышены. На состоявшемся в феврале 1963 года республиканском совещании передовиков промышленности, транспорта и строительства подводились итоги развития народного хозяйства Дагестана за 4 года семилетки. Итак, за 4 года семилетки промышленность республики выпустила продукции сверх плана на 40,1 миллиона рублей. Выпуск продукции за эти годы увеличился на 48,6 проц. Рост производства в 1962 году по сравнению с 1959 годом составил: по машиностроению 210 проц., по электроэнергии 256 проц., по сборному железобетону 386 проц., по нефти 158 проц.¹⁷

Изменилась сама структура промышленности. Если к началу семилетки основное место в промышленном производстве занимала пищевая отрасль, то теперь все большее значение приобретало машиностроение, добыча нефти, строительная индустрия и энергетика. Возросла материально-техническая вооруженность промышленности. За годы семилетки республика получила много металлорежущих станков и кузнечно-прессовых машин, значительное количество современных буровых установок, оборудования для пищевой и легкой промышленности и другой новой техники.

Намного увеличилась мощность строительных организаций. Если в 1959 году строители могли освоить 32,3 миллиона руб. капиталовложений, то в 1962 году уже 65,7 миллионов рублей или в 2 раза больше. Значительно выросли кадры рабочих и инженерно-технических работников, повысилась их квалификация и организаторский опыт.

Промышленность республики досрочно, к 23 декабря, выполнила государственный план 1962 года по выпуску продукции. Сверх годового плана было произведено продукции на 13 миллионов 174 тысячи рублей, то есть на 10 миллионов рублей больше, чем было указано в принятых в начале года социалистических обязательствах. Намного раньше срока были выполнены годовые задания по добыче нефти и газа, выработке электроэнергии, производству оконного стекла, хлопчатобумажных тканей, консервов и т. д.

Досрочно завершили в 1962 году план перевозки грузов и пассажиров транспортные организации республики. Так, Махачкалинское отделение Северо-Кавказской железной дороги в 1962 году отправило сверх плана 35 тысяч тон народно-хозяйственных грузов. Махачкалинский морской порт после многолетнего отставания раньше срока выполнил годовой

¹⁶ Газета «Дагестанская правда», 15 марта 1962 г.

¹⁷ Там же, 21 февраля 1963 г.

план по перевалке грузов. Значительно перевыполнил задание коллектив Дагавтотреста.¹⁸

Профсоюзы своей организаторской и политической работой способствовали достижению этих успехов в развитии народного хозяйства республики. Ускорение темпов технического прогресса и рост на этой базе производительности труда являлись определяющими факторами в дальнейшем росте экономики республики, и профсоюзные организации направили все свои усилия на решение этой важнейшей экономической задачи. Их деятельность опиралась на неуклонно растущую творческую активность масс, поддерживалась широкими слоями трудящихся.

Ярким свидетельством активизации профсоюзных организаций явились отчеты и выборы, проходившие в начале 1963 года. Они способствовали повышению роли профсоюзов в развитии экономики и культуры, в мобилизации трудящихся на борьбу за успешное осуществление заданий семилетки.

Большое значение в мобилизации сил рабочих и служащих на осуществление задач создания материально-технической базы коммунизма имели коллективные договоры. В них концентрируются не только важнейшие производственные задачи, но и взаимные обязательства профсоюзных комитетов и администрации, выражающие всестороннюю заботу о человеке. В 1963 году на крупных предприятиях промышленности, транспорта, строительства и в сельском хозяйстве республики было заключено 284 коллективных договора. Абсолютное большинство предприятий, строек, совхозов коллективные договоры выполнило.

В вовлечении трудящихся в народное хозяйство, как отмечалось выше, важное место принадлежит производственным совещаниям, организуемым и руководимым профсоюзами. Декабрьский Пленум ЦК КПСС (1957 года) подчеркнул, что производственные совещания, позволяющие «сочетать принципы единоначалия с осуществлением контроля снизу»¹⁹ должны иметь большое значение в деле вовлечения трудящихся в управление производством.

В 1963 году в промышленности, на строительстве и в сельском хозяйстве республики было создано 380 постоянно действующих производственных совещаний, в которые избрано 17194 человека, в том числе 68 проц. рабочих. За один только год в работе производственных совещаний приняло участие около 200 тысяч рабочих, инженерно-технических работников и служащих.

¹⁸ Газета «Дагестанская правда» 21 февраля 1963 г.

¹⁹ КПСС о профсоюзах. Профиздат, 1963, стр. 74.

Испытанным средством развития творческой инициативы масс является социалистическое соревнование. В то же время соцсоревнование представляет собой один из методов организаторской и воспитательной деятельности профсоюзных организаций. В 1963 году во Всесоюзном соревновании в республике принимало участие свыше 116 тысяч рабочих, инженерно-технических работников и служащих. В соревновании коллективов и ударников коммунистического труда участвовало около 70 тысяч человек. За звания коллектива коммунистического труда боролись 84 предприятия, 3420 бригад, цехов и участков и более 13 тысяч человек — за звание ударника коммунистического труда. Семь предприятий республики были удостоены этого высокого звания.²⁰

Еще в начале 1963 года — пятого года семилетки — коллективы Махачкалинского вагонного депо, строительно-монтажного управления № 3 треста «Горстрой» и завода «Даг-электромаш» обратились ко всем трудящимся республики начать соревнование за досрочное выполнение годового плана. Одновременно по предложению передовых предприятий Москвы и Ленинграда в стране развернулось соревнование за достойную встречу XIII съезда профсоюзов.

В Дагестане с такой инициативой выступили коллективы завода сепараторов и опытно-показательного хозяйства гор. Хасавюрта взявшие на себя повышенные обязательства.

Фабрично-заводские и местные комитеты на предприятиях, стройках, совхозах проводили большую работу по развертыванию соревнования, по обобщению и распространению передового производственного опыта, поддерживали ценную инициативу и хорошие начинания передовиков и целых коллективов. На предприятиях были организованы курсы и школы передового опыта.

Каждый патристический почин, передовой метод работы получали в республике самое широкое распространение. Так, следуя почину Валентины Гагановой, 144 лучших производственников перешли на отстающие участки и подняли их до уровня передовых. Первыми перешли на отстающие участки буровой мастер конторы глубокого разведочного бурения Южно-Сухокумскa М. Азиев, бригадир бригады коммунистического труда каменщик СМУ № 4 Р. Аминов, бригадир бригады бетонщиков Сулакгэсстроя М. Магомедов и другие. По примеру знатной ивановской ткачихи Юлии Вечеровой многие рабочие текстильной и легкой промышленности достигли уровня производительности оборудования, запланированного на конец семилетки. Среди них были ткачихи фабрики им. III Интернационала Т. Юхаева, П. Сафонова, В. Раки-

²⁰ О. Алиев. Профсоюзы Дагестана в борьбе за выполнение народнохозяйственных планов. Дагкнигоиздат, 1964, стр. 5.

тина, прядильщица О. Заручаева, У. Байматова и другие. На бондарном заводе им. Ермошкина, заводе «Дагэлектромаш», фабрике им. III Интернационала и др. предприятиях большое распространение получило движение за овладение смежными профессиями.²¹

Профсоюзные организации активно боролись за технический прогресс, за совершенствование производства. В 1963 году в республике имелось 162 первичные организации общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР), работало 58 общественных конструкторских бюро, 39 бюро экономического анализа, 23 общественных бюро технической информации, 12 общественных бюро технического нормирования, 4 общественных патентных бюро. Всего в республике было 298 творческих объединений трудящихся с числом членов более 4,5 тысячи человек. Эти творческие организации трудящихся оказывали большую помощь в дальнейшем совершенствовании производства. Так, например, общественное конструкторское бюро завода им. М. Гаджиева (руководитель т. Рамазанов) разработало чертежи автоматической линии для подачи формовочных составов в литейный цех. Экономический эффект от внедрения этого предложения составил 25 тысяч рублей в год. Большой вклад в совершенствование производства вносили организации научно-технических обществ (НТО). Объединяющие 4266 человек.²² Повышению роли НТО способствовала передача им функций технических советов на ряде предприятий. В 1963 году на 42 предприятиях республики функции производственно-технических советов выполняли первичные организации НТО.

Наряду с ростом промышленности и совершенствованием производства быстрыми темпами развивалось сельское хозяйство Дагестана. Достаточно указать, что валовый сбор зерновых увеличился с 194,4 тысячи тонн в 1953 году до 460,7 тысячи тонн в 1962 году, денежные доходы колхозов соответственно с 25,9 миллиона до 89,2 миллиона рублей (в новом исчислении), производство шерсти с 4398 тон до 8523 тонны, заготовка овощей с 10,2 тысячи тонн до 34,9 тысячи тонн. Значительно увеличилась за эти годы средняя урожайность сельскохозяйственных культур.²³

Решения мартовского и ноябрьского Пленумов ЦК КПСС (1962 г.) поставили в центр внимания профсоюзных организаций борьбу за дальнейшее увеличение производства продуктов сельского хозяйства. В 1963 году в республике по

²¹ Текущий архив Дагсовпрофа. Стенограмма VIII областной межсоюзной конференции. Август 1963 года.

²² Газета «Дагестанская правда», 4 октября 1963 года.

²³ Там же, 7 сентября 1963 г.

призыву хлеборобов Усть-Лабинского производственного управления Краснодарского края развернулось социалистическое соревнование за дальнейшее развитие сельского хозяйства, за получение высоких урожаев.

В авангарде соревнования были предприятия коммунистического труда совхоз им. Урицкого, овцеплемзавод «Червлёные буруны» и др. В совхозе им. А. Алиева за достигнутые успехи 10 бригадам было присвоено почетное звание коллективов коммунистического труда, а 235 рабочих заслужили звание ударника коммунистического труда. Значительно повысилась активность профсоюзной организации в производственной и общественной жизни совхоза. Рабочком и профгруппы ежемесячно подводили итоги соревнования, имена лучших производственников заносились на Доску почета и в Книгу почета, их опыт широко пропагандировался.²⁴ В совхозе им. Урицкого 5 производственных бригад с количеством рабочих в них 340 человек боролись за звание коллектива коммунистического труда. Рабочком систематически обсуждал результаты соревнования, оказывал практическую помощь отстающим участкам и бригадам.

Профсоюзные организации проявляли постоянную заботу о развитии соревнования и его высшей формы — движения за коммунистический труд. В соревновании росли лучшие коллективы и передовики колхозного и совхозного производства, маяки сельского хозяйства. Широко стало известно в республике имя бригадира бригады коммунистического труда, старшего чабана овцеплемзавода «Червленые буруны» Я. Мурзагишнева. Он был участником Всесоюзного совещания передовиков и ударников коммунистического труда. Его бригада от каждых 100 овцематок сохранила по 137 ягнят и настригла по 7 кг шерсти с овцы. Прекрасно трудилась свиноводческая бригада С. Испилова из Бабаюртовского плодопитомнического совхоза. К 1 июля 1963 года бригада выполнила годовой план сдачи государству свинины. Знатные доярки Р. Чваненко, М. Горова и др. почти в полтора раза увеличили надои молока.²⁵

XXII съезд в своих решениях особо подчеркнул необходимость обеспечить в нашей стране высокий жизненный уровень.

Народное благосостояние неуклонно повышалось прежде всего на основе быстрого развития экономики, роста производительности труда. Широкое внедрение в производство новой технологии, автоматизации улучшали условия труда рабочих, облегчали труд. Здесь перед профсоюзами стояли большие

²⁴ Газета «Дагестанская правда», 27 августа 1963 г.

²⁵ Текущий архив Дагсовпрофа Стенограмма VIII Областной межсоюзной конференции. Август 1963 г.

задачи. Они проявляли каждодневную заботу об охране труда, осуществляли в соответствии с коллективными договорами мероприятия по технике безопасности и производственной санитарии. За 1962 год и 1 половину 1963 года на эти цели было израсходовано 1,8 миллиона рублей. На предприятиях и стройках республики проводились общественные смотры состояния охраны труда и техники безопасности. Рабочие и служащие, участвуя в смотре, глубже осознают значение мероприятий по охране труда, активно борются за их осуществление. И это дает свои результаты. Уменьшается производственный травматизм, болезни. Так, за 1 полугодие 1963 года число пропущенных по болезни дней в Дагестане снизилось по сравнению с соответствующим периодом 1962 года на 49 на каждые 100 работающих. Значительно снизился производственный травматизм.

Постоянно растут бюджетные ассигнования по социальному страхованию трудящихся. Так, в 1962 году бюджет социального страхования, которым управляли профсоюзы, был утвержден в сумме 11,3 миллиона рублей, что составляло 13,3 проц. всего бюджета республики. Почти половина этих средств была израсходована на пособия по беременности и родам, более 4,5 миллиона рублей было направлено на выплату пенсий и оздоровительные мероприятия. За полтора года профсоюзными организациями было направлено в здравницы страны около 20 тысяч человек. Кроме того, в ночных санаториях, открытых на 5 предприятиях республики, без отрыва от производства отдохнуло около 5 тысяч человек.

Из года в год улучшается бытовое обслуживание населения, увеличивается объем строительства жилищ, коммунально-бытовых и детских учреждений. Только за полтора года (с марта 1962 по август 1963 г.) было построено жилых домов общей площадью 92195 кв. метров, детских садов и яслей на 440 мест, открыто 30 новых столовых и 163 предприятия торговли. Профсоюзные организации установили контроль за ходом жилищного и культурно-бытового строительства, развернули соревнования среди строителей. Было создано более 50 строительных площадок, организовано на строительных объектах 30 контрольных постов. При президиуме Дагсовпрофа была создана комиссия содействия жилищному и культурно-бытовому строительству. Во всех городах республики было проведено укрупнение мелких кустарных мастерских в комбинаты, на 68 проц. по сравнению с 1959 годом возрос объем работ по различным видам услуг. В 1963 году в республике функционировало около 600 предприятий бытового обслуживания.²⁶

²⁶ О. Алиев. Профсоюзы Дагестана в борьбе за выполнение народно-хозяйственных планов. Дагкиноиздат, 1964, стр. 38—39.

Одной из главных и сложных задач коммунистического преобразования общества является воспитание нового человека. В решениях XXII съезда партии, в Программе КПСС подчеркивается, что коммунистическое воспитание должно стоять в центре внимания всех партийных, советских и общественных организаций, в том числе профсоюзов, как самой массовой организации трудящихся.

В июне 1963 года Пленум ЦК КПСС, обсудивший очередные задачи идеологической работы партии, призвал «всемерно усилить воспитательную функцию профсоюзов».²⁷ Пленум потребовал, широкие права, большие средства и возможности, которыми располагают профсоюзы, направить на коммунистическое воспитание трудящихся.

Профсоюзы стали более конкретно руководить культурно-воспитательной работой, охватывая ею все слои населения. Неуклонно выполняя решения XXII съезда партии, июньского пленума ЦК КПСС, профсоюзы стремились тесно увязывать воспитательную и культурно-массовую работу с практическими задачами коммунистического строительства, с формированием коммунистических общественных отношений.

В 1963 году в ведении профсоюзных организаций Дагестана находилось 80 клубов; 74 киноустановки, 123 библиотеки, более 450 красных уголков.²⁸ Содержание воспитательной работы всех перечисленных культпросветучреждений было подчинено единой задаче — формированию передового мировоззрения у всех рабочих и служащих, утверждению коммунистической морали, развитию патриотизма и пролетарского интернационализма, всестороннему и гармоническому развитию личности, преодолению пережитков капитализма в сознании людей, решительной борьбе с проявлениями буржуазной идеологии.

В клубах и красных уголках значительно больше, чем в 1962 году, стали проводить лекции и доклады на различные темы, организовывались вечера отдыха, тематические вечера, обсуждение книг и кинокартин, работали университеты культуры и кружки художественной самодеятельности. Так, во дворце культуры г. Каспийска только за шесть месяцев 1963 года прочитано около 60 лекций и докладов с охватом более 5 тысяч рабочих и служащих. При дворце организованы и работают клубы атеиста, интересных встреч, создана любительская киностудия, народный университет. Хорошо используется в проводимой работе наглядная агитация. Содержательно и интересно строят свою работу дворец культу-

²⁷ Л. Ф. Ильичев. Очередные задачи идеологической работы партии. Госполитиздат, 1963, стр. 76.

²⁸ О. Алиев. Профсоюзы Дагестана в борьбе за выполнение народно-хозяйственных планов. Дагкнигоиздат, 1964, стр. 40—41.

ры стеклозавода «Дагестанские огни», клубы бурового комитета Южносухокумска, заводов «Дагэлектромаш», «Дагэлектроаппарат», совхозов им. К. Маркса, им. Алиева и другие. За успехи в культурно-массовой работе 7 красных уголков (фабрики им. III Интернационала, овценлевсовхоза «Червленые буруны», фабрики «Красная звезда» г. Буйнакск, совхоза «Путь Ленина» и др.) были удостоены дипломов Президиума ВЦСПС.

Большое место в работе клубов и красных уголков занимала художественная самодеятельность. В 1962—1963 годах были проведены сельские, городские и республиканский советы художественной самодеятельности, в которых приняло участие около 300 коллективов с общим числом участников свыше 15 тысяч человек. На республиканском смотре выступило 820 участников и было представлено творчество всех народов Дагестана, братских республик, стран народной демократии, а также произведения русской и западной классики.²⁹

Ярким выражением культурного роста советских людей явилось создание и развитие народных университетов, институтов передового опыта, общественных библиотек, а также вечернего и заочного обучения. Движение за повышение общеобразовательной подготовки и культурно-технического уровня трудящихся стало всенародным делом. В 1963 году в республике работало 13 народных университетов культуры, права, здоровья. Их число по сравнению с 1961-62 годами значительно возросло. Пропагандой книги занималось более 500 активистов общественников. Дагсовпроф совместно с министерством культуры ДАССР провели I съезд библиотечных работников республики. В вечерних школах, техникумах и вузах на различных курсах и семинарах обучалось тысячи рабочих и служащих.

В коммунистическом воспитании трудящихся огромную роль играют физкультура и спорт. Под руководством профсоюзных организаций в республике в 1963 году работало 4 добровольных спортивных общества: «Труд», «Спартак», «Буревестник», «Урожай». В них было объединено 1090 коллективов с числом спортсменов более 93 тысяч человек. Только за 1962 год и первую половину 1963 года было подготовлено 26 мастеров спорта, 363 спортсмена-перворазрядника, более 15 тысяч спортсменов второго и третьего разрядов.

Подъем экономики, рост промышленного и сельскохозяйственного производства, улучшение материального благосостояния трудящихся было неразрывно связано с повыше-

²⁹ Текущий архив Дагпрофсоюза. Стенограмма VIII областной межсоюзной конференции. Август 1963 года.

нием роли профсоюзов в хозяйственном и культурном строительстве. Интересы дальнейшего мощного развития всех отраслей народного хозяйства и культуры требовали решительно устранить недостатки, повысить уровень организационной работы профсоюзных органов. В профсоюзных организациях имели еще место нарушения демократии и норм профсоюзной жизни, недостатки в подборе и воспитании кадров. Некоторые профорганизации стояли еще далеко от конкретных вопросов производства, недостаточно занимались живой организаторской работой.

Все эти вопросы, наряду с задачами профсоюзов по мобилизации трудящихся на борьбу за дальнейший подъем экономики и культуры республики, стояли в центре внимания VIII дагестанской областной межсоюзной конференции профсоюзов, состоявшейся в августе 1963 года.

Конференция подвела итоги выполнения государственно-го плана развития народного хозяйства республики за первое полугодие 1963 года. Производство валовой продукции промышленностью увеличилось почти на 15 проц. по сравнению с соответствующим периодом 1962 года. Сверх плана было выработано продукции на сумму свыше 8,7 миллиона рублей. План по производительности труда был выполнен на 105,6 проц. Успешно работали заводы: «Дагэлектроаппарат», им. М. Гаджиева, «Дагестанские огни», фабрика им. III Интернационала и другие.³⁰ Возросли по сравнению с первым полугодием 1962 года капиталовложения. На 8 проц. увеличился товарооборот и составил в первом полугодии 1963 года 127 миллионов рублей.³¹

Как было сказано выше, большое внимание конференция уделила организационно-массовой работе профсоюзов. На 1 июля 1963 года в республике было 11 областных, 108 городских и районных комитетов, 2487 фабрично-заводских и местных комитетов профсоюзов. В них состояло 197 746 членов профсоюзов. За период между VII и VIII областными межсоюзными конференциями число членов профсоюзов увеличилось почти на 20 тысяч человек, или на 10,5 проц. Увеличение числа членов профсоюзов свидетельствовало о непрерывном росте рабочего класса и интеллигенции республики, о повышении их сознательности и организованности.³²

VIII областная межсоюзная конференция способствовала улучшению всей деятельности дагестанских профсоюзов, еще выше подняла их роль в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма, за воспитание нового человека.

³⁰ Там же.

³¹ Газета «Дагестанская правда», 18 июля 1963 года.

³² Текущий архив Дагсовпрофа. Стенограмма VIII областной межсоюзной конференции. Август 1963 г.

Вместе с тем конференция высказалась за решительное устранение недостатков в деятельности профсоюзных организаций, в организаторской, массово-политической работе с людьми, в выполнении конкретных организационно-технических и культурно-массовых мероприятий.

На конференции с удовлетворением было отмечено, о развернувшемся по призыву передовых предприятий Москвы и Ленинграда соревновании за достойную встречу XIII съезда профсоюзов СССР. В предсъездовское соревнование вступили все предприятия промышленности, транспорта, строительные организации, труженики сельского хозяйства республики. Соревнующиеся брали на себя повышенные обязательства, призывали встретить открытие съезда выпуском дополнительной продукции, досрочным выполнением десятимесячной программы. В ходе социалистического соревнования выросли новые передовые коллективы, новаторы производства, которые добились больших производственных достижений.

XIII съезд профсоюзов СССР проходил в конце октября—начале ноября 1963 года. Он явился важным событием в жизни рабочего класса и всего советского народа. Съезд определил задачи профессиональных союзов в период развернутого строительства коммунистического общества.

Итоги XIII съезда профсоюзов, а также состояние работы профсоюзных организаций республики обсуждались на очередном пленуме Дагсовпрофа в декабре 1963 года. Пленум отметил, что профорганизации стали лучше заниматься соревнованием за коммунистический труд, активнее пропагандировать достижения новаторов, шире распространять передовые начинания. В то же время, как указывалось на пленуме, многие областные, фабрично-заводские и местные комитеты профсоюзов недостаточно использовали растущую активность масс в борьбе за досрочное выполнение семилетнего плана. Об этом свидетельствовало наличие большого числа отстающих предприятий. Так, например, за 10 месяцев 1963 года 17 предприятий совнархоза, 16—местной промышленности и 6 Управления «Каспрыба» не выполнили планов и недодали продукции на 4,7 миллиона рублей.³³ В руководстве соревнованием многие профсоюзные организации все еще допускали формализм. Недостаточно занимались профсоюзы улучшением условий труда и быта рабочих и служащих, соблюдением трудового законодательства.

Пленум Дагсовпрофа обязал профсоюзные организации неуклонно проводить в жизнь решения XIII съезда профсоюзов, коренным образом улучшить руководство социалистическим соревнованием, широко развивать все формы соревнова-

³³ Газета «Дагестанская правда», 13 декабря 1963 года.

ния — индивидуальное, бригадное, по профессиям, между предприятиями. Профсоюзные организации должны были уделить особое внимание дальнейшему повышению производительности труда, совершенствованию производства. Одной из главных задач профсоюзов оставалось всемерное содействие повышению благосостояния трудящихся, воспитание у людей сознательного отношения к труду.

Выполняя решения XIII съезда, профсоюзные организации Дагестана за короткий срок значительно повысили уровень своей организаторской деятельности, улучшили стиль и методы работы, всемерно развивали внутрпрофсоюзную демократию, критику и самокритику, широко стали внедрять общественные начала в профсоюзную жизнь. Совершенствование проф. работы в республике отметила XXVII областная партийная конференция (ноябрь 1963 года). Наряду с этим, конференция потребовала, чтобы профсоюзы опирались на растущую активность масс в борьбе за досрочное выполнение заданий семилетки, за технический прогресс, использовали представленные им широкие права и возможности, на деле стали боевыми организаторами коллектива, повседневно влиявшими на все стороны его производственной и общественной жизни.³⁴

Осуществляя исторические решения XXII съезда КПСС, трудящиеся Дагестана ознакомили 1963 год, пятый год семилетки, новыми достижениями в развитии экономики, подъеме благосостояния и культурного уровня жизни народа. План производства валовой продукции в 1963 году промышленность республики выполнила на 102 процента. По сравнению с 1962 годом объем производства увеличился на 8 проц. По большинству основных видов промышленной продукции план 1963 года был выполнен со значительным превышением. Так, например, добыча природного и попутного газа увеличилась по сравнению с 1962 годом на 20 проц., выработка электроэнергии — на 13 проц., производство центробежных насосов — на 18 проц., электросварочного оборудования — на 17 проц., сепараторов — на 10 проц., стеновых блоков — на 5 проц., пиломатериалов — на 18 проц., хлопчатобумажных тканей — на 19 проц., швейных изделий — на 12 проц. и т. д. Производительность труда в промышленности повысилась в 1963 году по сравнению с 1962 годом на 7 процентов.³⁵

³⁴ XXVII областная партийная конференция. Отчет о работе Дагестанского областного комитета КПСС. Газета «Дагестанская правда», 23 ноября 1963 г.

³⁵ Об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства Дагестанской АССР в 1963 году. Сообщение статистического управления Даг. АССР. Газета «Дагестанская правда», 21 января 1964 года.

Серьезные успехи были достигнуты в развитии сельского хозяйства Дагестана. Посевные площади в 1963 году по всем категориям хозяйств составили 478,2 тыс. гектаров и увеличились по сравнению с 1962 годом на 25,5 тыс. гектаров. Колхозы и совхозы значительно улучшили использование земли. В результате неустанного труда всех работников сельского хозяйства в республике был выращен хороший урожай и с честью были выполнены взятые обязательства по продаже зерна государству. В закрома Родины засыпано 7,6 миллиона пудов зерна, что на 2,7 миллиона пудов больше установленного плана. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР сердечно поздравил всех трудящихся Дагестана с успешным выполнением социалистических обязательств по продаже зерна государству. Намного возросла техническая вооруженность сельского хозяйства. Тракторных работ было произведено на 238 тыс. гектаров (в переводе на мягкую пахоту) больше, чем в 1962 году. Республика перевыполнила планы продажи государству продуктов животноводства.³⁶

Слаженно работали организации транспорта республики. 11 января 1964 года дагестанские железнодорожники отметили интересную дату — 100-летие Северо-Кавказской железной дороги, куда входит и Махачкалинское отделение. В связи с юбилеем министр путей сообщения СССР наградил значком «Почетному железнодорожнику» группу работников Махачкалинского отделения. С большими достижениями встретили свой юбилей Махачкалинское вагонное депо, Дербентское локомотивное депо, станция Махачкала—Сортировочная и др. предприятия транспорта.

Коллектив Махачкалинского отделения Северо-Кавказской железной дороги в 1963 году план погрузки грузов выполнил на 103 процента. Сверх годового задания было отправлено около 200 тыс. тонн народнохозяйственных грузов.³⁷ Перевыполнил планы погрузки и перевалки Махачкалинский морской порт. На 101 проц. выполнил план перевозки грузов Дагестанский автомобильный трест. Большая работа была проведена по строительству и ремонту дорог.

В Дагестане за год было произведено огромное капитальное строительство. С вводом в эксплуатацию Чирюртовской ГЭС намного возросла энергетическая мощность республики, построен Махачкалинский домостроительный комбинат мощностью 35 тыс. кв. метров жилья в год. Были открыты новые месторождения нефти и газа, увеличились мощности металлообрабатывающей, консервной, винодельческой промышленности. Построены и введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью 97,5 тыс. кв. метров. Кроме того, в городах и

³⁶ Там же.

³⁷ Газета «Дагестанская правда», 8 января 1964 г.

поселках городского типа построено населением за счет личных средств и с помощью государственного кредита жилых домов общей площадью в 108,5 тыс. кв. метров. Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли за 1963 год составил 263,8 миллионов рублей. Населению было продано товаров на 13 миллионов рублей больше, чем в 1962 году.

В 1963 году были достигнуты дальнейшие успехи в области просвещения, культуры и здравоохранения. Количество учащихся в общеобразовательных школах, включая школы рабочих, сельской молодежи и школы взрослых, в 1963-64 учебном году по сравнению с предыдущим учебным годом увеличилось на 24,3 тыс. человек или на 10 проц. Продолжалась работа по перестройке общеобразовательной школы, высшего и среднего специального образования в соответствии с Законом об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшим развитием системы народного образования. В республике был полностью осуществлен переход с семилетнего на восьмилетнее всеобщее обязательное обучение.

Большая работа была проведена по подготовке молодых кадров рабочего класса, а также специалистов для народного хозяйства. В учебных заведениях профтехнического образования (ремесленных, строительных, профтехнических училищах и школах ФЗО) обучалось 2808 человек. В 1963 году было передано предприятиям и организациям молодых рабочих, получивших профтехническое образование, 1725 человек, из них в промышленность 446, в строительство 391 и в сельское хозяйство 860 человек. В вузах и техникумах обучалось 17,3 тыс. человек. Дальнейшее развитие получило вечернее и заочное образование. Без отрыва от производства в вузах и средних специальных учебных заведениях, в школах рабочих и сельской молодежи в 1963-64 учебном году обучалось 28,3 тыс. человек, против 22 тыс. человек в 1962-63 учебном году. Высшие и средние специальные учебные заведения выпустили в 1963 году 3,7 тыс. молодых специалистов.⁸³

Продолжало увеличиваться число культурно-просветительных учреждений, улучшилось культурное и медицинское обслуживание населения. В 1963 году число киноустановок увеличилось на 11 проц. по сравнению с 1962 годом, значительно возросло число медицинских и детских учреждений. Повысилась оснащенность лечебных учреждений новейшей медицинской аппаратурой, оборудованием и инструментами. За лето 1963 года загородными и городскими пионерскими

⁸³ Об итогах выполнения Государственного плана развития народного хозяйства Дагестанской АССР в 1963 г. Сообщение Статистического управления Даг. АССР. Газета «Дагестанская правда», 21 января 1964 г.

лагерями было охвачено 14,4 тыс. детей и подростков. В сельской местности сезонными детскими яслями и летними детскими площадками было обслужено почти 13 тысяч детей.

Таковы были итоги выполнения Государственного плана развития народного хозяйства Дагестанской АССР за 1963 год. Они свидетельствовали о новых успехах, достигнутых трудящимися Дагестана в развитии всех отраслей хозяйства и культуры республики.

Под руководством Коммунистической партии советские люди успешно выполняют грандиозные задачи строительства коммунизма, намеченные в Программе КПСС. Партия проявляет величайшую заботу о советском человеке. Она провозгласила лозунг: «Все во имя человека, все для блага человека».

Ярким свидетельством заботы о благосостоянии трудящихся явились решения IV сессии Верховного Совета СССР в 1964 году. Трудящиеся Дагестана, как и весь советский народ, с глубоким удовлетворением встретили Законы, принятые на этой сессии: о пенсиях и пособиях колхозникам, о повышении заработной платы работников просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и других отраслей народного хозяйства, непосредственно обслуживающих население. Коммунистическая партия неустанно заботится о повышении благосостояния советского народа. За последние пять лет средняя заработная плата в сфере производства возросла на 13—25 проц. Повысился жизненный уровень 18 миллионов человек, занятых в сфере обслуживания. Их заработная плата в среднем увеличилась на 21 процент. Такой огромный шаг в улучшении благосостояния народа стал возможен потому, что наша Родина добилась огромных успехов в коммунистическом строительстве, создала мощную, всесторонне развитую экономику.

В новой программе партии записано, что построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа. В решении главной экономической задачи партии и советского народа — создании материально-технической базы коммунизма — важную роль должны сыграть советские профсоюзы. Осуществление грандиозной программы коммунистического строительства требует дальнейшего совершенствования организаторской и воспитательной работы профессиональных союзов.

Профсоюзы Дагестана проводят большую работу, направленную на досрочное выполнение семилетки, на развитие народного хозяйства республики, подъем материального и культурного уровня трудящихся. Под руководством партийных организаций профсоюзы добиваются улучшения производственных показателей, роста благосостояния народа, направляют свои усилия на решение первоочередных задач.

В марте 1964 года III пленум Дагсовпрофа обсудил вопрос «О задачах профсоюзных организаций республики по выполнению решений февральского Пленума ЦК КПСС «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстреешего увеличения сельскохозяйственного производства». Пленум отметил, что замечательное движение за коммунистический труд охватило все сельскохозяйственные коллективы республики. Передовые хлеборобы, животноводы, виноградари, овцеводы, такие, как А. Висаидов, Н. Турлюн, К. Сабугов, М. Гаджиев и другие, стали подлинными маяками производства, мастерами своего дела. Более 70 проц. рабочих специалистов и служащих совхозов и отделений «Сельхозтехники» участвуют в соревновании, многие из них борются за звание ударников коммунистического труда.³⁹

20 марта 1964 года в Махачкале состоялось республиканское совещание передовиков соревнования за коммунистический труд. Совещание обратилось к рабочим и работницам, колхозниками и колхозницам, инженерно-техническим работникам и служащим, деятелям науки и культуры, ко всем трудящимся Дагестана с призывом шире развернуть соревнование за коммунистический труд, направить все усилия на успешное выполнение социалистических обязательств, взятых трудящимися республики, сделать девиз — «учиться, работать и жить по-коммунистически» девизом каждого.

Со времени возникновения этого замечательного движения прошло более пяти лет, оно стало массовым, получило всеобщее признание, охватило все сферы жизни общества.

Следующая таблица показывает рост движения за коммунистический труд в Дагестане.⁴⁰

	Г о д ы				
	1959	1960	1961	1962	1963
Соревнуется бригад	948	1760	2330	3451	3848
в них работающих	1192	26629	29590	44637	55551
Присвоено звание коммунистических бригад	162	491	691	1014	1085
в них работающих	1750	4662	7959	12675	16576

³⁹ Газета «Дагестанская правда», 14 марта 1964 года.

⁴⁰ Там же.

1	2	3	4	5	6
Соревнуются на звание ударника коммунистического труда. чел.	2291	5326	10116	13148	17922
Присвоено звание ударника	414	1288	2225	3754	6062
Соревнуются (коллек., цехов, смен, участков) за звание	—	—	136	284	527
Присвоено звание (коллек., цехам, сменам, участкам)	—	—	32	87	116
Соревнуются предприятия	—	1	57	84	120
Присвоено звание коллективов коммунистического труда	—	—	4	7	7

Движение за коммунистический труд ширится с каждым днем. В республике звания коллективов коммунистического труд удостоены 7 предприятий: Махачкалинское вагонное депо, стеклозавод «Дагестанские огни», Кизлярское отделение «Сельхозтехники», Каспийский хлебозавод, винодельческие совхозы им. Алиева, им. Карла Маркса и «Красный Партизан». Если в среднем по республике в этом движении участвуют 58,3 проц. рабочих и служащих, то в таких отраслях промышленности, как машиностроение и металлообработка, нефтяная, химическая и других — от 65 до 80 проц. работающих. Эти цифры наглядно показывают, что рабочий класс Дагестана идет в авангарде всенародной борьбы за коммунистический труд.

В ходе соревнования множилось число передовых коллективов, новаторов, развивалось техническое творчество. Так, на стеклозаводе «Дагестанские огни» движение за коммунистический труд и быт от ударников и бригад перешло в соревнование смен и цехов, всего коллектива, а затем и рабочего поселка. Инженерно-технические работники завода выступили с ценной инициативой: они решили сэкономить за семилетку от внедрения рационализаторских предложений сумму, равную семилетнему фонду заработной платы. Коллектив этого завода проводил большую работу по реконструкции и расширению предприятия, благоустройству и озеленению рабочего поселка. На заводе был введен в строй цех стекловолокна, освоен выпуск облицовочных и керамических плиток, проведена реконструкция плавильных печей. Большое внимание здесь уделялось повышению деловой квалификации и общеобразовательного уровня рабочих и ИТР. Свыше 700 человек обучалось без отрыва от производства в институтах,

техникумах, в школе рабочей молодежи, институте передового опыта при Дворце культуры.⁴¹

За звание коллектива коммунистического труда соревновался Кизлярский завод «Дагэлектроаппарат». Коллектив завода горячо откликнулся на призыв передовых предприятий Российской Федерации дать до конца семилетки сверхплановой прибыли 300 миллиардов рублей и принял на себя обязательство внести за семь лет в 70 дагестанских сверхплановых миллионов 342 тыс. рублей.

На предприятиях нефтяной и химической промышленности в соревновании за коммунистический труд участвовало 14 предприятий, 47 цехов и участков, 188 бригад. За звание ударника коммунистического труда — 1112 человек. Высоких результатов достигли буровые бригады коммунистического труда Южносухокумской конторы глубокого разведочного бурения тт. Османова, Черноситова, Балакана и Магомедова. Скорость бурения на станок в месяц в этих бригадах составила 500—700 метров, а среднегодовая выработка — 105—110 проц. Следуя почину Валентины Гагановой, буровые мастера т.т. Магомедов и Атаев перешли работать в отстающие бригады и вывели их в передовые.⁴²

Значительно выросло число ударников соревнования за коммунистический труд на предприятиях пищевой и текстильной промышленности. В пищевой промышленности почетное звание коллективов коммунистического труда было присвоено трем предприятиям, 29 цехам, участкам, отделениям, 95 бригадам, в которых работает 2580 человек. Звания ударника коммунистического труда удостоены 170 рабочих. Хорошо организовано соревнование за коммунистический труд в совхозах им. Алиева, им. Карла Маркса, на Махачкалинском рыбоконсервном комбинате, бондарном заводе им. Ермошкина, на фабрике им. III Интернационала и других предприятиях. Так, на бондарном заводе им. Ермошкина, отметившем в августе 1964 года свой 50-летний юбилей, 18 бригадам и 387 передовикам было присвоено почетное звание коллективов и ударников коммунистического труда. Одним из первых удостоены этого звания комплексные бригады М. Свекольниковой из ящичного цеха и К. Урдыханова из бондарного цеха. Завод соревновался с однотипными предприятиями Астрахани, Баку и Гурьева. Завком профсоюза систематически контролировал ход соревнования, следил за выполнением обязательств. Коллектив предприятия решил к 25 декабря выполнить государственное задание и до конца года вырабо-

⁴¹ Газета «Дагестанская правда», 24 марта 1964 г.

⁴² Газета «Дагестанская правда», 24 марта 1964 г.

тать сверхплановой продукции на 170 тыс. рублей.⁴³ Это обязательство было выполнено.

Широко развивалось движение за коммунистический труд на железнодорожном, морском и автомобильном транспорте, в строительстве, в сельском хозяйстве. Если в 1959 году в этом соревновании участвовало немногим более 2 тысяч рабочих, служащих и специалистов совхозов, то в 1964 г. им было охвачено свыше 8 тысяч человек. Так, на овцеплемзаводе «Червленые буруны» весь коллектив боролся за звание предприятия коммунистического труда. Овцеплемзавод успешно выполняет план развития животноводства и повышения его продуктивности. Пример образцовой работы показывают бригады коммунистического труда старшего чабана К. Сабутова и Я. Мурзагишиева.

Как отмечалось выше, движение за коммунистический труд охватывает сейчас все стороны жизни нашего общества, все категории трудящихся города и деревни. Родившись в сфере материального производства, оно вышло за его рамки и все шире внедряется в жизнь и деятельность людей науки и культуры, работников производственных отраслей. Жизнь выдвинула многообразные формы участия научных и инженерно-технических работников в движении за коммунистический труд. В 1964 г. в республике было создано 54 общественных конструкторских бюро, 39 общественных бюро и групп экономического анализа, 12 общественных бюро технического нормирования и другие творческие объединения. В этих самостоятельных объединениях работало свыше 4,5 тыс. инспекторов, техников, ученых, рабочих-новаторов. В движении за коммунистический труд участвовало более 1000 медицинских работников, около 1200 работников торговли и общественного питания, 650 работников учреждений культуры, более 4 тысяч рабочих и служащих коммунально-бытовых предприятий, 2300 работников государственных учреждений.⁴⁴

С началом соревнования за коммунистический труд резко возросло число обучающихся без отрыва от производства. Только на предприятиях совнархоза на различных курсах, в школах передового опыта и семинарах производственно-технического обучения повышают свою квалификацию более 10 тысяч человек. В вечерних школах, техникумах, вузах без отрыва от производства обучается более 20 тысяч рабочих и служащих.⁴⁵ Как было уже сказано, в республике широкое распространение получили общественные университеты культуры, здоровья и технического прогресса, передовых знаний

⁴³ Текущий архив бондарного завода им. Н. Ермошкина

⁴⁴ Газета «Дагестанская правда», 24 марта 1964 года.

⁴⁵ Текущий архив Дагсовпрофа. Стенограмма республиканского совещания передовиков движения за коммунистический труд. Март. 1964 г.

и др. В ходе соревнования за коммунистический труд, на основе общего подъема культуры складываются отношения взаимного доверия, уважения и дружбы, бережного отношения к материальным ценностям. Многие передовики производства, ударники коммунистического труда активно участвуют в группах содействия органам партийно-государственного контроля, являются членами товарищеских судов, народных дружин.

В условиях развернутого строительства коммунистического общества профсоюзы ведут большую работу по воспитанию трудящихся, активно борются за утверждение марксистско-ленинского мировоззрения — идейного оружия народных масс за победу коммунизма. Опираясь на могучую силу соревнования, движения за коммунистический труд, профсоюзы воспитывают рабочих и служащих на примерах творческого труда новаторов и передовиков производства, способствуют утверждению в нашем обществе отношений товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. В коммунистическом воспитании широко используются сила коллектива, сила общественного воздействия, рабочие собрания и товарищеские суды. Делу коммунистического воспитания подчинена вся деятельность культурно-просветительных учреждений — клубов, красных уголков, дворцов культуры, библиотек. Более 24-х тысяч агитаторов, объединенных в 1308 агитколлективов, вели в 1964 г. воспитательную работу среди населения.⁴⁶

В воспитательной работе особое место занимают вопросы развития сотрудничества, тесного общения и сближения народов. Это тем более важно в такой многонациональной республике, как Дагестан. Социалистическое строительство в Дагестане полно ярких примеров трудового сотрудничества. При активной помощи народов нашей страны, и в первую очередь русского народа, дагестанцы строили новые города, оросительные каналы, дороги, электростанции. Участие в осуществлении задач коммунистического строительства еще больше укрепили и закалили эту дружбу. Братскому сотрудничеству, дружбе в наибольшей степени способствует совместная трудовая деятельность. Так, на стекольном заводе «Дагестанские огни» дружно работают представители 29 национальностей, в Махачкалинском порту — более 30 национальностей. В колхозе им. Буйнакского Хасавюртовского района единой семьей живут и трудятся колхозники 20 национальностей. В Дагестанском государственном университете им. В. И. Ленина учатся студенты более 40 национальностей.⁴⁷

⁴⁶ Газета «Дагестанская правда», 12 сентября 1964 года.

⁴⁷ А. Магомедов. Борьба Коммунистической партии за братское содружество народов Дагестана, Дагкиноиздат, 1963, стр. 196.

Воспитательная работа профсоюзов направлена также на укрепление интернациональных связей, на сплочение сил мирового рабочего движения. За последние годы значительно расширилась международная деятельность советских профсоюзов. Борются за единство и сплочение сил мирового профсоюзного движения и профсоюзы Дагестана. В 1959—1963 годах республику посетило немало рабочих и профсоюзных делегаций. За этот же период делегации трудящихся республики побывали за границей. Сотни рабочих и служащих посетили в качестве туристов по путевкам профсоюзов многие страны. Обмен делегациями, туризм способствуют усилению дружбы между народами Дагестана и трудящимися зарубежных стран.

Профсоюзы Дагестана, как и все трудящиеся нашей страны, выступают за предотвращение новой мировой войны, за обеспечение мирного сосуществования государств, за укрепление международного коммунистического и рабочего движения. «Международное коммунистическое движение, — говорил М. А. Суслов в своем докладе на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1964 года, — считает жизненно необходимым использовать сложившуюся обстановку для все более тесного сплочения всех революционных сил современности и дальнейшего развития всемирного революционного процесса».⁴⁸

Постановление Февральского Пленума ЦК КПСС «О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения» было обсуждено на собрании республиканского профсоюзного актива Дагестана 21 апреля 1964 года. На собрании была принята резолюция, в которой говорится о полном одобрении и единодушной поддержке политической линии и практической деятельности Центрального Комитета нашей партии, направленных на укрепление международного коммунистического и рабочего движения, обеспечение единства действий коммунистических и рабочих партий в борьбе за мир, демократию и социализм.

XXII съезд КПСС и принятая им программа построения коммунизма в нашей стране оказывают все возрастающее влияние на общественное развитие, на расстановку классовых сил, на развитие международного коммунистического и рабочего движения. Успехи в осуществлении решений съезда, достижения во всех областях материального производства, общественной и духовной жизни раскрывают перед всем миром величие и непреклонную волю советских людей, преданных ленинской партии.

⁴⁸ М. А. Суслов. О борьбе КПСС за сплоченность международного коммунистического движения. Политиздат, 1964, стр. 105.

За время, которое отделяет нас от XXII съезда партии, наша страна шагнула далеко вперед. Большие изменения произошли за это время и в Дагестане. Серьезные успехи достигнуты в развитии его экономики, в подъеме материального благосостояния и культурного уровня его народов. Итоги 1964 года свидетельствуют о непреклонной решимости трудящихся претворить в жизнь намеченную партией грандиозную программу дальнейшего роста экономики и культуры республики.

Вот некоторые из этих итогов. Годовой план производства валовой продукции промышленности республики выполнила досрочно к 26 декабря 1964 года. По сравнению с 1963 годом объем промышленного производства увеличился на 5,3 проц. Успешно справились с заданием важнейшие отрасли промышленности и наиболее крупные предприятия республики: объединение «Дагнефть», машиностроительные заводы им. М. Гаджиева, «Дагэлектроаппарат», и другие. Перевыполнен план по транспортным организациям республики. Значительно увеличился по сравнению с 1963 годом товарооборот государственной и кооперативной торговли. Так, например, населению продано товаров на 15 миллионов рублей больше, чем в 1963 году.⁴⁹

Достигнуты дальнейшие успехи в области народного просвещения, культуры и здравоохранения. Значительно увеличилось число учащихся, студентов вузов и техникумов. Продолжает развиваться и улучшаться медицинское обслуживание населения, неуклонно расширяется сеть культурно-просветительных учреждений.

Профсоюзы Дагестана всегда были на высоте задач, поставленных перед ними. Они прошли большой путь, находились в самой гуще событий, активно боролись за интересы народа, за коренные преобразования в жизни горцев. Ныне, еще теснее сплачивая вокруг партийной организации рабочий класс и всех трудящихся республики, совершенствуя организаторскую и воспитательную работу в массах, профессиональные союзы Дагестана умножают свои усилия во всенародной борьбе за победу коммунизма в нашей стране.

⁴⁹ Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства Дагестанской АССР в 1964 году. Газета «Дагестанская правда». 22 января 1965 года.

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ.

Основоположники научного социализма подчеркивали, что в коммунистическом обществе охрана правил общежития будет осуществляться непосредственно самим населением.

В своей речи 8 февраля 1845 г. Ф. Энгельс указывал: «И если даже теперь цивилизация научила людей видеть свои интересы в поддержании общественного порядка, общественной безопасности, то насколько больше будет это иметь место в таком обществе, в котором общность интересов возведена в основной принцип, в котором общественный интерес уже не отличается от интереса каждого отдельного лица! То, что уже теперь осуществляется вопреки общественным учреждениям, получит гораздо большее распространение, когда общественные учреждения будут уже не мешать, а наоборот содействовать этому».¹

В своем гениальном труде «Государство и революция» В. И. Ленин указывал, что при социализме развитие во всех областях жизни происходит при участии всего народа. Сам народ осуществляет контроль за поведением тех людей, которые являются носителями пережитков прошлого. Сам народ имеет возможность непосредственно пресекать и предупреждать различного рода эксцессы, совершаемые отдельными лицами.

В работах «Письма из далека», «О пролетарской милиции», «Как организовать соревнование?» и других Ленин указывал на решающую роль трудящихся масс, руководимых Коммунистической партией, в наведении строгого революционного порядка в стране, и, в частности, в продовольственном деле, в решительной борьбе с его нарушителями — спекулянтами, мешочниками, расхитителями народного добра.

Ленин выдвинул идею массового контроля трудящихся над антиобщественными элементами. Он писал: «Только

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 2, стр. 538.

добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество массы рабочих и крестьян в учете и контроле за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества, эти отбросы человечества, эти безнадежно гнилые и омертвевшие члены, эту заразу, чуму, язву, оставленную социализму по наследству от капитализма.²

Основу успешной борьбы по ликвидации нарушений социалистического общественного порядка В. И. Ленин видел в правильном сочетании убеждения и принуждения.

Опыт развития Советского государства знает многочисленные формы участия самих трудящихся в борьбе с нарушителями правил поведения. И эти формы совершенствуются в зависимости от этапов развития советского государства.

Советский народ под руководством Коммунистической партии осуществил вековую мечту трудящихся всего мира — построил социалистическое общество, свободное от всех форм угнетения и эксплуатации человека человеком и сейчас уверенно идет по пути к коммунизму.

Советской стране для построения социализма потребовалось почти два десятилетия.

В период строительства социализма трудящиеся и эксплуатируемые массы, ранее отстраненные от участия в государственных делах, получили реальный доступ к управлению государством. В том числе трудящиеся, общественность привлекалась к участию в делах охраны общественного порядка и борьбе с преступностью.

В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на то, что только добровольное и добросовестное сотрудничество рабочих и крестьян в борьбе со всякими преступниками может победить пережитки капитализма.

Ярким примером такого сотрудничества является история создания и деятельность Советской милиции. Советская милиция создавалась как специальный государственный орган для охраны революционного порядка, для защиты завоеваний Октября, прав и законных интересов трудящихся. Создание органов милиции проходило при активном участии самих трудящихся. Нередко лица, выдвигаемые на работу в органы милиции, утверждались на собраниях, съездах рабочих и крестьян.

Задача обеспечения революционного порядка в стране не могла быть выполнена без тесной связи милиции с трудящимися, без привлечения их к участию в борьбе за укрепление советской власти.

² В. И. Ленин, соч., т. 26, стр. 371.

В инструкции об организации Советской рабоче-крестьянской милиции от 20 октября 1918 года было предусмотрено создание при уездах и городских исполкомах местных Советов специальных отрядов охраны порядка, члены которых несли службу как общественное поручение — в нерабочее время и бесплатно.

В 1918—1922 годах во многих городах по инициативе самих трудящихся были созданы группы оказания помощи милиции в охране революционного порядка — под различными названиями: «Дружины содействия милиции», «Комиссия общественной помощи» и т. д.

К охране общественного порядка в эти годы привлекались трудящиеся и в Дагестане.

Постановлением Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР от 30 мая 1922 года в целях установления в селах, аулах и других населенных пунктах надзора за общественным порядком и за точным выполнением распоряжений властей, а также в целях предупреждения и пресечения преступных деяний был учрежден институт сельских караульных, с правами и обязанностями, присвоенными милиции.

Сельские караульные подбирались из числа добросовестных трудящихся, в возрасте 21—50 лет, без физических недостатков и назначались начальниками райотделений милиции по представлению местных исполкомов.

Сельские караульные исполняли все распоряжения местных исполкомов.

27 марта 1924 года ВЦИК РСФСР издал «Декрет «О сельских исполнителях» — в целях успешного и своевременного выполнения сельскими Советами заданий по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан и т. д.

В 1925-26 годах при местных Советах были созданы административные комиссии.

Затем организовались рабочие дружины, ударные бригады, отряды или инициативные группы по борьбе с хулиганством.

В Постановлении Президиума ЦКК ВКП(б) и Коллегии НК РКИ от 22.VI.1928 года указывалось: «Необходимо функцию охраны общественного порядка, а равно и обязанности милиции по наблюдению за законностью в стране превратить в дело широких масс рабочих и крестьян.

Необходимо организовать активную помощь трудящимся в работе милиции по борьбе с нарушениями общественного порядка — хулиганством, неподчинением советской законности».³

³ В. А. В л а с о в. Советский государственный аппарат. Госполитиздат, 1954 г., стр. 308—309.

В 1928 году по всей стране были созданы добровольные общества содействия милиции, а к 1930 году в РСФСР их было более 2500, с охватом свыше 30000 человек.

Совет народных комиссаров РСФСР 25 мая 1930 года издал специальное постановление: «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска», а в постановлении объединенного декабрьского (1930 г.) Пленума ЦК ВКП(б) подчеркивалось: «Необходимо... поддерживать и всячески развивать новые формы добровольного участия рабочих в выполнении государственной работы (например, по милиции)».

Исходя из требований времени, 29 апреля 1932 года СНК РСФСР принял постановление «О реорганизации обществ содействия органам милиции и уголовного розыска» и предложил Совнаркомам автономных республик, краевым и облисполкомам реорганизовать ОСМ в бригады содействия милиции (БСМ), в целях приближения бригад содействия к практической работе органов милиции и обеспечения правильного руководства ими.

Бригады содействия милиции организовывались и состояли непосредственно при соответствующих управлениях милиции. Они были основной формой участия трудящихся в борьбе с преступностью в 1932—1940 годах.

В процессе построения социализма Советское государство претерпело серьезные изменения и вступило в новый этап своего развития.

Изменились и методы деятельности Советского государства. Уменьшается роль принуждения, хотя оно и теперь остается в отношении лиц, нарушающих порядки, установленные в нашем обществе. Главное место занимают методы убеждения, организаторская работа в массах.

Все это говорит о том, что в настоящее время созданы все условия для того, чтобы обеспечить активное участие всего населения в управлении самыми разнообразными делами социалистического общества. Практическое решение этой задачи стало сейчас не только возможным, но и насущно необходимым требованием жизни, главным направлением развития социалистической государственности.

В настоящее время ленинские указания о необходимости массового контроля трудящихся над антиобщественными элементами, об использовании разнообразных мер борьбы с нарушителями советского общественного порядка, о правильном сочетании мер убеждения и принуждения звучат с новой силой.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. III, изд. 7, 1954 года, стр. 93.

Неизбежность отмирания преступности в условиях строительства коммунистического общества была предусмотрена гениальным научным предвидением В. И. Ленина. Незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин специально остановился на этом вопросе. Раскрывая коренную социальную причину совершения преступления («эксцессов») В. И. Ленин указывал: «...мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут «отмирать». Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать».

Социализм, построенный в нашем государстве, устранил эту главную, коренную социальную причину преступности. В СССР, таким образом, имеются реальные, объективные условия для искоренения преступности, поскольку в самой природе социализма, в его экономическом базисе и в его надстройке нет оснований для существования преступности.

Как отметило решение июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС в результате огромной работы, проделанной Коммунистической партией и Советским государством по социалистическому преобразованию экономики и воспитанию трудящихся произошли коренные изменения в сознании наших людей. Советского человека характеризуют патриотизм, беззаветная преданность великому делу коммунизма, трудолюбие, коллективизм, уважение к правилам социалистического общежития.

Подавляющее большинство советских граждан активно участвуют в труде на благо своей Родины, честно относятся к своему общественному долгу свято соблюдают законы.

На фоне этих достижений особенно уродливо выглядит сохранившиеся еще в сознании некоторых граждан пережитки буржуазной морали.

У нас еще встречаются люди, которые недобросовестно относятся к общественному труду, недостойно ведут себя, нарушают социалистический правопорядок. Эти пережитки капитализма не исчезнут сами по себе, с ними необходимо вести решительную борьбу, направлять общественное мнение против всяческих проявлений буржуазных взглядов и нравов.

Важнейшим методом преодоления пережитков прошлого и воспитания трудящихся является метод убеждения и организаторская работа среди масс. Но к тем, кто нарушает волю советского народа, выраженную в законах и других правовых актах, органы государства применяют и принуждение. Сочетая метод убеждения с методом принуждения, социалистическое государство добивается дальнейшего укрепления общественного порядка в интересах советских людей.

В работе по коммунистическому воспитанию трудящихся большую помощь государству оказывают самодеятельные организации населения.

Советское государство всегда было сильно тесной связью с массами. Теперь же, в годы семилетки, делается новый огромный важности шаг: многие функции, выполняемые до сих пор государственными органами, постепенно переходят в ведение общественных организаций. Многократно возрастает роль различных самодеятельных организаций и в охране общественного порядка.

Дело идет к тому, чтобы функции обеспечения общественного порядка и безопасности наряду с такими государственными учреждениями, как милиция, прокуратура, суды, выполняли параллельно и общественные организации.

Решения XXI, XXII съездов партии и июньского Пленума ЦК КПСС (1963 г.) поставили новые ответственные задачи перед партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями, активами трудящихся на фабриках, заводах в колхозах, совхозах, учреждениях, учебных заведениях, домоуправлениях.

О том, какое значение придается самодеятельным организациям народных масс в охране общественного порядка, свидетельствует постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» (март 1959 г.), согласно которому на предприятиях, стройках, транспорте, в учреждениях, совхозах, колхозах, домоуправлениях созданы добровольные народные дружины по охране общественного порядка, уже заслужившие своей борьбой против пьяниц, хулиганов и других нарушителей общественного порядка признательность советских граждан.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в своем постановлении указывали, что серьезным упущением в организации борьбы с нарушителями общественного порядка является то, что огромная сила воздействия общественности на нарушителей порядка в должной мере не используется. Неблаговидные поступки отдельных лиц редко осуждаются на собраниях рабочих, колхозников, служащих, студентов и учащихся, не выносятся на суд широкой общественности.

Программа КПСС, принятая XXII съездом партии, обращает особое внимание государственных органов и самодеятельных организаций, ведущих борьбу за укрепление социалистической законности и общественного порядка, на предотвращение преступлений, искоренение всех причин, их порождающих.

Программа КПСС требует повышения активности членов профсоюзов, комсомольцев, всей советской общественности в борьбе за укрепление общественного порядка, непрестанное

совершенствование форм и методов привлечения населения к охране советских законов и правил социалистического общежития.

Обязательность широкого участия молодежи в борьбе с пережитками и в охране общественного порядка была с новой силой подчеркнута на XII—XIV съездах ВЛКСМ.

Необходимость дальнейшего повышения требовательности со стороны общественных организаций и коллективов трудящихся к своим членам была с особой силой подчеркнута на XXII съезде КПСС. Он потребовал активнее использовать моральный вес и авторитет общественности для борьбы с лицами, нарушающими правила социалистического общежития.

Призыв Коммунистической партии усилить борьбу с пьяницами, дебоширами, хулиганами, расхитителями общественного достояния и другими антиобщественными элементами поддержан всем советским народом.

Огромную роль в деле привлечения общественности в борьбе с преступностью играют органы народного контроля, их контрольных групп и постов, созданных на предприятиях, учреждениях и организациях нашей страны, в составе которых насчитываются более 2,5 млн. человек.

Курс нашей партии на передачу все большего числа государственных функций общественным организациям благотворно сказывается во всех областях нашей жизни. Одной из таких функций является охрана общественного порядка.

Если многие годы у нас в стране борьба с преступностью и нарушителями общественного порядка велась преимущественно административными органами, без активного участия самих трудящихся, то сейчас успех борьбы с антиобщественными проявлениями зависит от участия в этом деле широкой общественности и прежде всего добровольных народных дружин.

Добровольные народные дружины — органы, созданные самим народом, и, благодаря этому, имеющие самые глубокие корни в народных массах.

Партийные, советские, комсомольские и профсоюзные организации Дагестана проделали большую работу по созданию добровольных народных дружин и вовлечению в их ряды широкой массы активных, честных и самоотверженных тружеников сельского хозяйства, промышленности и трудовой интеллигенции.

Достаточно сказать, что в 1959 году в Дагестанской АССР было несколько десятков дружин, насчитывающих в своих рядах около 200 дружинников, а в настоящее время их стало около 1500, охватывающих более 36 тысяч дружинников.

Методы и формы участия дружинников в борьбе с преступностью и в охране общественного порядка становятся все более разнообразными и действенными. На их счету немало героических, самоотверженных поступков по охране прав и интересов граждан, а также социалистической собственности.

Слеты дружинников республики, состоявшиеся в 1962 и 1964 годах, явились мощным толчком в деле активизации работы дружин и дружинников в охране общественного порядка и борьбе с уголовной преступностью.

С помощью дружинников в республике предупреждено и пресечено в 1963 году много уголовных проявлений и хищений социалистической собственности.

Показатели работы дружинников республики в 1963 году значительно выше чем в 1962 году, и это является результатом огромной работы наших партийных, советских и административных органов по вовлечению общественности в борьбу с преступностью.

Изучение опыта организации и деятельности добровольных народных дружин показывает, что во многих городах и селах они стали активными, постоянно действующими организациями, эффективно решающими многие задачи обеспечения правопорядка, проводящими разнообразную работу по предупреждению и пресечению хулиганства, пьянства, воровства, спекуляции и других антиобщественных проступков. Они повсюду создают атмосферу сурового общественного осуждения и воздействия на нарушителей.

Только лишь за 1963 год, за активное участие в борьбе с уголовной преступностью и за охрану общественного порядка было награждено в Дагестане 143 дружинника.

За три месяца 1964 года только лишь по линии Министерства охраны общественного порядка ДАССР награждены более 100 народных добровольцев.

Такие же поощрения дружинников проводились повсеместно в городах и районах республики на слетах дружинников, предшествовавших республиканскому слету.

Большой заботой о народных добровольцах и высокой оценкой их работы является учреждение Президиумом Верховного Совета ДАССР КНИГИ ПОЧЕТА ДОБРОВОЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ДРУЖИН РЕСПУБЛИКИ, куда заносятся имена мужественных, самоотверженных дружинников и в целом дружин, в которых постановка работы по борьбе с преступностью и охране общественного порядка отвечает требованиям сегодняшнего дня.

Положение о Книге Почета добровольных народных дружинников Дагестанской АССР предусматривает, что Книга Почета добровольных народных дружинников Дагестанской АССР учреждается в целях поощрения особо отличившихся

добровольных народных дружин и дружинников при охране общественного порядка.

Предоставляемая кандидатура добровольного народного дружинника для занесения в Книгу Почета предварительно обсуждается на собрании дружинников той организации, где он работает. Протокол собрания с ходатайством о занесении в Книгу Почета добровольных народных дружинников Дагестанской АССР по согласованию и решению в соответствующем райкоме и горкоме КПСС и исполкоме районного, городского Совета депутатов трудящихся направляются в Президиум Верховного Совета Дагестанской АССР, который окончательно решает вопрос о занесении представленной кандидатуры в указанную Книгу Почета.

Книга ведется и хранится в организационном отделе Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР.

Фотография добровольного народного дружинника, занесенного в Книгу Почета со статьей о нем, публикуется в республиканских газетах.

Первым в эту книгу занесен командир отряда добровольной народной дружины селения Батлаич Хунзахского района тов. Хавалаев Гаджи. Возглавляемая им дружина предупредила немало случаев уголовных проявлений, нарушений общественного порядка и сейчас свела их до минимума.

Люди с красными повязками на рукавах, не щадя своего здоровья, а подчас и самой жизни, самоотверженно борются с преступниками.

Так, в ночь на 10 мая 1962 г. дружинник из мебельной фабрики г. Махачкалы, комсомолец Стефан Лаптиев в районе парка им. Ленинского комсомола вступил в борьбу с 6-тью хулиганами, которые беспричинно приставали к девушкам. Умелыми действиями Лаптиев освободил девушек из рук хулиганов, но при этом получил множество ножевых ран, от которых скончался.

В знак увековечения памяти погибшего дружинника, исполком Махачкалинского горсовета депутатов трудящихся принял решение переименовать улицу Редукторная, где жил т. Лаптиев, в улицу Стефана Лаптиева.

Примеров мужества и отваги, проявленных дружинниками, очень и очень много.

Но главным в работе дружин должна быть профилактически-предупредительная работа среди населения. Для этого надо выявлять и ликвидировать причины, способствующие появлению того или иного нарушения.

Правильно поступают те дружины и дружинники, которые изучают условия быта и отдыха молодежи, устанавливают связи со школами и родителями, предприятиями, комсомольскими и профсоюзными организациями.

Успеху в работе народных дружин во многом способствует то, что действуют они в тесном контакте с милицией. Задача органов охраны общественного порядка — оказывать всемерную помощь добровольным народным дружинам.

Весьма необходимо присутствие работников милиции при инструктаже дружинников, как лучше обеспечить охрану общественного порядка в том или ином районе, как целесообразнее распределить силы, участие в организации учебы дружинников и проведение с ними бесед об основах советского законодательства, о формах и методах воздействия на нарушителей.

Находясь в штабе дружины, работники милиции должны помогать дружинникам правильно оценить характер того или иного преступника, и не лишая дружинников самостоятельности, советовать, какую меру воздействия избрать. Необходимо ориентировать дружинников на применение прежде всего мер общественного воспитательного характера. Доставлять нарушителя в милицию следует только в исключительных случаях. При этом наказание нарушителя милицией не должно исключать применения к нему мер общественного воздействия.

Связь органов милиции с дружинами должна заключаться в составлении общих планов работы по охране общественного порядка на тот или иной промежуток времени. Особенно важно договориться о правильном распределении сил милиции и дружин в праздничные и выходные дни, а также в дни массовых гуляний, шествий и демонстраций. В местах возможных нарушений общественного порядка целесообразно выставлять совместные наряды из работников милиции и дружинников. Другая форма связи выражается в регулярной информации штабов дружин и дружинников об обстановке в районе.

На работников милиции возлагается также обязанность регулярно и своевременно извещать дружины о мерах, принятых милицией в отношении нарушителей, доставленных дружинниками.

Большое значение в решении задач, стоящих перед народными дружинами, имеет их связь с местными Советами и прежде всего с постоянными комиссиями социалистической законности и охраны общественного порядка. Такие комиссии могут и должны оказывать дружинам помощь, способствовать координации деятельности дружин с органами милиции, суда и прокуратуры. Комиссии изучают и обобщают передовой опыт дружин, дают районным штабам рекомендации по дальнейшему улучшению деятельности народных дружин и устранению имеющихся недостатков.

Почти все комиссии социалистической законности и охраны общественного порядка поддерживают повседневный

контакт с районными или городскими штабами народных дружин. Это достигается, в частности, путем избрания в состав районного штаба председателя комиссии социалистической законности, установления дежурств членов комиссии в районном штабе, путем совместного проведения мероприятий.

Некоторые постоянные комиссии социалистической законности и охраны общественного порядка, в целях усиления связи депутатов с дружинами, предложили каждому члену комиссии вступить в народную дружину и личным примером вовлекать в нее лучших рабочих и служащих. Почти все комиссии практикуют приглашения на свои заседания представителей соответствующего штаба народных дружин.

Депутаты могут оказать добровольным народным дружинам большую помощь в воздействии на руководителей, которые оставляют без внимания сигналы народных дружин о нарушениях общественного порядка работниками подчиненных им предприятий и учреждений, а также в деле вовлечения в дружины новых членов, в создании дружин при домоуправлениях.

Расширение контактов дружин с государственными органами будет несомненно способствовать значительному улучшению работы дружин.

Опыт работы добровольных народных дружин убедительно доказывает жизненность этой важной формы широкого вовлечения трудящихся в деле охраны общественного порядка.

Теперь каждому ясно, что общественность — огромная сила. Добровольные дружины пользуются уважением всех честных граждан, а звание дружинника стало почетным.

Дружины находят горячую поддержку со стороны трудящихся. Советские люди все больше проникаются сознанием, что они должны не только сами исполнять законы, соблюдать дисциплину труда, беречь и укреплять государственную и общественную собственность, соблюдать правила социалистического общежития, но и требовать выполнения этого от других граждан, активно бороться с антиобщественными поступками.

Однако процесс создания добровольных народных дружин по охране общественного порядка еще нельзя считать законченным. Необходимо добиваться постоянного роста численности рядов дружинников и всемерно развивать их активность. Совершенствование работы дружин требует дальнейшего обобщения и распространения их положительного опыта.

Другой формой связи органов милиции с общественностью в борьбе с правонарушениями и проступками являются товарищеские суды — это самодеятельные, добровольные органы советской общественности, необходимость расширения деятельности которых подчеркивается в Программе КПСС. Они призваны активно содействовать воспитанию граждан в духе

коммунистического отношения к труду, социалистической собственности, соблюдения правил социалистического общежития, развитию у советских людей чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважения достоинства и чести граждан. Главная их задача — предупреждать правонарушения и проступки, воспитывать граждан путем убеждения и общественного воздействия.

Создаются эти органы общественной самодеятельности по решению общих собраний рабочих, служащих, колхозников, учащихся или жителей дома (домоуправления), села, поселка и т. д. и периодически отчитываются перед ними.

Правильная организация деятельности товарищеских судов имеет принципиальное значение.

Товарищеские суды — органы общественной самодеятельности. Поэтому руководить ими и контролировать их должна общественность — коллективы, избравшие их, и массовые организации трудящихся. Именно так решен данный вопрос в Положении о товарищеских судах, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 3 июля 1961 года, которое предусматривает, что руководство товарищескими судами на предприятиях, в учреждениях, организациях, высших и средних специальных учебных заведениях осуществляется профсоюзными органами и всеми остальными товарищескими судами — исполнительными комитетами местных Советов депутатов трудящихся. Этим же положением определено, что товарищеские суды должны отчитываться в своей деятельности перед общими собраниями коллективов трудящихся. Решение товарищеского суда, которое противоречит обстоятельствам дела или действующему законодательству, может быть пересмотрено тем же товарищеским судом по предложению соответствующего фабрично-заводского или местного комитета профсоюза или исполнительного комитета местного Совета. Народный судья уполномочен лишь поставить перед этими органами вопрос о вторичном рассмотрении дела, если найдет, что решение товарищеского суда незаконно. Однако отменить такое решение и принять дело к своему производству народный суд не вправе.

Эти принципиально новые положения, касающиеся руководства товарищескими судами и контроля за их деятельностью, соответствуют общественному характеру товарищеских судов и содействуют установлению более тесной связи между ними и коллективами, массовыми организациями трудящихся.

Опыт показывает, что деятельность товарищеских судов способствует борьбе с нарушителями советской законности

и правил социалистического общежития, которую до недавнего времени проводили главным образом судебные органы государства. Товарищеские суды рассматривают значительное количество дел о таких правонарушениях, как оскорбление, распространение позорящих измышлений, недостойное поведение в общественных местах, мелкое хулиганство и т. п.

Все это предопределяет необходимость оказания квалифицированной помощи товарищеским судам и со стороны органов милиции. При этом долг работников не только помочь общественности в организации товарищеских судов, но и содействовать налаживанию их деятельности.

В настоящее время товарищеские суды созданы повсеместно.

Так, в Дагестанской АССР организовано 1113 товарищеских судов, в состав которых избрано 8245 человек. Они вовлекают широкие массы трудящихся в борьбу с теми, кто не желает считаться с правилами социалистического общежития, проводят большую работу по предупреждению правонарушений и проступков.

Лишь за 6 месяцев 1964 года товарищескими судами в Дагестане рассмотрено 1100 материалов, из коих:

- а) о нарушении трудовой дисциплины — 339;
- б) о нарушении общественного порядка — 405;
- в) по бытовым вопросам — 141;
- г) имущественные споры — 89.

В этой связи следует отметить, что об активности того или иного товарищеского суда было бы правильнее судить не по количеству рассмотренных им дел и вынесенных решений (кое-где работа товарищеских судов оценивается именно по этим формальным данным), а по тому, насколько успешна вся его деятельность, каково ее воспитательное значение.

Известно, что не всякое дело о проступке, совершенном в коллективе, целесообразно публично рассматривать на заседании товарищеского суда и применять к виновному меры общественного воздействия. Нередко воспитательная работа с нарушителями (а она является главной в работе товарищеского суда) может быть с успехом завершена председателем или членом суда без публичного рассмотрения дела. Если выясняется, что проступок незначителен и нарушитель искренне раскаивается в совершенном, то «дело» заканчивается товарищеским внушением или предупреждением.

Практике известно немало случаев, когда товарищеские суды ограничивают свою деятельность лишь организацией («процессов»). Число рассмотренных ими дел порой выглядят весьма внушительно. Бывает даже, что на одном заседании рассматривается сразу по несколько дел. Вся воспитательная работа с нарушителем сводится к формальному обсуждению его поступка на заседании товарищеского суда и применению

к нему той или иной меры воздействия — выговора, порицания или штрафа. В итоге получается, что деятельность таких судов, хотя они и рассматривают значительное число дел, оказывается мало эффективной.

Активность товарищеского суда, его роль в коллективе, разумеется, зависит от состава суда, от того, насколько им поняты их права, обязанности и задачи.

Привлечение товарищеских судов к борьбе с определенными деяниями — это шаг, направленный на использование в этой борьбе наряду с мерами уголовного, административного или дисциплинарного воздействия мер общественного воздействия. Передавая постепенно отдельные функции общественным организациям, государство исходит не из того, что эти функции стали маловажными, а из того, что они в конкретной обстановке наиболее успешно и эффективно могут быть осуществлены именно общественными организациями трудящихся.

Одной из основных задач привлечения общественности к борьбе с преступлениями и иными правонарушениями является объединение усилий органов государства и общественности в деле укрепления, налаживания четкого взаимодействия этих сил.

Одной из форм взаимодействия органов милиции с общественностью является прекращение уголовного дела или отказ в его возбуждении с передачей виновного на поруки общественности.

Целесообразность широкого привлечения общественности к борьбе с преступностью и перевоспитанию правонарушителей была выдвинута в выступлениях делегатов на XXI съезде КПСС. Так, А. Н. Шелепин в своей речи говорил: «По моему мнению, следует продумать вопрос о предоставлении права общественным организациям — комсомолу, профсоюзам, а также коллективам фабрик, заводов и колхозов — брать на поруки свихнувшихся людей, совершивших незначительные преступления, с тем, чтобы дать им возможность исправиться в коллективе вместо того, чтобы они отбывали наказание по суду».⁵

Это предложение получило широкую поддержку советской общественности. Судебные и следственные органы стали широко применять передачу на поруки как меру общественного воздействия на правонарушителей.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 года «О практике применения судами мер уголовного наказания» судам было дано указание «практиковать передачу на рассмотрение общественности дел о правонару-

⁵ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II, 1959 г., стр. 253.

шениях, не представляющих значительной общественной опасности, прекращая подобные дела производством в уголовном порядке».⁶ В приказе Генерального прокурора СССР № 43 от 20 июля 1959 года⁷ «О практике органов прокуратуры по привлечению к уголовной ответственности и осуществлению надзора за правильным применением мер уголовного наказания» органам следствия было дано указание: по делам о правонарушениях, не представляющих значительной общественной опасности, применять меры общественного воздействия, передавая нарушителей общественным организациям и коллективам трудящихся по их ходатайствам на перевоспитание и исправление.

С учетом сложившейся практики УК и УПК союзных республик предусматривают ряд статей, посвященных регулированию общественного поручительства.

Сущность передачи на поруки заключается в том, что общественность с учетом конкретных обстоятельств совершенно-го преступления и личности раскаявшегося виновного ходатайствует перед судом, прокурором, следователем, органом дознания об исключении уголовной ответственности и одновременно берет на себя обязательство применить по отношению к виновному такие меры общественного воздействия, которые обеспечат его исправление и перевоспитание. Указанные же государственные органы, рассматривая и удовлетворяя ходатайство общественности, отказываются от уголовного преследования, и уголовная ответственность заменяется мерами общественного воздействия.

Опыт показывает, что передача на поруки общественности определенной категории лиц является исключительно эффективной мерой в борьбе за укрепление правопорядка, искоренение преступлений и воспитание неустойчивых граждан.

В советской юридической литературе уже указывалось на большое значение передачи на поруки и правомерность этого акта, подвергалась критике точка зрения, ставившая под сомнение компетенцию органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания в осуществлении таких действий.⁸

⁶ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1958—1960 гг. Госюриздат, М., 1961 г.

⁷ Социалистическая законность, 1959 г. № 9, стр. 16—19.

⁸ См. «Советская общественность и борьба за социалистический правопорядок», «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 6, Л. Смирнов. Дискуссия, которую не следовало открывать, «Социалистическая законность» 1959 г. № 11, А. Шляпочников. Отдача на поруки, «Советская Юстиция» 1959 г. № 10, его же, Некоторые правовые вопросы участия общественности в борьбе с преступностью в связи с кодификацией уголовного законодательства, «Советское государство и право» 1959 г. № 9, «Передача на поруки лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности (итоги дискуссии)», «Советская юстиция» 1960 г. № 3.

Однако при передаче на поруки все еще возникает ряд вопросов, требующих как дальнейшего теоретического изучения, так и обобщения накопленного опыта.

Советы депутатов трудящихся — полновластные органы государственной власти и вместе с тем — наиболее массовые организации трудящихся. Среди многообразных задач Советов одной из главных является поддержание общественного порядка. Конституции СССР и Союзных республик обязывают Советы обеспечить охрану общественного порядка, выполнение законов и соблюдение прав граждан.

Каковы же те общие формы, в которых осуществляется в настоящее время участие общественности в борьбе за соблюдение правил социалистического общежития?

До последнего времени участие общественности в охране порядка, в обеспечении правил социалистического общежития выражалось главным образом в привлечении ее к содействию соответствующим государственным органам, участием в выполнении их функций. В отличие от этого в настоящий период некоторые функции государственных органов полностью или частично передаются общественным организациям. В результате такие функции либо вообще утрачивают государственный характер либо перестают быть только государственными.

Значительного развития достигли различные формы общественного контроля за деятельностью государственных учреждений. В осуществлении общественного контроля исключительно важную роль играют профсоюзные организации, комиссии по контролю за деятельностью администрации, созданные в первичных партийных организациях, производственные совещания на предприятиях, общественные комиссии при домоуправлениях и другие.

Общественность по-прежнему широко привлекается к работе различных государственных органов — наиболее старой форме ее участия в борьбе за общественный порядок. Массы активно участвуют в работе Советов.

В обязанности местных Советов депутатов трудящихся входит обеспечение охраны государственного порядка, прав граждан и соблюдение законов (см. стр. 97 Конституции СССР и ст. 79 Конституции РСФСР).

Государственный порядок и права граждан охраняются местными Советами и их исполкомами путем организации контроля за соблюдением законов и основанных на законах правовых актов, принятия необходимых мер предупреждения нарушений общественного порядка, применения убеждения, а в необходимых случаях принуждения в отношении тех, кто нарушает правила поведения.

Тесная связь местных Советов и их органов с массами стала еще более полной и всесторонней после известного постановления ЦК КПСС от 22 января 1957 года «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами» и исторических XX, XXI и XXII съездов партии. Это благотворно сказалось как на активизации деятельности самих Советов в борьбе за соблюдение правил социалистического общежития, так и на вовлечение в эту борьбу широких кругов общественности. Вопросы борьбы с нарушениями правил социалистического общежития значительно чаще стали обсуждаться на сессиях местных Советов и заседаниях исполкомов. Гораздо шире привлекается общественность к подготовке и обсуждению этих вопросов. Особенно важно подчеркнуть, что работа Советов по охране общественного порядка становится постоянной, повседневной, массовой это верный залог ее успеха.

Успешное решение местными Советами возложенных на них обязанностей по охране государственного порядка невозможно без опоры на широкие слои населения.

Борясь за укрепление общественного порядка, местные Советы непрерывно улучшают свою работу, применяют более совершенные формы и методы привлечения трудящихся в борьбе за образцовое соблюдение правил социалистического общежития.

Практика показывает, что успехи в борьбе с нарушениями порядка достигаются там, где местные Советы и их исполнительные комитеты обсуждают вопросы охраны социалистического правопорядка на сессиях и заседаниях исполкомов, организуют исполнение принятых решений, повышают требовательность к работе ее органов.

За последние годы вопросы охраны государственного порядка чаще стали рассматриваться на сессиях местных Советов. Это дает возможность депутатам Советов вскрывать характерные недостатки в деятельности органов милиции, намечать такие меры, которые улучшили бы работу по укреплению порядка, обобщать опыт участия населения в борьбе против правонарушителей и т. д.

Исключительно важное значение имеет активизация работы комиссий Советов, призванных охранять правила социалистического общежития.

Комиссии Советов по охране общественного порядка (известные под названием административно-правовых комиссий или комиссий по социалистической законности) возникают сейчас во многих городах и районах. В состав комиссии входят не только депутаты данного местного Совета, но и многочисленные активисты. В ДАССР создано более 40 комиссий, причем в их составе насчитывается свыше 250 депутатов и 70 активистов. Постоянные комиссии по соблюдению социа-

конности и охране общественного порядка подотчетны местным Советам, но сами не обладают правами государственных органов. Их решения не носят характера государственного правового веления, но имеют огромную силу общественно-политического воздействия.

Наряду с пресечением и предупреждением нарушений правил социалистического общежития в работе комиссий важное и, пожалуй, главное место занимает контроль за деятельностью государственных и общественных организаций, ведущих борьбу с нарушениями правил социалистического общежития, координация и руководство этой деятельностью.

Постоянные комиссии по охране общественного порядка систематически знакомятся с организацией культурно-массовой работы среди населения, работой органов милиции, суда, прокуратуры, порядком приема и разбора жалоб трудящихся, деятельностью административных комиссий исполкомов, работой профсоюзных и иных общественных организаций по предупреждению нарушений общественного порядка и перевоспитанию нарушителей. Они осуществляют связь с другими постоянными комиссиями местных Советов по народному образованию, торговле, надзору за исправительно-трудовыми учреждениями и т. д. Большое значение имеют общественные обследования и депутатские проверки работы разного рода органов, обеспечивающих общественный порядок, семинары представителей общественных организаций, совещания с работниками милиции, выездные заседания комиссий на предприятиях, в домоуправлениях, обращения к руководству предприятий и общественным организациям и др. Все это открывает комиссиям реальные пути для действенной борьбы за соблюдение правил социалистического общежития.

Комиссии по делам несовершеннолетних создаются при исполнительных комитетах местных Советов. Их организация и деятельность регламентируются положениями, утверждаемыми Советами Министров союзных республик.

Содержание работы комиссий весьма разнообразно. В сферу их деятельности входит не только выявление детей и подростков-правонарушителей, но и контроль за созданием администрацией предприятий производственных и материально-бытовых условий для несовершеннолетних рабочих, разрешение вопросов о целесообразности их увольнения по инициативе администрации (в этом случае необходимо согласие комиссии) и т. д.

Советская общественность активно участвует как в перевоспитании нарушителей правил социалистического общежития, отбывающих наказание в местах лишения свободы, так и в контроле за законностью действий администрации исправительно-трудовых учреждений. В большой степени этому способствуют проведенные в последние годы мероприятия:

передача исправительно-трудовых учреждений в ведение местных Советов, создание наблюдательных комиссий по контролю за исправительно-трудовыми учреждениями, шефство коллективов предприятий и учреждений над исправительно-трудовыми колониями и другие.

Создаваемые ныне наблюдательные комиссии организуются на началах самого широкого привлечения местных партийных, советских, профсоюзных и других общественных организаций к работе исправительно-трудовых учреждений.

Комиссии наблюдают за приобщением заключенных к труду, правильной организацией труда и обучения, культурно-бытовым обслуживанием. Наконец, перед комиссиями поставлена задача содействовать в трудоустройстве лицам, отбывшим наказание.

Важное место в охране государственного порядка принадлежит уличным и квартальным комитетам, комиссиям содействия при домоуправлениях.

Уличные и квартальные комитеты образуются на территории одной или нескольких улиц, квартала. Количество комитетов и границы их территориальной деятельности определяются исполкомами районных, поселковых и городских (в городах, не имеющих районного деления) Советов депутатов трудящихся. Выборы комитета проводятся на общем собрании жильцов данной улицы, квартала. Срок деятельности избранного состава комитета один-два года.

Комиссия не имеет административно-распределительных прав, ее мероприятия носят характер помощи исполкому районного Совета и домоуправлениям в эксплуатации и ремонте жилого фонда, в проведении культурно-массовой работы, в поддержании общественного порядка.

Комиссия вскрывает нарушения правил паспортной системы, сообщает об этом органам милиции, разъясняет жильцам обязательные решения исполкома Совета, об ответственности за нарушение общественного порядка, о правилах поведения детей и подростков в общественных местах, о соблюдении чистоты и порядка в городе, районе.

Большое место в работе комиссии занимает забота о детях, проживающих на территории данного домоуправления.

В наши дни все больше внимания охране общественного порядка уделяют профсоюзы.

В период развернутого строительства коммунизма, особенно возрастает значение **профессиональных союзов** как школы управления, школы хозяйствования, школы коммунизма.

Профсоюзы располагают широкими возможностями в области профилактической и воспитательной работы, направленной на борьбу с нарушениями правил социалистического общежития. Они руководят разветвленной сетью клубов, библиотек, дворцов культуры, работой многочисленных газет,

журналов. Воспитательная работа профсоюзов играет важную роль в борьбе с пережитками старого в сознании людей, в обеспечении строгого соблюдения норм социалистического общества.

Строительство коммунизма неразрывно связано с воспитанием нового человека, в котором гармонически сочетаются духовное богатство, моральная чистота, физическое совершенство. А все это немыслимо без труда, без умения любить самое ценное в жизни любого советского человека — труд на благо общества.

К сожалению, среди молодежи еще встречаются отдельные люди, которые пьянствуют и хулиганят, пренебрежительно относятся к физическому труду, недостойно ведут себя на производстве, в общественных местах, в семье. Комсомол сурово осуждает таких лиц и стремится не оставлять без внимания ни один антиобщественный поступок.

«Нужно, чтобы комсомол — говорится в резолюции XIII съезда ВЛКСМ, — каленым железом выжигал хулиганство, сквернословие, эгоизм; создавал атмосферу общественного презрения вокруг тех, кто злоупотребляет спиртными напитками. Комсомольские и производственные коллективы обязаны поднять ответственность за поведение своих товарищей, всемерно прививать молодежи высокую культуру поведения в общественных местах, на производстве, в семье, воспитывать уважение к женщине, людям старшего поколения, чувство сыновнего долга».⁹

Значение комсомола в борьбе за соблюдение правил социалистического общежития было еще раз подчеркнуто на VII Пленуме ЦК ВЛКСМ, состоявшемся в феврале 1960 года. На Пленуме последовательно проводилась мысль о возрастающей роли советской молодежи в охране общественного порядка, в воспитании нового поколения, свободного от пережитков прошлого, которые порождают нарушения норм социалистического общества.

Практика показывает, что в тех комсомольских организациях, которые заботятся о культуре, быте и досуге молодежи, нет места таким позорным явлениям, как недисциплинированность, пьянство, хулиганство.

В последние годы в Дагестане распространилась рожденная по инициативе комсомольцев Ленинграда новая форма участия общественности в охране порядка — комсомольские рейды. Этими рейдами руководят штабы, образованные в городах в составе секретарей ГК ВЛКСМ и секретарей комитетов комсомола предприятий, организаций и учрежде-

⁹ XIII съезд ВЛКСМ 15—18 апреля 1958 г. Стенограф. отчет. Молодая гвардия; М. 1959 г., стр. 313.

ний. Группа по 5—7 человек следят за порядком на улицах, площадях, у кинотеатров, клубов, дворцов культуры, пресекают нарушения правил поведения, доставляют нарушителей в штаб. Итоги рейда освещались в газетах; в учреждения и предприятия посылались письма о недостойном поведении отдельных лиц; по материалам рейда устраивались сатирические выставки.

Взаимодействие органов милиции с общественностью все более расширяется и проявляется в новых и новых формах.

К таким формам относятся организация института внештатных сотрудников милиции и общественных участковых уполномоченных, восстановление в органах милиции института доверенных лиц, родительские советы при домоуправлениях, детские комнаты на общественных началах, отряды «юные друзья милиции», обсуждение поведения или проступков отдельных лиц в соответствующих коллективах, информации или представления в коллективы, выступления работников милиции в печати, по радио и телевидению.

Права и обязанности внештатных сотрудников милиции, а также порядок их оформления регламентирован положением, объявленном приказом Министра Внутренних Дел РСФСР № 0359 от 2 июня 1962 года.

31 октября 1963 года в гор. Махачкале состоялось республиканское совещание внештатных сотрудников милиции МООП ДАССР, которое обсудило доклад Зам. Министра охраны общественного порядка ДАССР тов. Шайдаева Г. Г. «О состоянии и мерах улучшения работы внештатных сотрудников горрайорганов милиции».

В работе совещания принимали участие руководящие работники республиканских партийных и советских органов, представители газет, радио и телевидения.

Совещание показало насколько могущественна и действенна сила общественности на нарушителей и преступный элемент, если только суметь ее правильно мобилизовать.

Многие внештатные сотрудники милиции активно включились в борьбу с преступностью и нарушениями общественного порядка. Они оказывают большую помощь в выявлении и устранении причин и условий, способствующих правонарушениям, в раскрытии преступлений, в проведении мероприятий по охране социалистической собственности и общественного порядка.

Самым многочисленным звеном среди внештатных сотрудников милиции являются наши общественные участковые уполномоченные. Отрадно, что многие передовики промышленных предприятий, колхозов, совхозов и учреждений лично приходили и приходят в милицию и изъявляют желание работать общественными участковыми уполномоченными. Это люди са-

мых различных профессий: рабочие, служащие, учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, пенсионеры, но их объединяет общее стремление — покончить с хулиганством, пьянством, воровством, тунеядством, бороться за здоровый быт.

Общественные участковые уполномоченные выполняют самые разнообразные обязанности, они ведут борьбу с преступностью, охраняют общественный порядок, ведут борьбу с детской безнадзорностью, занимаются разбором жалоб и заявлений граждан и др.

Неплохо организована работа общественных участковых уполномоченных Цунтинского района. В районе насчитывается 21 общественных участковых уполномоченных в каждом населенном пункте по 2—3 человека.

Ежемесячно работники РОМ проводят семинары или служебные совещания, в которых подводятся итоги работы участков и намечаются мероприятия на следующий месяц. В результате проделанной работы во многих населенных пунктах в 1963 г. уголовных преступлений не было.

Большую помощь в поддержании паспортного режима оказывают органам милиции внештатные и общественные паспортные работники. Они в основном занимаются разъяснением населению правил поддержания паспортного режима, помогают гражданам в заполнении паспортных бланков, проверяют состояние паспортного режима в домовладениях, населенных пунктах, учреждениях, предприятиях, организациях и школах, выявляют нарушителей паспортного режима, оказывают помощь паспортным работникам в розыске неплательщиков алиментов и лиц, потерявших связь со своими родственниками.

Хорошо организовали эту работу такие органы милиции, как Кизлярский ГОМ, Ботлихский, Левашинский, Тляротинский, Агульский, Ахтынский, Унцукульский районные отделы и отделения, Огнинское ПОМ и другие. В этих органах внештатных паспортных работников постоянно инструктируют и направляют на работу. В результате этого некоторые внештатные работники активно включились в работу и оказывают действенную помощь в паспортной работе.

Внештатные сотрудники по линии государственной автомобильной инспекции оказывают помощь работникам ГАИ в борьбе с нарушениями на автотранспорте, проводят большую работу по предупреждению автодорожных происшествий.

Коммунистическая партия подчеркивает, что одной из главных и первоочередных задач по борьбе с преступностью является усиление работы по предупреждению преступлений несовершеннолетних.

Успешное решение этой важной государственной и политической задачи зависит от повседневного и тесного взаимодействия органов милиции с широкой общественностью.

Учитывая это, сотрудники милиции Дагестана придают большое значение борьбе с безнадзорностью и правонарушениями подростков. В этих целях во всех городах и крупных районах организованы детские комнаты милиции на общественных началах, которые стали подлинным штабом профилактической деятельности среди несовершеннолетних. На этой благородной работе заняты школьные учителя, воспитатели детсадов, пенсионеры, активисты, врачи, медсестры и т. д.

Большую и неоценимую пользу в этом вопросе приносят созданные в школах республики отряды «Юных друзей милиции». Члены отрядов ЮДМ несут патрульную службу в школах, на улицах, возле клубов, кинотеатров, парков, скверов и в других общественных местах.

Привлечение общественности к борьбе с преступностью в условиях Дагестана имеет актуальное значение.

Одним из главных достижений Советской власти в Дагестане является приобщение горца к современной культуре, науке и современному производству, которое достигнуто прежде всего, благодаря большой и бескорыстной братской помощи великого русского народа. Ценным достоянием народов Дагестана, величайшим достижением советского строя является нерушимая братская дружба, крупными узами связывающая все многонациональное население республики. В Дагестане проживает на территории 50,3 тыс. кв. километров около 2 млн. человек — более тридцати народностей и этнических групп, говорящих на десятках языков и наречий.

Каждая из них имеет героическую историю, древнюю культуру и замечательное искусство, уходящее своими корнями в далекое прошлое. До Октябрьской революции в Дагестане царила межнациональная вражда, преднамеренно разжигавшаяся царизмом и господствующими классами.

Издевательствам над женщинами не было конца. Ныне все народности Дагестана сплочены в единую братскую семью. Женщины страны гор, освободившиеся от феодально-байского отношения работают во всех отраслях народного хозяйства и занимают руководящие должности в партийных и советских органах республики. Эта работа по раскрепощению женщины требовала особого напряжения, так как народы Дагестана были издавна опутаны феодально-патриархальными пережитками, религиозными предрассудками и суевериями. Дагестан был поставщиком мулл и кадиев для всего мусульманского Кавказа.

За годы Советской власти сделан громадный скачок вперед, достигнуты серьезные успехи в деле пропаганды принци-

пов советской морали, воспитания масс в духе патриотизма, морального кодекса строителя коммунизма.

Однако, среди некоторой отсталой части населения Дагестана весьма живучи пережитки прошлого. Одним из самых распространенных и вредных проявлений пережитков прошлого в Дагестане являются факты феодально-патриархального отношения к советской женщине, которое выражается в выдаче замуж несовершеннолетних, получении и выплате калыма и использовании женщин на тяжелых физических работах (переноске дров, сена, семян, овощей, различных продуктов на далекое расстояние).

Сам народ ведет борьбу с этими вредными пережитками старины, используя все виды и методы агитационно-массовой пропагандистской работы. Практика выработала целый ряд новых методов этой работы. В частности в городах, населенных пунктах Дагестана созданы примирительные комиссии при горрайисполкомах, женские советы и советы стариков.

Так, лишь в одном Хасавюртовском районе функционируют 52 женских совета с охватом 570 человек и 48 советов стариков с охватом 979 человек.

Эти советы создаются из жителей, обладающих наибольшим жизненным опытом и авторитетом. Они оказывают серьезное воздействие на нарушителей правил социалистического общежития, норм нравственности, людей, недостойно ведущих себя в быту.

Основными методами их работы являются личные беседы и открытые заседания, на которых обсуждается поведение лиц, совершивших антиобщественные проступки. Нередко они предотвращают особоопасные преступления, встречающуюся еще вражду между отдельными семьями, тухумами и т. д.

Опыт показывает, что когда вопросы коммунистического воспитания трудящихся, преодоления пережитков капитализма в сознании людей находятся в центре внимания общественных организаций, не сможет не пойти резко на убыль преступность — зло, мешающее честным советским людям спокойно жить и трудиться, наносящее громадный вред нашему обществу.

Коммунистическая партия уделяет много внимания воспитанию трудящихся в духе трудолюбия, коллективизма, принципов социалистической морали. Высокая сознательность трудящихся является основой укрепления государственной и общественной дисциплины, строгого соблюдения советских законов, непримиримого отношения к антиобщественным проступкам. В настоящее время, когда ряд функций, выполняемых государственными органами, постепенно переходят в ведение общественных организаций, успех борьбы с наруше-

ниями социалистического правопорядка зависит прежде всего от участия в этом важном деле партийных, профсоюзных, комсомольских организаций и широкой общественности.

Усиление роли общественности в охране порядка и в борьбе с нарушениями правил социалистического общежития является ярким свидетельством неуклонного развития советской демократии, еще большего вовлечения широких масс народа в государственное управление.

На передний край борьбы за укрепление общественного порядка в стране выходят сами трудящиеся.

Чем активнее, шире и разнообразнее будет участвовать общественность, сами трудящиеся в укреплении общественного порядка, тем успешнее будет двигаться наша страна по намеченному партией пути к коммунизму.

Многообразие форм является залогом успеха в борьбе с нарушениями правил социалистического общежития, с различного рода проявлениями недостойного поведения со стороны отдельных лиц.

В этой связи необходимо всегда помнить указание В. И. Ленина: «Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика вырабатывает — ибо только практика может выработать — наилучшие приемы и средства борьбы».

Руководствуясь указаниями партии и Советского правительства о привлечении всей общественности к борьбе с преступностью органы прокуратуры в своей деятельности опираются на общественность, на ее активное участие в раскрытии преступлений, разоблачении преступников и предупреждения преступлений.

В ходе следствия тщательно выясняют обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, его сплошную деятельность, отношение к работе, семейное положение, поведение в быту, смягчающее иотягчающее обстоятельство, а равно причины, способствовавшие совершению преступления.

Поддерживают постоянную связь с общественностью, своевременно доводят до сведения организаций и коллективов трудящихся о преступлениях, совершенных на предприятии, стройке, в колхозе, учреждении, чтобы каждое преступление подвергалось широкому общественному обсуждению, вскрывались его причины, а на виновных оказывалось воздействие всей силой общественного мнения, чтобы создавалась атмосфера нетерпимого отношения к любым преступным проявлениям.

Участие общественности в сохранении общественного правопорядка имеет особо важное значение, оно помогает повышению качества дознания и следствия объективности, быстроте и оперативности его. Теперь это не только помощь адми-

нистративным органам, но и главное — форма широкого привлечения масс к управлению государством и носит оно не эпизодический, временный характер.

Вся эта деятельность регламентирована и закреплена в законах и директивных материалах КПСС и Советского правительства.

**Принципы взаимодействия органов охраны
общественного порядка с общественностью в целях
успешного решения задачи сокращения и ликвидации
преступности.**

И государство, и негосударственные объединения трудящихся, выполняя свои функции, решают совместно под руководством Коммунистической партии исторические задачи строительства коммунизма. Все эти объединения возникли по воле народных масс, служат им, опираются на их творческую инициативу, развивают и организуют ее. Общность целей и единство партийного руководства, все более широкое привлечение трудящихся к управлению делами общества, постоянное развитие их творческой активности — таковы основы деятельности каждой организации, входящей в систему социалистической демократии.

Несмотря на наличие во взаимоотношениях различных общественных организаций с органами милиции своей специфики, связанной со своеобразием исторической роли и задач каждой организации, в основе их деятельности в борьбе с преступностью находятся конкретные первоначала, руководящие идеи.

Главными принципами взаимодействия органов охраны общественного порядка и общественности являются:

1. Руководящая роль Коммунистической партии.
2. Строжайшее соблюдение социалистической законности.
3. Повседневное сотрудничество, взаимная помощь и координация усилий в борьбе с преступностью.
4. Быстрота и оперативность.
5. Широкая гласность.

Строительство коммунизма — это не стихийный, а сознательный процесс, творчество миллионов, направляемое авангардом советского народа — Коммунистической партией.

В период развернутого строительства коммунизма Коммунистическая партия, возникшая как партия рабочего класса, стала партией всего советского народа. В этом выражается монолитное единство партии и народа, достигнутое на основе полной и окончательной победы социализма в нашей стране.

Коммунистическая партия направляет и руководит деятельностью всех организаций по борьбе с преступностью,

с пережитками прошлого, аморальными проступками, доводит до сознания самых широких народных масс идею борьбы за коммунизм в форме конкретных и вполне определенных задач, организует и направляет усилия каждого коллектива, каждой организации и всех трудящихся на их успешное решение. Творчество народных масс цементируется исключительно на началах убеждения масс, организаторской работой Коммунистической партии и руководимых ею общественных организаций.

Коммунистическая партия является той силой, которая концентрирует волю, усилия и энергию нашего народа на решение задач, вставших на новом этапе исторического развития.

В современных условиях, когда происходит процесс перерастания социалистической государственности в общественное самоуправление, Коммунистическая партия должна направлять этот процесс, показать образец выработки наиболее совершенных форм коммунистического самоуправления.

Социалистическая законность выступает по отношению к общественному порядку как важнейшее средство его укрепления и охраны.

Коммунизм предполагает всестороннее духовное развитие человека. Вот почему партия придает исключительное значение формированию коммунистического мировоззрения молодежи, всех советских граждан, воспитанию активных, сознательных строителей коммунистического общества, нетерпимых к нарушениям норм социалистического общежития, советской законности.

Понятие «законность» шире понятия «закон». Законность—это нечто вроде атмосферы, окружающей человека и создающей обстановку, в которой исполнение законов становится привычкой. Можно иметь прекрасные законы, но если они нарушаются гражданами и должностными лицами, то нет и законности. Настоящий правопорядок—это когда законность проникает во все поры жизни, когда исполнение законов становится для каждого человека такой же естественной необходимостью, как потребность в труде, воздухе и пище.

На создание такой обстановки партия направляет усилия всех своих организаций, всей советской общественности. И это уже дает блестящие результаты.

В нашей стране немало сделано по укреплению социалистической законности, внедрению правопорядка во всех областях государственной, хозяйственной деятельности и общественной жизни. Партия неуклонно осуществляет ленинские принципы партийного и государственного руководства, всемерно развивает социалистическую демократию, активно поддерживает творческую инициативу масс.

Однако было бы неправильно свести все формы участия общественности в борьбе с преступностью к области, регулируемой правовыми нормами. Нельзя согласиться с теми авторами, которые полагают, будто усилие роли граждан в области охраны общественного порядка непременно должно вовлечь за собой подробную правовую регламентацию всей деятельности общественности. Так, на научной конференции, состоявшейся в октябре 1959 года в Свердловске, Х. Б. Шейнин утверждал, что «повышение роли общественности в охране общественного порядка выдвигает необходимость в дальнейшей законодательной регламентации всех относящихся сюда вопросов».¹⁰ Основная задача общественности по борьбе со всякими правонарушениями состоит в профилактике преступлений, в усилении и совершенствовании воспитательного воздействия на неустойчивых членов нашего общества.

Взаимодействие органов МООП и различных видов общественных организаций трудящихся показывает, что задачи строительства коммунизма решаются путем сочетания мероприятий по государственной линии и по линиям многочисленных общественных организаций. При этом органы МООП и общественные организации действуют не изолированно друг от друга, а в тесном контакте, при постоянной взаимной поддержке.

Согласованность в работе органов милиции и общественных организаций является одним из ярких проявлений объединения советского общества, сплочения всего народа вокруг Коммунистической партии. Такая сплоченность общества, согласованность в действиях по борьбе с преступностью является важнейшим условием быстрого и целенаправленного движения вперед по пути строительства коммунизма.

Согласованность, сплоченность, смелость, сила — таков девиз должен быть у органов милиции и общественности. И когда действуют именно так — этим достигаются положительные результаты и прекрасно сказывается на тех, кто полагал, что им и море по колено и все дозволено.

Там, где появляются дружинники с красными повязками на рукавах, с сотрудниками милиции, — будь-то в клубе и парке, столовой, магазине и других общественных местах — нарушители порядка сразу чувствуют себя неловко, стараются поскорее скрыться, успокоиться.

Совместная слаженная деятельность комсомольских отрядов и милиции дали прекрасные результаты.

¹⁰ XXI съезд КПСС о роли общественности в борьбе с преступными проявлениями и в укреплении социалистического правопорядка» (материалы научной конференции)», Свердловск, 1960, стр. 124.

Комсомольские отряды вместе с работниками милиции осуществляют общее патрулирование на отведенных им участках, дежурят на молодежных вечерах в различных общественных местах. Такие дежурства весьма полезны, они, несомненно, сдерживают недисциплинированных, приучают их соблюдать общественный порядок.

В городах и некоторых районах Дагестана составляются планы согласованных или совместных действий (координационные) органов милиции и общественности в борьбе с преступностью.

«Человек человеку — друг, товарищ и брат» — эти слова в наши дни стали знаменем социалистической демократии, основой и гранитным фундаментом сотрудничества общественных организаций с органами МООП.

Воспитывая глубокие чувства и интересы нового человека, органы милиции вместе со всеми общественными организациями превратились в проповедников подлинно братских отношений между людьми, спланивающих советский народ в единую семью друзей — единомышленников.

Возьмем для примера бригады коммунистического труда, в которых твердо установилось правило: один за всех, все за одного — в труде, в учении, в быту. Они в тесном сотрудничестве с сотрудниками милиции борются за то, чтобы ни одного проступка или преступного проявления не было со стороны членов этих бригад. И в результате этого достигается сокращение преступности. По настоящему братское сотрудничество работников милиции и советских людей объясняется тем, что личное счастье каждого из нас зависит от успехов всего общества, а успехи общества зависят от вклада каждого.

И чем больше инициативы и творчества проявит каждый работник где бы он ни работал, тем успешнее будут наши дела, значит помогая товарищу, ты помогаешь себе и всему обществу.

По этому так важно привлечь каждого трудящегося к работе по борьбе с преступностью, к управлению делами государства, на каждого возложить часть забот за процветание нашей родины, чтобы каждый чувствовал ответственность за общее дело.

Задача состоит в том, чтобы повсеместно активизировать работу по укреплению сотрудничества товарищеских судов, добровольных народных дружин и других общественных организаций с органами МООП, сделать ее постоянной, действенной. Необходимо оказывать всемерную помощь и поощрять важную и почетную работу лучших дружинников, членов товарищеских судов, внештатных сотрудников и других общественников. Ведь в этой работе общественности

растут и крепнут зримые черты коммунистического общественного самоуправления.

Внештатные сотрудники милиции, товарищеские суды, добровольные народные дружины и другая общественность строят всю свою деятельность на началах добровольного участия передовых трудящихся, выполняющих функции охраны порядка и законности бесплатно, без отрыва от производства. Главным методом воздействия этих органов общественности на массы служит воспитание, убеждение, предупреждение нарушений. Конечно, эти методы широко применяются и государственными органами в социалистическом обществе. Однако нельзя не видеть, что именно привлечение общественности позволяет поднять на новую, более высокую ступень воспитательную, профилактическую работу, направленную на предупреждение правонарушений.

Всемерное повышение воспитательной, профилактической работы, проводимой самой общественностью на бесплатных, добровольных началах, — это и есть внедрение важнейших начал коммунистического общественного самоуправления, которое будет осуществляться без особого аппарата принуждения.

Буржуазные пропагандисты клеветают на нашу демократию, пытаясь доказать, что она будто бы не обеспечивает расцвета личных способностей человека... И это говорится о стране, открывшей человеку дорогу в космос, о стране, где в год готовится втрое больше инженеров, чем в самой развитой капиталистической стране — США, о стране, где преступность из года в год резко сокращается, в то время как по данным федерального бюро расследований, в прошлом 1963 году в США было зарегистрировано 2,25 миллиона серьезных преступлений, а население в стране не достигало и 190 миллионов человек. Если с 1958 года население США увеличилось на 8 процентов, то преступность за этот период возросла на 40 процентов. Больше всего преступления, как и прежде, зарегистрировано в Нью-Йорке, где в 1963 г. было совершено 202.616 преступлений, из них 640 убийств, 1.049 изнасилований. По данным полицейского управления Нью-Йорка, за 6 месяцев 1964 г. в городе увеличилось количество убийств на 16,6 процентов, изнасилований на 28 процентов и ограблений на 25,6 процента.

В целом по стране, согласно данным министерства юстиции, преступность растет в пять раз быстрее роста населения.

Дружба и взаимопонимание милиции и трудящихся в СССР является характерной чертой социалистического государства. Да иначе и не может быть, ибо работников милиции связывает с народом общность интересов, целей, глубокий патриотизм и беззаветная преданность Родине.

Очень важным фактором во взаимодействии общественности и МООП является взаимная информация.

Общественность информирует органы милиции о готовящемся или совершенном преступлении, о подозреваемых лицах, об очевидцах преступления, о местах укрытия похищенного, краденного, о вещественных и письменных доказательствах, о местах возможного появления розыскиваемого и т. д.

В п. 2 ст. 108 УПК РСФСР, указано, что поводом к возбуждению уголовного дела являются сообщения профсоюзных и комсомольских организаций, народных дружин по охране общественного порядка, товарищеских судов и других общественных организаций.

В свою очередь работники милиции выступают перед трудящимися непосредственно в коллективах, по радио, телевидению, в печати с информацией о раскрытых и нераскрытых преступлениях, о характерных приметах личности разыскиваемого преступника, похищенных предметов, орудий и средств совершения преступления, с беседами и лекциями на правовые темы и т. п., что приносит огромную пользу.

Обращение к общественности за помощью в раскрытии преступлений не должно приводить к разглашению материалов следствия, что может сказаться, наоборот, помехой в раскрытии преступления. В каждом конкретном случае следует избрать подходящий момент, когда можно пойти за помощью общественности и, является целесообразным, чтобы такое обращение было после того, когда первоначальные следственные действия и оперативно-розыскные меры органов милиции не привели к раскрытию преступления.

Получив сообщение о готовящемся или же совершенном преступлении, работники милиции обязаны совместно с общественностью принять и принимают быстрые и оперативные меры по предотвращению, а также выявлению очевидцев, подозреваемых, следов преступления и предметов, документов, имеющих отношение к преступлению, при преследовании и задержании преступника и т. д.

Конкретность и целеустремленность необходима во всей деятельности организации и осуществлении совместных действий органов милиции и общественности в борьбе с преступностью.

Таким образом, все это помогает своевременному предотвращению готовящихся или же замышляемых, а также раскрытию совершенных преступлений.

Гласность во взаимодействии органов МООП с общественностью является важным средством обеспечения общественно-воспитательного результата в процессе борьбы с преступностью, важной и действенной гарантией связи милиции

с широкими слоями населения, контроля за законностью и обоснованностью их действий, а также повышения чувства их ответственности перед народом.

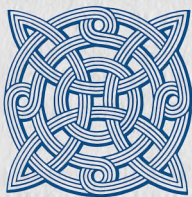
Необходимость максимального расширения принципа гласности ярко подчеркнута в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» от 2 марта 1959 года, в решении XX—XXII съездов нашей партии.

Однако было бы весьма неправильно и вредно, если бы всем действиям общественности и милиции придавалась широкая гласность. Во многих их совместных действиях по борьбе с преступностью необходимо соблюдать строгую конспирацию.

Следовательно, одним из следующих принципов во взаимодействии органов милиции и советской общественности является соблюдение конспирации:

Это необходимо, например, при производстве с участием общественности мероприятий по наблюдению за местами возможного появления разыскиваемых, при задержании последних, проведении негласных осмотров в торговых точках, чтобы зафиксировать определенное состояние объектов, вещей, характерные признаки материалов или изделий, в отношении которых преступники готовятся осуществить какие-либо жульнические комбинации (изменить сорт, стандарт) или же выявить и зафиксировать неучтенную продукцию, завезенную с производства, а также в ряде других совместных действиях.

Следует отметить, что изложенные принципы не являются исчерпывающими. В зависимости от расширения и видоизменения форм взаимодействия, принципы так же будут усовершенствоваться и дополняться новыми.

ДАГЕСТАНСКАЯ АССР В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституция СССР и конституции союзных и автономных республик определяют автономную республику как Советское Социалистическое государство.

В настоящее время в Союзе насчитывается 20 автономных республик.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и строительства социалистического общества в нашей стране создано многонациональное государство, где впервые в истории справедливо разрешен национальный вопрос. Статья 123 Конституции СССР гласит: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — карается законом».

Еще основоположники марксизма-ленинизма указывали, что не может быть свободен тот народ, который угнетает другие народы. К. Маркс и Ф. Энгельс впервые доказали, что разрешить национальный вопрос и ликвидировать национальный гнет и национальное неравенство возможно лишь в результате уничтожения капитализма и победы социализма. В «Манифесте Коммунистической партии» они писали:

«В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антогонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой».¹

Основоположники марксизма-ленинизма уделяли исключительно большое внимание национальному вопросу. К. Маркс и Ф. Энгельс в своих трудах показали, что нации, категория не вечная, они возникают в результате исторического разви-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, ОГИЗ, 1948.

тия общества в эпоху капитализма, что буржуазные нации делятся на эксплуататоров и эксплуатируемых и раздираются изнутри непримиримыми противоречиями между буржуазией и пролетариатом, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Национальный гнет и насилие являются выражением непримиримых социальных антогонизмов, присущих капиталистической системе, поэтому для ликвидации национального гнета необходимо уничтожить капиталистический строй.

Пролетариат является непримиримым врагом национального гнета, насилий и всякого рода национальных и расовых ограничений, так как по своей природе интернационален и его коренные интересы требуют последовательной революционной борьбы за свержение буржуазного строя и завоевание политической власти силами всего пролетариата, всех угнетенных независимо от их национальной принадлежности.

Исходя из этих основных положений Маркса и Энгельса по национальному вопросу, В. И. Ленин впервые в истории марксизма выработал теоретическую программу и политику Коммунистической партии по национальному вопросу. В. И. Ленин показал, что национальный вопрос неразрывно связан с общими задачами рабочего класса и его классовыми интересами, и борьба за национальное освобождение является составной частью общей революционной борьбы рабочего класса за победу социалистической революции. Он разработал важнейшие положения об основах строительства многонационального социалистического государства, о дружбе и сотрудничестве народов.

СССР, являющийся многонациональным социалистическим государством, представляет собой прямое воплощение ленинских начал социалистического интернационализма в государственном строительстве.

II съезд РСДРП в 1903 году принял ленинское программное требование по национальному вопросу — признание права наций на самоопределение. Программа партии, принятая II съездом РСДРП, предусматривала равноправие наций, право получать образование на родном языке путем создания школ за счет государства, организацию самоуправления и введение родного языка наравне с общегосударственным во всех общественных и государственных учреждениях.

Поронинское совещание ЦК с партийными работниками в 1913 году приняло резолюцию о признании за нациями права свободного отделения. VII конференция РСДРП(б) в апреле 1917 года приняла следующую резолюцию по национальному вопросу:

«За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и образование самостоятельного государства. Партия требует включения

в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций, какие бы то ни было нарушения прав национальных меньшинств».²

В программе партии, принятой VIII съездом (март 1919 года), были сформулированы важнейшие положения Коммунистической партии по национальному вопросу.

Признание за каждой нацией права на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства — таково было основное требование Коммунистической партии по национальному вопросу. Для народностей и племен, которые не имеют объективных возможностей отделиться и образовать самостоятельное государство, обеспечивается свободное развитие в рамках единого государства.

Однако признание права наций на самоопределение не означало принятия Лениным и большевиками буржуазного принципа, согласно которому каждая национальность должна образовать самостоятельное государство.

Наоборот, партия, признавая право наций на самоопределение, отнюдь не преследовала цели раздробления государства, разобщения пролетариата различных наций. Партия преследовала цель создания единого пролетарского государства, состоящего из различных наций. В условиях царской России, где национальный гнет достигал огромных размеров, добиться этого можно было только лишь путем провозглашения права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. В. И. Ленин писал:

«Мы требуем свободы самоопределения, т. е. независимости, т. е. свободы угнетенных наций не потому, что бы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а наоборот потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернациональной базе, *немыслимой без свободы отделения*».³

В соответствии с принципами пролетарского интернационализма Коммунистическая партия предоставляла каждой нации возможность самостоятельно, сообразно со своими интересами и задачами решать вопрос о своем государственном существовании. Нация могла устроить свою жизнь на началах автономии в рамках единого государства; она могла создать свое национальное государство и, сохранив за собой известные суверенные права, вступить с другими нациями в федеративные сношения; наконец, она могла совершенно отделиться и создать национальное суверенное государство.

² КПСС в резолюциях и решениях ч. 2, 1953 г., стр. 345—346.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 377.

Коммунистическая партия еще на своем II съезде в 1903 году выдвинула требование областного самоуправления или областной автономии, противопоставив его так называемой «культурно-национальной автономии», выдвигавшейся австрийскими социал-демократами и Бундом. Сущность «культурно-национальной автономии» заключалась в том, что она сводилась лишь к требованию создания школ и других просветительных учреждений на родном языке, «разделения школьного дела по национальностям». Она решала национальный вопрос в отрыве от политики, в отрыве от вопроса о государственной власти, классовую борьбу подменяла классовым миром. Ее целью было увековечить разобщенность национальностей, культивировать национальную отчужденность, бороться против пролетарского интернационализма и солидарности трудящихся масс. Большевики-ленинцы подвергли «культурно-национальную автономию» резкой критике и показали ее реакционную, буржуазно-националистическую сущность. Коммунистической партией была принята областная автономия, так как она являлась единственно приемлемой для окраин, отличавшихся особым бытом и национальным составом населения, единственно целесообразной формой союза между окраинами и центром. Реакционная сущность позиции австрийских социал-демократов и бундовцев по национальному вопросу совершенно очевидна еще и потому, что партия кадетов, являвшаяся выразителем и защитником интересов крупной буржуазии, в 1917 году высказалась за «культурно-национальную автономию».

Областная автономия, которую Коммунистическая партия противопоставила «культурно-национальной автономии», являлась средством изоляции буржуазии от трудящихся масс окраинных областей и вовлечения этих масс в социалистическую революцию, средством сближения центральной России с национальными окраинами, установления и укрепления тесного экономического, политического и культурного сотрудничества их трудящихся масс, средством превращения Советской власти в близкую, доступную массам, родную власть. Автономия дает трудящимся массам возможность научиться управлять государством, строить свои органы управления с учетом их быта, нравов и обычаев и национальных особенностей. Автономия дает возможность наиболее рационально использовать природные богатства и быстрыми темпами развивать производительные силы национальных окраин.

Народный Комиссариат по делам национальностей в своем обращении к Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбурга, СНК Туркестанского края и другим в апреле 1918 года поставил перед ними задачу использовать автономию для упрочения среди национальностей Советской власти в формах, соответствующих специфическим условиям и нуждам

национальностей. Автономия в нем рассматривалась как необходимое средство для вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития.

Для того, чтобы успешно осуществить программу Коммунистической партии по национальному вопросу в нашей стране, где проживают народы самых различных национальностей, необходимо было тщательно разработать вопрос о наиболее целесообразных формах Советской государственности народов и государственных связей между ними. При этом нужно было учитывать в первую очередь свободно выраженную суверенную волю этих национальностей относительно своего государственного существования, формы осуществления своего права на самоопределение. Кроме того, важное значение при этом имело то обстоятельство, что по уровню развития в хозяйственном, политическом и культурном отношении, численности населения, занимаемой территории и естественно-географическим условиям национальности резко отличались друг от друга.

Все эти обстоятельства обусловили то, что формы осуществления права на самоопределение должны были быть не стандартными для всех национальностей, а такими, в которых могли бы учитываться все особенности той или иной национальности. Это наложило свой отпечаток на государственное устройство нашей страны, на формы федеративных связей между народами в рамках единого многонационального государства.

В практике строительства Советского многонационального государства сложились две формы федерации — федерация как союз суверенных советских республик и федерация на базе автономии. Эти две формы советской федерации были конституционно закреплены в декабре 1922 года образованием СССР.

Образование в нашей стране различных форм советской федерации не произошло самоотечком, явилось результатом вполне сознательного и продуманного учета воли национальностей, особенностей их развития, исторически сложившихся в стране взаимоотношений между национальностями и сознательного воздействия на эти взаимоотношения. В этом проявилась огромная роль Коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества.

Советская федерация, как в форме союза советских республик, так и на базе автономии, представляет собой новый, социалистический тип федерации, при которой осуществляют союз, братское сотрудничество и дружба социалистических наций в одном многонациональном государстве на началах добровольности и равноправия. В этом ее преимущество.

«Автономия» — греческое слово, которое в буквальном переводе на русский язык означает «самозаконность», «самозаконодательство».

В советском государственном праве автономия означает одну из форм реализации права наций на самоопределение в нашей стране.

В государственно-правовой литературе по-разному определяется понятие автономии.

Одни авторы определяют советскую автономию как самостоятельное осуществление государственной власти национальными государственными образованиями, входящими в состав союзной республики, в пределах компетенции, установленной высшими органами государственной власти союзной республики.⁴

Другие авторы определяют советскую автономию как социалистическое самоуправление наций или народности в составе суверенного советского государства.⁵

Оба эти определения советской автономии недостаточно раскрывают ее сущность, страдают односторонностью. Недостатком первого определения является то, что содержание и сущность советской автономии в нем сводятся лишь к осуществлению государственной власти, в нем подчеркнут один только национальный признак автономных единиц, а о территориальном признаке ничего не сказано. Во втором определении также не получили своего раскрытия основные черты автономии.

Оригинально определял советскую автономию П. И. Стучка в книге «Учение о советском государстве и его конституции». Он писал: «...советская автономия имеет конкретное значение. Она стоит на почве экономического и политического единства, централизма, но одновременно за культурную (бытовую) и национальную децентрализацию. Но быт превращается в культуру не в атмосфере буржуазной власти, а власти трудящихся: значит, не отчуждает взаимно, а сближает различные нации».

Наиболее правильным, на наш взгляд, является следующее определение понятия советской автономии:

⁴ Д. Л. Златопольский. Государственное устройство СССР, Госюриздат, М., 1960, стр. 191; А. В. Радвогин. Советская автономия и ее формы, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1954, стр. 5.

⁵ А. И. Денисов, М. Г. Кириченко. Советское государственное право, М., 1957, стр. 132. Курс советского государственного права, т. II, под редакцией А. И. Лепешкина. Госюриздат, М., 1962, стр. 167; Ш. Ш. Хафизов. Некоторые вопросы межнациональных и межреспубликанских связей в период развернутого строительства коммунизма, Уч. записки Казанского университета, т. 122, кн. I, Казань, 1962, стр. 37; И. З. Гогилашвили. Правовое положение автономной советской республики, Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси, 1955, стр. 4.

Советская автономия — это одна из форм реализации в нашей стране права наций на самоопределение, представляющая собой внутреннее самоуправление народа определенных территорий, отличающихся национальным составом населения и особыми хозяйственными, бытовыми и прочими условиями, в составе суверенного государства в пределах, определяемых государственной властью союзной республики.

Коммунистической партией автономия как национально-государственная форма устройства народов нашей страны была признана целесообразной для тех наций и народностей, которые сами путем свободного волеизъявления пожелали остаться в составе Советской России без отделения и образования своего суверенного государства, а также для тех, которые ввиду своей малочисленности и значительной политической, экономической и культурной отсталости не были в состоянии отделиться и образовать свое самостоятельное государство.

Автономия как раз и была призвана служить средством ликвидации политической, экономической и культурной отсталости этих наций и народностей путем их свободного развития, средством сближения трудящихся разных национальностей.

Советская автономия означает предоставление народам, создавшим ее, политического самоопределения, выражающегося в создании ими национального государственного образования, предоставление широкого внутреннего самоуправления, создание возможностей для устранения всех национальных ограничений и для свободного хозяйственного, политического и культурного их развития в рамках единого государства. Советская автономия исходила из признания права наций иметь свои органы политической власти, получать образование на родном языке, ведать всеми своими местными государственными и культурно-просветительными делами. Создание автономии преследовало цель приобщения всех народов к социалистическому государственному строительству, приближения Советской власти к народным массам этих наций и народностей, привлечения народных масс этих национальностей к государственному управлению.

Таким образом, советская автономия явилась одной из форм разрешения национального вопроса в нашей стране.

Еще в написанной В. И. Лениным «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», утвержденной III Всероссийским съездом Советов 25 января 1918 года и вошедшей впоследствии целиком в первую Советскую Конституцию, было записано:

«...стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более тесный и прочный, союз трудящихся классов всех наций России, Учредительное собра-

ние ограничивают свою задачу установлением коренных начал федерации Советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях».⁶

Буржуазная автономия, созданная на базе диктатуры эксплуататорских классов, не является формой разрешения национального вопроса. Она не устраняет национального гнета, поскольку капиталистическая частная собственность, являющаяся экономическим условием национального гнета, не ликвидирована.

Согласно ст. 115 Конституции Италии 1947 г. некоторым ее областям предоставлена автономия. Однако они не построены по национальному признаку и пользуются очень ограниченными правами. Согласно этой Конституции областной Совет, являющийся органом автономной области, имеет право издавать законы, однако в законную силу они вступают лишь после визирования его комиссаром центрального правительства с согласия последнего.

Такими же ограниченными правами пользовалась автономная Закарпатская Русь, образованная в 1920 г. в составе буржуазной Чехословакии. Согласно конституции Чехословакии ландтагу Закарпатской Руси было предоставлено право издавать законы по делам языка, преподавания, религии, местного самоуправления и т. д., однако закон вступал в силу лишь в том случае, если с ним согласится президент Чехословакии. Фактически же и эти урезанные права, предусмотренные Конституцией, не были Закарпатской Руси предоставлены. Ландтаг даже вовсе избран не был.⁷ 3 февраля 1926 г. чехословацким правительством было отдано распоряжение, по которому официальным языком в Закарпатской Руси был объявлен чешский, тем самым автономия фактически была упразднена.

Советская автономия имеет различные формы и виды, благодаря чему она может охватить многообразие народов, стоявших на различных ступенях экономического, политического и культурного развития, дает возможность объединения в ней не только одной нации, но и нескольких наций и народностей (например, в Дагестанской АССР), а также таких наций и народностей, которые не составляют большинства населения на данной территории (например, Мордовская АССР,

⁶ В. И. Ленин. О государстве и праве, т. II, Госюриздат, М., 1958 г., стр. 55.

⁷ См. Д. Л. Златопольский. Государственное устройство СССР, Госюриздат, М., 1960 г., стр. 205.

где Мордва составляет всего лишь 37, а русские — 57 процентов населения).

В нашей стране сложились две формы советской автономии: политическая автономия и административная автономия.

Политическая форма автономии выступает в виде автономных советских социалистических республик — национальных автономных государств, а административная форма автономии — в виде автономных областей и национальных округов — национальных государственных образований.

Высшей формой советской автономии является политическая автономия, которая означает, что государственная власть самостоятельно осуществляется национальным государством, входящим в состав союзной республики, тогда как административная автономия означает самостоятельное осуществление государственной власти национальным образованием, входящим в состав союзной республики (как правило, через административно-территориальные единицы союзной республики). Ввиду этого высшая политическая форма советской автономии характеризуется наличием конституции, высших органов государственной власти, правительства, своего законодательства, высших судебных органов и гражданства республики, тогда как автономные области и национальные округа, представляющие собой административную форму автономии, не являются государством и поэтому не имеют указанных прав.

Автономные республики в своем развитии прошли большой исторический путь. В соответствии с этим законодательное выражение правового положения автономных республик в исчерпывающем виде было дано лишь в Конституции СССР 1936 года и принятых на ее основе конституциях союзных и автономных республик.

12 июня 1937 года Чрезвычайным XI съездом Советов Дагестанской АССР была принята Конституция ДАССР, разработанная в соответствии с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР. В числе конституций других автономных республик Российской федерации она была утверждена 2 июня 1940 года Верховным Советом РСФСР на своей третьей сессии.⁸

Конституция определяет Дагестанскую АССР как социалистическое государство рабочих и крестьян.

Дагестанская АССР представляет собой высшую, политическую форму советской автономии и является многонациональным социалистическим государством в составе РСФСР, компетенция которого ограничена лишь в тех вопросах, по которым требуется централизованное государственное руковод-

⁸ Третья сессия Верховного Совета РСФСР. Стенографический отчет, 1940, стр. 231—246.

ство со стороны последней в целях обеспечения единой внешней и внутренней политики в рамках всей Российской Федерации.

Дагестанская АССР существенно отличается от других автономных республик тем, что она представляет собой многонациональную республику. По данным переписи 1959 года население Дагестанской АССР составляет 1 062 472 человека, из них представителей народностей Дагестана 736 027 человек, что составляет 76,3 процента всего населения республики. Из них 17,6% составляют аварцы, 13,8% даргинцы, 11,5% лезгины, 11,1% кумыки, 5,6% лаки, 3,3% ногайцы, 4,5% табасаранцы и другие.⁹

Для правильного понимания вопроса о Дагестанской АССР как о Советском социалистическом государстве, входящем в состав РСФСР, необходимо выяснить ее место в системе Российской Федерации, а также отличия ее правового положения, с одной стороны, от РСФСР как союзной республики, и, с другой стороны, от административно-территориальных областей, краев, автономных областей, которые также входят в состав РСФСР.

Статья 15 Конституции СССР гласит: «Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик».

Дагестанская АССР, как и всякая другая автономная республика, не имеет суверенных прав. В этом заключается одно из важнейших отличий Дагестанской АССР от РСФСР.

РСФСР, как суверенное государство, сама разрабатывает и утверждает свою конституцию. Дагестанская АССР таким правом не пользуется. Разработанная и принятая Верховным Советом Дагестанской АССР конституции ДАССР подлежат утверждению Верховным Советом РСФСР.

РСФСР является равноправным субъектом Союза ССР и пользуется правом свободного выхода из Союза ССР. Дагестанская АССР правом свободного выхода из РСФСР, в состав которой она входит на федеративных началах, не пользуется, а в состав Союза ССР она входит только через РСФСР.

В соответствии со статьями 18-а и 18-б Конституции Союза ССР и статьями 16-а и 16-б Конституции РСФСР последняя имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими предста-

⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., Москва, 1962, стр. 184, 202.

вителями, а также иметь свои войсковые формирования. Дагестанская АССР, как и другие автономные республики, такими правами не обладает.

В области законодательства РСФСР пользуется обширными полномочиями. В соответствии с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР к ведению Российской Федерации относится установление законодательства о труде, о судостроительстве и судопроизводстве, о браке и семье, принятие уголовного и гражданского кодексов и т. д. в соответствии с основами законодательства, установленными Союзом ССР. Дагестанская АССР, в отличие от этого, подобных полномочий в области законодательства не имеет. Круг вопросов, по которым Дагестанская АССР имеет право принимать собственные законы, является весьма ограниченным.

В соответствии с законом о гражданстве СССР, принятым Верховным Советом СССР 19 августа 1938 года, РСФСР, как и другие союзные республики, пользуется правом принимать иностранцев в советское гражданство. Дагестанской АССР право принимать иностранцев в советское гражданство не предоставлено.

В соответствии с пунктом «Г» статьи 60 Конституции СССР и пунктом «Э» статьи 19 Конституции РСФСР последняя пользуется правом амнистии и помилования граждан, осужденных ее судебными органами. Право амнистии и помилования граждан, осужденных ее судебными органами, Дагестанской АССР не предоставлено.

В соответствии с Конституциями СССР, РСФСР и Дагестанской АССР к ведению РСФСР отнесено утверждение границ и районного деления Дагестанской АССР.

Отличием Дагестанской АССР от РСФСР является и то, что она не имеет особого герба и флага, а пользуется гербом и флагом РСФСР с добавлением на ней надписей на языках народов ДАССР.

Необходимо также отметить различие в представительстве в Совете Национальностей Верховного Совета СССР от РСФСР и Дагестанской АССР. От РСФСР в Совет Национальностей избирается 32 депутата, а от Дагестанской АССР — 11 депутатов.

Будучи суверенными государствами, союзные республики являются учредителями Союза ССР, и вся территория СССР состоит из территории союзных республик. Автономные республики, как и другие автономные государственные образования, входящие в состав РСФСР, не являются учредителями РСФСР и в результате их образования в составе РСФСР или вхождения их в состав РСФСР на началах автономии не образуется новое союзное государство. Кроме того, территории входящих в состав РСФСР автономных республик и других

автономных государственных образований не покрывают всей территории РСФСР, а занимают только незначительную ее часть.

Все перечисленные особенности показывают, что союзная республика имеет ряд важнейших прав, которыми не обладает автономная республика. Однако, это не означает, что народ, образующий союзную республику, имеет преимущественные права перед народом, образующим автономную республику. И союзная, и автономная республика образованы на основе права наций на самоопределение.

Нельзя полагать, что все советские нации, организованные в союзные республики, стоят выше по уровню своего экономического, политического и культурного развития, чем советские нации, организованные в автономные республики. Не от этого зависит то обстоятельство, что одни национальности организованы в союзные республики, а другие организованы в автономные республики. Суверенность нации не умаляется тем, что она согласилась вступить в союз суверенных республик или войти в другое государство в качестве его составной части, если решение об этом ею принято свободно, а не навязано ей силой. Выбор той или иной формы своего государственного существования зависит главным образом от суверенной воли соответствующей национальности, причем воля эта определяется объективными условиями существования данной национальности.

Характерной особенностью Советского многонационального социалистического государства, обусловленной его демократизмом и интернациональной природой, является то, что с самого начала национально-государственного строительства в нашей стране в деле создания автономий оно неизменно опиралось на свободное волеизъявление народов, которое всегда производилось непременно условием при реализации права наций на самоопределение в той или иной форме.

Об этом свидетельствуют многочисленные случаи преобразования национальных округов в автономные области, автономных областей в автономные республики и последних в союзные республики в соответствии с волей образующих их национальностей.

Так, в постановлении ВЦИК от 28 декабря 1934 года о преобразовании Удмуртской автономной области в Удмуртскую АССР подчеркивалось значение непосредственной воли удмуртского народа.

Ряд авторов считают, что автономная республика, хотя она и не является суверенным государством, однако обладает некоторыми элементами государственного суверенитета или

рядом суверенных прав.¹⁰ В подтверждение этого они ссылаются на то, что автономная республика обладает территориальным верховенством, имеет свою конституцию и собственное законодательство.

Однако с утверждением, что автономная республика обладает элементами государственного суверенитета, нельзя согласиться, т. к., как справедливо указывает А. И. Лепешкин, «само понятие государственного суверенитета как определенного свойства государственной власти едино, суверенитет не состоит из элементов, он неделим».¹¹

Те суверенные права, которыми в отличие от Дагестанской АССР обладает РСФСР и которые ее осуществляют, Дагестанской АССР добровольно переносятся на РСФСР, и это нисколько не умаляет роли Дагестанской АССР как Советского социалистического государства.

В советском многонациональном государстве, основанном на дружбе, взаимном доверии и братском сотрудничестве народов, права и интересы Дагестанской АССР полностью гарантированы и суверенные права РСФСР служат интересам всех наций союзной республики — как наций большинства, так и наций меньшинства. Кроме того, права и интересы Дагестанской АССР гарантируются Союзом ССР, который утверждает образование автономных республик и тем самым гарантирует их существование.

Определенный интерес представляет вопрос о том, какие объективные условия необходимы для создания новых союзных республик путем преобразования автономных республик в союзные.

В юридической литературе широкое распространение получило утверждение о том, что имеются следующие 3 объективных признака, при наличии которых автономная республика может быть преобразована в союзную республику:

1. Крайнее положение автономной республики;
2. Численное преобладание национальности, имя которой носит автономная республика;
3. Наличие определенного минимума населения.

Первый из указанных принципов является совершенно необходимым, т. к. только при крайнем положении союзной республики является реальным закрепленное за ней право

¹⁰ И. Д. Левин. Советская федерация — государственно-правовая форма разрешения национального вопроса в СССР. «Вопросы Советского государства и права», издательство АН СССР, 1957, стр. 242—243; Д. Л. Злотопольский. Государственное устройство СССР, Москва, 1960, стр. 216; В. Г. Филимонов. Образование и развитие РСФСР, Москва, 1963, стр. 117.

¹¹ А. И. Лепешкин, А. И. Ким, Н. Г. Мишин, П. И. Романов. Курс Советского государственного права, т. II, М., 1962 г., стр. 190.

свободного выхода из состава СССР. Что касается второго и третьего признаков, то они не являются бесспорными.

Однако ни один из этих признаков игнорировать нельзя. В самом деле, как можно игнорировать такой признак, как окраинное положение автономной республики? Ведь смешно представить, что например, Башкирская, Татарская или другая автономная республика, которая со всех сторон окружена территорией РСФСР, может быть преобразована в союзную республику. Право свободного выхода из состава СССР, которое является важнейшим признаком союзной республики как суверенного государства, в этом случае теряет всякий смысл.

Следует подчеркнуть, что эти и другие объективные условия, относящиеся к экономическим и культурным связям национальности, ее способности к самостоятельному осуществлению стоящих перед ней государственных и хозяйственных задач и т. п., имеют важное значение для преобразования автономной республики в союзную. Однако эти условия не имеют самодовлеющего значения. Наличие этих условий не является единственно достаточным основанием для перевода автономной республики в разряд союзной республики. Решающим фактором является суверенная воля национальности о форме своего государственного существования, согласованная с этими объективными условиями и определяемая ими.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что свободная воля национальностей в выборе той или иной формы своего политического самоопределения и строительства национальной жизни должна рассматриваться с марксистско-ленинской точки зрения. Подлинно свободная национальная воля каждого из народов СССР должна быть определена объективными условиями существования национальности с учетом уровня развития в политическом, хозяйственном и культурном отношении, численности населения, величины территории и естественно-географических условий и согласована с ними, исходить из начал пролетарского интернационализма, из ясного понимания целей и задач построения коммунистического общества, сообразоваться с интернациональной общей волей народов СССР, обусловленной экономическими, политическими и идеологическими факторами.

Советская федерация представляет собой новый социалистический тип федерации, при которой осуществляется союз, братское сотрудничество и дружба социалистических наций на началах добровольности и равноправия. В новой Программе КПСС сказано:

«В советских республиках совместно живут и дружно трудятся люди многих национальностей. Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое бывшее значение, поскольку все нации равноправны, их

жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму. У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себя лучшие традиции народов СССР».¹²

При таких взаимоотношениях дружбы и взаимного доверия между социалистическими нациями национальные права и интересы автономных республик, а также национальный суверенитет образующих эти республики народов полностью гарантированы и суверенные права союзных республик, как и суверенные права СССР, в равной мере защищают интересы всех наций, как наций большинства, так и наций меньшинства.

Дагестанская АССР является одним из субъектов РСФСР, представляющей собой федеративное государство, которое основано на советской автономии.

В советской государственной-правовой литературе до сих пор нет единого мнения по вопросу о субъектах Российской Федерации.

Некоторые авторы считают, что к субъектам Российской Федерации относятся только автономные республики. Другие считают, что субъектами РСФСР являются автономные республики и автономные области, а национальные округа они не признают субъектами РСФСР.

Третьи авторы к числу субъектов РСФСР относят как автономные республики и автономные области, так и национальные округа.

Основная особенность Российской Федерации, основанной на базе автономии, и ее отличие от федерации в форме союза суверенных республик заключается именно в том, что основная нация РСФСР — русский народ не является субъектом федерации, т. к. РСФСР как федерация образована не на основе договора о создании федерации между русской нацией и другими национальностями, а на основе образования в составе уже существующей Российской республики национально-территориальных единиц на началах автономии в соответствии со свободным волеизъявлением и пожеланием соответствующих национальностей, поддержанным соответствующими государственными органами Российской Республики. Судьба РСФСР как союзной республики, являющейся суверенным государством, поэтому, не зависит от наличия или отсутствия в ее составе автономных государственных образований.

¹² Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 405.

На наш взгляд, именно эта особенность РСФСР как федеративного государства была подчеркнута в статье 13 Конституции РСФСР (в редакции, принятой XIV Всероссийским съездом Советов 18 мая 1929 года). В ней указывалось: «Признавая право всех наций на самоопределение вплоть до отделения, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, исходя из твердо выраженной воли трудящихся отдельных национальностей, населяющих Российскую Федеративную Социалистическую Советскую республику, к оформлению своего государственного бытия в составе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики объединяется с этими национальностями путем образования в составе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики национальных автономных советских социалистических республик и областей».¹³

Само собой разумеется, что РСФСР, являясь федеративным государством, представляет собой государственное объединение не только наций, образующих национально-государственные образования, но и русского народа, хотя он не образует отдельного национально-государственного образования, а представлен самой РСФСР, причем такое понимание, несколько не противоречит утверждению о том, что субъектами РСФСР являются только входящие в ее состав автономные республики, автономные области и национальные округа.

Как и другие автономные республики, Дагестанская АССР, являясь субъектом Российской федерации, отличается не только от административно-территориальных областей и краев, но и от автономных областей и национальных округов, которые также являются субъектами РСФСР.

Дагестанская АССР по территории, численности населения и удельному весу в народном хозяйстве страны не только не больше, но иногда и намного меньше некоторых административно-территориальных областей и краев, однако, тем не менее, Дагестанская АССР является советским социалистическим государством. В соответствии с этим, кроме тех признаков, которые характеризуют Дагестанскую АССР как государство, она обладает большим объемом прав по сравнению с административно-территориальными областями и краями. Объясняется это тем, что перед Дагестанской АССР в отличие от них стоят такие специфические задачи, определяемые марксистско-ленинской национальной политикой, успешное выполнение которых настоятельно требуют предоставления автономным республикам большей самостоятельности.

Это находит свое прямое выражение в основном законе РСФСР и других актах ее высших государственных органов.

¹³ СУ РСФСР, 1929, № 47—48, стр. 495.

Пункт «д» статьи 45 Конституции РСФСР гласит: «Совет Министров РСФСР направляет и проверяет работу Советов Министров автономных республик, руководит и проверяет работу исполнительных комитетов краевых и областных Советов депутатов трудящихся».

Как видно из текста Конституции, Совет Министров РСФСР имеет неодинаковые полномочия в отношении Советов Министров автономных республик и исполнительных комитетов краевых и областных Советов депутатов трудящихся. Работу первых он направляет и проверяет, а работой вторых — руководит и проверяет. Это значит, что Совету Министров автономной республики по сравнению с исполкомами краевых и областных Советов депутатов трудящихся предоставляется больше самостоятельности в своей деятельности. Вызвано это тем, что Совет Министров автономной республики должен учитывать в своей работе местные специфические условия и направлять свою деятельность в сторону, наиболее благоприятную в смысле выполнения задач, определяемых национальной политикой Коммунистической партии.

Большая самостоятельность автономной республики по сравнению с административно-территориальной областью и краем в разрешении тех или иных вопросов подчеркивается и в деятельности Президиума Верховного Совета РСФСР. Например, при решении вопроса о переименовании населенных пунктов в какой-либо автономной республике Президиум Верховного Совета РСФСР лишь утверждает произведенное автономной республикой самостоятельно переименование этих населенных пунктов, а в областях и краях сам производит такое переименование. Об этом свидетельствует, например, формулировка Указов Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании населенных пунктов.

Так, Указом от 28 мая 1962 года Президиум Верховного Совета РСФСР постановил «переименовать в Горьковской области следующие населенные пункты: деревню Котомкино Варнавинского района — в деревню Малиновка; село Свинуха Сеченовского района в село Ясное».¹⁴ Указом от того же числа Президиум Верховного Совета РСФСР постановил «утвердить произведенное постановлением Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР переименование следующих населенных пунктов:

селения Сталин-аул Буйнакского района — в селение Атлан-аул;

селения Сталин-аул Казбековского района — в селение Ленин-аул;

¹⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1962, № 22, стр. 309.

селения Черный рынок Тарумовского района — в селении Кочубей.¹⁵

Совет Министров РСФСР имеет право налагать дисциплинарные взыскания на председателей, заместителей председателей и членов исполкомов краевых и областных Советов депутатов трудящихся, а в отношении высших должностных лиц автономных республик таким правом он не пользуется.

Совет Министров РСФСР (статья 46 Конституции РСФСР) имеет право отменять решения и распоряжения исполкомов краевых и областных Советов депутатов трудящихся, а постановления и распоряжения Советов Министров автономных республик он может лишь приостановить. Совет Министров РСФСР может также приостанавливать решения и распоряжения краевых и областных Советов депутатов трудящихся, а в отношении решений и постановлений Верховного Совета автономной республики он этим правом не пользуется.

Согласно новых положений о министерствах просвещения, здравоохранения, торговли, социального обеспечения, охраны общественного порядка РСФСР, принятых в последние годы, эти министерства не имеют права отменять приказы и инструкции одноименных министров автономных республик, а могут только приостанавливать, а вопрос об их отмене ими вносится на рассмотрение Советов Министров АССР. Приказы и инструкции начальников отделов и управлений областных и краевых Советов депутатов трудящихся могут быть отменены одноименными министерствами РСФСР.

Имущество, входящее в фонд государственной собственности и находящееся в распоряжении автономной республики, не может быть изъято у органов автономной республики союзной республикой, а имущество, находящееся в распоряжении областей и краев, по постановлениям Совета Министров союзной республики может быть у них изъято.

Конституционные акты, положения о министерствах автономной республики, о комитетах, управлениях и других учреждениях, подведомственных Совету Министров Дагестанской АССР, утверждаются Советом Министров ДАССР самостоятельно, а исполкомы краевых и областных Советов депутатов трудящихся в отношении отделов, управлений и других подведомственных им учреждений аналогичным правом не пользуются.

В отличие от краев и областей, Совет Министров Дагестанской АССР в своей деятельности по осуществлению народно-хозяйственного плана, государственного и местного бюджета, по обеспечению общественного порядка, защиты интересов го-

¹⁵ Там же, стр. 310.

сударства и охраны прав и интересов граждан соотнобразуется также с законами о народнохозяйственном плане и государственном бюджете республики, законодательством республики и директивами по обеспечению общественного порядка, защите интересов государства и прав граждан, полученными от высших органов власти Дагестанской АССР.

Дагестанская АССР, как и другие автономные республики, имеет право устанавливать почетные звания республики и присваивать их. Административно-территориальным областям и краям такое право не предоставлено.

Имеется еще ряд серьезных различий в объеме полномочий и прав автономных республик с одной стороны и административно-территориальных краев и областей с другой стороны.

Сравнивая Дагестанскую АССР и автономную область с точки зрения их правового положения, можно прийти к выводу, что между ними имеется существенное различие, аналогичное различию между Дагестанской АССР и административно-территориальной областью, с той лишь разницей, что автономная область отличается от административно-территориальной особым национальным составом и бытом населения, в силу чего в правовом положении автономной области имеются некоторые особенности. Выше было показано, что в отличие от автономной республики, являющейся высшей, политической формой автономии, автономная область представляет собой административную автономию.

Уровень экономического и культурного развития, классовый и национальный состав населения, которым предоставлена советская автономия, был очень разнообразным. В соответствии с этим права различных видов автономных единиц являются неодинаковыми.

Поэтому автономной республике предоставлена политическая автономия, что предполагает законодательство и управление, а автономной области и национальному округу предоставлена административная автономия, что предполагает управление.

Политическая форма автономии и административная форма автономии возникли исторически. Первую образовали те социалистические нации, которые сложились на основе победы социализма в нашей стране, а вторая присуща тем национальностям и национальным группам, которые в силу своей многовековой экономической, культурной и политической отсталости, малочисленности не консолидировались в нации и лишь только после победы социалистической революции вступили на этот путь.

Необходимо при этом иметь в виду, что автономная область так же, как и автономная республика, является одной из форм осуществления права наций на самоопределение.

То обстоятельство, что одни национальности образовали советскую автономию в форме политической, а другие — в форме административной, нисколько не означает умаления прав последних.

Как субъект Российской Федерации Дагестанская АССР участвует в осуществлении государственной власти РСФСР. В составе Верховного Совета РСФСР имеются депутаты, избранные Дагестанской АССР, которые наравне со всеми другими депутатами Верховного Совета РСФСР обладают правом законодательной инициативы и тем самым имеют возможность ставить перед высшим законодательным органом РСФСР вопросы, связанные с национальными интересами Дагестанской АССР и направленные на развитие ее экономики и культуры.

В соответствии со статьей 31 Конституции РСФСР Дагестанская АССР предоставлена и в Президиуме Верховного Совета РСФСР. Одним из заместителей Председателя Верховного Совета РСФСР является представитель Дагестанской АССР — как правило, Председатель Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР.

Для укрепления связи между правительством РСФСР и правительствами автономных республик в свое время был введен институт постоянного представительства. При Совете Министров РСФСР до 1939 года имелись постоянные представительства всех автономных республик, а после этого до 1962 года постоянные представительства при Совете Министров РСФСР имели Советы Министров Дагестанской АССР, Карельской АССР, Тувинской АССР, Чечено-Ингушской и Якутской АССР. Постановлением Совета Министров РСФСР от 1 декабря 1962 года постоянные представительства Советов Министров этих республик были упразднены, т. к. в настоящее время надобности в их сохранении не имеется.¹⁶

Для взаимоотношений между РСФСР и Дагестанской АССР как субъектом Российской Федерации характерным является принцип соответствия конституции Дагестанской АССР Конституции РСФСР и верховенства законодательства РСФСР в отношении законодательства Дагестанской АССР.

Статьями 20 и 21 Конституции РСФСР и статьей 16 Конституции ДАССР предусмотрено, что Конституция Дагестанской АССР должна соответствовать Конституции РСФСР, а в случае расхождения закона Дагестанской АССР с законом РСФСР, действует закон РСФСР.

Как известно, в таком же отношении между собой находятся Конституция и законодательство СССР с Конституцией и законодательством РСФСР.

¹⁶ СП РСФСР, № 24, 1962 г., стр. 119.

Этот принцип выражает интернациональное единство верховной воли всех народов входящих в состав СССР и служит важнейшей гарантией обеспечения единой законности на всей территории.

РСФСР, в состав которой в качестве одного из субъектов федерации входит Дагестанская АССР, определяет в своей Конституции в общих чертах систему органов государственной власти и государственного управления Дагестанской АССР, порядок их организации и деятельности, основы их полномочий. Руководствуясь этим, Дагестанская АССР в своей Конституции уже подробно регламентирует эти вопросы применительно к условиям.

Так, предусматривая, что высшим органом государственной власти автономной республики является Верховный Совет АССР, в Конституции РСФСР указано, что нормы представительства, по которым избирается Верховный Совет АССР, устанавливаются конституцией автономной республики.

В соответствии с этим каждая автономная республика с учетом местных условий, в основном, численности населения, определяет нормы представительства для избрания своего Верховного Совета. В частности, конституцией Дагестанской АССР предусмотрено, что Верховный Совет ДАССР избирается гражданами республики по норме: один депутат от семи тысяч населения.

Таким же образом, детализируя Конституцию РСФСР, конституция ДАССР установила, что Президиум Верховного Совета Дагестанской АССР образуется в составе председателя, двух заместителей председателя, секретаря и 11 членов.

Как известно, в настоящее время ведется работа по выработке проекта новой Конституции СССР.

Этот вопрос имеет тесную связь с проблемой прав автономной республики как Советского социалистического государства.

Вопрос о необходимости дальнейшего расширения прав автономной республики, на наш взгляд, является давно назревшим. Представляется целесообразным предоставить автономной республике право окончательного утверждения своей конституции.

Нам думается, что предоставление автономной республике права окончательного утверждения своей конституции не будет противоречить интересам союзной республики, в состав которой входит автономная республика. В то же время это значительно поднимает роль автономной республики как Советского социалистического государства.

Как известно, незыблемым принципом советского многонационального федеративного государства является обязательное соответствие конституций союзных республик Конститу-

ции СССР и конституций автономных республик конституции республик входят. Это является надежной гарантией того, чтобы автономная республика при утверждении своей конституции не вышла за пределы своей компетенции и не присвоила себе полномочий союзной республики.

Несомненный интерес представляет вопрос о расширении прав автономной республики и в других областях.

В настоящее время автономная республика осуществляет свое собственное законодательство по ограниченному кругу вопросов, причем ни в конституциях союзных республик, ни в конституциях автономных республик не приводится перечень вопросов, по которым Верховный Совет автономной республики принимает законы.

Многими советскими государствоведами ставится вопрос о расширении прав автономной республики в области законодательства. Одни считают, что автономной республике следует предоставить права законодательства в области дорожного строительства, местного транспорта и связи, здравоохранения, административно-территориального устройства, по вопросам начального и среднего образования и правовой охраны природы.¹⁷

Кроме того, автономной республике следует предоставить право, исходя из местных условий, вносить в Верховный Совет соответствующей союзной республики и его Президиум представления об издании, отмене или изменении законов, затрагивающих интересы данной автономной республики.

Другие считают, что целесообразно предоставить автономной республике право вносить в соответствующие органы союзной республики представления об издании, изменении и отмене не только законов, но и Указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства союзной республики по вопросам автономии,¹⁸ или же предоставить автономной республике право окончательного решения всех вопросов административно-территориального устройства республики, сохранив за союзной республикой лишь право контроля.¹⁹

¹⁷ Д. Л. Златопольский. Основные принципы советской федерации, Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, М., 1963 г.

¹⁸ З. Г. Еникеева. Автономная республика, Москва, изд. «Юридическая литература», 1964, стр. 69.

¹⁹ И. Т. Беспалый. Президиум Верховного Совета союзной республики, М., Госюриздат, 1959, стр. 83—84; А. М. Халилов. Некоторые вопросы правового положения автономных республик — субъектов Российской Федерации. Вестник МГУ, серия право, 1962, № 2, стр. 28—36; его же: Правовое положение автономной республики в РСФСР, автореферат кандидатской диссертации. Москва, 1962.

В литературе ставится вопрос и о расширении представительства автономных республик в высших органах государства Союза ССР и соответствующих союзных республик, представлении автономной республики в Экономической комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР, а также вхождении председателя Совета Министров АССР в состав правительства и председателя Верховного суда АССР в состав Верховного суда соответствующей союзной республики.²⁰

Естественно, что расширение прав автономной республики должно найти соответствующее отражение в новых конституциях автономных и союзных республик.

Присоединяясь к этим предложениям, мы полагаем, что в новых конституциях автономных республик, в частности в Конституции Дагестанской АССР, следовало бы закрепить и другие положения.

В ныне существующей Конституции Дагестанская АССР как советское социалистическое государство определено в общих выражениях, аналогично Союзу ССР и РСФСР. В статье 1 Конституции ДАССР говорится, что она является социалистическим государством рабочих и крестьян, а в статье 13 Конституции указано, что Дагестанская АССР входит в состав РСФСР на правах автономной республики. Из текста этих статей Конституции ДАССР не видно, какова государственно-правовая природа Дагестанской АССР как советского социалистического государства.

На наш взгляд, в новой Конституции ДАССР следовало бы более четко и конкретно показать государственно-правовую природу и сущность Дагестанской АССР, в частности, подчеркнуть, что она представляет собой многонациональное государство в составе РСФСР, объединяющее многочисленные равноправные народы Дагестана, осуществляющее государственную власть на началах политической автономии.

Важнейшее значение имеет вопрос о разграничении компетенции между Верховным Советом Дагестанской АССР и подотчетными ему органами ДАССР: Президиумом Верховного Совета, Советом Министров и Министерствами ДАССР.

Так, согласно статье 20 Конституции ДАССР Верховный Совет ДАССР осуществляет все права, присвоенные Дагестанской АССР, поскольку они в силу Конституции не входят в компетенцию подотчетных ему органов Дагестанской АССР.

Права, присвоенные Дагестанской АССР, определены статьей 18 Конституции ДАССР. Между тем, в данной статье

²⁰ К. Д. Коркмасова. Советская автономия, политическая форма, выражающая суверенность наций, «Советское государство и право», 1962, № 12, стр. 47—55; З. Г. Еникеева. Автономная республика, М., изд. «Юридическая литература», 1964, стр. 68—69.

содержатся такие права, которые по Конституции не входят в компетенцию подотчетных Верховному Совету органов Дагестанской АССР, следовательно, должны осуществляться непосредственно Верховным Советом ДАССР, но фактически им не осуществляются.

Так, предусмотренные в статье 18 Конституции ДАССР такие права, как контроль за проведением законов СССР и РСФСР о труде, контроль и наблюдение за порядком пользования землей, недрами, лесами и водами в соответствии с законами СССР и РСФСР и другие, не входят в компетенцию подотчетных Верховному Совету ДАССР органов Дагестанской АССР, в то же время они фактически Верховным Советом ДАССР не осуществляются.

Предусмотренное в статье 18 Конституции право установления районного деления Дагестанской АССР, границ, районов, городов и внесения на утверждение РСФСР по Конституции не отнесено в компетенцию Президиума Верховного Совета ДАССР, однако фактически это право осуществляется им, хотя по смыслу Конституции оно должно осуществляться Верховным Советом ДАССР.

Имеется ряд вопросов, которые хотя по Конституции не отнесены к компетенции Совета Министров и Министерств ДАССР, однако фактически осуществляются ими.

Необходимо отметить также, что и в Конституции РСФСР в вопросе о компетенции Верховного Совета автономной республики содержится неверное, на наш взгляд, положение. В пункте «Г» статьи 59 Конституции предусмотрено, что почетные звания автономной республики присваиваются Верховным Советом автономной республики. Между тем Верховный Совет автономной республики, который не является повседневно действующим органом, фактически не в состоянии осуществлять такое право, как присвоение почетных званий автономной республики. Поэтому представляется совершенно правильным отнесение Конституцией Дагестанской АССР (статья 30) этого права к компетенции Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР. Как известно, почетные звания Союза ССР и РСФСР также присваиваются не Верховными Советами СССР и РСФСР, а их Президиумами.

Четкое разграничение компетенции высших органов государственной власти и государственного управления Дагестанской АССР в новой Конституции ДАССР будет иметь большое значение для улучшения их деятельности, устранения параллелизма в их работе и повышения ответственности и роли каждого из этих органов в деле национально-государственного строительства.

Таким образом, в результате претворения в жизнь политики и программы Коммунистической партии по национальному вопросу ранее угнетенные народы нашей страны обрели

свою национальную государственность, что обеспечило им всестороннее развитие и расцвет.

Каковы же перспективы развития национальной государственности в нашей стране?

Попытка дать конкретный, исчерпывающий ответ на этот вопрос была бы грубой ошибкой, так как нельзя точно предвидеть, каковы будут формы и содержание национальной государственности в нашей стране в будущем. Это будет зависеть от конкретных исторических условий.

Однако, исходя из учения марксизма-ленинизма, можно указать основное общее направление, по которому будет развиваться национальная государственность.

Огромный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма внес исторический XXII съезд КПСС. В принятой XXII съездом партии новой Программе КПСС сделаны огромной важности выводы о перерастании диктатуры рабочего класса в нашей стране во всенародное государство, о перспективах развития Советского социалистического государства, о постепенном преобразовании Советского государства в общественное коммунистическое самоуправление, о путях развития национальных взаимоотношений в период развернутого строительства коммунизма.

Советское многонациональное государство обеспечивает всестороннее развитие и расцвет всех социалистических наций. За годы Советской власти все советские нации и народности ликвидировали свою былую отсталость и стали в один ряд с передовыми социалистическими нациями. В условиях Советского многонационального государства неуклонное и всестороннее развитие и расцвет экономики, культуры социалистических наций и их государственности является исторически закономерным явлением.

В период постепенного перехода в коммунистическое общество одновременно с ростом экономики и развитием национальной культуры происходит дальнейшее укрепление советской национальной государственности народов СССР, расширение прав союзных и автономных республик и автономных областей.

Особенностью содружества наций в едином многонациональном социалистическом государстве является то, что чем больше развиваются и расцветают социалистические нации, тем больше они роднятся и сближаются друг с другом, происходит взаимное обогащение их культуры, появляются единые и общие черты национального характера. В результате этого в нашей стране происходит процесс консолидации народностей в социалистическую нацию путем объединения родственных по языку, культуре, происхождению народностей в единую социалистическую нацию или путем слияния отдель-

ных, малочисленных народностей с родственными им нациями.

Например, на территории ряда районов Дагестанской АССР проживают небольшие народности так называемой андо-дидойской группы — андийцы, ботлихцы, годоберины, дидои, хваршины, ахвахцы и другие. Общая их численность составляет около 50 тысяч человек. На языках этих народностей нет письменности. Их языки родственны аварскому языку, который служит им языком общения и культурного развития. Эти малые народности, родственные по языку и культуре аварцам, консолидируются с аварской народностью в социалистическую нацию.

По мере перехода в коммунистическое общество происходит процесс еще более тесного сплочения и сближения наций.

«Развернутое коммунистическое строительство, — указывается в новой Программе КПСС, — означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства. Строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов. Все интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями, растет вклад каждой республики в общее дело коммунистического строительства. Стирание граней между классами и развитие коммунистических общественных отношений усиливают социальную однородность наций, способствуют развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта, дальнейшему укреплению взаимного доверия и дружбы между ними.

С победой коммунизма в СССР произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Однако стирание национальных различий, в особенности языковых различий, — значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней»...²¹

Вопрос о сплочении и сближении, а в последующем и слиянии национальностей особо важное значение имеет в условиях Дагестанской АССР, отличающейся многонациональным составом населения. Ни одним из языков Дагестана не владеет более 15—20 процентов населения и ни один из них не имеет широкого распространения за пределами своей территории. Поэтому для дагестанских народов средством общения между дагестанскими народами и другими народами, средством приобщения их к передовой культуре русского и других народов за годы Советской власти стал русский язык,

²¹ Программа КПСС. Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 406.

использовавшийся ранее при царизме как орудие насильственной русификации.

В настоящее время в Дагестанской АССР сельские Советы работают на родных языках, районные организации и учреждения — на местном (в сношениях с селом) и русском языках, а центральный республиканский аппарат — на русском языке. Это является одним из проявлений сближения национальностей, населяющих Дагестанскую АССР.

Русский язык в Дагестане стал вторым родным языком, межнациональным языком, благодаря которому народы Дагестана общаются друг с другом, получили возможность приобщиться к русской и мировой культуре и науке.

Во многих школах Дагестана уже сейчас по желанию родителей преподавание ведется с начальных классов на русском языке, а с 1964—1965 учебного года в школах республики преподавание на русском языке будет проводиться начиная с 3 класса, а не с 5 класса, как это имеет место в настоящее время.

В своем докладе на собрании партийного актива творческой и научной интеллигенции первый секретарь Дагестанского обкома КПСС т. Даниялов А. Д. указывал:

«Долгие годы проводится в жизнь принцип двуязычности, как наиболее отвечающий интересам развития национальной культуры, с одной стороны, и приобщения дагестанцев к русской и мировой культуре, с другой. Жизнь подтвердила всю прогрессивность этого принципа. Преобладающее большинство грамотного населения республики читает, пишет и понимает прочитанное по-русски наряду с тем, что знают родной язык. Процент грамотного на русском языке населения в нашей республике несколько выше, чем в некоторых братских республиках».²²

По данным переписи населения 1959 года около 15 тысяч представителей коренных народов Дагестана назвали русский язык своим родным языком.²³

Наличие единого для всех народов Дагестана межнационального русского языка, их экономическая, территориальная общность являются важнейшим фактором, свидетельствующим о сближении народов Дагестана.

Марксизм-ленинизм учит, что дальнейшее развитие содружества и сближения наций, отмирание национальных различий и слияние наций в будущем будет происходить не через игнорирование и ущемление прав и интересов наций, а путем всемерного и всестороннего расцвета наций.

Изменения, происходящие в нашей стране в направлении неуклонного развития содружества и сближения социалисти-

²² «Дагестанская правда» № 112, ст. 14 мая 1963 года.

²³ «Дагестанская правда», 17 февраля 1962 г.

ческих наций, находят свое выражение и в развитии Советского многонационального государства, расширении прав союзных и автономных республик. По мере движения вперед к коммунизму будет происходить дальнейшее укрепление и усиление Советского многонационального государства.

В. И. Ленин еще в 1916 году в работе «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» писал:

«Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на великие государства и всякой обособленности наций, но и слияние их... Подобно тому, как человечество может придти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому к неизбежному слиянию наций человечество может придти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения».²⁴

Советское многонациональное государство выполняет именно эту задачу, задачу подготовки условий для слияния наций путем осуществления полного освобождения всех угнетенных народов.

В результате последовательного претворения в жизнь национальной программы Коммунистической партии в Дагестанской АССР, как и на других бывших национальных окраинах царской России, уничтожено фактическое неравенство и достигнут всесторонний экономический и культурный расцвет народов Дагестана, устранено былое недоверие народов Дагестана между собой, а также между ними и русским народом, укрепились дружба и сотрудничество народов, произошло их сближение.

Если в 1939 году в Дагестане насчитывалось 32 этнических группы, то в 1959 году их осталось 11, т. к. малые народности и национальности консолидировались вокруг родственных им народов.

Сейчас в Дагестане идет процесс формирования новых социалистических наций.

Сближению народов Дагестана способствуют не только городская жизнь и специфика промышленного производства, где наиболее стираются грани национальных различий, но и политическая, экономическая и культурная общность народов Дагестана. Этому же способствует переселение горцев на равнину, в результате чего возникли многие колхозы и совхозы с многонациональным составом населения.

В результате коренных экономических и культурных преобразований у народов Дагестана возникают и развиваются

²⁴ В. И. Ленин. О государстве и праве. Сборник, Госюриздат, М., 1958 г., т. I, стр. 290.

новые единые — общедагестанские черты хозяйства, культуры и быта.

В докладе на собрании партийного актива творческой и научной интеллигенции секретарь Дагестанского обкома КПСС А. Д. Даниялов, касаясь этого вопроса, сказал:

«...каковы конкретные формы национального развития народностей Дагестана? Это не праздный вопрос, это не проблема далекого будущего. Эта проблема во весь рост встала перед нами, и наши ученые, историки, творческие работники, на основе марксистско-ленинского анализа, должны определить, как и куда идет этот процесс. Вырастают ли аварцы, кумыки и т. д. в самостоятельные нации, или они имеют тенденцию к консолидации между собой на основе общности территории, экономики, культуры и языка, каким становится русский язык? Многие люди, судя по их выступлениям в печати, приходят к той мысли, что образуется нечто новое в общедагестанском масштабе. Его могут истолковать так или этак, независимо от этого сам процесс неодолимо развивается. Наша партийная позиция такова, что мы приветствуем его.

Образование крупной национальности за счет мелких всегда было, есть и будет показателем развития социально-экономических и общественных отношений внутри их, развития экономики и культуры».²⁵

Одним из показателей сближения народов Дагестана является рост межнациональных браков. Только за 1960 год в городах Махачкале, Каспийске, Хасавюрте, Буйнакске, Избер-баше, а также в Хасавюртовском и Кизилюртовском районах зарегистрировано 497 межнациональных браков.²⁶

Представляется, что совершенно прав И. Ихиллов, который пишет:

«Изучение этнических процессов в Дагестане показывает, что благодаря национальной политике Коммунистической партии, многочисленные этнические группы и народности Дагестана за годы социалистического строительства сложились в крупные народы и ныне в период развернутого коммунистического строительства идут по пути сближения между собой в единую социалистическую нацию дагестанцев».²⁷

Этот объективно происходящий и развивающийся процесс сближения национальностей республики в единый дагестанский народ имеет важное значение в развитии межнациональных отношений в Дагестане.

Настанет время, когда исчезнут национальные различия

²⁵ «Дагестанская правда» № 112 от 14 мая 1963 года.

²⁶ А. Магомедов. Расцвет и сближение советских народов на путях к коммунизму, Махачкала, 1963, стр. 58.

²⁷ М. Ихиллов. В одной семье — к великой цели, «Дагестанская правда», № 183 от 6 августа 1963 г.

и произойдет слияние социалистических наций в единую коммунистическую общность. В этих условиях отпадает необходимость в сохранении национальной государственности, поскольку с исчезновением национальных различий исчезнут и те специфические национальные особенности, которыми было обусловлено создание национальной государственности. Бесспорно одно, что пока полностью не исчезнут национальные различия и не произойдет слияние наций, Советское государство обязательно сохранит свою многонациональную форму устройства, но в формах советской национальной государственности могут происходить те или иные изменения в соответствии с конкретными историческими условиями.

В настоящее время задачей является дальнейшее укрепление национальной государственности народов СССР, что находит свое выражение в мероприятиях Коммунистической партии и Советского правительства по расширению прав союзных и автономных республик и автономных областей и по дальнейшему неуклонному подъему их экономики и культуры.

Об этом красноречиво свидетельствуют слова из отчетного доклада ЦК КПСС XXIII съезду партии, что при «решении любой проблемы — политического, экономического и культурного развития нашей страны — партия и впредь будет заботиться об интересах и национальных особенностях каждого народа».

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКИХ КОМИТЕТОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ (КРЕСТКОМОВ) В ЛИКВИДАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БАЗЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ДАГЕСТАНЕ

Одним из идейно-политических противников коммунизма является мусульманское духовенство. Оно враждебно встретило установление Советской власти в Дагестане. Даже та часть его, которая в годы революции и гражданской войны выступала против контрреволюционного духовенства и, исходя из тактических соображений, сотрудничала с большевиками, по мере укрепления позиций молодого Советского государства, по мере изменения исторических условий, становилась в оппозицию, а впоследствии перешла в лагерь врагов.

Чем же объяснить такую эволюцию в тактике мусульманского духовенства? Объясняется это тем, что оно боролось всеми доступными ему средствами и методами за сохранение своего привилегированного положения в обществе как в экономическом, так и в политическом отношениях. А для этого у него были основания.

Прежде чем ответить на вопрос, в чем же эти основания заключались, нам кажется целесообразным и необходимым определить, кого же можно отнести в дореволюционном Дагестане к категории мусульманского духовенства? К этой категории можно отнести служителей мусульманского религиозного культа, лиц, у которых источником существования являлось служение религии и отправление религиозных функций. К ним относились:

- 1) областной кадий при военном губернаторе Дагестана. Ему подчинялись все кадии и муллы Дагестана;
- 2) окружной кадий при начальнике округа;
- 3) участковый кадий при начальнике участка;
- 4) сельский кадий который был в каждом населенном пункте, и ему подчинялся;
- 5) сельский мулла.

Царское правительство после покорения Дагестана устранило от отправления религиозных функций (а впоследствии

и ликвидировало — И. А.) ту часть духовенства, которая выступила или могла выступить как потенциальная враждебная сила против него. Оно давало возможность работать только тому духовенству, которое сотрудничало хотя бы внешне с ним и не проявляло своей враждебности к царизму, ибо «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, ...отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость».¹

Любое явление общественной жизни царизм рассматривал сквозь призму своих эксплуататорских интересов и свое убеждение поддерживал не только полицейской дубинкой и другими органами государства, но и освящал религиозно-этическими нормами. Зная, что преодолеть идеологию ислама у покоренных народов не так-то легко, он пошел на использование ислама как идеологию, которая, как и всякая религия, оправдывала эксплуатацию и угнетение трудящихся.

Что касается вопроса использования мусульманского духовенства Дагестана в своих целях, то царизм выигрывал и в другом отношении, а именно: духовенство в Дагестане являлось самой влиятельной силой, которая могла вести за собой народные массы, ибо национальная буржуазия в начале XX века была очень слаба, а представители феодального класса были скомпрометированы своей жестокостью и антинародной политикой. Кроме того, контроль священнослужителей в исламе настолько всеобъемлющ, что различными предписаниями и запрещениями регламентируется буквально всякая деятельность верующего вплоть до вопросов быта, брака, питания, правовых отношений и т. д.

Роль и значение мусульманского духовенства до революции в Дагестане определялись не столько его количеством, сколько авторитетом, которым оно пользовалось у населения. Авторитет этот был основан и держался не только с помощью религии, но и фактическим социальным положением духовенства как грамотной прослойки, в руках которой, кроме религиозных функций, отчасти была сосредоточена также и судебная власть, основанная на шариате.

Любая церковь имеет в своем распоряжении какое-то количество движимого и недвижимого имущества, которое составляет ее экономическую базу и способствует, наряду с внеэкономическим принуждением, подчинению трудящихся религиозной идеологии. Мусульманская религия не составляет исключения в этом вопросе.

¹ В. И. Ленин. Полное Собрание Сочинений, том. 26, стр. 237.

До революции мусульманская церковь в Дагестане также владела такой собственностью, которая образовалась за счет **закьятов** (налога, установленного шариатом для всех мусульман. Закьят поступал в мечеть в распоряжение духовенства и должен был раздаваться ими сиротам и нуждающимся. — И. А.) и **вакуфов** (собственности мечетей, которая не служила культовым обрядам и образовалась по завещаниям верующих мусульман и поступала в распоряжение духовенства. — И. А.). Количество этой собственности было значительным и находилось оно полностью в распоряжении мусульманского духовенства и использовалась ими исключительно в своих целях.

О том, какова была, например, доля вакуфов на землю по Дагестану мы можем видеть из следующих данных. Всего вакуфных земель по Дагестану до революции насчитывалось свыше 13,5 тысяч десятин (десятина — 1,09 гектара — И. А.). О том, что все это значит, мы можем заключить из того, что в Казикумухском округе в частном владении находилось всего немногим более трех тысяч десятин земли.¹ В Аварском округе в 1890 году вакуфных земель было 572,5 десятин. По данным на 1905 год, вакуфные земли в Гунибском округе составляли 2152 десятины, а в Андийском — свыше 500 десятин.² В Ахтынском участке Самурского округа на 11392 крестьянских хозяйства в 1905 году приходилось 6940 десятин земли, т. е. на одно хозяйство примерно 0,6 десятины земли. В то же время в распоряжении мечетей там было 125,5 десятин земли, а в Лучекском участке — 150 десятин. Следует иметь в виду, что 20 процентов крестьянских хозяйств округа совершенно не владело землей.³

Военный губернатор Дагестанской области в 1916 году сообщал в канцелярию наместника царя на Кавказе, что установить общее количество существующего вакуфного имущества крайне затруднительно, так как большинство из него составляли различные вещи, завещания на пополнение мечетского имущества. Никакого учета поступившего вакуфного имущества не существовало. Никакой отчетности о поступлении и расходовании средств по вакуфам не составлялось. Особого органа, который наблюдал бы за движением вакуфного имущества, не было, а порядок назначения вакуфного имущества, владения им и его использования устанавливался самим завещателем. Общая приблизительная стоимость всех вакуфов в Дагестанской области в 1916 г. составляла около одного миллиона рублей.⁴

¹ ЦГА ДАССР, фонд 66, оп. 2, ед. хр. 21а, лист 1.

² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, ед. хр. 101, листы 68, 203 и обзоры Дагестанской области за 1910, 1915—1916 г.г.

³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, дело 142-з, лист 193.

⁴ ЦГА ДАССР, фонд 66, оп. 2, ед. хр. 26, лист 73.

Таким образом, в распоряжении мечетей, а по существу во владении мусульманского духовенства Дагестана, находилось не только лично им принадлежащее имущество, но также значительное количество вакуфного имущества.

Мечети получали доходы не только от вакуфов, но и из других источников. Например, от обязательных жертвоприношений верующих, в частности закьята, который должен был раздаваться сиротам (в Дагестане в 1915 году их насчитывалось 17 тысяч человек — И. А.) и другим нуждающимся, а на деле присваивался духовенством. Закьят поступал с редких металлов, с драгоценностей, с зерна, фруктов, всех видов скота, с раздела имущества, с оформления кебина (брачного договора), с похорон, за оформление наследства и др.

Мусульманское духовенство по всему Дагестану пользовалось в одинаковой степени привилегией, предоставленной шариатом и допущенной царским законодательством. Выяснение количества (хотя бы приблизительного) вакуфного имущества, находившегося в распоряжении мечетей (значит и мусульманского духовенства), дало бы нам возможность понять не только источник духовного господства духовенства посредством религиозно-этических и правовых норм, но, прежде всего, и источник экономического господства и закабаления трудящихся.

Между тем, вопрос этот в научной литературе в должной мере не разработан и незаслуженно забыт. Важность этого вопроса заключается в том, что, хотя источники возникновения, право владения и пользования вакуфным имуществом замаскировывались социальной демагогией, облаченной в религиозную оболочку, от этого суть дела не менялась и духовенство в Дагестане было и относилось к таким же эксплуататорам трудящихся, как и светские феодалы. Поэтому предположение, будто мусульманская религия не являлась господствующей в России религией и по этой причине, якобы, мусульманское духовенство стояло на внеклассовых позициях, не выдерживает никакой критики. Оно не могло стоять на внеклассовых позициях, так как жило за счет трудящихся.

Иногда можно услышать суждения и иного характера, а именно. некоторые представители мусульманского духовенства были выходцами из трудящихся крестьян, поэтому их нельзя причислять к разряду эксплуататоров. Но, во-первых, классовая принадлежность не определяется тем, из какой среды происходит тот или иной представитель социальной группы, а определяется «по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам производ-

ства получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают».¹

А во-вторых, если принять во внимание только то, что отдельные представители мусульманского духовенства являлись выходцами из трудового крестьянства и поэтому их нельзя причислять к эксплуататорам, то в таком случае Демидова, Морозова и других крупных русских капиталистов нельзя было назвать эксплуататорами потому, что свою предпринимательскую деятельность они начинали будучи крепостными.

Ясно однако, что неравенство экономическое между духовенством и трудящимися в Дагестане не могло не породить и неравенства политического. Экономическое же неравенство духовенства до революции подтверждается имеющимися в нашем распоряжении архивными материалами. Так, например, в распоряжении духовенства Казикумухского округа в 1900 г. поступили доходы от вакуфов на пахотные земли, на покосы, на пастбищные горы, на домостороения, на леса. Доходы эти по отдельным видам составляли приблизительно:

баранов — 1272 головы
окороков бараньих — 624 шт.
хлеба в зерне — около 3000 пудов
хлеба печеного — свыше 4000 пудов.²

И этих данных достаточно, чтобы сделать вывод о том, что в руках мусульманского духовенства в Дагестане до революции находилось огромное количество материальных ценностей.

Такое положение ставило мусульманское духовенство в особое положение. Так, например, в качестве главного феодала в Акушинском участке в 1905 году выступал кадий, который имел в своем распоряжении более 500 десятин земли. Он распоряжался единолично всем фондом закьятов, вакуфов, общественными деньгами и штрафами. Привилегированное положение духовенства подтверждается также тем, что в Урахинском обществе по обычаям за убийство кадия полагалось выходить в канлы, кроме убийцы, его семи родственникам. Честь и авторитет духовенства были непререкаемы. Претензии по подозрению допускались ко всем жителям, исключая духовных лиц.³

Таким образом, мусульманское духовенство в Дагестане, порабощало трудящихся так же, как и светские феодалы. Только его порабощение в отличие от порабощения светских

¹ В. И. Ленин. Полное Собрание Сочинений, том 39, стр. 15.

² ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, ед. хр. 8, лл. 90—91.

³ Х.-М. Хашаев. «Общественный строй Дагестана в XIX веке».

феодалов освящалось кораном. В. И. Ленин указывал, поэтому, на необходимость «вскрытия этого антагонизма везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками».⁴

Не подлежит сомнению тот факт, что привилегированное экономическое положение мусульманского духовенства в Дагестане до революции ставило его также в исключительное политическое положение.

Естественно, Октябрьскую социалистическую революцию, и победу Советской власти в Дагестане мусульманское духовенство встретило враждебно. Если некоторая часть духовенства в годы гражданской войны и сотрудничала с большевиками в борьбе против контрреволюционно настроенной части мусульманского духовенства, то это отнюдь не потому, что она была согласна с советской властью, а потому, что она преследовала свои узко классовые и националистические цели. А для завоевания масс оно имело необходимый опыт и условия, которые заключались не только в выгодном экономическом и политическом положении, но также и в исключительной культурной отсталости народа, его религиозном фанатизме, в господстве родовых и патриархальных институтов в быту. Поэтому, к подрыву влияния мусульманского духовенства в Дагестане, а в дальнейшем — к ликвидации этого влияния, необходимо было подходить с величайшей осторожностью и тактом, без спешки, отвоевывая позиции у него шаг за шагом.

В. И. Ленин в своем обращении «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Армении, Грузии, Дагестана, Горской республики» 14 апреля 1921 г. призвал к тому, чтобы они «поняли своеобразие их положения, положения их республик в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу (русских коммунистов — И. А.) тактику, а обдуманно видоизменить ее применительно к различию конкретных условий...» В. И. Ленин призвал проявлять «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству». «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР».²

Эти указания вождя являлись основополагающими в социалистическом строительстве для партийной организации Дагестана. Разумеется, без ликвидации экономической базы мусульманского духовенства, без его политической изоляции, с строительстве социализма в условиях Дагестана не могло

¹ В. И. Ленин. Полное Собрание Сочинений, том 1, стр. 307.

² В. И. Ленин. Полное Собрание Сочинений, т. 43, стр. 199.

быть и речи. Поэтому партийная организация и органы советской власти республики приступили к реализации этого указания.

Одним из первых актов в этом направлении было Постановление, принятое в ноябре 1921 года на I-й Дагестанской партконференции РКП(б), по вопросу «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Постановление это, основанное на решениях ЦК РКП(б) и декретах центрального правительства РСФСР по этому же вопросу, имело огромное значение, т. к. оно лишало мусульманское духовенство политической власти и влияния. Этому способствовало также последующее решение и постановления областной парторганизации и законодательные акты правительства республики.

Положение об отделении церкви от государства и школы от церкви было закреплено в ст. 7 первой конституции Дагестанской АССР, принятой первым Вседагестанским съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 5 декабря 1921 года. В статье говорилось:

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».¹

Впоследствии правительством республики издавался ряд других законодательных актов по этому вопросу, согласно которым все церкви, в том числе и мусульманская, лишались права юридического лица, а имущество их переходило в ведение местных Советов или общественных организаций трудящихся. Совершение актов гражданского состояния передавалось в ведение местных советских органов и ЗАГСа, а в школах запрещалось преподавание вероучения.²

Но это были только административные меры, направленные лишь на отделение церкви от государства и школы от церкви. Они были недостаточны также как и антирелигиозно-пропагандистская работа, проводимая партией для освобождения трудящихся из-под влияния мусульманского духовенства. Необходимо было как можно быстрее лишить духовенство источников экономического господства, и прежде всего, лишить его возможности пользоваться вакуфным имуществом и распоряжаться закъятами.

Это было тяжелое для молодого советского государства время. Хозяйство страны было разрушено и подорвано империалистической и гражданской войнами. Население голодало. Появились трудности, вызванные политикой военного коммунизма. Недовольство крестьян продразверсткой угрожало

¹ Ревкомы Дагестана, Махачкала, 1960, стр. 447—448.

² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 55, л. 193.

союзу рабочего класса и крестьянства. X съезд РКП(б) в марте 1921 года принял решение о переходе к новой экономической политике (НЭП), отменил продразверстку и ввел продналог. Но переход к НЭП'у означал также отмену обеспечения маломощных хозяйств крестьян за счет обязательного перераспределения продуктов, полученных посредством продразверстки. Это могло привести к полному развалу их и к усилению эксплуатации в деревне. Тем более, советское государство в связи с крайним истощением его ресурсов не было в состоянии одними своими средствами обеспечить бедноту деревни. Вот почему 14 мая 1921 года за подписью В. И. Ленина был издан декрет СНК РСФСР «Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семей красноармейцев». В декрете говорилось, что «вследствие введения продналога и уничтожения внутренней продразверстки, красноармейские и маломощные хозяйства лишились существовавшей ранее принудительной помощи им со стороны более сильных хозяйств.

Рабоче-крестьянская власть не может оставить без помощи красноармейские и маломощные хозяйства, обрекая тем их на гибель и эксплуатацию. Поэтому, упраздняя принудительную переразверстку, производившуюся продорганами, СНК наряду с углублением ныне практикующейся государственной помощи крестьянству рабочим и семьям и красноармейцев, считает необходимым организовать в каждом селе и волости взаимопомощь самого крестьянства, образовывать при сельсоветах и исполкомах крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (кресткомы)».¹

В круг их деятельности входила организация и проведение взаимопомощи при неурожаях, пожарах и иных стихийных и социальных бедствиях, поражающих отдельные хозяйства, селения путем внутреннего самообложения, распределения предоставляемых им для этой цели государством денежных средств, продуктов питания и предметов первой необходимости, организация общественной трудовой помощи, разъяснения прав и защита хозяйственных и правовых интересов, обеспечиваемых. Кресткомы были наделены правами — осуществить добровольное и обязательное внутреннее самообложение крестьянства как через посредство кооперации, так и самостоятельно; наблюдать за исполнением законов постановлений и распоряжений Советской власти по вопросам социального обеспечения вплоть до возбуждения уголовного преследования против виновных в их нарушении.

Кресткомы в тех условиях имели исключительное политическое значение и этот факт был подтвержден Постановлением ЦК РКП(б) от 22 мая 1921 года.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 600р, оп. 2, ед. хр. 2, л. 12.

Поскольку вопрос о кресткомах является основным в данной статье, освещать его нам следует несколько подробнее. Такая необходимость возникает еще и потому, что вопрос о них в должной мере в нашей исторической науке, в том числе и дагестанскими историками достаточно не изучен. Правда, вопрос о кресткомах в какой-то степени освещен в работах: Г. А. Даниялова «Социалистические преобразования в Дагестане»; Г. Османова, «Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула», в «Очерках истории Дагестана» II часть и в некоторых других. Надо полагать, что несовпадение тем исследований у этих авторов непосредственно с данной темой является причиной отсутствия у них глубокого анализа вопроса о кресткомах.

Как же проходило развитие кресткомов в Дагестане, чем отличается их деятельность в условиях нашей республики от их деятельности, скажем в центральных областях Союза?

Как известно социально-политическое развитие Дагестана после установления Советской власти проходило в одних и тех же общих рамках и условиях преодоления ожесточенного сопротивления классовых врагов как и по всей стране. Бедное крестьянство в Дагестане также нуждалось в поддержке и помощи со стороны государства. Вот почему и в Дагестане приступили к организации кресткомов сразу же после издания декрета от 14 мая 1921 года. 15 сентября 1921 года состоялась коллегия Наркомата соцобеспечения с вопросом «Об организации крестьянских комитетов взаимопомощи». В постановлении коллегии говорилось: «Признать срочную организацию комитетов взаимопомощи необходимой».¹

В письме коллегии Наркомата Соцобеспечения Дагестана от 6 октября 1921 года окрсобесам говорилось, что «Социальное обеспечение в новых условиях должно строиться на началах общественной взаимопомощи крестьян»,² т. е. говорилось об организации кресткомов. А в циркулярном Письме Обкома РКП(б), Даг. ЦИКа, НКСО всем окркомам РКП(б), окрисполкомам и окрсобесам 5 марта 1922 года давалось прямое указание образовать в селах кресткомы, разбирались причины их возникновения и определялся круг их деятельности.

Идея организации кресткомов в Дагестане встретила ожесточенное сопротивление со стороны классовых врагов, особенно мусульманского духовенства и кулачества. И в результате значительная часть организованных кресткомов распалась в первый же год их образования, количество их снизилось до 87 с 260.

¹ ЦГА ДАССР, ф. р-4, оп. 2, д. 42, л. 245.

² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 16, ед. хр. 919, л. 2.

В связи с этим в 1923 году Дагестанский Обком РКП(б) и органы Советской власти провели среди населения республики большую массово-разъяснительную работу о целях и задачах кресткомов. Эта работа сопровождалась непосредственной их организацией. Уже к концу 1924 года по Дагестану было организовано 572 кресткома с охватом в них 8000 хозяйств.¹

Компартия, считая работу в деревне одной из главных, уделяла деятельности кресткомов большое внимание. В январе 1924 года на XIII съезде РКП(б) было принято постановление «О работе в деревне». В постановлении подчеркивалось, что в условиях НЭПа, когда происходит расслоение деревни «Необходимо исходить из основной для целого исторического периода задачи — осуществления союза рабочего класса с крестьянством».

Считая основной задачей, стоящей перед сельским хозяйством кооперирование крестьянства, съезд указал, что достигнуть этого возможно «путем дальнейшего развития работы комитетов взаимопомощи... которые связывали общими интересами маломощного с середняком».²

Съезд определил задачи кресткомам, которые заключались в следующем:

а) объединение маломощных в кооперации с целью обслуживания ею маломощных, усиление влияния последних в кооперациях;

б) защита и наблюдение за осуществлением предоставляемых законом льгот маломощному крестьянину;

в) содействие в выдвижении маломощных на общедеревенские советские посты.³

Учитывая важность вопроса о кресткомах, ЦК РКП(б) вернулся к нему через год на октябрьском пленуме 1925 г.

В резолюции «О работе Партии среди деревенской бедноты» говорилось: «Отмечая недостаточное внимание к работе кресткомов, обязать парторганизации, согласно решению XIII партсъезда о работе кресткомов, усилить содействие их работе. Организации кресткомов необходимо строить на основе существующего положения ВЦИК, а именно на основе коллективно-добровольного членства всех крестьян, имеющих право избирательного голоса при выборах в советы, добиваясь более активного участия в их работе беднейших слоев деревни. Наряду с развитием работы по индивидуальной и общественной взаимопомощи в деревне, кресткомы должны усилить связь с работой советов и кооперации, содейст-

¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 16, ед. хр. 919, л. 2.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК», изд. 7, М., 1953, ч. I, стр. 853.

³ См. «КПСС в резолюциях...» стр. 854.

вую облегчению доступа маломощных в кооперацию, получению ими кредита для своего хозяйства, защищая и наблюдая за предоставлением бедноте установленных законами льгот и т. п.¹

Таким образом, кресткомы, возникшие как органы социальной работы, партия превращала постепенно в организации, помогающие кооперированию огромного большинства деревни.

Осуществление этих задач возможно было только при условии наличия гибкости в работе кресткомов, усиления партийного влияния на них, организации работы по разъяснению среди крестьянства их целей, структуры и способов их работы. Съезд вменял в обязанность всем партийным и комсомольским организациям в деревне добиваться через кресткомы «проведения в жизнь определенных законом льгот установленных государством и этим помочь укреплению маломощных хозяйств».²

Таким образом, партия выдвигала целую программу деятельности партийных, советских органов и кресткомов по оказанию помощи беднейшим слоям деревни.

Вместе с тем партия обращала внимание на то, чтобы в кресткомы наряду с бедняками привлекали и середняка. Иначе они превратились бы в комбеды, только в новой исторической обстановке, что оттолкнуло бы середняка от них и было бы наруку кулаку, который старался оторвать середняка от Советской власти.

Для содействия кооперативным организациям и вовлечения бедняцких и середняцких масс в кооперативное строительство кресткомы должны были поддерживать кооперативы, — как указывалось выше, — не только в организационном, но и в хозяйственном отношении, передать кооперативам, обслуживающим бедняцкое и середняцкое население, для хранения излишков своих фондов, вносить членские и паевые взносы за маломощные хозяйства из средств кресткомов; добиваться, чтобы кооперативные организации из своих прибылей производили отчисления для этой же цели. В кооперативах и кресткомах должно было существовать взаимное представительство руководящих работников. Кооперативы должны были сбывать продукцию, получаемую кресткомами, а кресткомы — кредитовать маломощные хозяйства и вовлекать их в кооперацию.

Партийная организация республики активно включилась в создание кресткомов и в руководство ими. В результате этого уже к 1924 году авторитет кресткомов в глазах трудовых крестьянских масс настолько возрос, их влияние на крестьян

¹ «КПСС в резолюциях...» ч. II, стр. 63.

² «КПСС в резолюциях...» ч. I, стр. 854.

стало настолько значительным, что бедняцко-средняцкие массы на своих собраниях стали выдвигать требования передачи кресткомам всего вакуфного имущества и закят¹ов, изъятия их из ведения мусульманского духовенства.¹

Такое отношение со стороны трудящихся крестьянских масс к мусульманскому духовенству объяснялось не только ростом авторитета и роли кресткомов на селе, не только проводимой коммунистической партией разъяснительной работой среди крестьянства, но и тем, что само мусульманское духовенство скомпрометировало себя в глазах верующих буквально во всех областях общественной и политической жизни. Так, например, согласно советским законам с учетом национальных и религиозных особенностей в Дагестане также, как и в других мусульманских республиках Союза, наряду с советскими народными судами были допущены и шариатские суды, в которых судебные функции на основе шариата отправляли представители мусульманского духовенства. Они хотя и решали вопросы гражданского, а не уголовного характера, показывали свою открытую заинтересованность и лакейское прислужничество перед кулацкими и другими антисоветскими элементами, проводили ярко выраженную классовую линию эксплуататоров, пренебрегали законными интересами трудящихся крестьян. Вот почему последние на своих собраниях принимали резолюции с просьбой ликвидировать шариатские суды и лишить духовенство доступа к судопроизводству. Такие резолюции, например, были приняты на съезде бедноты Самурского округа еще в октябре 1921 года,² на собрании женщин сел. Кафир-Кумух Буйнакского округа в октябре 1921 года³ и т. д.

Также скомпрометировало духовенство себя и в школьном вопросе, когда оно враждебно выступало против открытия советских школ, борясь за сохранение медресе и преподавание шариата в школах.

Сама жизнь, позиция, занятая мусульманским духовенством в вопросах общественно-политического развития республики и отношение его к мероприятиям партии и Советского государства объективно толкало трудящихся к недоверию духовенству и к изоляции его.

Но духовенство не думало отступать и сдавать свои позиции. В эти годы оно окончательно блокировалось с враждебными антисоветскими элементами, вынашивало повстанческие настроения, которые в конце 20-х годов в отдельных местах Дагестана вылились в вооруженные выступления (в

¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 71, л. 82.

² Там же, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 146, л. 106.

³ Газ. «Красный Дагестан», № 27 от 5 февраля 1927 г.

Южном Дагестане, в Дидоевском участке и т. д.). Представители мусульманского духовенства на местах противодействовали проводимым партией и правительством мероприятиям, оказывали открытое давление на верующих. А если все это не оказывало воздействия?... то в целях защиты своих интересов прибегали даже к вооруженной «защите», своих интересов, вернее к расправе с верующими. Так было в сентябре 1925 года. Жители сел. Лапко-Махи Даргинского округа в 1923 году избрали в качестве муллы Абдуллу Закарья оглы с условием, что каждое семейство селения будет платить ему по одному сабо (единица меры — И. А.) пшеницы. В сентябре 1925 года жители селения, сочли такую плату обременительной и решили переизбрать его или предложить остаться на должности за меньшую плату, а для распределения вакуфного имущества и закьята, которые находились и поступали в его распоряжение, избрать комиссию из авторитетных стариков. Когда же Абдулле сообщили об этом во время молитвы в сельской мечети, он выхватил кинжал и зарубил двух верующих.¹

Такое наглое поведение «святого отца» не могло не оттолкнуть от него верующих. В отдельных селениях верующие открыто отказывались вносить вакуфы и закьяты в мечеть. Так, поступили например, жители селения Куяда Гунибского округа, осенью 1925 года и об этом они поставили в известность сельского кадия.²

Вопрос о вакуфах очень тревожил мусульманское духовенство, и поэтому оно, конечно, придавало анафеме коммунистическую партию и Советскую власть. Но хорошо понимая настроение трудящихся масс по этому вопросу и их отношение к мероприятиям партии и власти, духовенство на своем съезде, прошедшем в феврале 1925 года в гор. Буйнакске не решалось открыто высказаться против изъятия вакуфов в пользу кресткомов. Правда, и на этом съезде раздавались голоса наиболее реакционно настроенной части духовенства против вмешательства советских общественных организаций и учреждений в вопросы использования вакуфного имущества. Однако, на съезде было принято решение — согласиться с передачей вакуфного имущества в ведение кресткомов, но при условии запрещения вмешательства административной власти в их функции и в качестве председателей, кресткомов в обязательном порядке избирались бы только муллы или кадии, знающие нормы шариата и могущие регулировать вопросы вакуфного имущества.³ Это было уступкой общественному мнению со стороны мусульманского духовенства.

¹ Архив Дагбкома КПСС, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 133, лл. 143—144

² Архив Дагбкома КПСС, ф. 1, оп. 7, ед. хр. 155, л. 12.

³ Архив Дагбкома КПСС, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 130, л. 5.

В условиях Дагестана кресткомы должны были способствовать, кроме оказания помощи нуждающимся крестьянам, и тому, чтобы вырвать крестьянские массы из-под влияния мусульманского духовенства. Процесс этот должен был проходить путем изъятия из ведения мусульманского духовенства закъятв, вакуфного и другого имущества и передачи его в ведение кресткомов. Почему именно кресткомов? Да потому, что кресткомы были наиболее близкими и понятными крестьянству самостоятельными их организациями, которые всеми возможностями оказывали помощь и поддержку мало-мощным крестьянским хозяйствам. Изъятие вакуфного имущества из ведения мусульманского духовенства и передача его в распоряжение самих верующих были понятны им. Кроме того, этим актом у крестьян укреплялось мнение, что Советская власть, приняв декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» доводит его осуществление до конца, без отступлений, что вакуфное имущество отбирается не государством и не в его пользу, а — общеизвестной организацией в пользу самих же верующих без вмешательства государства в дела церкви, и сам процесс изъятия, проходил без принуждения и преследования в отношении церкви.

На местах принимались резолюции с требованием об изъятии вакуфного имущества. В апреле 1924 года 2-я сессия 3-го созыва Дагестанского ЦИКа специально обсудила этот вопрос. Учитывая настроение масс и то, что в руках духовенства было сосредоточено значительное количество вакуфного имущества, а также земель, сессия решила изъять их из его ведения, чтобы использовать с максимальной пользой для общества и передать в распоряжение крестьянских комитетов. В постановлении по этому вопросу говорилось: «...в целях укрепления фондов комитетов крестьянской взаимопомощи, передать в их ведение все вакуфные и прочие земли и имущество, находящееся в распоряжении духовенства».¹

Далее, в том же постановлении говорилось, что «имущество крестьянских комитетов общественной взаимопомощи состоит, кроме других средств, из... вакуфных земель, имущества и закъятв».²

Кресткомы в своей деятельности оказывали большую помощь нуждающимся крестьянским хозяйствам. Экономическая база кресткомов возрастала параллельно с социалистическим строительством в стране и возможности их по оказанию помощи нуждающимся увеличивались. Население республики поддерживало поэтому деятельность кресткомов.

¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 100, л. 43.

² Там же.

³ ЦГА ДАССР, ф. 600р, оп. 3, ед. хр. 5, л. 8.

Так, например, 15 февраля 1926 года состоялся съезд делегатов кресткомов Аварского округа.

В резолюции, принятой съездом говорилось:

«Принимая во внимание столь важную и полезную работу кресткомов для самих же нас, крестьян, мы, делегаты I аварского съезда кресткомов обязуемся вести широкую агитацию среди населения с разъяснением целей и значения кресткомов и привлекать всех крестьян в их члены. Мы требуем для укрепления фондов кресткомов передать им вакуфные земли и имущество, находящееся в распоряжении духовенства».¹

Авторитет кресткомов среди крестьян возрастал с каждым годом. Если до 1926 года существовало правило членства на индивидуально-добровольных началах, то с 1926 года было принято решение о членстве на коллективно-добровольных началах, т. е. в члены кресткомов вступали все крестьяне населенных пунктов, имеющие право голоса.² Особенно активной стала деятельность кресткомов, когда в них потянулись женщины-горянки, которые видели в их лице одно из средств освобождения от своего рабского положения. Этим объясняется обращение горянок селения Ахты в январе 1926 года в Самурский окрестком с просьбой «организовать для них ковровую артель, чтобы внести свою долю в строительство новой жизни».³

Бедняки и середняки не только проникались уважением к кресткомам, — они стали проявлять подлинную хозяйскую заботу об их деятельности. При отчетах кресткомов члены их требовали подробных отчетов, поднимая при этом, на первый взгляд, мелкие, но с хозяйственной точки зрения очень важные вопросы. Так поступали, например, крестьяне в Аварском, Самурском и в некоторых других округах.⁴

Вот почему и фонды кресткомов по Дагестану увеличивались быстрыми темпами.

К 1 января 1926 года фонды кресткомов в Дагестане составляли.⁵

- 1) деньгами — 126 тыс. 838 руб. 30 коп.;
- 2) зерном — 24 тыс. 488 пудов;
- 3) мелкого скота — 323 головы;
- 4) крупного скота — 17 голов;
- 5) мануфактуры — 2300 аршин (1633 метра — И. А.);
- 6) разных бесхозных вещей на сумму — 3000 рублей.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 600р, оп. 3, ед. хр. 5, л. 8.

² ЦГА ДАССР, ф. 600р, оп. 5, ед. хр. 2, л. 10.

³ ЦГА ДАССР, ф. 422р, оп. 3, ед. хр. 4, л. 9.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 600р, оп. 2, ед. хр. 3, л. 166.

⁵ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 7, ед. хр. 145, лист 40.

Наибольшее количество кресткомов было организовано в Самурском округе — 28, в Махачкалинском — 14, в Дербентском — 17.

Чтобы иметь представление о помощи со стороны кресткомов нуждающимся, достаточно отметить, что десятию кресткомами Махачкалинского округа в 1926 году было распределено: деньгами — 4559 руб., пшеницы — 1310 пудов, риса — 192 пуда, другого зерна — 272 пуда, мануфактуры — 1260 аршин: по Дербентскому округу кресткомами было распределено 8.814 руб. 19 копеек.¹

Для «возможно полного выявления настроения и опыта объединения бедняцких и середняцких слоев населения» в начале мая 1926 года был созван Всероссийский съезд крестьянских обществ взаимопомощи. С этой же целью в конце мая 1926 года был созван Вседагестанский съезд крестьянских обществ взаимопомощи.²

Результатом созыва съезда было улучшение партийного руководства кресткомами республики. Это положительно сказалось на их работе и прямым результатом было увеличение их фондов.

Если в 1925 году фонды кресткомов республики исчислялись деньгами в сумме 48.002 руб., в 1926 г. — 126.838 руб. 30 коп., то в 1927 году, в результате поступлений от взносов, от общественных запасов, безвозвратных пособий, от государственных органов, добровольных и случайных пожертвований, доходов от предприятий кресткомов (мельницы и др. — И. А.), от бесхозного и выморочного имущества, они увеличились (расходная и доходная части до 300.000 руб. Расходы же их в 1927 году составляли 35.558 руб. и в их распоряжении оставалось 264.442 руб.³

В 1926 году только семенной фонд кресткомов исчислялся в 11 тысяч пудов.

Только по Кайтаго-Табасаранскому округу имущество кресткомов в 1927 году характеризовалось следующими данными.⁴

пахотной земли — 1947 десятин
пастбищ — 1066 десятин
зерна — 3454 пуда
баранов — 713 голов

Сеть кресткомов по республике и их фонды также росли. Это видно из приводимой ниже таблицы.⁵

¹ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 7, ед. хр. 145, лист 40.

² Там же, фонд, 1, оп. 7, ед. хр. 155, лист 40.

³ Там же, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 107, листы 125—126

⁴ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 71, л. 82.

⁵ Там же, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 11, л. 54.

Дата	количество		фонды кресткомов в рублях (рас- ходная часть)	возвратные ссуды за членами крест- комов и другими должниками
	крест- комов	членов в них		
X.1927 г.	778	170000	151.574	49,179
X.1928 г.	888	253000	239.555	52.106
процент роста	14,2%	48,9%	57%	6,13%

В результате проведенной партией, организаторской работы улучшался также состав кресткомов, основную массу которых составляли бедняки, середняки и батраки.

Так, например, состав окружных пленумов кресткомов в 1928 году характеризовался такими данными:¹

Всего чле- нов	жен- шин	комму- нистов	из них				
			по социально-имущественному положению				
			бедня- ков	серед- няков	заячи- точных	рабочих и бат- раков	слу- жащих
2816	298	350	1867	503	27	357	89
100%	10,5%	12,4%	66,3%	17,9%	0,9%	12,6%	3,2%

В перевыборах кресткомов 1928 года участвовало 83269 человек из них 62813 мужчин и 20456 женщин.

В том же Кайтаго-Табасаранском округе состав кресткомов в 1927 году выглядел следующим образом:²

по социально-имущественному положению:

бедняков	— 490	хозяйств
середняков	— 118	«
батраков	— 65	«
служащих	— 2	«

из которых —

членов ВКП(б) было	— 33	хозяйства
комсомольцев	— 31	«
беспартийных	— 611	«

¹ ЦГА ДАССР, ф. 600-р, оп. 5, ед. хр. 2, л. 10.

² Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 71, лист 84.

В отдельных округах республики кресткомы приступили к общественной обработке земли и оказанию помощи мало-мощным хозяйствам с применением машин, что увеличивало эффективность оказываемой помощи.

Конечно, эффективность помощи росла по мере увеличения имущества находившегося в распоряжении кресткомов и их фондов. А они увеличивались неотвратимо. Если земельные фонды кресткомов в 1926 г. составляли 2001 десятина, то в 1927 г. они составляли уже 7867 десятин.¹ Если в 1925/26 годах кресткомы республики оказали помощь, которая выражалась в сумме 24722 руб., то в 1926/27 гг. эта помощь выражалась в сумме 48101 рубль.²

Если в 1926 году в распоряжении кресткомов было 61 предприятие, то в 1927 году их количество дошло до 110.³

Кресткомы оказывали большую помощь крестьянам при вступлении в кооперативы. Только летом 1927 года в Аварском округе было кооперировано бедноты за счет внесенных взносов из фондов кресткомов — 124 человека.⁴

На этом не ограничивалась помощь кресткомов бедноте. Она выражалась и в других формах. Например, в 1928 году общественная запашка земли с помощью кресткомов проводилась по республике на 1405 десятинах земли. Трудовая помощь была оказана 18000 бедняцким хозяйствам и эта помощь выражалась в сумме 600 тысяч рублей. Это было результатом увеличения количества сельскохозяйственных машин, находящихся в распоряжении кресткомов с 14 в 1926 году до 39 — в 1927 г. и до 141 — в 1929 году.⁵ Беднякам при использовании машин кресткомы предоставляли льготы вплоть до полного освобождения от всяких платежей, 23 января 1927 г. ЦИК и СНК Дагестана приняли постановление «о национализации вакуфного имущества».⁶

В постановлении говорилось:

«Все вакуфные имущества, находящиеся в владении, пользовании и распоряжении различных религиозных установлений Дагестана (медресе, мечети и пр.) и обслуживающих эти установления лиц (мулл, кадий и пр.) объявить национальным достоянием».⁷

В постановлении предлагалось для тщательного учета, обследования, изъятия вакуфного имущества и реализации его создать специальные комиссии окрисполкомов с участием

¹ ЦГА ДАССР, ф. 600-р, оп. 5, ед. хр. 2, л. 18.

² Там же, л. 21.

³ Там же, л. 16.

⁴ Там же, ф. 600-р, оп. 1, ед. хр. 2, л. 151.

⁵ Г. Даниялов. Социалистические преобразования в Дагестане, Махачкала, 1960 г. стр. 286.

⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 8, лист 8.

⁷ Газ. «Красный Дагестан» от 10 февраля 1927 г., № 34.

представителя кресткома и закончить эту работу в 3-х месячный срок. Изъятное имущество подлежало передаче как в непосредственную эксплуатацию кресткомов, так и через последних — малоземельным и безземельным трудовым хозяйствам.

На местах сразу же приступили к созданию таких комиссий. В феврале же 1927 года в Самурском округе были организованы специальные комиссии. На ее заседании 28 февраля 1927 г. обсуждался этот вопрос и было принято постановление:

«Немедленно приступить к работе по изъятию всех вакуфных и бесхозных имуществ округа через кресткомы, при помощи сельских советов, ком. ячеек и батрацких комитетов».¹

Там, где партоганизации возглавляли эту работу, изъятие вакуфного имущества шло организованно, и, наоборот, отстранение их от этой важной работы давало возможность духовенству брать верх и срывать изъятие вакуфного имущества.²

Положение о национализации вакуффов было закреплено в постановлении бюро обкома ВКП(б) от 12 апреля 1927 года, в котором говорилось о необходимости «передачи вакуфного имущества кресткомам и о твердом проведении в жизнь декрета о вакуфах, считая эту работу ударной задачей партии».

С принятием постановлений и решений партии и правительства по вопросам национализации вакуффов кресткомы, таким образом, вступили в новый, ответственный этап своего развития, потому что, во-первых, они получали законное право производить национализацию вакуфного имущества, отбирать его в принудительном порядке у мусульманского духовенства, опираясь при этом на силу государственного аппарата; во-вторых, в этой работе кресткомы опирались на инициативу, исходившую не только сверху от партии и правительства СССР, но, прежде всего, на инициативу самих народных масс, среди которых пришлось возвращаться мусульманскому духовенству; в-третьих, кресткомы становились орудием середняка, бедноты и батрачества в осуществлении классовой политики компартии на селе, орудием классовой борьбы трудящихся и по этой причине, в-четвертых, они способствовали дифференциации классовых различий в дагестанском ауле, которые были прикрыты пеленой родовых и религиозных отношений.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 422-р, оп. 3, ед. хр. 4, л. 19.

² Там же, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 65, л. 4.

Кроме того, в условиях Дагестана кресткомы сыграли особую роль по сравнению с центральными областями России. В чем же эта особенность заключалась? Она заключалась в том, что в России декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был осуществлен в первые же месяцы и в ходе революции. В Дагестане этого делать было нельзя из-за сильнейшего влияния духовенства на массы и религиозного фанатизма самих масс. В России церковь и духовенство были скомпрометированы в глазах трудящихся за свое халуйское прислужничество царизму, за преследование всего прогрессивного в стране, за активную контрреволюционную деятельность в годы революций и гражданской войны. Мусульманское духовенство по своему социальному положению было неоднородно и некоторая часть его в годы революции и гражданской войны, хотя и преследовала свои узкие интересы и цели, выступала против реакционного контрреволюционного духовенства, оно широко использовало родовые отношения, обычное право, чтобы скрыть свои эксплуататорские интересы.

В этой обстановке коммунистам Дагестана нужно было помнить указание В. И. Ленина о проявлении максимума осторожности в мусульманских районах, в том числе в Дагестане.

Отобрать вакуфное имущество у мусульманского духовенства было крайне необходимо хотя бы потому, что доходы от вакуфов и закьятов в 1926—1927 г.г. около трех раз превышали сумму сельхозналога, взимаемого государством в то время, и выражались в сумме около полутора миллиона рублей (а доходы от сельхозналога достигали 538 тысяч рублей).¹ И почти все эти доходы присваивались духовенством, не попадая в руки трудящихся. Экономическое положение духовенства было весьма прочное. Так в селении Анди Ботлихского округа в 1927 году было 7 духовных лиц, из которых один был кадием. Стоимость вакуфного имущества, которым они владели оценивалась в 20 тысяч рублей. Кроме того, в их руки поступал и закят зерном и баранами, а также саха (жертвоприношения во время Рамазана и Курбан-Байрама — И. А.). И все это распределялось по их усмотрению.

Из этих средств ежегодно в руки кадия поступало около 900—1000 пудов зерна и около 100 голов баранов. Но доходы духовенства этим не ограничивались: не меньше получали они и за отправление религиозных обрядов и функций.²

Изъятие вакуфного имущества из ведения мусульманского духовенства лишало бы его экономической базы, изолирова-

¹ Журнал «Революция и горец» № 7—8, 1929 г., стр. 36.

² ЦГА ДАССР, фонд 137, оп. 18, ед. хр. 25, стр. 46.

ло бы его от народных масс, лишило бы источника и средств давления на трудящихся, сняло бы с духовенства покров «благородства» и народные массы убедились бы в том, что духовенство отправляет религиозные функции не из-за «любви» к богу, а из-за своих личных интересов, что без доходов для себя, без выгоды для себя оно откажется даже от этого «божественного поручения», как они часто говорили.

Отдельные представители мусульманского духовенства на самом деле отказывались от религиозного сана и активной службы религии, как только были изъяты у них вакуфное имущество и доходы от него.

Так поступил мулла селения Зрых Самурского округа Джабраил в 1927 году. На вопрос крестьян, почему он так поступает, он ответил, что «в нынешние времена кричать азан и призывать людей на молитву дело бесполезное, они перестали верить в бога, вносить закьят, да вакуфами невозможно пользоваться по-прежнему, а одними молитвами ни себя, ни семью не прокормишь».¹

Характерен и другой факт. В мае 1927 г. один из влиятельных шейхов Дагестана шейх Гасан Кахибский написал в редакцию журнала «Баянул Хакаик» письмо о том, что «в связи с мероприятиями властей по изъятию вакуфного имущества и закьятов в пользу кресткомов и отказом крестьян верить в бога», он не будет принимать кого-либо по духовным вопросам и обратился ко всем ранее посещавшим его лицам и верующим с просьбой не посещать его.²

Но Коммунистическая партия и Советское правительство последовательно и настойчиво проводило работу по подрыву влияния мусульманского духовенства и его экономической базы. Наряду с усилением антирелигиозной, пусть даже на первых порах слабой, естественно-научной пропагандой, они проводили и другие меры практического порядка, которые ограничивали паразитическую деятельность духовенства.

10 марта 1927 года в газете «Красный Дагестан» была опубликована «Инструкция по изъятию вакуфного имущества». Инструкция эта была разработана на основании инструкции НКЮ и НКЗ, изданной ранее, 10 февраля 1927 года, «О порядке проведения в жизнь постановления ЦИК и СНК Дагестана от 23 января 1927 года «О национализации вакуфного имущества».

Инструкция раскрывала понятие, что же считается вакуфным имуществом? Согласно разъяснению инструкции, «вакуфными считались земли и другое имущество, завещанное верующими, переданное ими и принадлежащее мечетям и

¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 94, л. 95.

² Там же, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 94, л. 178.

мечетским учебным заведениям, храмам и иным мусульманским религиозным учреждениям и организациям».¹

С вакуфами не следовало смешивать культовое имущество мечетей, медресе и т. п., находившееся в них и обслуживавшее их религиозные нужды. С вакуфами не следовало смешивать также и закъяты — одна десятая часть доходов, добровольно вносимых верующими в религиозные учреждения. Поэтому постановление ЦИК и СНК Дагестана «О национализации вакуфного имущества» к закъятам и предметам религиозного культа, находящимся в религиозных учреждениях (например, ковры, кувшины, лампы, тазы и т. д.), не относилось.

«Но в случае, если местными исполкомами будет установлено, — говорилось в постановлении, — наличие в мечетях или иных местах предметов, имеющих историко-художественное значение, но не входящих в число предметов вакуфного имущества, они могут быть изъяты особым постановлением исполкома с последующим утверждением правительства Дагестана».

Постановление о национализации вакуфного имущества было актом законным, т. к. оно было основано на статьях 12 и 13 декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 года, согласно которому «никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью и прав юридического лица». Все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявлялось народным достоянием, причем здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдавались по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ.

Вакуфное имущество было отнесено к разряду церковного, не носившего культовый характер и не подлежащего оставлению у религиозных обществ, почему оно и было национализировано и распределено. Имущество, оставленное при мечетях, сдавалось на безвозмездное пользование и сохранение сельским, аульским обществам крестьянской взаимопомощи под контролем сельских Советов.

Согласно ст. 50 п. «а» земельного кодекса 1926 года, вакуфные земли также входили в состав земельного фонда соответствующих земельных обществ. Там, где не имелись кресткомы, вакуфные земли поступали в распоряжение соответ-

¹ Архив Даг. Обкома КПСС, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 8, л. 8.

ствующих сельских Советов. Такое решение вытекало из Постановления СНК РСФСР от 9 октября 1926 года «О передаче имущества вымороченных крестьянских дворов кресткомам».

Согласно постановлению, не подлежали изъятию добровольные денежные пожертвования верующих, предназначенные на ремонт и на освещение мечетей, а также имущественные пожертвования в виде предметов религиозного обихода.

Принятые кресткомами вакуфные земли передавались в бесплатное пользование малоземельным или безземельным крестьянским хозяйствам по месту нахождения вакуфов.

Установление новых вакуфов, которое заключалось бы в завещании земли, дома, мельницы и прочего недвижимого имущества, а также рабочего и другого скота, впредь не допускалось.¹

Таким образом, инструкция давала ясную установку (хотя и с некоторыми недочетами, о которых будет сказано ниже — И. А.) по проведению в жизнь мероприятий по изъятию вакуфного имущества из ведения мусульманского духовенства.

Нельзя не коснуться в связи с этим и вопроса о закьятах, тем более, некоторые кресткомы, в нарушение имеющихся установок партии начали отбирать их в принудительном порядке.²

По шарияту и по обычному праву (адату) закьят должен был быть использован целиком на нужды бедняков и сирот. Но на самом деле он полностью присваивался духовенством. Закьят, который проявлялся в виде взаимопомощи мусульман друг другу, в том числе со стороны богатых, умерял и стусывывал классовые противоречия и рознь, нейтрализовал их, создавал у бедноты мнение о якобы проявляемой заботе о них со стороны богатых. Закьят был сильным оружием в руках духовенства и кулачества против трудящегося крестьянства. Поэтому и следовало после отбирания закьята использовать его строго по назначению. Однако кресткомы нередко использовали их на общественные нужды, не связанные с удовлетворением нужд бедняков и сирот. Естественно, эти обстоятельства не могли не вызвать недовольства верующих.

Сложность вопроса состояла в том, что директивные указания о принудительном отбирании и использовании закьятов не по назначению часто поступали сверху, и те, кто давал

¹ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 71, листы 46—47.

² Там же, ф. 1, оп. 6, ед. хр. 133, лист 68.

такие указания, оправдывал их тем, что марксисты являются противниками религиозного великодушия и религиозного жертвоприношения. Но они забывали, что внесение закьята было узаконено не только шариатом, но и адатом — обычным правом и ликвидировать этот религиозный институт одними лишь декретами сразу было невозможно.

Дагестанский обком ВКП(б) также принял такое решение и мотивировал это тем, что «предотвратить процесс изъятия закьятов наряду с вакуфами невозможно и, чтобы вносимая доля закьята не попадала в руки духовенства, а также для установления общественного контроля за их распределением, предложить вносить закьяты в кресткомы».¹ Но это было нарушением, потому что игнорировался принцип добровольности передачи любого имущества кресткомам. Кроме того, упускали из виду, тот немаловажный факт, что если закьяты — это помощь беднякам, то она при изменившихся социальных условиях Советской власти не должна была оказываться жилищной частью населения, так как в таком случае беднота увидела бы в ее лице благодетеля. Принимая такое решение, партия закрепила бы это положение и по существу она узаконила бы сам институт закьята, имеющего религиозный характер и происхождение. А задача состояла в том, чтобы не закреплять, а, наоборот, изжить этот институт.

Оргбюро ЦК ВКП(б), считая вопрос об изъятии вакуфов и закьятов в условиях Дагестана очень важным, изучило этот вопрос и в марте 1927 года указало, что «решение партийных органов Дагестана об изъятии закьятов в пользу кресткомов является неправильным».² Оргбюро ЦК ВКП(б) указало, что согласно советским законам население не должно было вносить закьят ни в мечеть, ни в кресткомы и при власти Советов недопустимо, чтобы духовенство опекало бедноту и у последней создалось ложное мнение о его благотворительности. Но поскольку закьят является добровольным взносом и, принимая во внимание уже начавшуюся кампанию по внесению его в кресткомы, Оргбюро ЦК ВКП(б) решило допустить как переходную меру и разрешить кресткомам Дагестана прием закьятов.³

В деятельности отдельных кресткомов имелись и другие ошибки, противоречившие основным принципиальным указаниям партии по вопросам религии вообще и изъятия вакуфного имущества в частности. Ошибки эти заключались в нерешительности отдельных кресткомов в выполнении указаний партии и правительства об изъятии вакуфного имущества;

¹ Архив Даг. обкома КПСС, фонд 1, оп. 8, ед. хр. 39, лист 222.

² Там же, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 39, лист 25.

³ Там же.

в нарушении советских законов о культах, когда наряду с вакуфным имуществом в принудительном порядке изымались и предметы, необходимые для отправления религиозных обрядов. Такие неурядицы возникали потому, что низовые органы власти и партии, несмотря на очевидную необходимость четко не определили что является вакуфной и что мечетской собственностью. Поэтому, случилось так, что на местах в принудительном порядке отбирали и закрывали мечети без согласия верующих. Кроме того, со стороны партийных и советских органов на местах не уделялось должного внимания работе кресткомов. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт, что в 1928 году из 14 окружных комитетов ВКП(б) Дагестана только 5 обсудили вопросы, связанные с работой кресткомов.

Естественно, поскольку речь шла о работе в деревне Обком ВКП(б) должен был принять меры по ликвидации этих ошибок. Вот почему бюро Дагестанского обкома ВКП(б) 13 июля 1927 года обсудило вопрос «Об исправлении некоторых ошибок, допущенных при проведении в жизнь решений о национализации вакуфов». Для проведения в жизнь этого постановления была организована специальная комиссия Обкома ВКП(б).¹

В постановлении требовалось от местных партийных и советских организаций, а также кресткомов, чтобы они в данном вопросе руководствовались указаниями ЦК ВКП(б) и принимали меры по устранению недостатков. Обком ВКП(б) предлагал местным Советам и кресткомам: прекратить изъятие и возратить предметы религиозного культа, отобранные у мечетей (ковры, тазы, кувшины, паласы) и т. д., наладить систематическую разъяснительную работу среди населения за скорейшую передачу вакуфного имущества кресткомам; активно проводить политику изоляции контрреволюционного духовенства и разоблачение его позиций в этих вопросах; систематически обсуждать на собраниях бедноты вопросы изъятия и использования вакуфного имущества.

В связи со случаями принудительного закрытия мечетей, бюро обкома ВКП(б) в своем постановлении дало разъяснение, в котором говорилось, что на данном этапе задача сводилась к антирелигиозной пропаганде и кампании по изъятию вакуфного имущества. А изъятие мечетей и их закрытие, изъятие ковров, внутренней утвари мечетей, кувшинов, ламп было грубейшей ошибкой, нецелесообразной и вредной, преждевременной и ненужной. Учитывая особую остроту этого вопроса, обком ВКП(б) предлагал, чтобы в каждом отдельном

¹ Там же, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 27.

случае закрытие мечети, даже если по этому вопросу имеется постановление сельского схода (джамаата), производить только по санкции обкома ВКП(б).¹ Во избежание ошибок в работе и, считая необходимым доведение до конца кампании по изъятию вакуфного имущества, Дагестанский обком ВКП(б) на заседании бюро 1 августа 1927 г. принял постановление «О продлении срока изъятия вакуфов и устранении нарушений в этом деле».²

Трудящиеся массы крестьянства с большим подъемом встретили решение правительства о национализации вакуфов. Бедняцкие и батрацкие массы на местах оказывали большую помощь комиссиям в обнаружении и изъятии скрытого духовенством вакуфного имущества. В таких случаях они требовали от партийных и советских органов возбуждения уголовного преследования в отношении духовных лиц, занимавшихся злостным сокрытием вакуфного имущества.

Местные партийные и советские органы шли навстречу этим требованиям. 7 августа 1927 г., например, бюро Лакского окружного комитета ВКП(б) было принято решение о привлечении к уголовной ответственности нескольких представителей духовенства, скрывавших вакуфное имущество.³

В результате проявления инициативы батрацкими и бедняцкими массами только в августе 1927 года комиссией по изъятию вакуфного имущества было выявлено и национализировано с помощью населения в Аварском округе 132 десятины пахотной земли, 1584 головы баранты, 585 штук фруктовых деревьев.⁴

Особую активность бедняцкие и батрацкие массы стали проявлять после организации и активизации бедняцких собраний, которые сыграли положительную роль при отбирании вакуфного имущества. Поскольку собрания эти проходили под руководством партийных ячеек, они сыграли большую роль в оказании помощи кресткомам и вносили партийный дух в их деятельность.

Деятельность собраний бедноты, касающейся их отношения к кресткомам была одобрена на июньском пленуме Дагестанского Обкома ВКП(б) 1927 г.⁵

Иногда бедняцкие собрания становились прямыми помощниками кресткомов. Они конфисковывали у кулаков, зажиточных представителей духовенства и передавали в распоряжение кресткомов не только вакуфное имущество, но и сельхозинвентарь, рабочий скот, постройки и этим самым

¹ Там же, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 27.

² Там же, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 243, лист 43.

³ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 8, ед. хр. 71, лист 75.

⁴ Там же, лист 81.

⁵ Там же, оп. 9, ед. хр. 57, л. 109—111.

укрепляли их, усиливали тягу к ним со стороны бедняков и середняков.

Во всем этом проявлялось пробуждение классового сознания трудящегося крестьянства, понимание им того факта, что политика Коммунистической партии и Советского правительства является его политикой, соответствующей его жизненным интересам. Это было шагом к освобождению его из вековых пут религиозного дурмана, опутавших его образ жизни, его социальное положение. Это было важным шагом и великой победой политики Коммунистической партии по освобождению трудящихся из-под влияния духовенства и по коммунистическому их воспитанию, по подготовке их к следующему шагу социалистического строительства в стране — к коллективизации сельского хозяйства.

Теперь оставалось кропотливо и последовательно проводить в жизнь линию партии по отношению к кресткомам, духовенству и кулачеству.

Заметное оживление работы кресткомов произошло после второго Вседагестанского съезда кресткомов, который состоялся 17—21 мая 1928 года и обсуждал вопрос «О задачах аульских кресткомов в связи с изъятием вакуфов и закьятов». В постановлении съезда говорилось:

«Приветствуя проведенную по постановлению Дагестанского ЦИК'а работу по изъятию вакуфного имущества из фондов религиозных установлений и пользования обслуживающих их лиц и передачу его в фонд общества крестьянской взаимопомощи, съезд констатирует, что в результате этого мероприятия общества крестьянской взаимопомощи под свою работу подвели материальную основу, предоставившую возможность развития их деятельности по оказанию помощи маломощным крестьянским хозяйствам».¹

Съезд указал на необходимость проведения мероприятий по внедрению коллективных форм ведения сельского хозяйства в кресткомах.

«Достижение этой задачи, — говорится в Постановлении съезда, — требует решительного перехода обществ крестьянской взаимопомощи от собесовщины к развитию производственно-хозяйственной деятельности».²

Таким образом, общества крестьянской взаимопомощи, которые появились вначале с задачей оказания взаимной помощи нуждающимся трудовым крестьянским хозяйствам, по воле коммунистической партии постепенно превращались в орудие проведения классовой политики на селе, орудие воспи-

¹ ЦГА ДАССР ф. 600-р, оп. 5, ед. хр. 1, лист 29.

² Там же.

тания трудящихся крестьян, орудие приобщения их к коллективным социалистическим формам хозяйствования.

Естественно, изъятое вакуфное имущество следовало использовать с максимальным хозяйственным эффектом, чтобы показать трудовым крестьянским массам пример социалистического хозяйствования и бережного отношения к имуществу. Это необходимо было делать хотя бы потому, что в распоряжении кресткомов находилось значительное количество отобранного имущества. И с этой задачей кресткомы справлялись. Так, например, в 1929 году в распоряжении кресткомов Аварского округа находилось большое количество вакуфного имущества: бурок — около 1000 штук; паласов 435 шт., всего на сумму 24585 руб. и денег в сумме 10768 руб.

Кресткомы округа оказали крестьянам значительную помощь. Посеяли на их участках кукурузу, ячменя, пшеницы, овсе, чечевицы, льна, картофеля 2000 сабо на 135 гектарах. Кроме того путем субботников обработали 50 гектаров земли. Собрали урожай и распределили доходы после реализации с 4565 фруктовых деревьев; сдано государству хлебозаготовок за счет маломощных хозяйств 852 пуда зерна.¹

В связи с коллективизацией роль и значение кресткомов изменилась. Их задача, главным образом, сводилась к тому, чтобы содействовать колхозам в их борьбе с бесхозяйственностью. В циркуляре № 55 от 15 февраля 1930 года ЦК крестьянских обществ взаимопомощи РСФСР указал, что сельские Советы, правления колхозов, будучи заняты проведением ряда важнейших мероприятий по внутриколхозному строительству, зачастую не справляются с задачей борьбы с бесхозяйственностью, а сельские кресткомы, вопреки имеющимся директивам, либо ликвидируются, либо свертывают свою деятельность.

ЦК крестьянских обществ взаимопомощи считал совершенно недопустимым ликвидацию сельских кресткомов до организации касс социального обеспечения коллективизированного населения, а также необходимым обеспечить со стороны сельских комитетов крестьянских обществ взаимопомощи максимальное содействие укреплению колхозов. Сельским кресткомам вменялось в обязанность, в первую очередь, взять на себя инициативу проведения внутри колхозов, по договоренности с их правлением, решительных мер по борьбе с бесхозяйственностью.

Местные директивные органы райисполкомы и сельсоветы были осведомлены о необходимости сохранения кресткомов до организации касс социального обеспечения и недопустимости преждевременной их ликвидации.²

¹ ЦГА ДАССР, ф. 600-р, оп. 1, ед. хр. 2, лл. 143—151.

² Архив Даг. обкома КПСС, фонд 1, оп. 10, ед. хр. 28, лист 274.

Борьба с бесхозяйственностью, а также забота об использовании имущества, находящегося в распоряжении кресткомов, в том числе и вакуфного, в этот период стала одной из основных задач кресткомов. Она вытекала из новой тактики мусульманского духовенства, которое, с целью компрометации кресткомов, занималось уничтожением их имущества или неэффективным его использованием. Может возникнуть вопрос, каким же образом духовенству удавалось подрывать работу кресткомов или колхозов? Ответ очень прост. В Дагестане, особенно в первые годы Советской власти, не было достаточного количества подготовленных кадров не только для высших звеньев государственного аппарата, но и для низовых звеньев, которые могли бы вести хозяйство, учет и контроль за движением этого имущества. Грамотными в какой-то степени людьми на селе были представители мусульманского духовенства, которые вместе с кулаками, наполненные звериной злобой, всеми доступными мерами и способами боролись как против организации кресткомов, так и колхозов. Но когда они убедились в том, что никакой агитацией, никаким террором остановить тягу крестьян к кресткомам и к колхозам невозможно, духовенство пыталось любыми способами пролезть в них, захватить в них руководящие посты и затем проводить свою работу по хищению и разбазариванию их имущества. Факты, к сожалению, показывают, что иногда это им удавалось.

Не имея возможности специально осветить вопрос об улучшении положения крестьянства, следует отметить, что такой процесс происходил неотвратно и параллельно с колхозным строительством. Положение трудового крестьянства в связи со сплошной коллективизацией улучшалось и это было очевидным фактом. В связи с ликвидацией эксплуататорских классов и, с мощным ростом коллективизации сельского хозяйства, по постановлению ЦИК СССР от 1 февраля 1932 г. началась реорганизация кресткомов в кассы общественной взаимопомощи. Этим постановлением ЦИК СССР отметил, что «существовавшая организация общественной взаимопомощи в сельских местностях — крестьянские общества взаимопомощи, ставившие своей задачей оказание хозяйственной помощи единоличным крестьянским хозяйствам, явно не соответствовали условиям, которые создались в деревне в результате коллективизации». Мы были за укрепление колхозов и оказание помощи им, а не единоличникам, поэтому мы изменили отношение к кресткомам.

В результате в 1935 году в Дагестане оставался 601 крестком и было образовано 410 касс взаимопомощи. Сама замена кресткомов кассами взаимопомощи была объективным явлением. Лишившись возможности развертывания хозяйственной деятельности после передачи своего имущества кол-

хозам и кооперативным товариществам в процессе коллективизации, кресткомы превращались в организации, не оправдывавшие своего назначения. В отдельных кресткомах доходы зачастую не покрывали расходов даже на содержание своих штатных работников и в связи с этим имущественные фонды кресткомов с каждым месяцем уменьшались.

Интересы сохранения денежных и материальных фондов, находившихся в распоряжении кресткомов и использование их для укрепления колхозного строительства требовали немедленной замены кресткомов колхозными кассами взаимопомощи.

Критерием такой замены, согласно постановлению ЦИК ДАССР № 203 от 26 ноября 1935 года служило:

достижение 68 процента коллективизации и производственного кооперирования бедняцких и середняцких хозяйств, ликвидация кресткома с одновременной организацией при колхозе, кооперативном товариществе кассы общественной взаимопомощи.

Денежные средства, ценные бумаги и натуральные фонды кресткомов подлежали передаче в ведение касс взаимопомощи при колхозе, кооперативном товариществе, а имущество, производственные предприятия, сельскохозяйственный инвентарь, продуктивный, рабочий и мелкий скот — подлежали передаче колхозу, кооперативному товариществу за наличный расчет или под долговое обязательство, с погашением стоимости передаваемого имущества кассам взаимопомощи в установленные сроки.

В населенных пунктах, не достигших 68% коллективизации и производственного кооперирования или вовсе не имеющих колхозов и кооперативных товариществ, все имущество, денежные и натуральные фонды ликвидируемых кресткомов подлежали передаче в ведение сельских советов.

По достижении в данном населенном пункте 68% коллективизации и производственного кооперирования, переданное в ведение сельских Советов имущество, денежные средства и натуральные фонды ликвидированных кресткомов подлежали использованию в общем порядке путем передачи их в распоряжение касс взаимопомощи.

Этот порядок ликвидации кресткомов и использования их имущества, денежных средств и натуральных фондов был закреплён Постановлением бюро Даг. Обкома ВКП(б) в декабре 1935 года.

Бюро Обкома ВКП(б) предложило райкомам и партгруппе Даг. ЦИКа до 1 января 1936 года ликвидировать в Дагестане кресткомы, руководствуясь указанным выше постановлением. Ликвидировались также райкресткомы и вместо них создавались райкомиссии взаимопомощи колхозам и ко-

оперативным товариществам. Этот порядок впоследствии был одобрен также XI областной партконференцией.¹

Но поскольку в горной части Дагестана коллективизация не была еще завершена, преобразование кресткомов в кассы общественной взаимопомощи закончилось лишь в 1936 году. На 1 января 1934 года в Дагестане еще насчитывалось 764 кресткома, которые располагали значительными материальными и денежными средствами.²

В этот период в их распоряжении было; земли вакуфной 12059 десятин, денег 165809 рублей, 620 голов крупного рогатого скота, овец 2334 голов, 503 бурок, 1420 коров, 24 пчелиных ульев, 125 садов, 151 домов, 4020 десятин сенокосной земли, 7633 фруктовых деревьев, 143 мельниц, 154,5 десятин леса, 2124 ковра, 152 185 мерок зерна.³

Но на местах, особенно в горных районах, продолжалось выявление запятанного духовенством вакуфного имущества. В 1934 году в Хунзахском районе было выявлено 127 голов овец, 132 пуда зерна, 891 баран. В сел. Ратлуб Кахибского района тогда же было выявлено: 1012 голов овец, 76 голов крупного рогатого скота, 165 кг. шерсти и 435 килограммов масла.⁴

Засоренность кресткомов кулаками и духовенством приводила к разбазариванию их денежных и натуральных средств и растратам, достигшим по Дагестану нескольких десятков тысяч рублей. В 1933 г. затраты в кресткомов составляли: в Тляратинском районе — 830 голов овец, в Буйнакском районе — 10037 руб.; в Табасаранском районе — 6550 руб., в Хасавюртовском районе — 1753 руб.⁵

Задача партийных и советских органов на местах, поэтому, состояла в том, чтобы очистить кресткомы от кулаков и представителей духовенства и не дать им возможность проникнуть в колхозы и кассы взаимопомощи.

Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи сыграли большую роль не только в ликвидации экономической базы мусульманского духовенства, но и в оказании значительной помощи маломощным крестьянским хозяйствам в предотвращении их развала, в ограничении на селе эксплуатации со стороны кулачества.

Рост денежных и материальных фондов кресткомов обеспечивал такое развертывание их работы, при котором с каждым годом возрастало количество батрацко-бедняцких хозяйств, получавших от кресткомов материальную и хозяйственную помощь.

¹ См. Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 16, ед. 919, л. 2—10.

² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 14, ед. хр. 81, л. 105.

³ Там же, л. 107.

⁴ Там же, л. 57.

⁵ Там же, л. 57.

Укреплению финансовой и материальной базы кресткомов главным образом способствовала передача в их ведение вакуфного имущества, отобранного из ведения мусульманского духовенства.

Основные итоги деятельности кресткомов вкратце заключались в следующем:

1. В колхозы, кооперативные товарищества было вовлечено около 10000 батрацко-бедняцких хозяйств с внесением за них из средств кресткомов паевых и вступительных взносов. На эту цель были обращены следующие имущественные и денежные средства кресткомов:

крупного рогатого скота — 688 голов;

мелкого скота 13463 голов;

денежных средств 241,700 рублей.

Кроме того, колхозам и кооперативным товариществам было передано 570 мельниц, 2399 гектаров пахотной земли, 88 гектаров садов, а также значительное количество сельскохозяйственного инвентаря.

2. Большая помощь была оказана бедноте и батрачеству кресткомами выдачей возвратных и безвозвратных ссуд и организацией общественных субботников по обработке земельных участков бедняцких хозяйств. В этом отношении проведенная кресткомами работа характеризуется следующими показателями: израсходовано на выдачу безвозвратных ссуд 256 тысяч рублей. Трудовая помощь была оказана в среднем 1000 бедняцким хозяйствам.

3. Из фондов кресткома было израсходовано на ликвидацию неграмотности среди взрослого населения 512200 рублей.

4. Значительные средства были выделены на такие мероприятия как оказание помощи семьям призванных в РККА и престарелым крестьянам, организация ясельного обслуживания детей в период сельхозработ, трудовое устройство и обучение инвалидов и т. д.

5. Кресткомы сыграли значительную роль в мобилизации активности масс на проведение хозяйственно-политических кампаний, дорожное и школьное строительство, благоустройство аулов и т. д.

Являясь одной из форм коллективного владения имуществом и ведения хозяйства, общества крестьянской взаимопомощи не только способствовали восстановлению сельского хозяйства в Дагестане, но они также привили трудящимся понятие о принципах организации и ведения коллективного хозяйства, явились первичной ступенью колхозного строительства в Дагестане.¹

¹ Г. Даниялов. Названное произведение, стр. 289.

В условиях того времени они сплачивали революционные силы на селе в борьбе против кулачества и духовенства, повышали, их активность, организованность и политическую бдительность, помогали обуздать сельских мироедов и сломить их прямое сопротивление мероприятиям Советской власти, провести работу по освобождению трудящихся из-под влияния мусульманского духовенства довести до конца аграрные преобразования и подготовить условия для строительства первых коллективных хозяйств. Несмотря на примитивный характер кресткомов как объединений, они приучали крестьян к современному ведению дела, распределению имущества в зависимости от нужды и оказанию таким образом помощи им, развивали в них навыки коллективизма, развенчивали «святость» частнособственнических устоев. Практика показала, что широкое развитие кресткомов, руководство ими со стороны партийных организаций обеспечили в дальнейшем быстрый переход крестьян на путь коллективизации.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ Г. Даниялов. Названное произведение, стр. 289.

УГОЛОВНОПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАБЕЖА И РАЗБОЯ

Предотвращение преступлений является одной из главных задач, поставленных Программой КПСС перед государственными органами и общественными организациями, осуществляющими борьбу с преступностью. Основная роль в решении этой задачи принадлежит органам охраны общественного порядка.

Успешное разрешение проблемы предотвращения преступлений предполагает прежде всего предотвращение наиболее опасных для общества преступлений, в частности таких, какими являются разбой и грабеж.

Деятельность органов охраны общественного порядка по предотвращению преступлений, как и других государственных органов и общественных организаций, ведущих борьбу с преступностью, должна осуществляться на основе строжайшего соблюдения требований социалистической законности. Это предполагает, в частности, необходимость правильной юридической оценки каждого состава преступления.

Вопрос уголовноправовой характеристики разбоя и грабежа имеет важное значение для практических работников органов охраны общественного порядка, поскольку составы этих преступлений имеют сложное строение.

§ 1. Значение и место разбоя и грабежа в системе советского уголовного права. Объект этих преступлений.

Разбой и грабеж являются наиболее опасными преступлениями против социалистической и личной собственности граждан.

Общественная (государственная и общественная) собственность является основой советского строя, источником богатства и могущества нашей страны, надежным фундаментом зажиточной и культурной жизни трудящихся.

Укрепление и развитие социалистической собственности обеспечивает увеличение производительных сил нашего общества (создание и расширение фабрик, заводов, совхозов, колхозов и т. д., повышение количества и качества выпускае-

мой продукции и т. д.), рост материального благосостояния граждан, развитие здравоохранения, культуры и т. д.

Личная собственность граждан СССР является производной от социалистической собственности и коренным образом противоположна частной собственности в капиталистических странах. Личная собственность в СССР основана на принципе распределения материальных благ при социализме: «От каждого — по способностям, каждому — по его труду». Укрепление личной собственности неразрывно связано с повышением благосостояния граждан СССР.

Посягательства на социалистическую и личную собственность уменьшают общенародное достояние и имущественное достояние каждого гражданина, нарушают возможность использования социалистической собственности в интересах общества, а личной собственности в интересах граждан СССР.

Отмеченное свидетельствует о важности борьбы с посягательствами на социалистическую и личную собственность, о необходимости предотвращения этих посягательств, в особенности наиболее опасных — разбоев и грабежей.

Разбой и квалифицированный грабеж являются, согласно примечанию II-му к ст. 24 УК РСФСР, тяжкими преступлениями. Совершение их влечет для виновного определенные правовые последствия, например, содержание в колонии более строгого режима, ограничения при применении условно-досрочного освобождения и т. д. В этом примечании, предусматривающем перечень тяжких преступлений, не указан грабеж, совершенный в отношении личного имущества граждан, особо опасным рецидивистом. Это обусловлено тем, что совершение грабежа особо опасным рецидивистом влечет значительно более тяжелые для виновного правовые последствия, нежели последствия, возникающие в результате признания преступления тяжким.

Простой грабеж, хотя и не является тяжким преступлением, однако включен в примечание 1 к ст. 24 УК РСФСР и отнесен к категории преступлений, которые в теории советского уголовного права принято называть менее тяжкими.¹

Состав грабежа в советском уголовном законодательстве предусматривался не всегда. До издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об усилении охраны личной собственности граждан» предусматривалось три состава преступления: кража, грабеж и разбой. С изданием Указа от 4 июня 1947 года эта система была заменена двухступенной, предусматривавшей лишь два состава — кражу и разбой. При этом состав грабежа частично охватывался составом кражи, а частично — составом разбоя.

¹ См. Борьба с преступниками-рецидивистами, под редакцией проф. М. И. Якубовича, Изд. ВШ МООП РСФСР, М., 1964, стр. 9.

Согласно Указу от 4 июня 1947 г. кража была определена как тайное или открытое похищение личного имущества, а разбой как нападение с целью завладения личным имуществом граждан, соединенное с насилием, не опасным для жизни и здоровья (простой состав), либо с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего (квалифицированный состав). Таким образом, та часть состава грабежа, которая предусматривала ненасильственное похищение имущества, охватывалась составом кражи, а насильственный грабеж — составом разбоя.

Действующее законодательство вновь предусмотрело три состава: кражу, грабеж и разбой. Более того, эти составы дифференцированы в зависимости от того, на какой вид собственности — социалистической или личной направлено посягательство.

В науке уголовного права были высказаны две противоположные точки зрения по вопросу о целесообразности сохранения в законодательстве состава грабежа. Сторонники сохранения состава грабежа считают правильным решение этого вопроса в действующем законодательстве.² Противники этой точки зрения считают, что этот вопрос следовало бы решить так, как он был решен в Указе от 4 июня 1947 года.³

На наш взгляд, действующее законодательство, предусмотрев состав грабежа, более четко определило степень общественной опасности этого преступления, более точно дифференцировало ответственность за его совершение. Система охраны имущества от похищения, предусмотренная названным Указом, неосновательно причисляла открытое похищение имущества, соединенное с насилием, не опасным для жизни и здоровья, к такому опаснейшему преступлению против собственности, каким является разбой, что влекло резкое и неэквивалентное содеянному усиление репрессии.

² См. Л. Смирнов. К основам уголовного законодательства СССР, «Социалистическая законность», 1957, № 6, стр. 7; Н. Ф. Кузнецова. О квалификации разбойного нападения, «Советское государство и право», 1957, № 9, стр. 110; Д. Юровский. Кодификация уголовного законодательства Украинской ССР, «Социалистическая законность», 1957, № 12, стр. 16; С. Я. Булатов, Н. С. Гагарин. К вопросу о сущности разбоя, Известия Академии наук Казахской ССР, серия экономики, философии и права вып. 1 (12), Алма-Ата, 1960, стр. 73—74; С. Степичев. Ответственность за хищение личного имущества граждан «Социалистическая законность», 1961, № 5, стр. 47. М. И. Якубович. Преступления против социалистической собственности. Учебное пособие, изд. ВШ МООП РСФСР, 1962, стр. 13—14.

³ См. М. Гельфер. Ответственность за преступления против личной собственности граждан, «Социалистическая законность», 1958, № 9, стр. 47; В. Г. Макашвили. Проекты УК союзных республик о видах похищения имущества, «Советское государство и право», 1959, № 8, стр. 117.

Состав грабежа предусмотрен статьями 90 и 145 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, а состав разбоя ст. ст. 91 и 146 УК РСФСР.⁴ Грабеж и разбой, направленные против отношений государственной или общественной собственности, включены в главу вторую Особенной части УК РСФСР, именуемую «Преступления против социалистической собственности», а грабеж и разбой, направленные против личной собственности, в главу пятую, — «Преступления против личной собственности граждан». Таким образом, отнесение рассматриваемых преступлений к той или иной главе УК РСФСР, обусловлено различием родовых (специальных, групповых) объектов посягательств. Различие разбоя от грабежа обусловлено прежде всего различием непосредственных объектов этих преступлений.

Общим объектом преступления, совершаемого в СССР, являются социалистические общественные отношения, охраняемые уголовным законом, поскольку каждое из преступлений причиняет или может причинить ущерб этим отношениям, взятым под защиту уголовного закона.

Родовой объект — это группа однородных общественных отношений, на которые посягают несколько преступлений, и которые охраняются нормами, включенными в соответствующую главу Особенной части уголовного кодекса.

Родовым объектом грабежа и разбоя, включенным в главу «Преступления против социалистической собственности» являются отношения государственной или общественной (социалистической) собственности, а объектом грабежа и разбоя, включенным в главу «Преступления против личной собственности граждан» — отношения личной собственности.

Непосредственным объектом преступления является конкретное общественное отношение, против которого направлено одно или несколько преступлений, и которое охраняется одной или несколькими нормами Особенной части уголовного кодекса.

Следует отличать непосредственный объект от предмета преступления. Это имеет значение, в частности, при определении непосредственного объекта грабежа и разбоя.

Предмет преступления — это вещи, в связи с которыми или по поводу которых совершается преступление и на которые непосредственно воздействует или пытается воздействовать преступник при осуществлении посягательства на объект преступления. Предмет преступления представляет собой материальное выражение общественных отношений, на которые

⁴ Здесь и далее имеются в виду соответствующие статьи УК других союзных республик.

направлено преступное посягательство. Этой точки зрения придерживаются ряд советских криминалистов.⁵

Иную точку зрения разделяют А. А. Пионтковский, М. П. Михайлов, Т. Арзуманян, В. Танасевич. Они утверждают, что при похищении имущества наносится ущерб непосредственно имуществу и собственнику этого имущества, а не отношениям собственности и возражают против различения понятий предмета и объекта, считая, что непосредственный объект представляет собой предмет, на который воздействует преступник.⁶

На наш взгляд, необходимо различать непосредственный объект от предмета преступления, так как при похищении имущества ущерб наносится непосредственно конкретному общественному отношению, а не самой вещи, которая в результате воздействия на нее со стороны похитителя может лишь перейти от владельца к похитителю.⁷ Таким образом грабитель, разбойник, вор посягают прежде всего на право собственности, а не на имущество.

Необходимость различать объект как общественное отношение от предмета как материальное выражение общественного отношения подчеркнута К. Марксом в «Дебатах по поводу закона о краже леса»; «...Преступная же сущность действия заключается не в посягательстве на материальное дерево, а в посягательстве на государственный нерв дерева, на право собственности...».⁸

Непосредственным объектом грабежа, не сопряженного с насилием, являются отношения социалистической или личной собственности по поводу имущества. Этим признаком данный объект грабежа, как и соответствующий объект разбоя или кражи, отличается от объекта мошенничества и вы-

⁵ См. А. А. Герцензон. Уголовное право, часть Общая. М., 1948, стр. 288; Его же. Квалификация преступления. М., 1947, стр. 77; Д. Н. Розенберг. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве, «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 3, 1948, стр. 71; Н. И. Загородников. Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, «Труды Военно-юридической Академии» вып. XIII, 1951, стр. 44; В. А. Хван. Планирование расследования преступлений, Алма-Ата, 1956, стр. 14 и др.

⁶ См. А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права, Особенная часть, том I, Госюриздат, 1955, стр. 686; А. А. Пионтковский. Курс советского уголовного права, учение о преступлении. Госюриздат, 1961, стр. 137—141; М. П. Михайлов. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой, Госюриздат, 1958, стр. 43; Т. Арзуманян и В. Танасевич «Радянське право», 1960, № 5, стр. 154.

⁷ Из этих соображений главы вторая и пятая нового УК РСФСР и соответствующие главы УК других союзных республик названы: «Преступления против социалистической собственности» и «Преступления против личной собственности граждан». Исключение составляют названия соответствующих глав УК Эстонской ССР.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 149.

могательства, которые посягают на отношения собственности как по поводу имущества, так и по поводу прав на имущество, а вымогательство — еще и по поводу имущественных выгод.

По своей сущности грабеж, как и разбой, кража, мошенничество, вымогательство является корыстным преступлением и, в отличие от уничтожения или повреждения имущества, нарушает порядок распределения материальных благ при социализме: «Каждому — по его труду».

Предметом грабежа, а также разбоя, кражи является имущество, то есть «вещи», или собственность вещей как материальных предметов внешнего мира, одушевленных и неодушевленных, включая деньги и права на имущество, закрепленные в документах, ценных бумагах и номерных знаках (номерках от гардеробов, номер хранения).

Предметом рассматриваемых преступлений может быть только движимое имущество, то есть такое имущество, которое можно изъять. В связи с этим не могут быть предметом похищения жилые дома, фабрики, заводы, земли, недра и т. п. В то же время продукция заводов, фабрик, шахт, плоды произрастающие на земле, могут быть предметом грабежа и разбоя.

Нельзя отнести к предмету грабежа или разбоя (как и других преступлений против собственности) предметы, не имеющие объективной ценности, а также документы, не закрепляющие права на имущество. Так, например, работая в Кировоградском педагогическом институте, Меркулов похитил у преподавателя этого же института Бавзей, диплом кандидата наук. Диплом, похищенный у доцента Бавзей, Меркулов с целью использования в корыстных целях, подделал на свое имя. Работая в Вильнюсском институте, а затем в Даугавпилском учительском институте, Меркулов выдавал себя за кандидата наук и за время работы незаконно получал кандидатскую надбавку. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, на наш взгляд, поступила совершенно правильно, отметив в своем определении, что предмет похищения — диплом кандидата наук не является личным имуществом.⁹

Действующее законодательство (ст. 195 УК РСФСР) специально предусматривает похищение документов, поскольку такое деяние направлено не на отношения собственности.

Имущество как предмет грабежа или разбоя должно быть чужим для виновного, то есть имуществом, на которое винов-

⁹ См. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 21 августа 1954 г. по делу Меркулова, «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1954 г., № 6, стр. 13—14.

ный не имеет ни действительного, ни предполагаемого права собственности.

Противоположного взгляда придерживается А. А. Пионтковский, который полагает, что объектом похищения может быть и собственная вещь, находящаяся в чужом владении.¹⁰

С этой точкой зрения согласиться нельзя. В ст. 165 УК РСФСР 1926 года грабеж определялся как открытое похищение чужого имущества, т. е. имущества, не принадлежащего виновному. Из смысла ст. 90 и 145 УК РСФСР вытекает, что предметом рассматриваемого преступления является именно чужое имущество. Это обстоятельство специально подчеркивается в ст. 140 УК Эстонской ССР, в которой грабеж определен как открытое завладение имуществом другого лица с целью присвоения.

Таким образом, объектом грабежа, не сопряженного с насилием, являются отношения социалистической или личной собственности по поводу имущества, связанные с порядком распределения материальных благ, а предметом — движимое чужое имущество, представляющее объективную ценность.

Эти отношения собственности являются одним из объектов грабежа, соединенного с насилием, и разбоя. Помимо этого объекта грабеж, сопряженный с насилием, и разбой, посягают на общественные отношения, обеспечивающие безопасность личности.

Грабеж, сопряженный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, посягает на менее ценные блага личности, нежели разбой, а именно на свободу и телесную неприкосновенность человека. Посягательством на этот объект грабеж, соединенный с насилием, отличается от ненасильственного грабежа и кражи, направленных всегда на причинение ущерба только одному объекту — отношениям собственности, социалистической или личной.

Разбой, в отличие от насильственного грабежа, посягает на значительно более ценное благо личности — здоровье человека.

Большинство советских криминалистов считают, что объектом разбоя, помимо отношений собственности, является не только здоровье, но и жизнь человека.¹¹

¹⁰ См. А. А. Пионтковский. Советское уголовное право, т. 2, часть Особенная, М.-Л., 1928, стр. 102.

¹¹ А. Н. Игнатов. Ответственность за разбой по действующему советскому уголовному законодательству, автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юрид. наук, МГУ, М., 1952, стр. 6; М. П. Михайлов. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой, Госюриздат, 1958 г., стр. 121; М. Б. Гугучия. Ответственность за разбой по советскому уголовному законодательству, Абюриздат, Сухуми, 1958 г., стр. 20—21; Г. Кригер. Ответственность за разбой, «Советская юстиция», 1962 г., № 13, стр. 14; Л. Д. Гаухман. Уголовноправовая

Доцент В. А. Владимиров придерживается иного мнения, полагая, что объектом разбоя, помимо отношений собственности, является только здоровье.¹²

На наш взгляд, точку зрения В. А. Владимирова следует признать правильной, отвечающей требованиям уголовного законодательства и судебной практики. Действительно, посягательство при разбое не направлено на жизнь человека, на причинение смерти потерпевшему, и состав разбоя не охватывает состава убийства. Если при совершении разбоя виновный посягает на жизнь человека, то его действия должны быть квалифицированы по совокупности преступлений как разбой и корыстное убийство, если потерпевшему причинена смерть, или как разбой и покушение на корыстное убийство, если последствие в виде лишения жизни потерпевшего не наступило. Характерным в этом отношении являются следующие примеры:

25-го сентября 1964 года, Ефимов и Федореев напали на Коваленко и отобрали 9 рублей денег. При нападении на Коваленко ему Федореев нанес сначала несколько ударов и потерпевший упал, а когда он пытался подняться, Федореев нанес ему по голове и лицу еще несколько ударов, от которых Коваленко тут же скончался.

После убийства Коваленко, Ефимов с его ног снял полуботинки, а с руки часы, а Федореев из сумки потерпевшего забрал зеркало, одеколон и другие вещи.

Приговором Волгоградского областного суда от 21/I.65 г. Ефимов и Федореев осуждены по ст. ст. 146 ч. II, п. «а» и 102 п. «а» УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор Волгоградского облсуда в отношении Ефимова и Федореева оставила без изменения, а жалобы без удовлетворения.¹³

Другой пример, вечером 3-го января 1964 года Свиридов, будучи в нетрезвом состоянии, решил кого-нибудь ограбить и с этой целью, вооружившись топором, вышел на улицу. Зайдя в магазин, он увидел Федулова. Когда Федулов дошел до улицы Фрунзе, Свиридов, воспользовавшись недостаточным освещением и отсутствием людей, напал на Федулова и нанес ему три удара топором по голове. Вытащив из кармана брюк лежавшего без сознания Федулова бутылку водки и не найдя

борьба с разбойными нападениями, совершаемыми с целью завладения личным имуществом граждан, автореферат диссертации на соискание ученой степени, канд. юридических наук, Изд. ВШ МООП РСФСР, М., 1964 г., стр. 6.

¹² В. А. Владимиров. Преступления против личной собственности граждан, учебное пособие. Изд. ВШ МООП РСФСР, 1962 г., стр. 34.

¹³ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 12 марта 1965 года, дело № 16.05—9, 1965 г.

у него в карманах денег и других ценностей, Свиридов с места преступления скрылся.

Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы причиненные потерпевшему повреждения относятся к разряду тяжких, опасных для жизни.

По приговору Рязанского областного суда Свиридов осужден по п. «б» ч. 2 ст. 146 и ст. 15, п.п. «а» и «и» ст. 102 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, отменяя приговор в части осуждения Свиридова по ст. 15 и п.п. «а» и «и» ст. 102 УК РСФСР и прекращая в этой части дело производством, указала, что все действия осужденного охватываются диспозицией ч. 2 ст. 146 УК РСФСР и не требуют дополнительной квалификации по ст. 15 и п.п. «а» и «и» ст. 102 УК РСФСР.

Однако с таким выводом судебной коллегии согласиться нельзя, так как он не основан на законе.

Нанося потерпевшему удары топором по голове, Свиридов действовал с прямым умыслом, имея намерение убить потерпевшего. Об этом свидетельствует количество нанесенных потерпевшему ударов топором по голове, а также другие обстоятельства.

Исходя из изложенного, Президиум Верховного Суда РСФСР Постановлением от 8 июля 1964 г. отменил определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в отношении Свиридова и дело возвратил на новое кассационное рассмотрение.¹⁴

Правильность нашей точки зрения подтверждается п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» «Лишение жизни потерпевшего не охватывается составом разбоя, поэтому умышленное убийство, совершенное при разбойном нападении, надлежит квалифицировать по п. «а», а в случае, если оно совершено с целью скрыть преступление или облегчить его совершение, — также по п. «е» ст. 102 УК РСФСР и по соответствующим нормам УК других союзных республик. Таким образом, действия виновного должны помимо умышленного убийства по совокупности квалифицироваться еще и по ст. 91 или 146 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик».¹⁵

¹⁴ См. Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 8 июля 1964 г. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, № 12, 1964, стр. 4.

¹⁵ См. Постановление № 9 Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 года «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве», Бюллетень Верховного Суда СССР, 1963 г., № 4, стр. 21.

Разбой и насильственный грабеж являются сложными составами преступлений, поскольку посягают на два объекта. Профессор В. М. Чхиквадзе указывал, что при наличии двух объектов посягательств один из них является главным и определяющим, а другой играет второстепенную роль.¹⁶

Определение главного и второстепенного объекта имеет важное значение при отнесении сложного состава преступления к той или иной главе Особенной части уголовного Кодекса, при квалификации совершенных преступлений и отграничении преступлений, одного от другого.

По поводу того, какой объект разбоя — отношение собственности или личность — рассматривать в качестве главного и определяющего, существуют две противоположных точки зрения.

Доцент М. П. Михайлов и кандидат юридических наук М. Б. Гугучия полагают, что главным объектом разбоя являются личность человека, как наиболее ценное благо, на всемерное развитие которого направлена вся деятельность нашего общества.¹⁷

Противоположного мнения придерживаются профессор Б. С. Никифоров и кандидат юридических наук Л. Д. Гаухман. Они считают главным объектом разбоя отношения собственности.¹⁸

На наш взгляд, главным объектом разбоя являются отношения собственности, поскольку это преступление совершается с целью завладения имуществом, а посягательство на личность представляет собой средство этого завладения и в ряде случаев выражено слабо. Другим аргументом, подтверждающим наше мнение, является решение этого вопроса действующим уголовным законодательством, отнесшим разбой и грабеж, сопряженный с насилием, к преступлениям против собственности, а не к преступлениям против личности. Такое решение законодателя обусловлено природой рассматриваемых преступлений как преступлений против собственности.

§ 2. Понятие грабежа.

Обстоятельства, квалифицирующие грабеж.

Грабеж без квалифицирующих обстоятельств определен ч. 1 ст. 90 УК РСФСР как «открытое похищение государственного или общественного имущества..., совершенное без наси-

¹⁶ В. М. Чхиквадзе. Советское военно-уголовное право, юриздат, 1948 г., стр. 161.

¹⁷ См. М. П. Михайлов, указанная работа, стр. 122; М. Б. Гугучия, указанная работа, стр. 21.

¹⁸ См. Б. С. Никифоров. Объект преступления, Госюриздат, М., 1960 г., стр. 54—55; Л. Д. Гаухман. Уголовноправовая борьба с разбойными нападениями, совершаемыми с целью завладения личным имуществом граждан, диссертация на соискание ученой степени кандидата юридич. наук, ВШ МОП РСФСР, М., 1964 г., стр. 37.

лия, а ч. 1 ст. 145 УК РСФСР как «открытое похищение личного имущества граждан». Указание, содержащееся в ч. 1 ст. 90 УК РСФСР, «совершенное без насилия», не создает различия элементов объективной стороны грабежа, направленного на завладение социалистическим имуществом, и грабежа, направленного на завладение личным имуществом граждан. Это указание, на наш взгляд, излишне, поскольку ч. 2 ст. 90 УК РСФСР, как и в ч. 2 ст. 145 этого УК, предусмотрен грабеж, соединенный с насилием не опасным для жизни и здоровья потерпевшего. Необходимость квалификации грабежа, совершенного без насилия, предусмотренного ч. 1 ст. 90 и ч. 1 ст. 145 УК РСФСР, вытекает из непосредственного сопоставления частей 1-х и 2-х статей, вне зависимости от наличия или отсутствия упомянутого указания.

Объективная сторона грабежа, предусмотренного частями 1-ми ст. ст. 90 и 145 УК РСФСР, характеризуется открытым похищением государственного, общественного или личного имущества.

Похищение характеризуется изъятием предмета, вещи из владения социалистической организации или отдельного гражданина. Похититель получает возможность владеть, пользоваться и распоряжаться изъятной вещью, но не приобретает на нее права собственности.

Похищение является открытым в том случае, когда оно совершается на глазах потерпевшего или других лиц, что осознается преступником.

Однако по этому вопросу в теории советского уголовного права были высказаны различные точки зрения. Так, проф. А. А. Пионтковский считает, что похищение имущества на глазах у третьих посторонних лиц, не имеющих никакого отношения к данному имуществу, следует считать не грабежом, а кражей.¹⁹

Доцент М. А. Гельфер полагает, что открытым является такое похищение, которое совершается в присутствии потерпевшего или третьих лиц, принявших на себя защиту интересов потерпевшего.²⁰

В более узком смысле термин «открытое» рассматривает проф. М. И. Якубович, относящий к открытому похищению такое изъятие имущества, когда владелец имущества или лицо, охраняющее его, сознает факт похищения.²¹

¹⁹ См. А. А. Пионтковский. Советское уголовное право, т. 2. Особенная часть. М.-Л., 1928, стр. 109, 122.

²⁰ См. М. А. Гельфер. Гл. IV, Вопросы особенной части советского уголовного права в УК РСФСР, 1960 года, учебное пособие, ВЮЗИ, М., 1962, стр. 80.

²¹ См. М. И. Якубович. Преступления против социалистической собственности, учебное пособие, изд. ВШ МООП РСФСР, 1962 год, стр. 14.

С приведенными точками зрения — мы согласиться не можем. На наш взгляд, для наличия открытого похищения не обязательно осознания факта похищения только владельцем имущества или лицами, которые непосредственно защищают право собственности потерпевшего либо лицами, которым специально вверена охрана похищенного имущества. Представляется, что открытым похищение следует считать и тогда, когда помимо перечисленных лиц и другие посторонние лица, осознают факт похищения чужого имущества.

Открытый характер похищения имущества представляет основной признак, свойственный грабежу и отличающий грабеж от кражи, характеризующей тайным, т. е. незаметным способом похищения.

С приведенным мнением доц. М. А. Гельфера нельзя согласиться еще и потому, что для грабежа недостаточно лишь присутствия потерпевшего. Похищение вещи у спящего или пьяного, т. е. находящегося в состоянии, когда он не осознает, что у него изымается имущество, является кражей, а не грабежом. На практике же имеют место случаи, когда неправильно квалифицируются как грабеж такие ситуации, при которых похищение имущества производится тайно от потерпевшего, в том числе у бесчувственно пьяного человека. Характерным в этом отношении является следующий пример:

Приговором Каменского городского народного суда Токмачев осужден по ч. 2, ст. 145 УК РСФСР за то, что он 3 сентября 1962 г. в 2 часа 30 мин. зашел в общежитие № 1 треста № 5 и там у спавших рабочих: у Мирошниченко забрал плащ и жакет, у Нечаева снял с руки часы «Москва» и взял портсигар, у Тарасова снял с руки часы «Победа» и взял другие вещи. Однако, не спавший и наблюдавший за действиями Токмачева рабочий Копач разбудил своих товарищей, и все они вместе задержали преступника.

Как видно из настоящего дела, Токмачев, похищая вещи в общежитии, полагал, что действует тайно для потерпевших. Он не знал, что Копач не спал и наблюдал за ним.

Следовательно, действия Токмачева, совершенные в общежитии, надлежит расценивать как кражу.

На основании изложенного президиум Ростовского областного суда приговор городского народного суда изменил; действия Токмачева переквалифицировал с ч. 2 ст. 145 УК на ч. 2 ст. 144 УК РСФСР, определив ему по этой статье соответственно меньшую меру наказания.²²

Существуют две точки зрения о сравнительной степени общественной опасности кражи и грабежа. Некоторые крими-

²² См. Постановление президиума Ростовского областного суда, Бюллетень Верховного Суда РСФСР, № 6, 1964, стр. 16.

налисты считают грабеж более опасным преступлением, нежели кража.²³

Другие, наоборот, полагают, что при прочих равных условиях степень общественной опасности кражи выше, чем грабежа, т. к. виновный в совершении грабежа, действуя на глазах у потерпевшего или других лиц, сам облегчает возможность его изобличения.²⁴

По нашему мнению грабеж представляет собой более опасное преступление, чем кража, так как действия грабителя более дерзки и опасны (вор рассчитывает на скрытность своих действий, ловкость, различные ухищрения, а грабитель — на внезапность, растерянность, страх потерпевшего).

Например, такой дерзостью отличались действия Чебокаева Абакара, который на лестничной площадке школы № 14 гор. Махачкалы, при встрече учащегося 10 кл. этой школы Давыдова Юрия в оскорбительно-грубой форме открыто в присутствии третьих лиц требовал немедленно отдать часы «Победа».²⁵

Именно открытым характером действий грабителя обусловлена повышенная степень опасности этого преступления по сравнению с кражей. Вследствие этого санкции ч.ч. I-х ст. ст. 90 и 145 УК РСФСР предусматривают более строгое наказание за грабеж, чем санкции соответствующих частей ст. ст. 89 и 144, предусматривающих уголовную ответственность за кражу.

При ненасильственном грабеже не должно быть применения насилия к потерпевшему как самостоятельного действия, помимо похищения. В то же время возможны случаи ненасильственного грабежа, когда при похищении оказывается воздействие на организм потерпевшего (например, при «рывке»¹ или раздевании пьяного в результате толчков). Однако некоторые криминалисты предлагают квалифицировать грабеж при помощи «рывка» по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР по при-

²³ См. З. А. Вышинская. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества, М., 1948, стр. 14; М. П. Михайлов. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой, Госюриздат, 1958 стр. 66; В. А. Владимиров. Преступления против личной собственности граждан, Учебное пособие, изд. ВШ МООП РСФСР, 1962, стр. 24.

²⁴ См. А. А. Пионтковский. Советское уголовное право, т. 2, Особенная часть. М.-Л., 1928, стр. 107, т. I, М., 1955, стр. 679; В. Г. Макашвили. Упомянутая работа, стр. 117—118.

²⁵ По материалам Махачкалинского гор. отдела милиции МООП ДАССР.

²⁶ Под «рывком» понимается открытое похищение сумки, портфеля и т. п. с последующим бегством похитителя, который рассчитывает на быстроту и растерянность потерпевшего. При «рывке» виновный применяет усилия, заключающиеся в механическом воздействии на организм потерпевшего, осуществляемом действием, представляющим похищение.

знаку применения насилия²⁷ С этим мнением мы согласиться не можем, т. к. при «рывке» преступник применяет усилия, а не насилие.

Например, Алибулатов, будучи в нетрезвом состоянии, на привокзальной площади ст. Грозный остановил проходящего мимо Мансурова и спросил у него который час. Когда Мансуров посмотрел на часы, Алибулатов рывком сорвал с его руки наручные часы «Космос» стоимостью 67 руб. и убежал. По приговору Верховного Суда ЧИ АССР от 27 июля 1964 года Алибулатов осужден по ч. II ст. 145 УК РСФСР. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор Верховного Суда ЧИ АССР от 27 июля 1964 года в отношении Алибулатова изменен и его действия переквалифицированы с ч. II ст. 145 УК РСФСР на ч. I ст. 145 УК РСФСР и соответственно мера наказания снижена осужденному, так как насилия над Мансуровым он не применял и таковым не угрожал.²⁸

Имеют место случаи, когда суды неправильно квалифицируют насильственный грабеж по ч. I ст. 145 УК РСФСР.

Например, Мурашенко, будучи в нетрезвом состоянии догнал гражданку Рязанцеву, у которой вырвал из рук дамскую сумку (ридикюль). Отойдя от потерпевшей на несколько шагов, Мурашенко остановился, осмотрел сумку, взял из нее деньги и сумку бросил потерпевшей, пригрозив последней: «Иди и не оглядывайся, а то получишь».

Суд квалифицировал действие Мурашенко, как открытое похищение, совершенное без насилия.

Однако, из обстоятельств дела видно, что Мурашенко не ограничился совершением неожиданного для потерпевшей захвата сумки, но и проявил в отношении гражданки Рязанцевой определенное психическое насилие в виде угрозы: «Иди и не оглядывайся, а то получишь», устранив ее на какое-то время для того, чтобы скрыться с места происшествия.²⁹

В данном случае суд обратил внимание только на действия Мурашенко, непосредственно связанные с захватом имущества. На наш взгляд, действия Мурашенко следовало квалифицировать по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР как грабеж, сопряженный с психическим насилием.

Открытое похищение имущества должно быть средством перехода имущества от потерпевшего к грабителю. Если преступник похитил государственное, общественное или личное имущество тайно, а затем был замечен и на глазах у других

²⁷ См. Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР 1960 г. изд. Ленинградского ун-та, 1962, стр. 271.

²⁸ См. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 19 октября 1964 года по делу Алибулатова (Архив Верховного Суда РСФСР).

²⁹ По материалам Верховного Суда СССР.

скрылся или пытался скрыться с похищенным, то налицо кража, а не грабеж. Однако похищение является открытым, когда оно было начато тайно, но затем переросло в открытое.

Грабеж признается оконченным преступлением с момента завладения преступником вещью потерпевшего. Момент завладения обычно совпадает с моментом изъятия вещи.

Покушением при грабеже будет действие лица, направленное на открытое похищение имущества, но недоведенное до овладения имуществом по независящим от виновного обстоятельствам³⁰ (например, когда преступник открыто взялся за чужую вещь, чтобы похитить ее и скрыться с нею, но ему в этом помешали).

Отсутствие насилия сближает грабеж и кражу, поскольку при совершении этих преступлений преступник стремится избежать столкновения с владельцем имущества или с другими лицами, могущими воспрепятствовать его действиям.

В связи с этим возникает необходимость четкого определения критерия для разграничения составов кражи и грабежа.

По этому вопросу в теории советского уголовного права высказаны различные точки зрения. Одни авторы считают основным критерием субъективный признак,³¹ другие же, учитывая субъективный момент, преимущественное значение придают объективному фактору.³² Была также высказана точка зрения, согласно которой критерием для отграничения тайного похищения от открытого признавался и объективный и субъективный моменты.

В этом отношении представляет интерес точка зрения П. Ф. Пашкевича, который считает, что правильная квалификация деяния достигается от выяснения его объективной стороны к познанию субъективной (умысла, цели и мотивов).³³

По нашему мнению, при отграничении тайного от откры-

³⁰ См. ст. 15 УК РСФСР. Анализ практики расследования уголовных дел по грабежам показывает, что органы следствия и суда в отдельных случаях неправильно квалифицируют действия виновных, как оконченный грабеж, которые фактически пытались завладеть предметом посягательства. (См. уголовное дело № 1—137, 1961 г., по обвинению Колокольцева А. В. и Капотова С. П. по ч. II ст. 145 УК РСФСР, н/судом Ленинградского района г. Москвы).

³¹ См. А. А. Пионтковский. Советское уголовное право, Особенная часть т. 2, М.-Л., 1929, стр. 109—110; А. А. Пионтковский и В. Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права, Особенная часть, т. I, М., 1955, стр. 711—712; Н. Дурманов. Рецензия на книгу М. М. Исаева, Имущественные преступления (М., 1938), «Советское государство и право», 1939, № 1, стр. 133—134; М. М. Исаев. Уголовное право. Особенная часть, М., 1943, стр. 211.

³² См. М. П. Михайлов. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой. Госюриздат, 1958, стр. 67—68.

³³ См. П. Ф. Пашкевич. Объективная истина в уголовном судопроизводстве, госюриздат 1961, стр. 41.

того похищения следует руководствоваться как субъективным, так и объективным критерием, исходя из обстоятельств конкретного деяния. Поэтому следует согласиться с З. А. Вышинской, которая полагает, что не следует считать тайными и те случаи похищения, которые заметны по самой обстановке их совершения.³⁴

Для правильной квалификации грабежа важно установить, на похищение какого имущества — социалистического или личного направлен умысел преступника. Если грабитель сознает, что изымает социалистическое имущество, а фактически похищает личное имущество, то его действия следует рассматривать как покушение на похищение государственного или общественного имущества, и наоборот, если умысел преступника направлен на похищение личного имущества граждан, а фактически похищается государственное или общественное имущество, то его действия должны быть квалифицированы как покушение на грабеж в отношении личного имущества граждан. Когда виновному в совершении грабежа принадлежность имущества безразлична, его действия должны быть квалифицированы в зависимости от фактической принадлежности имущества.

В отличие от уголовных кодексов всех других союзных республик, УК Эстонской ССР в ст. 89 и 140 указывает, что грабеж может быть совершен лишь с целью присвоения.³⁵

Такое упоминание о цели грабежа нам представляется оправданным, поскольку отсутствие этой цели свидетельствует об отсутствии у виновного умысла на обращение похищенных предметов в свою собственность. Например, приговором городского народного суда гор. Чапаевска Куйбышевской области Щетинкин и Щербаков осуждены по ч. 2 ст. 90 УК РСФСР. Судебная Коллегия по уголовным делам Куйбышевского областного суда приговор оставила без изменения. Президиум того же суда протест прокурора области о переквалификации действий Щетинкина и Щербакова на ч. 2 ст. 206 УК РСФСР оставил без удовлетворения.

На самом деле Щетинкин и Щербаков признаны виновными в том, что они, находясь в нетрезвом состоянии, пришли на ст. Чапаевск и попросили шофера такси Васильева довезти их до ст. Покровки. В пути следования они высадили Васильева из машины и направились в гор. Куйбышев. Когда у них заглох мотор, виновные бросили такси на дороге и на попутной машине уехали в поселок Безенчук. На предва-

³⁴ См. З. А. Вышинская. Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества. М., 1948, стр. 14. Таково же взгляда придерживается В. Кудрявцев. См. Квалифицировать преступления в строгом соответствии с законом, «Советская юстиция», 1963, № 13, стр. 7.

³⁵ Аналогичное указание имеется в этом кодексе и в диспозициях статей, предусматривающих ответственность за кражу и разбой.

рительном следствии и в суде Щетинкин и Щербаков пояснили, что у них не было умысла на хищение автомашины. Они хотели покататься, что было подтверждено показаниями свидетелей.

При таких условиях следует признать, что Щербаков и Щетинкин угнали автомашину из хулиганских побуждений. В связи с этим действия надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Именно так и поступил Верховный Суд РСФСР, который своим определением от 17 февраля 1965 года приговор народного суда и определение областного суда в отношении Щетинкина и Щербакова изменил: переквалифицировал их действия с ч. 2 ст. 90 УК на ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Постановление Президиума областного суда Судебная Коллегия отменила.³⁶

Таким образом, субъективная сторона грабежа характеризуется и корыстной целью, т. е. стремлением виновного обогатиться за счет чужого имущества. В этом состоит отличие грабежа от самоуправства, при совершении которого корыстная цель у виновного отсутствует и он считает, что имеет либо предполагает право на изымаемое имущество.

Субъектом грабежа не может быть лицо, которое к моменту совершения преступления не достигло 14-летнего возраста, а также лицо, которое во время совершения преступления находилось в состоянии невменяемости, или же после совершения грабежа заболело тяжелым душевным недугом, вплоть до полного его выздоровления.³⁷ В соответствии со ст. 4 и 5 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик субъектом грабежа могут быть граждане СССР, иностранцы, не пользующиеся правом экстерриториальности, и лица без гражданства.

Ч. 2 ст. 90 и ч. 2 ст. 145 УК РСФСР к обстоятельствам, квалифицирующим грабеж, относят: насилие, не опасное для жизни или здоровья; наличие предварительного сговора группы лиц и повторность. Частью 2 ст. 145 УК РСФСР в качестве квалифицирующего обстоятельства предусмотрено также причинение значительного ущерба потерпевшему.

Ч. 3 ст. 90 и ч. 3 ст. 145 УК РСФСР особоотягчающими обстоятельствами признают грабеж, совершенный особо опасным рецидивистом, а ч. 3 ст. 90 — и грабеж, совершенный в крупных размерах.

В отличие от ненасильственного грабежа, грабеж с насилием характеризуется посягательством на личность потерпевшего и похищением имущества. Насилие, применяемое пре-

³⁶ См. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 17 февраля 1965 года по делу Щербакова «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 5, стр. 6.

³⁷ Ст. ст. 10 и 11 УК РСФСР.

ступником при совершении грабежа к потерпевшему, является средством похищения или удержания похищенного имущества. В ином случае, когда насилие не является средством похищения имущества, состав насильственного грабежа отсутствует, и деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений как ненасильственный грабеж или кражу и соответствующее преступление против личности или хулиганство. Например:

Приговором народного суда Ленинского района гор. Грозного от 10 мая 1963 г. Абзаров Лечи признан виновным по ч. 2 ст. 206 и ч. 1 ст. 145 УК РСФСР в том, что он, будучи в нетрезвом состоянии, учинил хулиганские действия в отношении знакомой ему ранее Цыганковой, выразившиеся в нанесении последней побоев и нецензурной брани в общественном месте. После этого, провожая Цыганкову домой, около ее дома сорвал у нее с рук часы марки «Заря» и скрылся. Определением Судебной коллегии Верховного суда Чечено-Ингушской АССР приговор оставлен без изменений. Президиум того же суда отменил приговор и определение и прекратил дело в части осуждения Абзарова по ч. 1 ст. 145 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила постановление Президиума Верховного суда Чечено-Ингушской АССР и оставила без изменения приговор народного суда Ленинского района и определение Судебной коллегии Верховного суда ЧИ АССР.³⁸

Грабеж, сопряженный с насилием, в отличие от разбоя, является оконченным преступлением лишь после завладения имуществом. Деяние представляет собой грабеж и тогда, когда преступник сразу же после похищения имущества и для окончательного завладения применил насилие не опасное для жизни или здоровья, к лицу, препятствовавшему или пытавшемуся ему воспрепятствовать в этом. Если вор или грабитель, похитивший чужую вещь, бросит ее и применит насилие исключительно с целью избежать задержания, его действия следует квалифицировать как кражу или грабеж по совокупности с соответствующим преступлением против личности. Грабитель, применяя насилие к потерпевшему, стремится сломить сопротивление потерпевшего или принудит его добровольно отдать имущество, либо показать место, где имущество находится.

Насилие при грабеже может быть как физическим, так и психическим. Под физическим насилием, не опасным для жизни или здоровья, понимается причинение незначительных поверхностных повреждений в виде ссадин, кровоподтеков,

³⁸ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 6 апреля 1964 года по делу Абзарова.

связывание потерпевшего или других лиц с целью похищения имущества. Лишение потерпевшего свободы при отсутствии насилия над его личностью, с целью похищения имущества, является кражей или ненасильственным грабежом, либо покушением на кражу или ненасильственный грабеж. Например, преступник, проникнув в чужую квартиру, запирает потерпевшего в другой комнате. В этом случае налицо кража, если лицо, запертое в другой комнате, не подозревает, что похищается имущество. Если же оно сознает факт похищения, но не имеет возможности выйти из комнаты, запертой преступником на ключ, и воспрепятствовать преступнику в похищении имущества, то налицо грабеж без насилия, при условии, что при запираании к потерпевшему не применялась физическая сила или угроза применения физической силы.

Физическое насилие может выразиться в причинении таких легких телесных повреждений, которые не повлекли даже кратковременного расстройства здоровья (ч. 2 ст. 112 УК РСФСР).

Этого мнения придерживаются другие авторы, относящие к телесным повреждениям, характерные для грабежа лишь предусмотренные ч. 2 ст. 112 УК РСФСР.³⁹

Иную точку зрения разделяют доцент В. А. Владимиров, проф. П. П. Михайленко и Р. И. Тевлин. Они считают, что физическое насилие при грабеже может выразиться в причинении легких телесных повреждений.⁴⁰

Согласно этому положению к насилию при грабеже, не опасному для жизни и здоровья следует относить и повреждения, повлекшие кратковременное расстройство здоровья т. е. причинившие вред здоровью, что противоречит закону.

Психическое⁴¹ насилие при грабеже это угроза применения физического насилия, не опасного для жизни или здоровья. Психическое насилие это воздействие на психику потерпевшего, создающее у него уверенность о немедленном

³⁹ См. Об Уголовном кодексе РСФСР. Изд. ВШ МВД РСФСР, 1961, стр. 48; Советское уголовное право, часть Особенная. Госюриздат, 1962, стр. 93; М. И. Якубович. Преступления против социалистической собственности, Изд. ВШ МОП РСФСР, 1962, стр. 14—15 и др.

⁴⁰ См. В. А. Владимиров. Преступления против личной ответственности граждан. Изд. ВШ МВД РСФСР, 1962, стр. 26; П. П. Михайленко, Р. И. Тевлин. Преступления против личной собственности граждан, Изд. МВД УССР, 1962, стр. 46.

⁴¹ В связи с этим менее удачен термин техническое насилие у Б. Змиева в его работе Уголовное право, часть Особенная, вып. 1, Казань, 1923, стр. 47, под которым он понимал угрозу насилием при грабеже. Вызывает возражение критическое замечание некоторых авторов на комментарий к уголовному кодексу, 1960. Изд. Ленинградского университета, 1962, в части отрицания ими возможности совершения грабежа с угрозой применения насилия. (См. В. Банин, М. Махмутов, В. Пакутин. Комментарий к уголовному кодексу РСФСР, 1960, изд. Ленинградского университета, 1962, стр. 45). «Советская юстиция», 1963, № 10, стр. 23.

осуществлении угрозы в случае его противодействия преступнику. Для наличия грабежа не имеет значения, какой вид насилия (физическое или психическое) применяется в качестве средства для похищения имущества. Однако при назначении наказания нужно учитывать, что физическое насилие по сравнению с разнозначным психическим насилием представляет большую опасность. Отличие между физическим и психическим насилием очень точно выразил проф. Д. М. Генкин. «Различие между угрозой и насилием, — пишет он, заключается в том, что при угрозе наступление зла возможно и вероятно, при насилии зло уже имеет место».⁴²

Ст. ст. 90 и 145 УК РСФСР, в отличие от соответствующих статей других УК, предусматривают в качестве отягчающего обстоятельства только физическое насилие при похищении государственного, общественного или личного имущества и не содержит указания на угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья.⁴³

Это по нашему мнению является определенным пробелом в УК РСФСР, и его необходимо восполнить указанием на угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья.

В советской уголовноправовой литературе высказана точка зрения, что грабеж не может быть совершен с угрозой применения насилия, поскольку указание на такую угрозу отсутствует в ст. ст. 90 и 145 УК РСФСР. Это мнение аргументируется двумя доводами:

а) там, где насилие может быть как физическое, так и психическое, законодатель об этом прямо указывает в законе (например, ст. ст. 91, 146 УК РСФСР);

б) признание возможным совершение грабежа с угрозой применения насилия затрудняет отграничение грабежа от разбоя, так как трудно провести грань между насилием при грабеже и разбойном нападении.⁴⁴

Однако первый довод опровергается законодательством всех других союзных республик, которое предусматривает в качестве одного из квалифицирующих признаков грабежа

⁴² См. Д. М. Генкин. Советское гражданское право, т. I, М., 1950, стр. 229.

⁴³ Все УК союзных республик, за исключением РСФСР, предусматривают в качестве отягчающего обстоятельства грабежа и применение угрозы насилием при похищении имущества.

⁴⁴ См. В. Банин, М. Махмутов, В. Пакутин. Упомянутая статья «Советская юстиция», 1963, № 10, стр. 23; К. Евдокимов и М. Бабаев считают, что наличие психического насилия дает основание вести речь только о разбое (см. К. Евдокимов и М. Бабаев. Разграничение посягательств на личную собственность в практике судов, «Советская юстиция», 1961, № 9, стр. 15).

психическое насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего.⁴⁵

Нельзя согласиться и со вторым доводом, поскольку критерием для разграничения является восприятие интенсивности насилия потерпевшим и осознание этого преступником. При этом нужно учитывать конкретные обстоятельства дела (количество преступников, место, время совершения преступления и др.). Для признания грабежа, совершенного с применением психического насилия необходимо, чтобы потерпевший воспринимал угрозу как угрозу насилия, не опасного для жизни и здоровья,⁴⁶ и на это рассчитывал преступник.

Необходимо отличать грабеж, сопряженный с психическим насилием, от вымогательства, предусмотренного ст. ст. 95 и 148 УК РСФСР, когда требование передачи имущества при вымогательстве сопряжено с угрозой применения насилия, характерного для грабежа.

Различие заключается в том, что при грабеже виновный угрожает **немедленным** применением насилия, а при вымогательстве — применением насилия в **будущем**.

В связи с этим представляется более удачной формулировка второй части ст. 140 УК Эстонской ССР, в которой в качестве квалифицированного вида рассматривается грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья, либо с угрозой **непосредственным** применением такого насилия. Подчеркнутое является решающим критерием, отличающим грабеж от вымогательства. Следует признать удачным также отграничение грабежа от вымогательства, содержащееся в нормах о вымогательстве в УК Литовской и Узбекской ССР. В ст. 150 УК Литовской ССР вымогательство рассматривается как требование передачи личного имущества граждан, соединенное с угрозой применения в **будущем** насилия. Таким образом, по моменту реализации угроза при вымогательстве отличается от угрозы в грабеже.

Грабежом при отягчающих обстоятельствах признается также открытое похищение государственного, общественного или личного имущества, совершенное по предварительному сговору группой лиц, т. е. по договоренности двух или более лиц о совместном совершении грабежа, которая состоялась до начала совершения преступления. Промежуток времени, протекший между сговором и совершением преступления значения не имеет. Предварительный сговор предполагает взаимное соглашение участников группы для совершения од-

⁴⁵ Практика работы органов милиции и судов РСФСР подтверждает правильность квалификации деяния как грабежа при угрозе применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего.

⁴⁶ Более подробно вопрос о характере угрозы применения насилия к потерпевшему со стороны преступника для завладения его имуществом рассматривается нами при исследовании состава разбоя.

ного или нескольких преступлений. При этом не исключается возможность разработки ее участниками плана совершения грабежа с распределением ролей между собой. Предварительный сговор нескольких лиц между собой, предполагает совершение согласованных действий, облегчающих достижение преступной цели.

Уголовный кодекс РСФСР по-новому решает вопрос о возможности признания повторности преступления в действиях лица, ранее совершившего какое-либо из преступлений, перечисленных в примечаниях к ст. ст. 89 и 144 УК РСФСР. Правильное понимание понятия повторности грабежа, как и любого имущественного преступления, имеет важное практическое значение, т. к. в зависимости от этого в известной степени можно судить об общественной опасности лица, вновь совершившего преступление, а также решить вопрос о возможности признания такого лица в соответствующих случаях особо опасным рецидивистом. Грабеж является повторным и квалифицируется по ч. II ст. 90 или ч. II ст. 145 УК РСФСР, когда лицо, совершившее грабеж, ранее совершило одно из преступлений, перечисленных в примечаниях к ст. ст. 89 и 144 УК РСФСР.⁴⁷

В науке уголовного права спорным является вопрос о том, следует ли квалифицировать преступление, как повторное, если за ранее совершенное преступление с лица, отбывшего наказание, снята или погашена судимость, или же истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

Решающим признаком повторности кражи (это в равной степени относится и к грабежу), — утверждает В. А. Владимиров, — является то, что виновный неоднократно совершил корыстные посягательства на социалистическую или личную собственность, а не его судимость.⁴⁸ С. В. Бородин также считает, что для признания повторности в действиях лица не имеет значения — снята или погашена прежняя судимость, поскольку в примечаниях к ст. ст. 89 и 144 УК РСФСР, го-

⁴⁷ См. Примечания к ст. ст. 89 и 144 УК РСФСР. В отличие от УК РСФСР и других союзных республик УК Украинской ССР (примечания к ст. ст. 91 и 140) и УК Латвийской ССР (примечания к ст. ст. 85 и 139) кроме того, признают грабеж повторным, если он совершен после похищения огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ. Грабеж считается повторным и в том случае, если лицо ранее совершило хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах (ст. 931 УК РСФСР).

⁴⁸ См. В. А. Владимиров. Преступления против личной собственности граждан. Изд. ВШ МООН РСФСР, 1962, стр. 17; Его же. Преступления против личной собственности граждан по уголовному законодательству союзных республик, «Советское государство и право», 1962, № 8, стр. 72—73. Следует правда, отметить, что В. А. Владимиров до этого высказывания придерживался противоположного взгляда по этому вопросу (См. В. А. Владимиров. Охрана личной собственности, «Советская милиция», 1961, № 2, стр. 58).

лений, а не о прежней судимости.⁴⁹ Противоположное мнение ворится о повторном совершении соответствующих преступ- на этот счет высказывают проф. Н. И. Загородников, С. С. Степичев, М. П. Хилобок и др.⁵⁰ Авторы, разделяющие вторую точку зрения, признают преступления повторными лишь в случаях, когда судимость за ранее совершенное дея- ние не снята, не погашена, или не истекли сроки давности привлечения данного лица к уголовной ответственности.

С точкой зрения В. А. Владимирова и С. В. Бородина со- гласиться нельзя. Если встать на эту точку зрения, то нужно признать, что лицо, ранее совершившее открытое похищение личного имущества граждан (ч. I, ст. 145 УК РСФСР) и вновь учинившее аналогичное преступление через 10—15 лет должно признаваться в качестве лица, совершившего повтор- ное преступление, ибо на него институт погашения судимости (ст. 57 УК РСФСР) не распространяется. В этом случае лицо всегда будет считаться судимым, что противоречит тре- бованиям советской уголовной политики. Исключив же в на- рушение закона (ст. 57 УК РСФСР) институт судимости, мы тем самым лишим исправившегося осужденного права счи- таться несудимым.

Кроме того, согласно примечанию к ст. 24 УК РСФСР (при решении вопроса о признании лица особо опасным реци- дивистом), не учитываются те преступления, по которым су- димость была погашена или снята в установленном порядке. Следовательно, погашенная или снятая судимость за преступ- ление, предусмотренное примечаниями к ст. 89 и 144 УК РСФСР не должна быть признана основанием для квалифи- кации действий виновного по ч. 2 ст. 90 или ч. 2 ст. 145 УК РСФСР по признаку повторности.

Наша точка зрения подкрепляется и руководящими указа- ниями Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества».

Рассматривая содержащиеся в этом Постановлении Пле- нума положения по этому вопросу применительно к составу грабежа, следует признать, что грабеж не может быть квали- фицирован по признаку повторности, если с виновного снята судимость за ранее совершенное преступление в порядке ам- нистии или помилования, либо погашена или снята в соответ- ствии со ст. 57 УК РСФСР, а также, если к моменту совер- шения хищения истекли сроки давности уголовного преследо-

⁴⁹ См. С. Бородин. Применение нового Уголовного Кодекса РСФСР по делам об убийствах, «Социалистическая законность», 1961, № 9, стр. 22—23.

вания за ранее совершенное преступление.⁵¹ Хотя В. А. Владимиров не согласен с этой частью постановления Пленума, это разъяснение вносит определенную ясность в понятие повторности и правильно ориентирует органы следствия и суда в целях единообразного понимания понятия повторности.

К особо квалифицируемому обстоятельству грабежа УК РСФСР относит хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах⁵² (ч. III, ст. 90 УК РСФСР) и причинение значительного ущерба потерпевшему (ч. II ст. 145 УК РСФСР). В УК нет указания о том, что понимается под похищением в крупных,⁵³ особо крупных⁵⁴ размерах, и под причинением значительного ущерба. По этому вопросу в уголовноправовой литературе высказана точка зрения, согласно которой при определении размера похищенного следует исходить не только из его стоимости, но, кроме того, учитывать также и другие признаки, такие как количество, вес, дефицитность и т. д.⁵⁵

Вопрос об определении значительного ущерба, причиненного потерпевшему в результате грабежа, должен разрешаться исходя не только из стоимости и количества похищенного, но и из степени необходимости, ценности похищенного имущества для потерпевшего. При этом суд должен сопоставить стоимость или сумму похищенного с имущественным положе-

⁵⁰ См. Н. Загородников. Несколько возникших вопросов квалификации умышленных убийств, «Советская юстиция», 1962, № 3, стр. 5; С. Степичев, упомянутая работа, стр. 47; М. П. Хилобок. Методика расследования мошенничества. Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук, М., 1962.

⁵¹ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», «Социалистическая законность», 1962, № 5, стр. 64.

⁵² Помимо этого, ст. 93¹ УК РСФСР предусматривает, как самостоятельный состав — хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, независимо от способа хищения.

⁵³ Некоторые авторы считают, что крупным размером при грабеже признается похищение на крупную сумму или в крупном объеме, что определяют в каждом конкретном случае органы предварительного расследования и суд (См. Комментарии к уголовному кодексу Молдавской ССР, Кишинев, 1964, стр. 188—191).

⁵⁴ Хищение в особо крупных размерах признается в том случае, когда сумма похищенного составляет десятки тысяч рублей, или когда похищены особо важные народно-хозяйственные товары, хотя бы и на меньшую сумму (там же, стр. 197).

⁵⁵ См. упомянутое Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. М. И. Якубович. Преступления против социалистической собственности. Изд. ВШ МОП РСФСР, 1962, стр. 13; Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР 1960 г. Изд. Ленинградского университета 1962, стр. 190; Советское уголовное право, часть Особенная, Госюриздат, 1962, стр. 91.

нием потерпевшего. Это обеспечивает возможность избежать применения «равного масштаба к неравным людям».⁵⁶

Ч. III ст. 90 и ч. III ст. 145 УК РСФСР в качестве обстоятельства, особо квалифицирующего грабеж, предусматривают совершение грабежа особо опасным рецидивистом. Основание для признания лица особо опасным рецидивистом предусмотрены примечанием 1 к ст. 24 УК РСФСР (п.п. 1—4). Для квалификации деяния по ч. III ст. 90 или ч. III ст. 145 УК РСФСР необходимо, чтобы лицо было признано особо опасным рецидивистом до совершения грабежа.

При решении вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом не должны учитываться судимости за преступления, совершенные этим лицом в возрасте до восемнадцати лет, а также судимости, которые погашены или сняты в установленном законном порядке. Например, приговором Тюменского областного суда Карпов был признан особо опасным рецидивистом и осужден по ч. III ст. 145 УК РСФСР.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор оставила без изменения.

Карпов признан виновным в том, что он, отбывая наказание в исправительно-трудовой колонии, путем нанесения побоев пытался ограбить заключенного Сухарева. Карпов осужден по ч. II ст. 206 и ч. 2 ст. 90 УК РСФСР к 8 годам лишения свободы. Отбывая наказание в местах лишения свободы, он совершил тяжкое умышленное преступление, в связи с чем суд признал его особо опасным рецидивистом.

Как установлено по делу, Карпов отбывал наказание за преступления, совершенные им в возрасте до восемнадцати лет. Следовательно, он не мог быть признан особо опасным рецидивистом. В связи с этим неправильной является и квалификация его действий по ч. III ст. 145 УК РСФСР. Поэтому Президиум Верховного Суда РСФСР отменил приговор областного суда и определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в отношении Карпова в части признания его особо опасным рецидивистом и осужде-

⁵⁶ Б. С. Никифоров. Новый Уголовный Кодекс РСФСР важный этап в развитии советского уголовного права «Социалистическая законность», 1960, № 12, стр. 15; Его же. Уголовноправовая охрана личной собственности в СССР, изд. АН СССР, 1954, стр. 86 и др. С. Степичев предлагает вообще исключить такое отягчающее обстоятельство, как «причинение значительного ущерба», заменив, на его взгляд, более определенным — «крупный размер», исходя из тех соображений, что этот квалифицирующий признак включен в число обстоятельств, квалифицирующих преступные посягательства на социалистическую собственность, и определяется с учетом соответствующего официального толкования (См. С. Степичев. Вопросы уголовной ответственности за кражу. «Социалистическая законность», 1963, № 9, стр. 45).

ния по ч. III ст. 145 УК РСФСР. В остальной части приговор и определение оставлены без изменения.⁵⁷

Правильная квалификация грабежа обеспечивает эффективную уголовноправовую борьбу с этими преступлениями и является правовой основой для решения проблемы их предотвращения.

§ 3. Понятие разбой. Обстоятельства, квалифицирующие разбой

В УК РСФСР и в УК других союзных республик, за исключением УК Эстонской ССР, разбой определен как нападение с целью завладения имуществом (государственным, общественным и личным), соединенное с насилием, опасным для жизни и (или) здоровья лица, подвергшегося нападению (потерпевшего), или с угрозой применения такого насилия (ч. I ст. 91, ч. I ст. 146 УК РСФСР).

УК Эстонской ССР определяет разбой как применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза непосредственным применением такого насилия с целью завладения имуществом (государственным, общественным или личным) и присвоения его (ч. I, ст. 90, ч. I ст. 141 УК ЭССР).

Кандидат юридических наук С. С. Степичев считает, что формулировка разбоя в УК Эстонской ССР неудачна, поскольку не упоминается такой характерный признак разбоя как **нападение**, поскольку этот признак более точно передает сущность разбоя.⁵⁸

По нашему мнению, формулировка разбоя в УК Эстонской ССР не только более удачна, но и более прогрессивна,⁵⁹ поскольку сущность разбоя заключается не в нападении, а в насилиии, опасном для жизни и здоровья потерпевшего. Именно степень интенсивности насилия, а не признак нападения отличает разбой от насильственного грабежа и существенно повышает степень общественной опасности разбоя. Оконченным разбой является с момента применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а не с момента нападения.

⁵⁷ См. Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 26 июня 1963 года. Бюллетень Верховного Суда РСФСР 1963 г. № 12, стр. 10—11.

⁵⁸ С. С. Степичев. Ответственность за хищение личного имущества граждан «Социалистическая законность», 1961, № 5, стр. 49.

⁵⁹ Понятие нападения отсутствует в нормах о преступлениях, представляющих разбой в уголовных кодексах ряда стран социалистического лагеря (см. ст. ст. 184, 185 и 186 УК Народной Республики Болгарии, ст. ст. 529, 530, 531, 532, 533 УК Румынской Народной Республики, ст. 299 УК Венгерской Народной Республики, § 247 ч(2), п. «С», § 26 ч.(2) п. «в» УК Чехословацкой Социалистической Республики, § 249 УК, действующего в ГДР).

Помимо этого, весьма сложно установить начальный и конечный моменты нападения и отграничить нападение в физическом смысле от насилия. Насильственный грабеж также нередко совершается посредством нападения, однако факт нападения в этом случае не имеет никакого уголовноправового значения. Наличие признака нападения в формулировке разбоя само по себе не дает возможности дать уголовноправовую характеристику разбоя. Аналогичного мнения по этому вопросу придерживается кандидат юридических наук Л. Д. Гаухман.⁶⁰

Советскими криминалистами разработаны различные определения понятия нападения. Так, М. Б. Гугучия отмечает, что «признаки, характеризующие объективную сторону разбоя, заключаются: 1) в нападении, состоящем в физическом или психическом насилии над личностью потерпевшего с целью завладения чужим имуществом...».⁶¹ С правильностью такого определения согласиться нельзя, поскольку в нем отождествляются различные элементы, характеризующие объективную сторону состава разбоя нападение и насилие.

Более удачными следует признать определения нападения, даваемые проф. Б. С. Никифоровым и М. П. Михайловым.

Б. С. Никифоров отмечает: «...под разбойным нападением следует понимать такие действия виновного, которые непосредственно направлены к тому, чтобы путем насилия или угрозы применения насилия лишить потерпевшего способности, возможности или желания сопротивляться завладению его имуществом».⁶²

Определение нападения, сходное с процитированным, дает М. П. Михайлов: «Под разбойным нападением следует понимать такие действия виновного, которые непосредственно направлены к преодолению, путем физического или психического воздействия возможного или действительного сопротивления завладению чужим имуществом со стороны потерпевшего, а также (в отдельных случаях) направленные на устранение путем насилия потерпевшего как нежелательного свидетеля совершенного преступления».⁶³

Из приведенных определений вытекает, что целью нападения является преодоление сопротивления потерпевшего завладению имуществом. Однако с этим согласиться нельзя, поскольку цель нападения простирается дальше преодоления сопротивления потерпевшего. Нападение совершается с целью завладения имуществом.

⁶⁰ Л. Д. Гаухман. Указ. диссертация, стр. 142—144.

⁶¹ М. Б. Гугучия. Указанная работа, стр. 29.

⁶² Б. С. Никифоров. Уголовноправовая охрана личной собственности граждан, М., 1954, стр. 88.

⁶³ М. П. Михайлов. Указанная работа, стр. 124—125.

Под нападением следует понимать такое активное действие, которое непосредственно направлено на преодоление возможного или действительного сопротивления потерпевшего, отнятию у него имущества, совершаемое с целью завладения этим имуществом.⁶⁴

Подавляющее большинство разбойных нападений совершаются в открытой форме. Однако это не означает, что разбойное нападение не может быть осуществлено тайно, то есть не быть осознанным потерпевшим.

Действующее советское уголовное законодательство, в отличие от УК РСФСР 1922 и 1926 гг. (соответственно ч. I ст. 184 и ч. I ст. 167), при определении разбоя не указывает на открытый характер нападения. Следовательно, нападение при разбое может быть осуществлено как открыто, так и тайно. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением некоторых криминалистов, что нападение при разбое носит открытый характер.⁶⁵

Нападение является элементом, характеризующим объективную сторону состава разбоя. Форма нападения — открытая или тайная — не является элементом состава разбоя, поскольку она не предусмотрена в норме о разбое. Существенным для разбоя является не характер нападения — открытый или тайный, а то, что к потерпевшему с целью отобрания имущества применяется насилие опасное для жизни или здоровья потерпевшего. Именно это определяет повышенную степень общественной опасности разбоя по сравнению с другими преступлениями против собственности. Признание того, что нападение при разбое может носить только открытый характер, находясь в противоречии с действующим законодательством, неосновательно суживает рамки объективной стороны, а, следовательно, и всего состава разбоя. Поэтому разбой налицо и в тех случаях, когда потерпевший и не осознает, что на него совершается нападение, или когда он лишается сознания или даже жизни еще до того, как осознает значение произведенного на него нападения, например, при нападении на спящего или на лицо, находящееся в состоянии опьянения и т. п. Таким образом, УК РСФСР относит к разбою всякое нападение с целью похищения чужого имущества, т. е. как открытое, так и незаметное для потерпевшего.

⁶⁴ Следует согласиться также с определениями нападения, даваемыми канд. юр. наук Л. Д. Гаухманом и канд. юр. наук А. С. Мартиросовым (см. Л. Д. Гаухман, указанная диссертация, стр. 75; А. С. Мартиросов, расследование и раскрытие грабежей и разбоев, диссертация на соискание ученой степени канд. юр. наук ВШ МООП РСФСР, М., 1964, стр. 31).

⁶⁵ С. С. Степичев. Указанная статья, стр. 49; М. Д. Шаргородский. Ответственность за преступления против личности, Л., 1953, стр. 19.

Например, приговором Верховного Суда Татарской АССР осужден Рыдаев по ст. ст. 15, 102, п. «а» и ч. 2 п. «б» ст. 146 УК РСФСР.

Зная, что владелец дома Котельникова является одинокой женщиной, Рыдаев решил ограбить ее. С этой целью 5 октября 1964 г. вечером он спустился с сеновала, взял в сарас топор, и спрятавшись в сених, стал ожидать появления Котельниковой. Когда она вернулась домой и села ужинать, Рыдаев подошел к ней сзади и нанес ей неожиданно по голове три удара углом лезвия топора, причинив при этом Котельниковой легкое телесное повреждение, забрал носильные вещи и продукты питания и скрылся.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, приговор Верховного Суда Татарской АССР был оставлен без изменения, а жалоба — без удовлетворения.⁶⁶

Исходя из повышенной общественной опасности разбой рассматривается законодателем как оконченное преступление не с момента завладения похищенным имуществом, а с момента нападения, хотя бы оно и не привело к похищению имущества. Такой взгляд на момент окончания разбоя в настоящее время утвердился как в советской уголовноправовой литературе, так и в практике органов милиции, суда и прокуратуры. Иного мнения придерживались Б. Змиев, Э. Я. Немировский, А. А. Жижиленко,⁶⁷ разделявшие точку зрения И. Я. Фойницкого,⁶⁸ признававшего разбой оконченным с момента утраты владения потерпевшим и перехода имущества во владение виновного.

Хотя по действующему закону разбой является оконченным преступлением с момента нападения, независимо от того, удалось преступнику завладеть имуществом или нет, однако, органы следствия и суда в некоторых случаях неправильно квалифицируют как покушение на разбой такие действия лица, совершающего разбой, когда было применено с целью завладения имуществом насилие, опасное для жизни и здо-

⁶⁶ См. определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 22 января 1965 года (дело № 11, 05.3, 1965 г.).

⁶⁷ См. Б. Змиев. Уголовное право, часть Особенная. Казань, 1923, стр. 48; Э. Я. Немировский. Советское уголовное право. Одесса, 1925, стр. 278; А. А. Жижиленко. Имущественные преступления, Наука и школа, Ленинград, 1925, стр. 101.

⁶⁸ См. И. Я. Фойницкий. Курс уголовного права, часть Особенная, СПб 1912, стр. 243. Следует отметить что свою точку зрения Змиев, Немировский и Жижиленко как и Фойницкий, высказывали применительно к разбою, предусмотренному хотя и прежним законодательством, но также определявшемуся как «нападение»...

ровья, но завладеть имуществом виновному не удалось по независящим от него причинам.⁶⁹

При разбое, как и при грабеже с насилием, преступник посягает не только на отношения собственности, но и на личность потерпевшего. Если для квалификации грабежа с насилием достаточно, чтобы преступник применил насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего т. е. самое незначительное физическое или психическое насилие, то для разбоя этого недостаточно. Насилие при разбое как физическое, так и психическое, должно быть опасным для жизни или здоровья потерпевшего. Поэтому нельзя согласиться с утверждением П. С. Матышевского, который под физическим насилием при разбое понимает такое воздействие на телесную неприкосновенность личности, которое выразилось в причинении тяжкого или средней тяжести телесного повреждения.⁷⁰

Это утверждение не исчерпывает всех разновидностей характера насилия при разбое. Физическое насилие при совершении разбоя может выразиться и в причинении потерпевшему легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья (ч. I ст. 112 УК РСФСР). Результатом такого насилия является заболевание потерпевшего или нарушение функции какого-либо органа, продолжительность от семи дней до четырех недель, или незначительная стойкая утрата трудоспособности менее 15 процентов. Эти последствия являются опасными для здоровья.

К насилию при разбое следует отнести случаи насильственного приведения потерпевшего в бессознательное состояние при помощи одурманивающих средств (например, насильственное введение потерпевшему опиума, морфия, держания у рта жертвы ваты, смоченной хлороформом и т. д., когда эти вещества применяются в количествах, представляющих опасность для жизни и здоровья.⁷¹ Проф. И. Я. Фойницкий правильно отмечал, что приведение в бессознательное состояние спаиванием одуряющими веществами, по степени важности повреждения здоровью нужно квалифицировать как грабеж или разбой.⁷² Согласно этому утверждению И. Я. Фойницкого следует признать, что для наличия грабежа или разбоя достаточно факта насильственного спаивания потерпевшего

⁶⁹ См. определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 20 апреля 1963 г. по делу Аветисова А. М. и др. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 5, стр. 27—28.

⁷⁰ См. П. С. Матышевский. Советское уголовное право (ч. особенная), Учебное пособие, изд. Харьковского ун-та, 1962, стр. 121.

⁷¹ Подробнее по этому вопросу см. Б. Змиев. Уголовное право, часть Особенная, Казань, 1923, стр. 48; М. П. Михайлов. Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой. Госюриздат, 1958, стр. 130.

⁷² См. И. Я. Фойницкий. Курс уголовного права, часть Особенная, спб, 1912, стр. 239.

какими-либо одурманивающими веществами, если в результате этого, здоровью потерпевшего будет нанесен вред. Таким образом, Фойницкий И. Я. считал грабежом или разбоем случаи, когда фактически отсутствует фактор непосредственного насильственного воздействия, в полном смысле этого слова, на телесную неприкосновенность по отношению к потерпевшему (удары, побои и т. д.), или применения угрозы таковой для приведения его в бесчувственное состояние. Эту точку зрения, по существу разделяет канд. юрид. наук М. Б. Гучучия, который относит к физическому насилию такие случаи, когда преступник приводит потерпевшего в бессознательное состояние и таким способом лишает его возможности оказать сопротивление похищению имущества. К этим случаям автор относит факты спаивания преступником потерпевшего вином со снотворным веществом с последующим похищением имущества. При этом, — указывает автор, — налицо особый способ преодоления преступником сопротивления потерпевшего.⁷³ В отличие от взгляда И. Я. Фойницкого, М. Б. Гучучия основным признаком для квалификации подобного случая как разбоя, считает не причинение вреда здоровью потерпевшего, характерного для разбоя, а особый способ преодоления преступником сопротивления потерпевшего.

Насилием, опасным для здоровья, является насилие, повлекшее такие повреждения, которые относятся к разряду тяжких или менее тяжких телесных повреждений, либо легких телесных повреждений с кратковременным расстройством здоровья. Если при совершении разбоя потерпевшему была причинена смерть, то деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений как разбой и корыстное убийство, так как объективная сторона разбоя не охватывает такого последствия, как смерть потерпевшего. Если похищение имущества сопровождается насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, но в дальнейшем, встретив сопротивление жертвы, преступник применяет к нему насилие, опасное для жизни или здоровья, или угрозу таковым, то налицо разбой.⁷⁴ В этом случае имеет место перерастание грабежа, сопряженного с насилием, или покушения на такой грабеж в разбой.

Для квалификации разбоя необходимо, чтобы физическое или психическое насилие было средством завладения имуществом. Поэтому, если после похищения имущества ненасильственным путем преступник применяет насилие не

⁷³ См. М. Б. Гучучия. Ответственность за разбой по советскому уголовному законодательству, Абгосиздат, Сухуми, 1958, стр. 34.

⁷⁴ См. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 17 ноября 1961 г. по делу Мартыанова и Григорьева «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 2, стр. 10—11.

с целью окончательного завладения имуществом потерпевшего, а исключительно с целью избежать задержания, то налицо совокупность грабежа и другого преступления против личности. Насилие к потерпевшему при разбое может быть применено одновременно с нападением, после нападения, а также в процессе отнятия у потерпевшего имущества и даже после изъятия имущества с целью его удержания.

Из содержания ст. ст. 91 и 146 УК РСФСР вытекает, что для признания в действиях лица разбоя нужно исходить не из последствий тяжести, причиненных им телесных повреждений потерпевшему, а из опасности способа насилия. Поэтому, если преступник при нападении пытается душить потерпевшего или ударяет его ножом для облегчения возможности для себя похитить чужое имущество, то, независимо от последствий такого физического насилия, оно должно признаваться опасным для жизни потерпевшего даже тогда, когда тяжких последствий не наступило. Характерным в этом отношении является следующий пример.

Приговором Курского городского народного суда Федосенко и Бочарова признаны виновными в том, что они днем 8 августа 1961 года в саду при Курском доме железнодорожников совершили разбойное нападение на Домашева Виктора, у которого с применением насилия отобрали наручные часы «Волна». После того, как были отобраны часы и виновные стали уходить, Федосенко заявил потерпевшему, «если пикнешь — зарежу». Таким образом, при нападении на потерпевшего, было применено лишь насилие не опасное для жизни и здоровья, а угроза исходила от осужденного Федосенко уже после совершения преступления и не явилась средством завладения имуществом потерпевшего.

Следовательно, преступные действия Федосенко и Бочарова полностью охватывались признаками насильственного грабежа, а не разбоя. Поэтому Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР действия Федосенко и Бочарова с ч. 2 п. «а» ст. 146 УК РСФСР переквалифицировала на ч. 2 ст. 145 УК РСФСР и соответственно определили виновным меры наказания.⁷⁵

Психическое насилие может быть выражено словесно, жестами, действиями преступника и должно содержать запугивание потерпевшего причинением вреда его здоровью или даже причинением смерти.

Нельзя согласиться с мнением А. С. Мартиросова, который пишет: «Психическое насилие, опасное для жизни и здоровья потерпевшего, налицо и в том случае, если несколько преступников окружают потерпевшего в темном, безлюдном месте и

⁷⁵ См. определение Судебной Коллегии Верховного Суда РСФСР от 28 мая 1965 года по делу Федосенко и Бочарова.

отбирают у него те или иные вещи. В таком случае, хотя преступники словесно и не угрожают потерпевшему, но сама обстановка, в которой совершается нападение на потерпевшего, свидетельствует о том, что, если потерпевший воспротивится действиям преступников, то он подвергнется насилию с их стороны».⁷⁶ Далее он отмечает: «В таких случаях потерпевший, поставленный преступниками в беспомощное состояние, нередко «разрешает» им завладеть теми или иными вещами, чтобы избежать расправы».⁷⁷

На наш взгляд, такая угроза является психическим насилием, опасным для жизни и здоровья лишь тогда, когда преступники словесно, жестами, или действиями явно выражают намерение причинить потерпевшему смерть или вред здоровью, и потерпевший воспринимает эту угрозу как угрозу смертью или причинением вреда его здоровью.

Предварительный сговор, как обстоятельство квалифицирующее разбой, совпадает с соответствующим признаком квалифицированного грабежа. Следует, однако, отметить, что встречаются случаи, когда разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору признается работниками милиции при расследовании квалифицированным, а суд рассматривает его деяние как простой разбой, квалифицируя по ч. I ст. 146 УК РСФСР, не излагая мотивов переквалификации в приговоре.⁷⁸

Другим квалифицирующим признаком разбоя, предусмотренным пунктами «б» ст. ст. 91 и 146 УК РСФСР является совершение этого преступления с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия. Уголовные кодексы других союзных республик (за исключением УК Туркменской ССР),⁷⁹ не предусматривают в качестве обстоятельства, квалифицирующего разбой, применение оружия или других предметов, используемых в качестве оружия. Применение участниками разбойной группы оружия сближает этот вид разбоя с бандитизмом. Отличие разбоя, совершенного вооруженной группой лиц, от бандитизма — имеет важное значение. Основным критерием, различающим эти составы преступлений, является устойчивость группы, всегда присущая бандитизму и отсутствующая при разбое. Кроме этого

⁷⁶ А. С. Мартиросов. Указанная диссертация, стр. 36—37.

⁷⁷ Там же, стр. 37.

⁷⁸ См. Уголовное дело о обвинении Городилова и Олейникова по ч. I, ст. 146 УК РСФСР, краевым судом Краснодарского края.

⁷⁹ Ст. 92 УК Туркменской ССР, предусматривающая разбой с целью хищения государственного имущества в качестве одного из квалифицированных признаков признает совершение разбоя с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия. Однако, этот квалифицирующий признак отсутствует в ст. 157 того же УК, предусматривающего разбой с целью завладения личным имуществом граждан.

признака имеются и другие различия. Так, в отличие от разбоя, объектом бандитизма являются основы государственного управления Союза ССР. Если разбоем свойственна корыстная цель, то бандитизм может и не преследовать этой цели (например, организация банды в целях хулиганства, мести и т. д.). Сама по себе организация банды уже считается оконченным преступлением (подыскание соучастников, приобретение оружия и т. д.). Разбой же признается оконченным преступлением с момента нападения со стороны виновного.

Для признания бандитизма необходимо участие не менее двух лиц, разбой же может быть совершен и одним лицом. Действия лиц подпадут под признаки состава бандитизма, если участники группы будут вооружены холодным или огнестрельным оружием; при разбое необязательно наличие оружия у преступника. Признак устойчивости характеризуется тем, что участники этого преступного сообщества обычно тесно связаны друг с другом общим преступным интересом и это, как правило, способствует сплоченности участников бандитской группы как при совершении нападений на те или иные объекты, так и при оказании активного сопротивления. Поэтому такая преступная группа, представляющая большую общественную опасность, может длительное время осуществлять свою преступную деятельность. Такой устойчивостью разбойная группа, как правило, не обладает.

Поскольку законодатель в п. п. «б» ст. 91 и 146 УК РСФСР предусматривает в качестве отягчающего обстоятельства при разбое применение не только оружия, но и других предметов, используемых в качестве оружия, поэтому, на наш взгляд, важно уточнить всякий ли предмет, используемый преступником в качестве оружия при разбойном нападении даст основание квалифицировать действия виновного по п. «б» ст. 91 или п. «б» ст. 146 УК РСФСР. Изучение следственной и судебной практики показывает, что помимо огнестрельного и холодного оружия преступники нередко при совершении преступления используют и различные предметы: отвертку, напильник, камни, палки и т. д.⁸⁰ Доц. М. А. Гель-

⁸⁰ В. А. Владимиров, разграничивая оружие и другие предметы, используемые преступниками при разбойных нападениях, относит в одном случае кистень к холодному оружию (см. В. А. Владимиров и Ю. И. Ляпунов. Об уголовном Кодексе РСФСР, практическое пособие. Изд. ВШ МООП РСФСР, 1961, стр. 51). В другой же работе он относит кистень к предметам, используемым в качестве оружия (см. В. А. Владимиров. Преступления против личной собственности граждан, изд. ВШ МООП РСФСР, 1962, стр. 33; Его же. Преступления против личной собственности граждан по уголовному законодательству союзных республик, «Советское государство и право», 1962, № 8, стр. 77). Верховный Суд СССР в определении по делу М. и других указал, что под оружием следует понимать «предметы, предназначенные исключительно для поражения живой цели, не имеющие иного хозяйственного назначения, и при этом предметы, для

фер и доц. И. А. Сперанский считают, что предметами, могущими быть использованными в качестве оружия, являются нож, топор и другие предметы.⁸¹ Другие авторы считают, что любые предметы, которыми можно нанести повреждения потерпевшему, дадут основание считать такие действия квалифицированным разбоем.⁸² М. И. Якубович, В. А. Владимиров, Ю. И. Ляпунов считают, что палки, камни и другие вещи, особенно, если они подобраны преступниками непосредственно на месте преступления, не могут быть признаны предметами, используемыми в качестве оружия для разбойного нападения.⁸³

Представляется неправильным утверждение М. А. Гельфера и И. А. Сперанского, что для квалификации по п.п. «б» ст. 91 и 146 УК РСФСР достаточно преступнику использовать любые предметы в качестве оружия. Ведь понятием любого предмета охватываются и такие, которыми даже и при желании нельзя нанести сколько-нибудь серьезного повреждения, следовательно, такие предметы не могут считаться заменителями оружия, и разбой с использованием этих предметов не является квалифицированным. По нашему мнению, в качестве оружия могут быть использованы только такие предметы, которые по своим свойствам при их применении могут причинить серьезные повреждения человеку.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что органы милиции, прокуратуры и суда не всегда правильно квалифицируют деяние в тех случаях, когда виновный при нападении использует предмет, которым можно нанести серьезный вред потерпевшему.

Предметы, используемые в качестве оружия, как справедливо отмечает В. А. Владимиров, как правило, преступники заранее подготавливают, а не просто подбирают на месте.⁸⁴

права не только пользования, но даже ношения и хранения которых требуется специальное разрешение...» (Судебная практика 1946, вып. 6, стр. 14). С этой точки зрения кистень должен рассматриваться как холодное оружие, т. к. кистень является одним из древнейших видов ударно-раздробляющего оружия (см. подробнее А. И. Устинов, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Холодное оружие, Изд. ВШ МООП РСФСР, 1961, стр. 113).

⁸¹ См. М. А. Гельфер. Гл. IV, Вопросы особенной части советского уголовного права в УК РСФСР, 1960 г., М., 1962, стр. 83—84, И. А. Сперанский, Гл. I, там же, стр. 25—26.

⁸² См. Советское уголовное право, часть Особенная. Госюриздат, 1962, стр. 97. Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР, 1960 г., Изд. Ленинградского ун-та, 1962, стр. 192.

⁸³ См. В. А. Владимиров, Ю. И. Ляпунов. Об Уголовном Кодексе РСФСР, Изд. ВШ МООП РСФСР, 1961, стр. 51; В. А. Владимиров. Охрана личной собственности, «Советская милиция», 1961, № 2, стр. 60, М. И. Якубович. Преступления против социалистической собственности, Изд. ВШ МООП РСФСР, 1962, стр. 23.

⁸⁴ См. В. А. Владимиров. Преступления против личной собственности граждан, Изд. ВШ МООП РСФСР, 1962, стр. 34.

Но нельзя согласиться с М. И. Якубовичем, В. А. Владимировым и Ю. И. Ляпуновым, которые считают, что предметы, подобранные на месте преступления и использованные в качестве оружия, не могут быть признаны заменителями оружия лишь только потому, что они подобраны на месте преступления. Нередки случаи, когда преступник заранее не подготавливает предмет для использования в качестве оружия, а пользуется теми предметами, которые случайно оказываются у него под рукой. Причем таким предметом могут быть даже палки или же камни, которые по своим свойствам могут причинить серьезные повреждения и оказаться не менее эффективными, чем специально приготовленные для этого предметы.

Именно так было совершено разбойное нападение на продавщицу хлебного магазина № 27, расположенного на углу улиц Ленина и Леваневского города Махачкалы.

В 20 часов, 22 апреля 1962 года, Кадилов зашел в магазин купить хлеб. Когда продавщица Каблукова повернулась за хлебом, Кадилов, пользуясь случаем отсутствия посторонних людей в магазине, через прилавок нанес Каблуковой по голове удар, оказавшимся рядом с ним железным предметом, которым она запирала дверь магазина с внутренней стороны. Кадилов, завладев выручкой в сумме 239 рублей, скрылся. Впоследствии он был привлечен к уголовной ответственности по п. «б» ст. 91 УК РСФСР.⁸⁵

На наш взгляд, главное заключается в возможности данным предметом нанести серьезное повреждение потерпевшему, а не в том заранее или на месте преступления был подобран предмет, который служил в качестве оружия и является ли он камнем, палкой или гвоздем. Если на этот вопрос будет получен положительный ответ, то деяние лица, использовавшего такой предмет для нанесения вреда потерпевшему с целью завладения имуществом подпадает под п. «б» ст. 91 или 146 УК РСФСР.

Теоретический и практический интерес представляет вопрос о том, как следует квалифицировать действия виновного, применяющего при разбойном нападении макеты оружия (макет деревянного пистолета), когда потерпевшим заведомо для преступника такой предмет воспринимается как настоящее оружие. Данный вопрос является спорным в теории советского уголовного права.

Г. Кригер считает, что угроза макетом пистолета, стартовым пистолетом, зажигалкой в форме пистолета или другими предметами, которые воспринимаются в качестве оружия лишь потерпевшим, а в действительности реальной опасности

⁸⁵ Из практики работы Махачкалинского отдела милиции МООП РСФСР.

для жизни и здоровья не представляют, не может рассматриваться как квалифицированный разбой, такие случаи должны квалифицироваться по ч. I ст. 91 или ч. II ст. 146 УК РСФСР.⁸⁶ С таким утверждением Г. Кригера не соглашается член Ямало-Ненецкого окружного суда А. Абрамов, который считает, что неважно, каким предметом угрожал преступник потерпевшему: настоящим пистолетом или только деревянным макетом, и что для квалификации разбоя по ч. II ст. 91 или ч. II ст. 146 УК РСФСР достаточно того, чтобы потерпевший считал, что на него совершается нападение с оружием или с предметом, используемым в качестве оружия.⁸⁷ Комментируя письмо А. Абрамова, В. Н. Кудрявцев в этой части полностью разделяет точку зрения Г. Кригера.⁸⁸ Диаметрально противоположного взгляда по этому вопросу (как и А. Абрамов) придерживаются А. Ф. Филимонова, М. А. Гельфер, И. А. Сперанский, Л. Д. Гаухман. Они считают, что, если преступник угрожает потерпевшему макетом пистолета, что создает у последнего представление об угрозе убийством, то преступление виновного следует квалифицировать по п. «б» ст. 91 или 146 УК РСФСР, т. е. как разбой с применением предмета, используемого в качестве оружия.⁸⁹

Мы разделяем вторую точку зрения, ибо зрительное восприятие потерпевшим в данном случае сочетается с представлением о наличии у нападающего подлинного оружия. тем более это сопряжено с нападением преступника. Действительно, деревянным макетом, по сравнению с другими предметами, которые могут быть использованы в качестве оружия (отвертка, ломик, молоток и т. д.), вряд ли можно причинить потерпевшему сколько-нибудь серьезные телесные повреждения в том случае, если последний при нападении на него окажет сопротивление. Очевидно, поэтому, говоря о других предметах, могущими быть использованы в качестве оружия, Г. Кригер к ним относит только такие предметы, которые действительно способны причинить тяжкий вред личности.

Представляется, что преступник, применяя при разбое макет оружия, воспринимаемый потерпевшим как настоящее оружие оказывает на психику последнего более устрашающее

⁸⁶ См. Г. Кригер. Ответственность за разбой, «Советская милиция», 1962, № 13, стр. 14.

⁸⁷ См. В. Кудрявцев. Письма с комментариями, «Советская юстиция», 1962, № 24, стр. 25.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ См. А. Ф. Филимонова. Некоторые вопросы судебной практики по делам о разбоях, «Ученые записки юридического факультета», вып. IV, Алма-Ата, 1957, стр. 204; М. А. Гельфер, Гл. IV. Вопросы особенной части советского уголовного права в УК РСФСР, изд. ВЮЗИ, М., 1960, стр. 83—84; И. А. Сперанский. Там же, стр. 24—26; Л. Гаухман. Отграничение разбоя от других преступлений против личной собственности, «Советская милиция», 1964, № 3, стр. 74.

воздействие, чем любая отвертка, камень и т. д. Такое воздействие на психику потерпевшего, часто затрудняет потерпевшему оказание сопротивления, при похищении у него имущества. Преступник знает, что, имея такое «оружие», он легче преодолит возможное сопротивление потерпевшего, т. к. потерпевший при этом понимает и представляет, что малейшая попытка к воспрепятствованию похищения имущества может привести его к гибели. И, наоборот, если преступник воздействует на психику потерпевшего при разбое, гвоздем, отверткой, молотком и т. д., то в таком случае попытка потерпевшего к оказанию сопротивления более вероятна.

Таким образом, макеты оружия, примененные при разбое, когда потерпевший не подозревает об их фиктивности, следует отнести к предметам, используемым в качестве оружия.

Эта точка зрения подтверждается и судебной практикой. Так, Загорский городской народный суд осудил по п. «а» и п. «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР Вырелкина и Тырина, которые 30 декабря 1961 года возле станции Хотьково напали на гр-на Алексеева и под угрозой **игрушечного пистолета**, принятого потерпевшим за настоящий, отобрали у него сверток и пальто. Судебная коллегия по уголовным делам и Президиум Московского областного суда оставили этот приговор в силе, признав тем самым игрушечный пистолет предметом, используемым при разбое в качестве оружия.⁹⁰

Угроза применения оружия имеет место тогда, когда преступник, требуя те или иные ценности у потерпевшего, непосредственно перед ним демонстрирует оружие.

Преступник может в процессе угрозы в адрес потерпевшего переложить оружие из одного кармана в другой, или же, вложив в карман руку, дать понять жертве, что в случае оказания сопротивления будет применено оружие.

Понятием угрозы применения оружия, не охватываются случаи, когда потерпевший в силу испуга или других причин, усмотрел в действиях виновного угрозу применением оружия в то время, как таковой не было. Нет разбоя с применением оружия и тогда, когда преступник, имея при себе оружие, совершает открытое похищение у потерпевшего имущества, но не применяет оружия и не угрожает применением оружия. В таких случаях важное значение имеет установление субъективной стороны действий виновного.

Если умысел преступника был направлен на то, чтобы при определенных условиях применить оружие, но он его не применил во время похищения имущества в силу не встретившейся необходимости, то такое действие виновного квалифицируется как покушение на разбой. Покушением будут и такие

⁹⁰ Приговор Загорского городского народного суда, дело № 44у—214, (архив Мособлсуда).

действия, которые фактически охватываются понятием нападения, но о совершении которого потерпевший по тем или иным причинам в момент нападения не знал (например, потерпевший, страдающий близорукостью, не различает в темноте, что преступник обнажил оружие.⁹¹

Другим квалифицирующим признаком разбоя является причинение потерпевшему тяжких телесных повреждений, т. е. повреждений, которые, согласно ст. 108 УК РСФСР повлекли потерю зрения, слуха или какого-либо органа, либо утрату органом его функций, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее, чем на одну треть, или повлекшее прерывание беременности, либо выразившееся в неизгладимом обезображивании лица, или хотя и не повлекли каких-либо тяжких последствий, но по способу их нанесения в момент нападения были опасны для жизни.⁹² Поскольку тяжкое телесное повреждение является квалифицирующим признаком самого разбоя, нет необходимости дополнительно квалифицировать деяние, сопряженное с нанесением потерпевшему тяжкого телесного повреждения, и по ч. II ст. 108 УК РСФСР.

Ввиду того, что объективная сторона разбоя не охватывает такого последствия, как смерть потерпевшего, поэтому действия виновного, сопряженные с лишением жизни потерпевшего, квалифицируются по совокупности по п. «в» ч. II ст. 91 или п. «в» ч. II ст. 146 УК РСФСР и по п. «а» ст. 102 того же УК. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» указывается, что действия виновного в рассматриваемых случаях должны квалифицироваться именно так, т. е. по п. «а» ст. 102 УК РСФСР и ч. II ст. 91 или ч. II ст. 146 того же УК.⁹³

По нашему мнению, не прав Я. Кульберг, считающий, что завладение путем убийства имуществом потерпевшего образует не совокупность преступлений, а одно преступное деяние — убийство из корыстных побуждений.⁹⁴ Эта точка зрения, на наш взгляд, была подвергнута справедливой критике Л. Д. Гаухманом.⁹⁵

⁹¹ См. Советское уголовное право, часть Особенная, Госюриздат, 1962, стр. 208.

⁹² Подробнее о повреждениях, опасных для жизни или здоровья, отражено в правилах определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных УК РСФСР 1960 г. См. «Советская юстиция», 1961, № 13, стр. 28—30.

⁹³ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 4, стр. 21.

⁹⁴ См. Я. Кульберг. Мотив преступления при посягательстве на жизнь и здоровье человека. «Советское государство и право», 1962. № 11, стр. 135.

⁹⁵ См. Л. Д. Гаухман. Разбой и корыстное убийство, «Советская юстиция», 1964, № 4, стр. 10—11.

От разбоя, сопряженного с лишением жизни потерпевшего, следует отличать случаи умышленного убийства из корыстных побуждений, предусмотренных п. «а» ст. 102 УК РСФСР. Основное различие между этими составами состоит в следующем.

Субъективная сторона разбоя характеризуется прямым умыслом и с целью завладения имуществом, т. е. намерением паразитически обогатиться за счет имущества другого лица. При корыстном же убийстве умысел направлен на приобретение любых материальных благ, а не только имущества. При разбое, сопряженном с корыстным убийством, предполагается как совершение убийства, так и похищение имущества виновным, в то время как при корыстном убийстве виновный лишь причиняет смерть потерпевшему, и в результате убийства, без совершения похищения приобретает материальные блага. При убийстве из корысти посягательство направлено на один объект (жизнь человека), а при разбойном нападении преступник одновременно посягает на два объекта: на жизнь, здоровье и собственность потерпевшего.

Пункты «г» ч. II ст. 91 и п. «г» ст. 146 УК предусматривают в качестве квалифицирующего признака совершение его особо опасным рецидивистом. Решение этого вопроса нами рассмотрено применительно к составу грабежа.

Пунктом «д» ст. 91 и п. «д» ст. 146 РСФСР предусмотрен такой квалифицирующий признак, как совершение разбоя, лицом, ранее, совершившим разбой с целью похищения государственного, общественного или личного имущества граждан, либо бандитизм. Следовательно, в данном случае можно говорить о повторности, если разбоем предшествовал только разбой или бандитизм, а не какое-либо другое преступление против собственности. В противном случае речь может идти только о реальной совокупности разбоя и соответствующего преступления против собственности.

Как уже отмечалось, в соответствии с примечанием к ст. 24 УК РСФСР, либо, ранее осужденное за какое-либо из преступлений, указанных в пункте I этого примечания, и опять совершившее разбойное нападение, может быть признано судом особо опасным рецидивистом и осуждено по пункту «г» ст. 91 или п. «г» ст. 146 УК РСФСР. Отличие между этим квалифицирующим обстоятельством (т. е. п. «г» ст. 91 и п. «г» ст. 146), с одной стороны, и между другим квалифицирующим разбой обстоятельством (п. «д» ст. 91 и п. «д» ст. 146), с другой стороны, состоит в том, что в последнем случае имеются в виду те факты, когда лицо за совершенный ранее разбой или бандитизм не было судимо, а также, когда лицо, хотя и было прежде судимо за разбой или бандитизм, но суд при вторичном осуждении за разбой не счел возможным данное лицо признать особо опасным рецидивистом.

Куклинский и Козлов по сговору между собой, с целью завладения государственным и личным имуществом, угрожая ножом и другими колющими предметами в сентябре и октябре 1964 года на разных улицах гор. Москвы совершили разбойные нападения на водителей автомашин таксомоторных парков, отбирали у водителей деньги и другие ценности.

Кроме того, Куклинский и Козлов признаны виновными в том, что они по сговору между собой с целью похищения в сентябре 1964 года совершали разбойные нападения на водителей такси, угоняли автомашины и изымали с них отдельные детали и оборудование, которые и обращали в свою пользу.

Приговором Московского городского суда от 30 декабря 1964 года Куклинский и Козлов осуждены по ч. 2 п. п. «а» и «б» ст. 91 по ч. 2 п. п. «а» и «б» ст. 146 УК РСФСР по 12 годам лишения свободы каждого.⁹⁶

Рассмотрев данное дело, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговор Московского городского суда от 30 декабря 1964 года в отношении Куклинского и Козлова оставили без изменения, а кассационные жалобы без удовлетворения.

Однако мы не можем согласиться с точкой зрения Московского городского суда и определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, которыми игнорирован п. «д» ст. ст. 91 и 146 УК РСФСР, поскольку это решение не способствует усилению и повышению эффективности борьбы с лицами, неоднократно совершившими тяжкие преступления. Действия Куклинского и Козлова следовало квалифицировать не только по п. «а» и п. «б» ст. ст. 91 и 146 УК РСФСР, но и по п. «д» ст. ст. 91 и 146, т. к. они повторно совершили разбойное нападение.

Разные квалифицирующие признаки разбоя могут сочетаться, например, разбой по предварительному сговору группой лиц и с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия (п. п. «а» и «б» ст. 146 УК РСФСР).⁹⁷

Правильное определение понятий разбоя и грабежа и обстоятельств, квалифицирующих эти преступления, позволяет четко ограничить рассмотренные составы преступлений друг от друга и от смежных составов и обеспечивает точную ква-

⁹⁶ См. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 27 января 1965 года, в отношении Куклинского и Козлова.

⁹⁷ См. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 29 сентября 1961 г. по делу Александрова, Исакова и др. «Бюллетень Верховного Суда», 1962, № 7, стр. 7.

лификацию этих преступных деяний в практической деятельности органов охраны общественного порядка. Это позволяет также своевременно выявлять признаки, характеризующие грабеж и разбой, что играет важную роль в предотвращении замышляемых и подготавливаемых разбойных нападений и грабежей.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПЕРВЫЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ.

Исследование истории борьбы Коммунистической партии и трудящихся масс за победу социалистической революции и особенно изучение характера и сущности политических и социально-экономических преобразований на ранее отсталых национальных окраинах в первые месяцы деятельности Советской власти имеют большое научное значение. Именно таким периодом в истории Дагестана явилось лето 1918 года, когда в городах и четырех округах области в течении трех с лишним месяцев в ожесточенной борьбе с контрреволюционными силами в сложнейших условиях осуществлялись социалистические преобразования, сыгравшие здесь большую роль в ходе и исходе дальнейшей борьбы за победу Советской власти.

Между тем эта проблема у нас почти не исследована. Авторы работ вышедших до 1945 года (А. Скачко, Н. Самурский, А. Таго-Годи¹ и др. (почти не касаются тех социалистических преобразований, которые были осуществлены в Дагестане в те исторические дни. В исследованиях же И. Разгона, Н. Эмирова, Б. Кашкаева, А. Гаджиева, М. Казанбиева и в лично моих работах² основное внимание уделяется анализу революционных событий и политических изменений, происшедших в 1918 году, а преобразования социально-экономического характера специально не исследуются.

¹ См. Н. Самурский. Дагестан. М., 1925; А. Скачко. Дагестан. М., 1931. А. Таго-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане, Махачкала, 1927 г.

² И. Разгон и А. Мельчин. Борьба за власть Советов в Дагестане, Махачкала, 1945; Н. Эмиров. Установление Советской власти в Дагестане, и борьба с германо-турецким интервентами, М., 1949; Г. Аликберов. Борьба за победу и упрочение Советской власти в Дагестане, 1954; его же. Революция и гражданская война в Дагестане (Хроника важнейших событий 1962; Б. Кашкаев. Борьба за Советы в Дагестане. М., 1963; А. Гаджиев. Рабочие в авангарде борьбы трудящихся Дагестана за установление Советской власти 1961; его же. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963, М. Казанбиев. Национально-государственное строительство в ДАССР. 1960 г.

В настоящей статье делается попытка изучить эту сторону деятельности органов Советской власти в Дагестане в 1918 году.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась первым решающим началом преобразования общества на новых началах. Решая социалистические задачи, она попутно довела до конца буржуазно-демократическую революцию. Придя к власти, пролетариат быстро ликвидировал остатки средневековья. Декрет о земле с корнем вырвал их в землевладении. Были уничтожены все сословные деления и звания, установив одно общее для всего населения страны наименование — граждане республики Советов. Советская власть отделила церковь от государства, школы от церкви. Женщины обрели с мужчинами равные права во всех областях жизни. Произошли коренные изменения в положении всех классов и слоев населения. Пролетариат стал господствующим классом, сплачивая вокруг себя трудящиеся массы города и деревни. Помещики, капиталисты, кулаки и выразители их интересов — кадеты, эсеры, меньшевики и буржуазные националисты составили лагерь врагов советского строя.

В этой обстановке перед Коммунистической партией встали новые задачи: упрочение нового строя, переустройство общества на основах социализма, организовав прочную защиту страны от внутренней контрреволюции и враждебного капиталистического окружения. Это и понятно, ибо как указывал В. И. Ленин, взятие власти являлось лишь началом социалистической революции, главная и наиболее трудная ее задача — создать новые социалистические производственные отношения, преобразовать частную капиталистическую собственность в социалистическую. В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин разработал план строительства социализма в нашей стране. Он подчеркивал, что «главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции... является положительная и созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей».³

Партия большевиков организовала и направляла революционную энергию и самодеятельность трудящихся масс на созидание новой жизни. Старый государственный аппарат был разрушен. Ставленники буржуазного Временного правительства были сразу смещены, его органы на местах ликви-

³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 213.

дированы, городские думы и земские управы распущены. Вместо них было создан новый, советский аппарат управления власти — диктатуры пролетариата всюду стали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, представляющих собой союз рабочего класса и крестьянства. Старые суды и полиция были заменены народным судом и рабоче-крестьянской милицией. Борьбу с контрреволюцией и саботажем возглавили органы Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК). Для защиты завоеваний революции была создана Красная Армия.⁴

Социалистическая революция развивалась вширь и вглубь. Все казенные и национализированные предприятия перешли в общенародную собственность и составили социалистический уклад хозяйства. Однако в первое время большая часть средств производства оставалась в руках их владельцев. Чтобы закрепить свою власть и организовать социалистическое производство, рабочий класс должен был отнять у буржуазии банки, средства сообщения и связи, заводы и фабрики и превратить их в социалистическую собственность. Это было весьма сложным и трудным делом. Свергнутые эксплуататорские классы оказывали органам Советской власти бешенное сопротивление. Капиталисты останавливали заводы и фабрики, скрывали запасы сырья и готовой продукции, задерживали выдачу зарплаты рабочим, стремясь дезорганизовать производство и вызвать у них недовольство.

В этих условиях встала необходимость обуздать капиталистов, купцов, кулаков, сломить их саботаж путем их экспроприации. Но рабочий класс не имел опыта и органов управления хозяйством. Поэтому Советская власть не декретировала сразу национализацию всей промышленности, а ввела на предприятиях рабочий контроль над производством и распределением. Еще 14 ноября 1917 года ВЦИК утвердил «Положение о рабочем контроле».⁵ Это явилось действенным революционным мероприятием, по существу ставшим практической школой подготовки рабочих к управлению производством. Одновременно был разработан и 5 декабря 1917 года опубликован также декрет о создании органов регулирования экономики страны — Советов народного хозяйства.⁶

Претворяя в жизнь ленинские указания о создании основ социалистической экономики, трудящиеся массы Дагестана под руководством большевистской партии, в самом процессе борьбы за утверждение Советской власти, проделали огромную работу по созданию органов советской государственности, по переустройству общества на социалистических на-

⁴ История КПСС, М., 1962, стр. 260—261.

⁵ Декреты Советской власти. М., 1950, стр. 157.

⁶ «Известия ВЦИК», 6 декабря 1917 г.

чалах. Через четыре месяца после заключения Брестского мира, подводя итоги мирной передышки, В. И. Ленин говорил: «Мы получили, хотя и с неимоверным трудом, отсрочку, и за время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству».⁷

Создание органов революционной власти.

Торжество Советской власти на Северном Кавказе, в Астрахани и Баку, освобождение городов Порт-Петровска, Дербента и Темир-Хан-Шуры от банд помещичье-клерикальной реакции и провозглашение Советской власти в Дагестане открыли возможности для социалистических преобразований и в жизни горцев Дагестана. Это вызвало у трудящихся новый подъем революционной энергии, воодушевило их в борьбе за переустройство жизни на новых началах. Широкое развитие получил этот подъем особенно в районах, прилегающих к городам, где социально-экономические условия и соотношение классовых сил благоприятствовали успешному исходу этой борьбы.

Необходимо было прежде всего, возглавить борьбу широких масс горцев за свое освобождение, помочь им в окончательном разгроме контрреволюции и установлении Советской власти во всем Дагестане. Эту ответственную боевую задачу призван был решить образовавшийся в начале мая в областном центре — г. Темир-Хан-Шуре Дагестанский областной военно-революционный комитет (ВРК), как «местный исполнительный орган власти Совета Народных Комиссаров и выразитель воли трудового дагестанского народа».⁸ В состав областного ВРК входили: Ул. Буйнакский, Д. Коркмасов, М. Дахадаев, Г. Саидов, М.-М. Хизроев, А. Исмаилов, С. Гаибиев, Е. Гоголев, М. Далгат, З. Батырмурзаев, В. Ляхов, С. С. Казбеков, Загреков, А. Абдулхалимов, М. Ахундов, М. Гапонов, А. Тахо-Годи, Г. Глазунов и др.⁹

Неотложные задачи по строительству и укреплению Советской власти были определены в воззвании областного ВРК к населению Дагестана. В нем ставились такие задачи: полное освобождение трудового народа от всякого гнета беков, князей, богачей, установление прочного мира между всеми национальностями на основах свободы, равенства, и братства, немедленная передача казенных, бекских, ханских и крупновладельческих земель, пастбищных, гор и лесов в

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 470—471.

⁸ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. документов, 1958, стр. III.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 528. оп. 1, д. 3, лл. 1, 6, 12, 15, 22 и 99.

руки трудового народа Дагестана. В воззвании указывалось, что военревком «не посягает» ни на основы шариата, ни на нравы и обычаи, ни на честь и достоинство горских народов Дагестана и т. д.¹⁰ «Военно-революционный комитет, стоящий на страже интересов крестьян и рабочих — говорилось там далее, — призывают всех трудящихся организоваться в местные Советы и установить контакт с Областным военно-революционным комитетом, чтобы с оружием в руках встать в нужный момент для подавления всякого контрреволюционного выступления. Военно-революционным комитетом приняты все меры для охраны личной жизни и имущественной безопасности граждан. Воровство и грабежи будут строго преследоваться и караться до расстрела на месте преступления.¹¹

Это была боевая программа борьбы большевиков за утверждение Советской власти в Дагестане. Военно-революционный комитет и его органы на местах приступили к решению этих неотложных задач. В этой работе большевики и их сторонники получили большую помощь со стороны Бакинского Совнаркома, деятельность которого распространялась и на Дагестан. 1 мая 1918 г. Бакинский Совнарком опубликовал декларацию, в которой изложил задачи Советской власти в Закавказье и Дагестанской области. В ней говорилось, что Бакинский Совет, признающий для себя обязательными постановления Всероссийского съезда Советов, действующий в полном согласии с Центральным Исполнительным Комитетом и Верховным Советом Народных Комиссаров, наметил ряд социалистических мероприятий, которые должны быть проведены в жизнь.

«Власть Совета тогда только будет истинно пролетарской властью, — подчеркивалось в декларации, — когда она рядом мероприятий ограничит экономическое господство буржуазии, улучшит положение рабочего класса и городской бедноты... Земли в Бакинской губернии до сих пор находятся в руках беков и ханов. Необходимы решительные шаги для передачи всех помещичьих земель в руки крестьянства... Необходима борьба с безудержной спекуляцией, что должно будет привести постепенно к ограничению и к полному уничтожению частной торговли. Необходимы меры по борьбе с безработицей путем, в частности, создания необходимых общественных работ. Должны быть приняты так же меры в области народного просвещения, для создания в первую очередь трудовой пролетарской, интернациональной школы с обязательным и бесплатным обучением, а также для постановки дела внешкольного просвещения масс. Необходимы меры для облег-

¹⁰ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. документов и материалов. М., 1958, стр. III.

¹¹ Там же.

чения жилищной нужды рабочих и городской бедноты путем вселения их в обширные и часто пустующие дома имущих, меры, ведущие постепенно к национализации домов».¹²

В начале мая был назначен чрезвычайным комиссаром по Дагестанской области В. Нанейшвили, его заместителем — А. Д. Измайлова.¹³ Комиссар по области был уполномочен организовать здесь Советскую власть, а до образования таковой — управлять всей областью, с местом пребывания в Порт-Петровске. Все существующие или прибывающие из Баку и других мест вооруженные силы переходили в его распоряжение.¹⁴ Из Баку в Кубинский уезд, Терскую и Дагестанскую области были отправлены агитаторы-организаторы, которые были обеспечены литературой — инструкцией по организации крестьянских Советов, «Основным законом о социализации земли» и другими декретами, опубликованными в газетах «Правда», «Бакинский рабочий», «Гуммет» и др.¹⁵

Несмотря на сложность обстановки, крайнюю малочисленность грамотных и опытных работников, областной и окружные ВРК развили кипучую деятельность. Они сразу начали обнародовать декреты Совета Народных Комиссаров и принимать меры к их осуществлению. Преодолевая явное и скрытое сопротивление реакционных элементов, ревкомы устанавливали революционную власть в городах и аулах, налаживали связь с революционными силами горных округов, где не была еще установлена Советская власть.

Огромную организаторскую и разъяснительную работу развернули в окрестных аулах большевики Порт-Петровска и Дербента. Они поддерживали тесную связь с революционным активом селений Тарки, Кумторкала, Чирюрт, Эндрей-аул, Буйнак, Утамыш, Карабудахкент, Берекей, Великент, Сабнова, Куллар, Белиджи, Оруджуба и др., помогая им сорганизоваться, преодолеть сопротивление свергнутых эксплуататоров и установить власть трудящихся.¹⁶

Одновременно с установлением в городах и окрестных аулах власти военно-революционных комитетов большевики развернули работу по партийному строительству. В Порт-Петровске и Дербенте были восстановлены, а в Темир-Хан-Шуре вновь созданы большевистские организации. Самыми крупными были тогда Порт-Петровская и Дербентская организации большевиков. Так, Порт-Петровская организация к июню

¹² Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. документов и материалов. М., 1958, стр. 108.

¹³ 26 Баки Комиссары. Баки, 1957, стр. 105.

¹⁴ «Бакинский рабочий», 16 мая 1918 г.

¹⁵ «Известия Бакинского Совета» № 100, 1918, ЦПА ИМЛ, фонд С. Г. Шаумяна, д. 1, л. 5.

¹⁶ Архив Дагобкома КПСС. Справка о составе Порт-Петровской организации РКП(б) 1918 г.

1918 года насчитывала в своем составе около 80 членов и более 100 сочувствующих. В мае была проведена партконференция, на которой избран горком в составе: Д. Казбанова (председатель), У. Буйнакского, Л. Аниер, Д. Атаева, И. Котрова, С. Лагоды, И. Маскина и технического секретаря А. Алекперова. К сентябрю число членов достигло 175—180 человек, объединенных в 18 ячейках.¹⁷ В числе их наиболее крупными были ячейки фабрики «Каспийской мануфактуры», бондарного завода, железной дороги, морского порта, металлистов и военных.

В Дербентской организации к июню м-цу насчитывалось 70 членов и более 100 сочувствующих,¹⁸ а к середине августа число членов увеличилось в двое. Видную роль в руководстве организацией сыграли Д. Пугин, К. Агасиев, Д. Эрлих, Поздаев, И. Кобяков и др.¹⁹ В Дербенте к большевистской организации примыкала и мусульманская коммунистическая организация «Гуммет»,²⁰ которая вела большую работу, особенно среди трудящихся крестьян. Как писали «Известия Дербентского Совнаркома», «Гуммет» послужил нам «могучим железным звеном, которое свяжет неразрывными узами взаимного понимания и общих интересов весь российский революционный пролетариат с трудовыми низами крестьянства на Кавказе».²¹ На организационном собрании «Гуммета» 9 мая был избран временный комитет в составе Г. Таги-Заде, А. Рзаева, М. Гаджиева и др.²²

В Темир-Хан-Шуре в мае сперва возникла объединенная организация большевиков и левых эсеров.²³ Жизнь сразу показала нецелесообразность такого объединения. Большевики вскоре отделились от левых эсеров, образовали свою самостоятельную организацию, выбрали комитет, в который вошли А. Исмаилов, Ф. Самсонов, Иванов, А. Артомохов, Г. Далгат, Е. Гоголев, З. Батырмурзаев, А. Парпачев и др. Порвав связь с эсерами, Темир-Хан-Шуринская организация значительно укрепилась и идейно закалилась. В связи с мятежом левых эсеров в Москве Темир-Хан-Шуринский комитет коммунистов-большевиков послал в ЦК РКП(б) телеграмму, в которой говорилось: «Темир-Хан-Шуринская организация партии большевиков коммунистов глубоко возмущена предательским выступлением левых эсеров и готова своею кровью защищать Советскую власть в Дагестане».²⁴ Большевики вели

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 528, оп. 1, д. 4, л. 9.

¹⁸ Там же. № 14, 5 июня 1913 г.

¹⁹ Известия Совнаркома г. Дербента, № 16, 11 мая 1918 года

²⁰ Там же.

²¹ «Известия Комитета револ. обороны г. Дербента», 23 июня 1918 г.

²² ЦГА ДАССР, ф. 528-р, оп. 1, д. 3, л. 22.

²³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 213, д. 12, л. 2.

²⁴ Там же.

борьбу против мелкобуржуазно-народнических партий и групп по вопросам войны, о власти, о земле, по национальному вопросу и т. д.²⁵

Несмотря на долгое осадное положение, значительно выросла и окрепла большевистская организация в Кизляре. К концу 1918 г. она насчитывала в своих рядах около 500 членов, включая и армейских коммунистов.²⁶ Набирала силы большевистская группа в Кюринском округе во главе с Т. Юзбековым, А. Мурсаловым и К. Акимовым. К концу мая группы РКП(б) создаются также в Казикумухском, Самурском и Даргинском округах.²⁷

Как показала жизнь, в Дагестане как и во всей стране, только большевики были до конца верны рабочему классу и последовательно боролись за победу Советской власти. Но в начале партия большевиков не имела здесь достаточных сил. Трудящиеся массы, особенно на селе, в своем большинстве находились еще под сильным влиянием мелкобуржуазно-народнических элементов и мусульманского духовенства. Учитывая экономическую, культурную и политическую отсталость горских народов и сложные межнациональные отношения, большевики проводили здесь осторожную, гибкую политику. Они умело использовали различные формы и методы работы, чтобы освободить массы из-под влияния мелкобуржуазных иллюзий и проповедей духовенства, вовлечь их в борьбу за свое социальное и национальное освобождение. Во имя этого большевики в период установления власти Советов вошли в блок с левыми народническими партиями и группировками, которые в то время имели значительное влияние на часть трудящихся масс.

Большую роль в развитии и упрочении Советской власти, а также в управлении общественным хозяйством играли профсоюзы. За короткий период существования Советской власти они организационно выросли и политически окрепли. В профсоюзы были объединены рабочие и служащие почти всех профессий. Так, в июне в Порт-Петровске функционировали 13 профсоюзов,²⁸ в Дербенте — 10, а в Темир-Хан-Шуре — 6.²⁹ Совместно с отделами труда Советов и Совнархоза профсоюзы занимались делами производства, вопросами найма и увольнения рабочих и служащих, выработывали коллективные договоры, устанавливали новые ставки зарплаты, нормы выработки и т. п. Профсоюзы в городах были объеди-

²⁵ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб документов, М., 1958, стр. 135.

²⁶ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 8, оп. 1, д. 46, л. 40.

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 528, оп. 1, д. 2, л. 70; воспоминания А. Далгат.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 722, оп. 1, д. 6, л. 160.

²⁹ Там же, ф. 135-р, оп. 1, д. 17, лл. 89—90.

нены в Советы профсоюзов. Руководящей силой являлись действующие при них большевистские фракции, направлявшие всю деятельность профсоюзов.

Успех в борьбе за утверждение власти Советов в решающей степени зависел и от того, в какой мере большевики сумеют разъяснить массам политику своей партии, цели и задачи Советской власти и повести трудящиеся массы за собой. Большое значение в этом деле имело создание газет, издание и распространение на родных языках важнейших декретов Советской власти в виде листовок. Так, Порт-Петровский военно-революционный комитет в начале мая начал издавать газету «Красный Дагестан», преобразованную затем в «Известия Порт-Петровского Совета».³⁰ Имели свои «Известия» и Темир-Хан-Шуринский, Дербентский, Кизлярский Советы. Дагестанский областной военно-революционный комитет издавал газеты «Известия» на русском и «Ишчи Халк» на кумыкском языках.³¹ Как его орган стал функционировать и журнал «Танг Чолпан». Большую помощь оказывали большевикам Дагестана также газеты «Гуммет» и «Ени дунья», поступавшие в Дагестан из Баку и Астрахани.

В газетах были опубликованы важнейшие декреты Советской власти, ряд речей В. И. Ленина, а также статьи деятелей местных партийных и советских органов. Так, еще 5 мая 1918 года газета «Ишчи Халк» опубликовала «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятую на III Всероссийском съезде Советов. 22 мая она напечатала воззвание Дагестанского областного военно-революционного комитета «Ко всем гражданам Дагестана». 12 мая в «Известиях Совнаркома гор. Дербента» был опубликован в изложении доклад В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». Эта же газета напечатала Обращение Бюро по организации крестьянских Советов в Дагестане.³² «Известия Темир-Хан-Шуринского Совета» перепечатали декрет о революционных трибуналах, подписанный В. И. Лениным.³³ Была переведена на родные языки и расклеена во всех советских учреждениях на видных местах первая Конституция РСФСР.³⁴

В результате к началу июля положение в Дагестане становится прочнее. В районах, где была установлена власть Советов, открытое сопротивление свергнутых эксплуататорских классов было подавлено, успешно шла работа по ут-

³⁰ Газ. «Красный Дагестан», № 1, 7 мая 1918 г.

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 528-р, оп. 1, д. 3, л. 28.

³² «Известия Комитета революционной обороны гор. Дербента» от 23 июня 1918 г.

³³ «Известия Темир-Хан-Шуринского Совета» от 8 июля 1918 г.

³⁴ «Съезды Советов в документах», т. I, М., 1959, стр. 70—84.

верждению Советской власти в новых и новых районах. Старый аппарат власти угнетателей был предан слому. Милли комитеты сразу были разгромлены, как очаги контрреволюции. В городах Порт-Петровске, Дербенте и Темир-Хан-Шуре были разогнаны и городские думы.³⁵ К работе советских и общественных органов все шире привлекались представители трудящихся. Пробуждалось их классовое самосознание. В городах и отдельных округах, где была признана Советская власть, в результате политико-воспитательной работы большевиков были созданы необходимые условия для выборов органов власти — Советов, избираемых на демократических началах. Уже в мае, июне—июле в городах и в Темир-Хан-Шуринском, Даргинском, Кайтаго-Табасаранском, Казикумухском и частично Кюринском округах были организованы Советы рабочих и крестьянских депутатов. В процессе выборов Советы крестьянских депутатов слились с Советами рабочих и солдатских депутатов в городах.³⁶

Это имело большое значение в укреплении союза рабочих и крестьянской бедноты. Поэтому большевики уделяли выборам в Советы огромное внимание. Они стремились установить связь с крестьянской беднотой, разъясняли ей классовый характер происходящей борьбы, вовлекали ее в советскую работу. Это осуществлялось различными путями: распространением на местных языках прокламаций и листовок, посылкой агитаторов, привлечением к революционной агитации актива из числа передовых, революционно настроенных рабочих-отходников или интеллигенции. Однако во многих аулах крестьяне проявляли нерешительность в использовании помещичье-кулацких земель.

После большой работы, проведенной большевиками, в городе и окрестных аулах, 27 мая в помещении цирка состоялось открытие Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов гор. Порт-Петровска. На съезде были представлены также депутаты крестьянских Советов. По обсуждению злободневных вопросов текущего момента, Совет избрал исполком в составе У. Буйнакского (председатель), К. Полина и З. Захарочкина (заместители председателя), И. Котрова, С. Лагоды, В. Тутышкина Л. Фрибуса, Д. Атаева, Н. Ермошки, М. Косицына, Д. Онанова, Я. Браиловского, П. Машкова, Н. Луциковича, Н. Альбуриева, И. Алиева и др.³⁷

16 июня в помещении женской гимназии состоялось открытие Темир-Хан-Шуринского Совета рабочих, земледельческих

³⁵ «Известия Дербентского Совета», 7 июня 1918 г.; «Ишчи Халк», 22 мая 1918 г.

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. 1, д. 7, л. 7.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, д. 64, л. 49; газ. «Красный Дагестан» № 23, 2 июня 1918 г.

и красноармейских депутатов. В развернувшейся на Совете дискуссии о политике и задачах входящих в состав Совета партий большевики подвергли критике политическую платформу социалистов. По обсуждению назревших вопросов упрочения и развития Советской власти, Совет избрал Исполком в составе Д. Коркмасова (председатель) С. Габиева (товарищ председателя), М. Дахадаева и Г. Саидова (комиссары военного отдела), А. Исмаилова, Алхас-Кади, Д. Голченко, Е. Гоголова, С. Қазбекова, Ф. Гончарова, С. Абдулхалимова, Т. Темирова, А. Парпачева и др.³⁸ Как сообщил 19 июля иногородний отдел Темир-Хан-Шуринского Совета, «во всех селениях округа организованы Советы земледельческих и батрацких депутатов».³⁹

Многогранную деятельность в связи с выборами в Советы развернули большевики Дербента среди трудящихся масс, особенно на селе. Еще 28 апреля здесь ими был проведен многолюдный митинг рабочих всех национальностей. Рабочие-мусульмане пришли сюда со своим знанием. На митинге была принята резолюция о полной поддержке Советской власти и решительной борьбе с контрреволюцией. «Действия местной Советской власти, — писала газета, — встречаются населением воодушевленно. Ежедневно мусульманские рабочие и крестьяне устраивают митинги, обращаясь за ораторами в Совет. Спешно идет запись в Красную Армию».⁴⁰

29 апреля вместо Военно-революционного комитета здесь был образован Совет Народных Комиссаров гор. Дербента и его района, который затем, 14 мая преобразовали в Комитет революционной обороны. В состав Комитета вошли: В. А. Бешенцев (председатель), К. М., Агасиев, Г. Таги-заде, Г. Канделаки, А. Эрлих, И. Кобяков, А. Рзаев, М. Сафаров, А. Цуринов и др.⁴¹ 26 июня состоялось открытие съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов гор. Дербента и его района в присутствии 150 депутатов. Съезд завершил свою работу избранием исполкома Совета в составе 41 депутата, в том числе 11 представителей крестьянских Советов. На заключительном заседании по предложению большевиков был избран исполнительный комитет Совета в составе Торжинского (председатель), Агасиева (заместитель), Канделаки и Мартиросова (секретари) Таги-Заде, Бешенцева, Кобякова, Куваева, Эрлиха, Эльдарова, Рзаева и др.⁴²

³⁸ ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. 1, д. 8, л. 1.

³⁹ Там же, д. 9, лл. 27, 39.

⁴⁰ «Известия Бакинского Совета», № 84, 26 апреля 1918 г.

⁴¹ «Известия Совнаркома г. Дербента», № 1, 1918 г.

⁴² «Известия Дербентского Совета», № 1, 30 июня 1918 г.

Плодотворно работал и Кизлярский Совет, который входил тогда в состав Совнаркома Терской республики. Еще в апреле 1918 года Кизлярский комитет РВКП(б), обратившись к рабочим, крестьянам и солдатам с воззванием, указывал: «Все то, о чем мы когда-то мечтали, становится действительностью. Все богатства, земли, фабрики, заводы и т. д. переходят в руки тех, кому они по праву принадлежат... Мы, трудящиеся, победили. Открывается для нас светлая счастливая жизнь. Но можем ли мы сказать, что борьба с помещиками, заводчиками и фабрикантами окончена!? Нет и тысячу раз нет! Буржуазия еще сильна. Ее золото, ее люди еще ведут с нами борьбу».⁴³ Благодаря принятым большевиками решительным мерам сопротивление контрреволюционных элементов было сломлено. Советская власть здесь значительно окрепла. Одоблив деятельность военно-революционного комитета, 19 мая Совет принял решение о сосредоточении всей власти в руках Совета. Председателем его был избран Гринь, военным комиссаром А. Ф. Хорошев, комиссаром по финансовому отделу — А. А. Амирагов и др. Кизлярский Совет поддерживал связь с Советами городов Владикавказа, Баку, Ставрополя, Грозного, Астрахани и Дагестана.

Успех борьбы большевиков Кизляра зависел от общей обстановки и хода борьбы на Тереке в целом. В это время большевики Терека добились серьезного упрочения своих позиций. 21 мая в Грозном открылась конференция большевиков Терека, которой руководил Н. Буачидзе. В центре внимания конференции были вопросы упрочения Советской власти и укрепления партийных организаций. На конференции участвовали и представители большевиков Кизляра, Порт-Петровска и Дербента.⁴⁴ Вслед за конференцией, 22—30 мая, здесь же проходил III съезд народов Терека. Обсудив доклад военного комиссара Бутырина о создании вооруженных сил, съезд поручил Совнаркому в кратчайший срок завершить формирование отрядов Красной Армии для защиты Советской власти от германо-турецких захватчиков. Именем всех народов Терека съезд единогласно заявил, что «свободные сыны Терской земли будут бороться до последнего человека и скорее примут славную смерть борцов за свободу, чем рабство и насилие чужеземного ига».⁴⁵

Летом 1918 года город Кизляр оказался в тяжелом положении — он был окружен антисоветскими белоказачьими бандами. На помощь его защитникам шли вооруженные силы из Астрахани. Несмотря на напряженность обстановки, и тру-

⁴³ «Известия Кизлярского Совета», № 1, 18 апреля 1918 г.

⁴⁴ «Известия Чечено-Ингушского Института ИЯЛ», т. 1, 1959, стр. 77.

⁴⁵ Газ. «Терский казак», № 30, 2 июня 1918 г.; Борьба за власть Советов в Кабарде и Балкарии. Сборн. документов 1957, стр. 89—93.

дящиеся Дагестана подали кизлярцам руку братской помощи. В июле в помощь им был послан морем через Брянскую пристань отряд дагестанцев-добровольцев во главе с М. Джабраиловым, К. Идрисовым и др.⁴⁶ В связи с наступлением белой армии Деникина положение в Кизляре еще более ухудшилось. Деникинцы захватили Тихорецкую, отрезали тем самым Ставрополье от Царицына и угрожали Терской Советской республике. Разбойничьи банды вывели из строя железную дорогу Червленная — Порт-Петровск, что срывало доставку хлеба для Баку и других городов.⁴⁷

В это тяжелое время Кизляр приобрел важное значение. Он был почти единственным пунктом, связывавшим Северный Кавказ с Советской Россией и с Закавказьем. Кизлярскому Совету предстояла ответственная задача — всячески помогать уполномоченным Москвы, Баку и др. в отправке заготовленного хлеба морем. Но из Кизляра до берега моря хлеб доставляли на подводах. Это было очень сложно и дорого. Владимир Ильич Ленин лично интересовался этой проблемой. Сюда приехали чрезвычайный комиссар юга России И. К. Орджоникидзе, уполномоченный Совнаркома РСФСР Ф. А. Сергеев (Артём) и другие работники. По указанию В. И. Ленина здесь в начале июня развернулось строительство железной дороги Кизляр-Брянская пристань для переброски хлеба. Но оно было прервано в связи с началом антисоветского мятежа бичераховцев.⁴⁸ Здесь начались ожесточенные бои с контрреволюцией.

Обострение классовой борьбы.

Утверждение власти Советов в Дагестане происходило в острой идейно-политической и классовой борьбе. Контрреволюционеры делали здесь свое черное дело, сколачивая всякие антисоветские силы. Горская помещичье-клерикальная реакция вела разнузданную антисоветскую кампанию. Агенты этой реакции преследовали передовых представителей горцев, чинили расправу над распространителями газет «Заман» и «Ишчи Халк» в Унцукуле, Хунзахе и др. аулах.

Усилили свою подрывную деятельность националистические элементы и в городах. Хозяева закрывали предприятия, чтобы кне элементы и в городах. Хозяева закрывали предприятия, чтобы оставить рабочих без работы. Реакционеры организо-

⁴⁶ Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Воспоминания К. Идрисова.

⁴⁷ Ученые записки Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. II, 1957, л. 10.

⁴⁸ Ученые записки Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. II, 1957, л. 11—12.

вывали националистические провокации. Так, в ночь на 30 июня под влиянием агитации дашнаков был учинен самосуд над группой азербайджанцев, находившихся в тюрьме.⁴⁹ 6 июля на митинге трудящихся, в момент выступления с разоблачением провокации националистов, в связи с самосудом над группой граждан, К. Агасиев был тяжело ранен вражеским выстрелом из-за угла. 9 июля председатель Бакинского Совнаркома С. Г. Шаумян сообщил телеграммой в Москву В. И. Ленину: «В Дербенте окончательного успокоения еще не наступило, хотя уже был избран и функционирует Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 6 июля предательским выстрелом ранен один из лучших наших старых товарищей и организаторов местной Советской власти — Кази-Магомед».⁵⁰

Несмотря на отчаянное сопротивление классовых врагов и их агентуры, советское строительство в Дагестане шло успешно. В статье «На берегах Терека», опубликованной в «Правде» 2 июля 1918 г. С. М. Киров писал: «В этом отношении особенного внимания заслуживает туземное население, о котором уличная печать знает ровно столько, сколько в памяти ее писателей осталось от колыбельного возраста, когда простодушные няни напевали им: «злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал». Поэтому им совершенно неизвестно и непонятно, что в Терской области и даже в Дагестане — центре горского населения — идет усиленная работа по организации народных масс и утверждению на горской территории советских органов власти. И нужно сказать, что работа эта идет весьма успешно, несмотря на то, что отовсюду эта работа встречает много противодействий, вплоть до турецких агентов, рассеянных по Северному Кавказу».⁵¹

Пропаганда идей социалистической революции и социализма среди грудящихся масс горцев ломали религиозно-националистические перегородки, ускорили процесс консолидации революционно-клерикальной реакции в горах. Документы свидетельствуют, что после Октябрьской революции в аулах усилилась классовая борьба между эксплуататорской верхушкой и аульской беднотой. Ведущую роль в этой борьбе играли рабочие-отходники, возвратившиеся в горы после Октябрьской социалистической революции. Наглядным подтверждением этого являются события, развернувшиеся, например, в Казикумухском, Аварском, Кюринском и др. округах.

Так, еще в конце января 1918 г. революционные силы Казикумухского округа во главе с С. Габиевым, Г. Тумалаевым,

⁴⁹ «Известия Дербентского Совета», № 2, 3 июля 1918 г.

⁵⁰ Журн. «Красный Архив», № 4—5, 1938, стр. 21.

⁵¹ С. М. Киров. Статьи и речи. М., 1937, стр. 57—58.

Г. Гаджиевым и др. образовали военно-революционный комитет, создали вооруженный отряд и организовали защиту своего округа от разбойничьих набегов Узун-Хаджи и милли комитета.⁵² Большой размах получила деятельность Казикумухского окружного ревкома после установления Советской власти в Темир-Хан-Шуре. Его состав был обновлен и расширен. Благодаря энергичной и умелой деятельности ревком добился поддержки и признания большинства сельских обществ округа, сверг господство милли комитета, объявил об установлении здесь Советской власти и в июне обратился к Дагестанскому военно-революционному комитету за помощью.⁵³ Такие же события произошли в ауле Цудахар Даргинского округа. Революционные активисты во главе с А. Зулпукаровым и К. Караевым образовали здесь революционный комитет и послали своих представителей в Темир-Хан-Шуру для доклада и за помощью против контрреволюционных банд Узун-Хаджи.⁵⁴

В мае в сел. Хунзах революционно настроенные товарищи во главе с Б. Качаровым, М. Эльдаровым, А. К. Атаевым, Г. Гусейновым, Г. М. Гаджимурадовым образовали народно-революционный комитет. При помощи М. Хизроева и М. Дахадаева ревком получил оружие и деньги, чтобы советизировать Аварский округ, организовать силы горской бедноты против банд Гоцинского и Узун-Хаджи.⁵⁵ Ревком создал вооруженный отряд в количестве около 70 человек и обеспечивал защиту аула от разбойничьих банд. Революционный комитет помещался в нижнем этаже здания, ныне занимаемого райкомом КПСС. Хунзахцы помнят и такой факт: Узун-Хаджи готовил наступление на Хунзах с горы «Тануси», предъявил обществу ультиматум — ликвидировать ревком, распустить отряды и сдать вооружение. Ревком отверг ультиматум reactionеров и дал им отпор. Банды Узун-Хаджи отступили в Андийский округ.⁵⁶

Консолидация революционных сил в горах шла и в дальнейшем. Но этот процесс переживал здесь много сложных переплетов. В самый ответственный момент борьбы за власть член Хунзахского ревкома К. Алиханов изменил трудовому народу и перешел в лагерь горской клерикальной реакции. Это расстроило и ослабило революционные силы в округе.

⁵² Рукоп. фонд Дагестанского краеведческого музея, д. 122, л. 16.

⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 9 с/58, оп. 1, д. 2, л. 4; Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. документов, М., 1958, стр. 154.

⁵⁴ Там же, стр. 147.

⁵⁵ Воспоминания М. Османова, газ. «Красный Дагестан» № 140, 21 июня 1928 г.

⁵⁶ А. К. Атаев. Незабываемые дни (Воспоминания). Махачкала, 1959, стр. 24—25 (аварск. яз.).

В своей антинародной борьбе против Советской власти эти реакционеры все же сумели повести за собой значительную часть обманутых горцев. Но горская беднота на конкретных фактах, на деле убеждалась в антинародной сущности клерикальной реакции. Характерен такой факт: многие из хунзахцев, потерявших своих родных и близких в походах Гоцинского на Порт-Петровск и Баку, были в трауре. В это время остатки банд Гоцинского походным маршем, с пением и зурной входили в сел. Хунзах. Это вызвало у населения возмущение. Передовые люди аула от имени общества предъявили Гоцинскому ультиматум с требованием «немедленно покинуть пределы аула Хунзах». Гоцинский вынужден был повиноваться и к утру оставить аул.⁵⁷

Однако духовенство еще имело среди горцев большое влияние. Описывая ход боевых действий частей Красной Армии на Араканском участке фронта против банд Гоцинского, газета писала: «Вернулся в Темир-Хан-Шуру отряд, выступивший в горы на Араканский фронт, где появились банды Гоцинского. Как и следовало ожидать, все они рассыпались при появлении регулярных сил. Вообще создается такое положение, что с одной стороны, врага нет, а с другой — он держит под ружьем и кумыкскую милицию и Темир-хан-шуринский гарнизон под постоянной угрозой летучих набегов и грабежей. Скорейшее установление Советской власти в горах необходимо».⁵⁸

После установления Советской власти в Дербенте значительно активизировала свою деятельность и большевистская группа в Кюринском округе. Она добилась перевыборов окружного исполкома и избрания в его состав ряда своих кандидатов. Опираясь на благоприятные условия мая 1918 года, руководители большевистской группы считали возможным прийти к власти мирным путем. Но вскоре, в июне месяце, обстановка резко изменилась в связи с появлением турецких агентов и активизацией местной контрреволюции, возглавляемой милли комитетом. Власть в округе была захвачена ими — начальником (каймаком) округа стал турецкий авантюрист М. Такаютдин.⁵⁹ Революционные силы ушли в подполье, поддерживая письменную и живую связь с дербентскими большевиками.⁶⁰

К середине июля Советская власть была распространена на Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Даргинский и частично Кюринский округа. Более

⁵⁷ Там же, стр. 31—32.

⁵⁸ «Известия Бакинского Совета», № 123, 27(14) июня 1918 г.

⁵⁹ Очерки истории Дагестана, т. II, 1957, стр. 62.

⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 175, т. 3. Воспоминания участника событий К. Акимова.

успешно, чем в других округах, шел процесс советизации в Темир-Хан-Шуринском, Даргинском и Казикумухском округах.⁶¹ Во всех городах и освобожденных районах прошли выборы в Советы рабочих и крестьянских депутатов. Осуществление задач, связанных с выборами в Советы, — писала газета «Известия Бакинского Совета», — «проходит на редкость гладко и необычайно быстро... и лишь в некоторых селениях, где сильна турецкая пропаганда, видимо, подогреваемая местным фанатизмом, там агитация сопряжена не только с трудностями, но и с прямой физической опасностью. Но организаторы, в числе которых есть и наши товарищи, бакинские рабочие, не останавливаются ни перед чем, и надо надеяться, что они придут к желанным успехам».⁶²

После того, как были организованы Советы депутатов в городах и некоторых округах, большевики Дагестана развернули работу по проведению областного съезда Советов, на котором нужно было создать общедагестанский орган власти. Это имело огромное значение. Подготовку к съезду возглавили Порт-Петровский, Дербентский и Темир-Хан-Шуринский комитеты РКП(б). Было решено до созыва областного съезда Советов 15 июля в Порт-Петровске провести конференцию — совещание представителей городских организаций РКП(б). Общее руководство проведением совещания осуществлял Ул. Буйнакский. Совещание обсудило вопросы: 1) об областном центре; 2) об организации Советской власти в областном масштабе; 3) о взаимоотношениях областных органов Советской власти; 4) доклады заведующих отделами о ходе дел; 5) о текущем политическом моменте; 6) разные непредвиденные вопросы.⁶³

Обсудив эти вопросы, совещание решило провести областной съезд Советов 20 июля. Центром области была признана Темир-Хан-Шура, причем военный, продовольственный и промышленно-торговый отделы должны были функционировать в Порт-Петровске.⁶⁴ Официальных документов о совещании еще не выявлено. Некоторые косвенные документы и воспоминания участников событий свидетельствуют, что на этом совещании обсуждался вопрос и о создании единого областного партийного центра, но в связи с возникшими между социалистической группой и большевиками разногласиями его решение было отложено.

⁶¹ «Известия Бакинского Совета», № 130, 5 июля 1918 г.; ЦГА ДАССР, ф. 175-р, оп. 3, д. 129, л. 1.

⁶² И. Разгон, А. Мельчин. Борьба за власть Советов в Дагестане. Махачкала, 1945, стр. 35.

⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. 1, д. 11, л. 30.

⁶⁴ Там же, л. 31.

В этих условиях, после проделанной на местах большой организационно-массовой и разъяснительной работы по проведению съездов Советов в городах и четырех округах, 20 июля в Темир-Хан-Шуре открылся I-й съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов городов и четырех освобожденных округов Дагестанской области. Обстановка была серьезная.⁶⁵ Съезд обсудил такие злободневные вопросы борьбы трудящихся Дагестана за Советскую власть, как ликвидация контрреволюции и установление власти Советов во всем Дагестане, разрешение земельного вопроса, национализация крупной промышленности, задачи советского строительства, выборы органов власти и т. д. На этот съезд, как указывал В. Нанейшвили, возлагались большие надежды в смысле создания общedaгестанского органа власти.⁶⁶

Съезд Советов завершил свою работу 25 июля избранием областного исполкома Советов. В состав исполкома вошли: Д. Коркмасов (председатель), С. Габиев (товарищ председателя), У. Буйнакский, М. Дахадаев, Е. Гоголев, С. Казбеков, М. Хизроев, К. Мезиков, А. Исмаилов, Г. Саидов, Абдулхалимов, М. Далгат и др.⁶⁷ Съезд послал Бакинскому Совнаркому приветственную телеграмму, в которой выразил свою готовность «до последнего защищать тыл, дабы облегчить вашу задачу на фронте».

Формирование частей Красной Армии

Симпатии трудящихся масс Дагестана к Советской власти все более укреплялись, советское строительство шло интенсивно. Однако положение здесь в целом оставалось напряженным. Свергнутые эксплуататорские классы и их агенты в лице буржуазных националистов делали все, чтобы не дать власти Советов утвердиться в Дагестане. Горские националисты открыли боевые действия против Советов в районах

⁶⁵ Вспоминая обстановку, в которой проходил первый съезд Советов Дагестана, участник событий Д. Казбанов писал: «Съезд был созван в Темир-Хан-Шуре, в момент, когда банды Узун-Хаджи, имама и других, громя революционные силы, двигались к столице Дагестана. Помню, однажды утреннее заседание было прервано, и все делегаты вооруженные вышли за город с оружием в руках защищать мирную работу съезда. Банды были в двух километрах от Темир-Хан-Шуры. Имам хотел помешать съезду, но не удалось. Красные части под руководством военкома Дахадаева разбили противника, и мы мирно окончили работу съезда» (ЦГА ДАССР, ф. 175, оп. 3, д. 83, л. 22).

⁶⁶ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сборник документов, М., 1958, стр. 170.

⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. I, д. 11, л. 10; газ. «Бакинский рабочий», № 143, 22 июля 1918 г.

Дербента, Темир-Хан-Шуры, Чирюрта—Хасавюрта. Главной ударной силой контрреволюции явились банды помещичье-клерикальной реакции, возглавляемые Гоцинским, Тарковским, Халиловым, Джафаровым и К⁰. Для подавления власти трудящихся они вызвали на помощь турецкие оккупационные войска. Пантюристская агитация в горах активизировала деятельность всех антисоветских элементов, а это вносило известную неуверенность даже в ряды некоторой части участников борьбы за Советскую власть.

Это требовало мобилизации всех сил трудящихся на отпор врагам. В борьбе за утверждение Советской власти на первый план выдвинулся вопрос о формировании местных частей Красной Армии. Руководствуясь ленинским декретом о создании Красной Армии, Дагестанский областной ВРК еще 2 мая в своем воззвании призывал население Дагестана сплотиться и подняться на защиту завоеваний революции.⁶⁸ 8 мая областной ВРК с участием начальников отрядов советских войск обсудил вопрос «о военном положении».⁶⁹ 22 мая было опубликовано обращение областного ВРК «Всем рабочим и крестьянам-мусульманам» с призывом записаться в Красную Армию. Оно было переведено на кумыкский, азербайджанский и арабский языки. В воззвании ВРК отмечалось, что наши враги — беки, помещики и буржуазия — бешено злы на нас, они, как чудовище, готовы подавить нашу свободу и раздавить у нас молодую Советскую власть. Чтобы уничтожить силу чудовища и сохранить нашу молодую власть, ревком призывал «сплотиться в военную силу». В обращении далее говорилось: «Все, кому дорога свобода трудового народа, кто не хочет быть рабом богачей, князей, и кто хочет помочь трудящимся в это тяжелое время, — пусть идет в Красную Армию. Дело свободы не безнадежно! Теперь перед нашим трудовым народом стоят два вопроса: жить или умереть. Братья! Чем жить в рабстве, лучше умереть свободными борцами за свою свободу».⁷⁰

Борьбу трудящихся за Советскую власть в Азербайджане и Дагестане возглавил Бакинский Совнарком. В мае в Баку был созван Высший военный совет, который руководил здесь советскими вооруженными силами.⁷¹ В Дагестане был образован штаб обороны во главе с М. Дахадаевым. Он действовал под руководством Военных Советов в Баку и Астрахани и имел представителей в составе последних. В 20-х числах

⁶⁸ ЦГА ДАССР, ф. 528, оп. 1, д. 3, лл. 1—2.

⁶⁹ Там же, д. 3, л. 6.

⁷⁰ Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1434. лл. 87—88; газ. «Ишчи Халк», № 5, 22 мая 1918 г.

⁷¹ А. Б. Кадышев. Интервенция и гражданская война в Закавказье, М., 1960, стр. 104.

мая штаб обороны Дагестана сообщил Астраханскому Военному совету о том, что положение здесь напряженное, что предпринят поход на Гуниб и просил помощь вооружением.⁷² 30 мая Порт-Петровский Совет образовал военный отдел в составе комиссаров И. Маскина и Н. Тутышкина и развернул работу по набору добровольцев в ряды Красной Армии. 2 июня военный отдел исполкома этого совета опубликовал воззвание по поводу формирования в городе частей Красной Армии.⁷³ Большую работу развернули в этом направлении также военные отделы Темир-Хан-Шуринского, Дербентского и Кизлярского Советов.

Областной ВРК развернул большую работу по организации и укреплению своих вооруженных сил. Здесь шло формирование двух полков Красной Армии. В Красную Армию принимали только честных и преданных людей, по рекомендации партийных и профсоюзных организаций. Объявляя о создании в Дербенте нового батальона, «Извести Дербентского Совета» 7 июля 1918 г. писали: «Военный Отдел при Исполнительном комитете Совдепа установит строгий контроль, пропустит всех через определенный политический фильтр, принимая в ее ряды по рекомендации политических партий, стоящих на платформе Советской власти... и профессиональных организаций рабочего класса, чтобы не дать жалким паразитам, гнусным хулиганам втереться в ряды Красной Армии и там пачкать грязью славное имя революционного солдата».⁷⁴

Большая работа была проведена в этом деле в Темир-Хан-Шуринском и Порт-Петровском Советах. Еще 22 мая газета «Ишчи Халк» опубликовала воззвание областного ВРК ко всем рабочим и крестьянам-мусульманам, в котором говорилось: «Для того, чтобы защитить нашу молодую Советскую власть от посягательства этих зверей (внутренней и внешней контрреволюции — Г. А.), нам нужно собрать большую силу. И эту большую силу мы должны организовать немедленно. Товарищи, рабочие и крестьяне! Записывайтесь в революционную мусульманскую Красную Армию, встаньте под Красное Знамя, окрашенное кровью тысяч принесших себя в жертву революции!» 11 июня с таким же воззванием к трудящимся города и его района обратился Военный отдел Порт-Петровского Совета.⁷⁵

Рабочие и горская беднота горячо откликнулись на призыв большевиков. Работа, проделанная военными отделами Советов по набору и формированию частей Красной Армии, позво-

⁷² Астраханский фронт и С. М. Киров. Сб. документов, 1937, стр. 35.

⁷³ «Известия Порт-Петровского Совета», 11 июня, 1918 г.

⁷⁴ «Известия Дербентского Совета», № 4, 7 июля 1918 г.

⁷⁵ «Известия Порт-Петровского Совета» № 7, 11 июня 1918 г.

лила областному ВРК создать крупное соединение — Дагестанскую Красную Армию, насчитывающую в своих рядах около 6 тысяч бойцов.⁷⁶ 11 июня приказом областного ВРК было объявлено о создании Дагестанской Красной Армии.⁷⁷ В ее состав входили: астраханско-петровский отряд В. Ляхова, 1-й Дагестанский конный полк Тимошина, отряды Г. Далгата, С. Казбекова, М. Османова и другие мелкие отряды, созданные в отдельных аулах (Кумторкала, Утамыш, Мюрего, Цудахар, Кумух, Н. Дженгутай, Джемикент и др.).

Борьба за разгром контрреволюционных банд и установление Советской власти развернулась успешно. Отмечая успешный ход борьбы трудящихся масс за Советскую власть, чрезвычайный комиссар Дагестанской области В. Нанейшвили 5 июня писал: «Положение в Дагестанской области открывает блестящие перспективы. Один за другим аулы поднимаются против имама. Есть возможность быстро ликвидировать контрреволюцию в Дагестанской области, но для этого требуется напряжение всех боевых сил».⁷⁸ Командир полка В. Ляхов в двадцатых числах июля 1918 года отправил из Темир-Хан-Шуры в Астраханский краевой военный комиссариат телеграмму, в которой сообщал: «сформированный в Астрахани отряд, носивший название «Петровский», рядом боев восстановил и укрепил Советскую власть в ряде округов Дагестана... В настоящее время отряд переформируется в полк, три четверти которого составляют местные силы Дагестана».⁷⁹

Об успешной совместной борьбе говорит и сообщение штаба военно-революционной обороны гор. Петровска в Москву Реввоенсовету и в Баку Г. Корганову в июне 1918 г.: «Бои у Чирюрта развиваются весьма успешно и победоносно для нас. В 12 аулах Терской и Дагестанской областей у границ Сулака признали Советскую власть и образовали Красную Армию в числе 600 всадников, которые сражаются в наших рядах. Советские войска сражаются рядом с товарищами дагестанцами, и последние бои кровью связали нас в борьбе за интернациональную народную власть. На Дженгутаевском фронте события нарастают и близки к развязке. С прибытием новых свежих сил победа за советскими войсками почти обеспечена».⁸⁰

В формировании частей Красной Армии огромную помощь оказывал трудящимся Дагестана бакинский и астраханский

⁷⁶ Очерки истории Дагестана, т. II, 1957, стр. 51.

⁷⁷ Газ. «Ишчи Халк», 11 июня 1918 г.

⁷⁸ Газ. «Бакинский рабочий» № 104, 5 июня 1918 г.; Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. документов, 1958, стр. 129.

⁷⁹ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 10, д. 12, л. 3.

⁸⁰ «Известия Бакинского Совета», 19 июня 1918 г.

Советы. 9 июля 1918 года председатель Бакинского Совнаркома С. Шаумян, получив от военного комиссара М. Дахадаева телеграмму, сообщил в Москву В. И. Ленину: «Для того, чтобы покончить с бандами Гоцинского и приобщить Дагестан к Советской власти, необходимо завершить организацию местной Красной Армии, для этого требуется вооружение, броневики и притом спешно».⁸¹ По указанию В. И. Ленина, из Астрахани и с Северного Кавказа были направлены в Дагестан армейские части, вооружение и деньги.

Благодаря этой помощи советским войскам Дагестана удалось нанести врагу ряд сокрушительных ударов. Бои против контрреволюционных банд велись уже под Аксаем, Костеком, Гунибом и Касумкентом.⁸² «По достоверным сведениям,— писали «Известия Бакинского Совета»,— положение в горах начинает выясняться. Гоцинский, опираясь на некоторые селения Аварского и Андийского округов, думал через Гимры выйти на плоскость и угрожать Шуре со стороны Караная. Наступление астраханского отряда на Каранай расстроило эти планы. Большинство аулов или нейтральны, или определенно стоят на стороне Советской власти, в других население расколосось на два лагеря. В общем, число сторонников Гоцинского уменьшается. Селение Хунзах, где есть орудия и боевое снаряжение, отказало ему в выдаче каких-либо боевых припасов».⁸³

Однако в связи с вторжением турецких интервентов местная контрреволюция активизировала свои действия. Советские силы в Дагестане оказались далеко недостаточными. Штаб обороны Дагестанской области обратился за помощью в Баку и Астрахань. По просьбе штаба обороны Дагестанской области 15 июня в Порт-Петровск прибыла из Астрахани часть Красной Армии под командованием А. Круглова. В ее составе действовал также небольшой отряд мадьяр (венгров).⁸⁴ Обсудив вопрос о формировании частей Красной Армии и Дагестана, Реввоенсовет Северо-Кавказского военного округа предложил Астраханскому штабу «в срочном порядке отпустить заимообразно 1000 комплектов обмундирования для Дагестанской области».⁸⁵

17 июня Темир-Хан-Шуринский Совет образовал Военный комиссариат во главе с политическими комиссарами М. Дахадаевым, Г. Саидовым и Вороновым.⁸⁶ Совет также решил командировать в Астрахань и Царицын заведующего военным

⁸¹ «Красный архив». 1938, № 4—5, стр. 21.

⁸² Очерки истории Дагестана, т. II, 1957, стр. 52.

⁸³ «Известия Бакинского Совета», № 122, 26, июня 1918 г.

⁸⁴ «Астраханский фронт и С. М. Киров», 1937, стр. 37.

⁸⁵ ЦГА ДАССР, ф. 134, оп. 1, д. 4, л. 5.

⁸⁶ Там же, ф. 9с/58, оп. 1, д. 1, л. 1 и 35.

отделом Темир-Хан-Шурина Советов Г. Саидова «для установления военной связи с центром, получения вооружения и снаряжения для формируемых частей Красной Армии».⁸⁷ Военный комиссар области М. Дахадаев в 20-х числах июля обратился к штабу Северо-Кавказского военного округа с просьбой оказать срочную помощь вооружением и деньгами «для защиты революции» в Дагестане.⁸⁸ Части Красной Армии в Дагестане вели вплоть до сентября месяца героические бои против превосходящих сил внешних и внутренних врагов власти Советов.

Социально-экономические преобразования

Ведя упорные бои за упрочение и развитие Советской власти, большевики Дагестана начали осуществлять также неотложные социально-экономические преобразования. Они руководствовались при этом указанием классиков марксизма о том, что «промышленные рабочие могут себя освободить только в том случае, если превратят капиталы буржуазии, то есть сырье, машины, орудия и средства к жизни, необходимые для производства, в общественную собственность... Точно так же и сельскохозяйственные рабочие могут освободиться от своей ужасающей нищеты только в том случае, если прежде всего земля, являющаяся главным объектом их труда, будет изъята из частного владения крупных крестьян и еще более крупных феодалов и обращена в общественную собственность».⁸⁹

Так, еще в апреле Порт-Петровский военно-революционный комитет объявил о конфискации имущества сбежавших контрреволюционеров, о национализации крупных предприятий промышленности, транспорта, об установлении 8-часового рабочего дня и введении рабочего контроля над производством и распределением.⁹⁰ 27 апреля 1918 г. Дербентский военно-революционный комитет объявил, что «все движимое и недвижимое имущество, принадлежащее лицам, бежавшим из города в день вступления советских войск, секвестровано в пользу Советской республики».⁹¹ Для содержания аппарата управления Дербентский Совнарком наложил на торгово-промышленные круги города контрибуцию на 1 миллион рублей.⁹² Комитет революционной обороны города решил пере-

⁸⁷ Там же, ф. 135, оп. 1, д. 26, л. 24

⁸⁸ ЦГАКА, ф. 25896, оп. 1, д. 2, л. 12.

⁸⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, М., 1949, стр. 599.

⁹⁰ Воспоминания старого большевика Я. В. Коробова и др.

⁹¹ Известия Совнаркома г. Дербента, № 4, 9 мая 1918 г.

⁹² «Известия Комитета рев. обороны г. Дербента», № 12, 29 мая 1918 г.

дать в распоряжение комиссии по признанию суммы в кассах бывших национальных комитетов.⁹³ 7 июня все имущество Дербентского мусульманского национального комитета было изъято и передано в распоряжение организации «Гуммет».⁹⁴

Сломив вооруженное сопротивление помощичье-клерикальной реакции, областной Военно-революционный комитет 3 мая, на следующий же день после своего образования, конфисковал имущество Темир-Хан-Шурина общества «Джамият-уль-Исламия» и Дагестанского милли комитета; 13 мая был наложен арест на капиталы сбежавших контрреволюционеров М. Мавраева, Н. Тарковского, Х. Гаджиева, А. Казаналипова и др.⁹⁵ В июне Темир-Хан-Шурина Совет передал в распоряжение городского продовольственного комитета все консервные заводы, находящиеся в городе.⁹⁶ 17 мая здесь была образована комиссия по трудовой повинности для нетрудовых элементов в составе П. Ковалева, Г. Саидова, С. Казбекова, Артюхова.⁹⁷

В городах были национализированы и перешли в распоряжение исполкомов Советов для передачи в пользование рабочих и служащих дома, принадлежащие сбежавшим контрреволюционерам и крупным домовладельцам. Так, в Темир-Хан-Шуре были изъяты дома Тарковского, Мавраевых, Халилова, Гаджиева, в Порт-Петровске — Михайлова, Тарковского, Казаналипова, Балаянц, Фатуллаева, в Дербенте — Гайдаровых, Векиловых, Абдуллаева, Дадашева и др.

Профсоюзы установили на предприятиях рабочий контроль над производством и распределением. Такие крупные предприятия, как фабрика общества «Каспийская мануфактура», гвоздильный завод, предприятия железной дороги и морского порта, типографии, и др., были национализированы. 22 мая по декрету Бакинского Совнаркома были объявлены общенародным достоянием все недра, занятые под добычу нефти и других полезных ископаемых в Бакинской губернии и Дагестанской области.⁹⁸ Специальным декретом от 28 мая Бакинский Совнарком национализировал рыбные промыслы Г. Тагиева в Дагестане.⁹⁹ 7 июня был национализирован и Каспийский торговый флот.¹⁰⁰ Для осуществления национа-

⁹³ «Известия Комитета рев. обороны г. Дербента», № 12, 20 мая 1918 г.

⁹⁴ Там же, № 18, 23 июня 1918 г.

⁹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 528-р, оп. 1, д. 11, л. 14; «Известия Комитета рев. обороны гор. Дербента» № 12, 29 мая 1918 г.

⁹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. 1, д. 3, л. 6.

⁹⁷ Там же, д. 7, л. 7.

⁹⁸ Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Сб. документов, Баку, 1957, стр. 414.

⁹⁹ Там же, стр. 442.

¹⁰⁰ Там же, стр. 477.

лизации торгового флота, приписанного к Петровскому порту, исполком Порт-Петровского Совета образовал комитет по торговым делам.¹⁰¹

Для управления национализированными предприятиями были созданы специальные органы — фабрично-заводские (промысловые) комитеты. Для управления рыбными промыслами в Порт-Петровске было создано управление во главе с комиссаром; на восстановление и развитие этого хозяйства было отпущено 2 млн. рублей оборотных средств. На железной дороге эти функции выполняла коллегия во главе с комиссаром. В целях осуществления контроля над деятельностью этих предприятий и фабзавкомов при Советах были созданы отделы народного хозяйства с соответствующими подотделами.¹⁰² Для общего руководства восстановлением и развитием народного хозяйства в Дагестане был образован Совет народного хозяйства. 12 июня исполком Дербентского Совета принял решение о национализации всех мельниц в городе.¹⁰³

Социально-экономические мероприятия проводились и на селе. Сразу же после провозглашения Советской власти в Дагестане было объявлено о конфискации бекских, ханских, княжеских земель и передаче их в пользование трудящихся крестьян.¹⁰⁴ 18 июня бакинский Совнарком издал декрет о социализации земли в Закавказье и Дагестанской области. Основываясь на изданный ВЦИК основной закон о социализации земли и сообразуясь с местными условиями землепользования, бакинский Совнарком нашел «необходимым произвести теперь же без выкупа изъятие земель из владения беков, ханов, помещиков, маликов, князей, их доверенных и нетрудовых арендаторов в пользование трудового земледельческого населения».¹⁰⁵ 30 июня Темир-Хан-Шуринский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов вынес решение, предлагающее выработать воззвание на всех языках о переходе всех казенных и помещичьих земель, кутанов и лесов в пользование трудящихся и разослать его во все округа.¹⁰⁶ 11 июня отдел народного хозяйства Порт-Петровского Совета опубликовал постановление о взятии всех виноградников со всем инвентарем в ведение отдела.¹⁰⁷

¹⁰¹ ЦГА ДАССР, ф. 139, оп. 1, д. 60, лл. 3—4 и 39.

¹⁰² Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. документов. М., 1958, стр. 148, 156, 157, 158, 173.

¹⁰³ «Известия Дербентского Совета», № 25, 14 июня 1918 г.

¹⁰⁴ ЦГА ДАССР, ф. 141с/528, оп. 1, д. 1, лл. 1—2.

¹⁰⁵ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. документов. М., 1958, стр. 492.

¹⁰⁶ ЦГА ДАССР, ф. 9с/58, оп. 1, д. 2, л. 8.

¹⁰⁷ «Известия Порт-Петровского Совета», № 7, 11 июня 1918 г.

Проведение в жизнь декрета о земле в условиях Дагестана имело особенно важное значение, ибо оно означало дальнейшее развитие социалистической революции, укрепление союза рабочего класса с горской беднотой. Еще 2 мая в своем воззвании областной военно-революционный комитет поставил, как одну из ближайших задачу «немедленной передачи казенных, бекских, чанкских и крупных частновладельческих земель, пастбищных гор и лесов в руки трудового народа Дагестана». ¹⁰⁸ Для практического осуществления этого декрета в начале июня в различные округа были командированы особые уполномоченные. В удостоверении, выданном одному из них указывалось, что он командирован в селения области, расположенные в районе от г. Петровска до г. Дербента «для обследования земель, оставленных русскими поселенцами, помещиками и беками и выявления способов уборки урожая хлебов и трав». Всем ревкомам и Советам предлагалось «оказывать предъявителю сего законное содействие». ¹⁰⁹

Это мероприятия не обходились без эксцессов и открытых столкновений. Антисоветские элементы оказывали ревкомам и Советам противодействие. Поэтому ревкомы, Советы вынуждены были прибегнуть к принудительным мерам, реквизировать излишки продовольственных товаров по твердым ценам для удовлетворения нужд Красной Армии и трудящихся масс. Для этого была образована реквизиционная комиссия, коей было предоставлено право реквизировать имущество контрреволюционеров, буржуазии, купцов и кулаков. На продовольственные товары были установлены твердые цены. ¹¹⁰ 18 августа областной исполком послал Кафир-Кумухскому Совету письмо, в котором предлагалось «немедленно созвать Совет и выработать твердые цены на продукцию продвольствия, дабы беднейшее население могло приобретать не по дорогой цене хлеб у зажиточных сельчан». ¹¹¹

В ряду социально-экономических мероприятий, которые проводились тогда органами Советской власти как в горах, так и в аулах, важное место занимала борьба против контрреволюционных кулацко-клерикальных элементов. Так, в Порт-Петровске, Дербенте и Темир-Хан-Шуре были национализированы имения помещиков, конфисковано имущество богачей, помогавших контрреволюции. Земельные угодья многих беков и ханов в Хасавюртовском, — Темир-Хан-Шурином и Кайтаго-Табасаранском округах были переданы бедноте. Даже в тех аулах, где еще не была установлена Советская

¹⁰⁸ ЦГА ДАССР, ф. 528, оп. 1, д. 1, л. 1

¹⁰⁹ Там же, д. 4, л. 10.

¹¹¹ Там же, ф. 135, оп. 1, д. 4, л. 70.

¹¹⁰ Там же, д. 13, л. 13.

власть, крестьяне самовольно захватывали и использовали казенные и помещичьи земли. Так, были отобраны земли у помещиков Тарковских, Каплановых, Геллинских, Уцмиевых, Гайдаровых, Юсупхановых и др.

В конце июля Областной исполком Советов предложил военному комиссариату предоставить данные об убытках населения аулов, потерпевших от грабежей контрреволюционных банд. 4 августа исполком Дагестанского Совета по докладу военкома М. Дахадаева принял решение о возмещении убытков жителям аулов, потерпевшим от банд Гоцинского, за счет национализации имущества бежавших контрреволюционеров.¹¹² 5 августа Кадарское сельское общество вынесло решение не допускать на жительство в своем селении беков, бежавших на сторону контрреволюции, и конфисковать их имущество в пользу всего общества.¹¹³

Социалистические мероприятия в аулах проводились в острой классовой борьбе. Горская беднота, несмотря на сильное влияние верхушки духовенства и адатов, поднималась на борьбу против своих угнетателей. Еще 4 мая жители сел. Чиркей и других аулов Темир-Хан-Шуринского округа в организованном порядке угнали отару овец Гоцинского в отместку за грабеж, учиненный им бандами последнего в марте—апреле 1918 года.¹¹⁴ В июне исполком Темир-Хан-Шуринского Совета объявил жителям сел. Параул о том, что они полностью и навсегда освобождены от несения всяких повинностей бекам и их доверенным.¹¹⁵

Проводя строго классовую линию, советские органы оберегали интересы бедноты. Об этом свидетельствует множество фактов. Так, Верхне-Казанищенский сельский Совет вынес такое решение: «освободить беднейший класс от несения позиционных работ, возложить эту обязанность на состоятельных, дабы бедные люди могли произвести свои полевые работы».¹¹⁶ Сельские Советы боролись против остатков контрреволюции и ее агентуры. Кадарское сельское общество 29 июля, обсудив контрреволюционные действия беков и чанков, решило выселить их из аула и обратилось в Областной Совет за санкцией. Исполком областного Совета поддержал это решение и предложил Кадарскому обществу: «Выселить всех мужчин чанков; что же касается имущества выселенных, то таковое определить обществу и оставить семьям

¹¹² Архив Дагобкома КПСС, ф. 8, т. III, л. 20.

¹¹³ Там же, л. 21.

¹¹⁴ Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 2394, л. 112.

¹¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. 1, д. 9, л. 27.

¹¹⁶ «Известия Бакинского Совета», № 145, 24 июля 1918 г.

выселенных лишь по трудовой норме, а остальное имущество конфисковать в пользу общего достояния общества».¹¹⁷

Значительную работу проделали большевистские организации и Советы по улучшению продовольственного положения трудящихся. Еще в мае Областной Военно-революционный комитет и исполкомы городских Советов вынесли и обнародовали строжайшие постановления, которыми был запрещен вывоз продовольственных продуктов за пределы области.¹¹⁸

Руководствуясь указанием В. И. Ленина о том, что борьба за хлеб есть борьба за социализм, органы революционной власти принимали всевозможные меры к ликвидации последствий разрухи войны, обеспечению армии, рабочих и трудящихся горцев продовольствием и другими предметами первой необходимости. В этих целях при Советах были созданы продовольственные комиссариаты или отделы. Для централизации продовольственного дела в масштабе области 25 июня была организована Областная продовольственная управа в составе А. Алескерова, М. Макашарипова и Кауфмана. В ее задачу входила организация учета продовольственных ресурсов в городах и округах.¹¹⁹

Продкомы проводили строго классовую политику. Они устанавливали на хлеб твердые цены, боролись со спекуляцией, предоставляли сельсоветам право реквизировать у кулаков излишки хлеба и других продуктов. Исполком областного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в своем письме вменил в обязанность сельсоветам: «установление твердых цен на продукты первой необходимости, производство реквизиции у зажиточных сельчан и кулаков своего селения по твердым ценам хлебных и других продуктов продовольствия и распределение между беднейшим населением по установленным ценам». В случае саботажа и сопротивления сельсоветы были облечены правами «через советскую милицию» устранить всякие препятствия.¹²⁰

В этой связи особое внимание обращалось на организацию уборки урожая. Еще 21 мая Порт-Петровский военно-революционный комитет опубликовал обращение к крестьянам с призывом организованно и вовремя убрать урожай хлебов. «Время для уборки полей, — говорилось там, — уже приближается. Мы призываем вас возвратиться к своим полям и приступить к сбору урожая... Ваша работа важна так же, как и работа бойца. Помните, товарищи, что в единении

¹¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. 1, д. 15, л. 21.

¹¹⁸ «Известия Комитета револ. обороны гор. Дербента», 3 июня 1918 года; ЦГА ДАССР, ф. 528, оп. 1, д. 3, лл. 132 и 152.

¹¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 135, оп. 1, д. 11, л. 10.

¹²⁰ Борьба за установление Советской власти в Дагестане. Сб. документов. 1958, стр. 179—180.

— сила». В обращении говорилось также, что на помощь им в уборке урожая придут и огряды рабочих. «Сознавая все же тяжесть положения, в котором вы находитесь, — говорилось в обращении, — мы со своей стороны приходим вам на помощь, организуя отряды для уборки урожая... Те из вас, кто за неимением достаточного количества рук не управится с работой, обращайтесь к комиссару по продовольствию товарищу Осканову, который пошлет вам помощь».¹²¹

30 июня Темир-Хан-Шуринский Совет рабочих, земледельческих и красноармейских депутатов вынес решение о немедленном проведении трудовой повинности для уборки урожая хлебов.¹²² 3 июля комиссия по уборке урожая при Порт-Петровском Совете опубликовала в газете объявление о мобилизации граждан гор. Петровска и его района как мужского, так и женского пола, с 17-летнего возраста мужчины до 50 лет, а женщины — до 40 лет на уборку хлебов. От мобилизации освобождались только лица, обслуживающие городские продовольственные лавки, пекарни, фабрику «Каспийская мануфактура», холодильник, радио, телеграф, почту, ж. д. движение, типографию, порт, матери, обремененные малолетними детьми, не имеющие в доме замены. И военные, не несущие гарнизонной службы, не освобождались от этой повинности. Мобилизованные должны были взять с собой и уборочный инвентарь.¹²³

Эти мероприятия нередко сопровождались ожесточенной борьбой с контрреволюционными элементами. На селения Эндрей-аул, Муцал-аул, Байрам-аул, Батакорт, Темир-аул, Хасавюртовского округа, банды Гоцинского и Узун-Хаджи неоднократно совершали набеги. Аульский революционный актив давал им сокрушительный отпор. Областной военно-революционный комитет оказывал сельской бедноте помощь. 19 июля Дагестанский ревком предложил Темир-Хан-Шуринскому и Порт-Петровскому военным отделам «оказать товарищам-хасавюртовцам помощь в уборке полей военной силой, а продовольственным отделам, как Шуринскому, так и Петровскому — оказать помощь косильными средствами (жатвенными машинами)...».¹²⁴ В аулах Пиперкент-Казмаляр, Оруджуба, Тагиркент-Казмаляр Самурского участка Кюринского округа антисоветские кулацкие банды терроризировали крестьян, занятых уборкой урожая, особенно тех, которые работали на полях беков и сбежавших контрреволюционеров. Крестьяне сообщая послали своих представителей к «советскому комиссару» в Дербенте К. Агасиеву просить защиты. По

¹²¹ Газ. «Красный Дагестан», 21 мая 1918 г.

¹²² ЦГА ДАССР, ф. 528-р, оп. 1, д. 7, л. 7.

¹²³ «Известия Порт-Петровского Совета», 3 июля 1918 г.

¹²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 135-р, оп. 1, д. 10, л. 4.

распоряжению К. Агасиева в помощь самурским крестьянам был послан вооруженный отряд.¹²⁵

Об остроте классовой борьбы и социальных сдвигах, которые происходили тогда в деревне, можно судить по многим событиям, разыгравшимся весной и летом 1918 года в аулах Темир-Хан-Шурина, Кайтаго-Табасаранского, Даргинского, Кюринского округов. Так, в ряде аулов Терекмейского, Белиджинского и Улусского участков Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов проводились съезды и общие сходы крестьян, на которых разъяснялись цели и задачи Советской власти, организовались крестьянские Советы. Это поднимало классовое самосознание и революционный дух трудящихся крестьян. Об этом свидетельствует, например, заявление делегатов обществ селений Великент, Мамедкала и Селик в Комитет революционной обороны гор. Дербента и его района. В нем отмечалось, что с появлением в Дербенте большевиков, общества их аулов «признали Советскую власть и согласно программе таковой, образовали в каждом селении крестьянские Советы и записались в сельскую Красную Гвардию ...«Разоблачая происки классовых врагов против Советской власти, они писали, что эти группы своими поступками «желают зачернить нас перед Советской властью, оторвать нас от мирного труда и привлечь к своей банде»...но мы, общества 10 селений, обрадованные тем, что избавились от векового мучения нас беками и ханами, которые заставляли нас работать на себя, как рабов, ни в коем случае не согласимся посадить их опять на свою шею и до последней капли крови будем защищать Советскую власть».¹²⁶ 13 мая состоялся общий сход крестьян-бедняков аулов Джемикент и Уллу-Теркеме с участием 240 человек. По докладу К. Агасиева о значении Советской власти на сходе была принята резолюция, в которой заявлялось: «Мы поддерживаем Советскую власть и идем рука об руку с пролетариатом и крестьянами всех национальностей и протягиваем свои мозолистые трудовые руки для борьбы со всеми тайными и открытыми врагами рабочих и крестьян, например, мусаватистами, дашнаками, с национальными комитетами, которые мы признаем причиной всех кровопролитий и бедствий народов».¹²⁷

Еще более глубокие и острые классовые схватки произошли в Чонт-ауле Хасавюртовского округа между крестьянской беднотой и князьями. Как видно из жалобы князя А. С. Казаналипова, поданной им в 1919 году, жители сел. Чонт-аула в 1918 году, в период Советской власти, «насилъ-

¹²⁵ Воспоминания участника событий Б. Бачханова.

¹²⁶ «Известия Комитета револ. обороны гор. Дербента», 19 мая 1918 г.

¹²⁷ Там же, 22 мая 1918 г.

ственным путем» отобрали у него рыбный промысел у сел. Костек.¹²⁸ В другой жалобе он писал, что тогда же общество Чонт-аула под руководством Дж. Хасаева захватило рыбный промысел на реке Н. Сулак и «не допускало к производству рыбной ловли, а производило таковую само».¹²⁹ Согласно показаниям ряда лиц, допрошенных по этому делу, в ауле тогда состоялся общий сход, по решению которого промысел «ходила отбирать половина общества».¹³⁰ Кроме того, все бедняки аула получили участки земли, производили на них сев риса, хлеба и сенокошение.¹³¹

Были осуществлены крупные мероприятия и в области культурного строительства. При ревкомах и Советах были созданы и функционировали коллегии или отделы просвещения, печати, культпросветработы, здравоохранения. Еще в конце мая в Темир-Хан-Шуре было проведено совещание работников просвещения. 21 июня Темир-Хан-Шуринский Совет принял постановление об организации и постановке учебного года на новых началах, согласно положению Наркомпроса РСФСР «Об единой трудовой школе». Должности директоров, инспекторов и начальников учебных заведений были упразднены, единоначалие было заменено коллегиями и педагогическими советами. Для подготовки кадров в июне—августе в городах Темир-Хан-Шуре и Дербенте проводились учительские курсы. В августе только в Темир-Хан-Шуре эти курсы окончили 70 человек.¹³²

Руководствуясь декретом Совнаркома РСФСР от 20 января 1918 года Темир-Хан-Шуринский, Дербентский и Порт-Петровский Советы приняли решение об отмене во всех учебных заведениях преподавания христианского и мусульманского вероучения. В постановлении комиссара народного просвещения Дербентского Совдепа, например, сообщалось: «Считая религию делом совести каждого отдельного человека, государство в деле религии остается нейтральным, т. е. не становится на сторону ни одного вероисповедания, не связывает с ними никаких особых прав или преимуществ. Не поддерживает материально или морально ни одного из них. Из этого само собой вытекает, что государство не может брать на себя религиозное обучение детей. В виду этого, на основании декрета Совета Народных Комиссаров от 21 января 1918 года преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных, а также частных учебных заведениях, состоящих в ведении Народного Комиссариата по про-

¹²⁸ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, св. 1, д. 1, л. 2.

¹²⁹ Там же, л. 3.

¹³⁰ Там же, л. 4.

¹³¹ Там же, л. 4.

¹³² ЦГА ДАССР, ф. 528-р, оп. 1, д. 10, л. 11—12.

свещению, упраздняется. В виду означенного постановления, должность законоучителей всех вероисповеданий упраздняется с 1918 года».¹³³

Для решений неотложных задач культурного строительства большую помощь Совдепам Дагестана оказали Бакинский Совнарком и Наркомпрос РСФСР. По ходатайству Дагестанского областного исполкома Советов Наркомпрос РСФСР, например, рассмотрел и утвердил смету расходов по организации социалистических трудовых школ в Дагестанской области, а также отпустил для культурно-просветительной работы среди горцев 8.600 тыс. рублей, которые были переведены в отделение Народного банка в Астрахани вместе с другими ассигновками Северного Кавказа и Дагестана.¹³⁴

После значительной подготовительной работы по подбору кадров и составлению школьной сети в августе в Темир-Хан-Шуре был проведен I съезд учителей, который обсудил насущные вопросы строительства новой, советской школы. По многим вопросам съезд принял в целом правильные решения, приветствовал создание единой трудовой школы. Но при решении некоторых вопросов часть делегатов из секции по местной школе проявила колебания и непоследовательность. Это означало, что и решение вопросов культурного строительства пойдет у нас негладко, что она вызовет упорное сопротивление со стороны не только открытых врагов Советской власти, но и антисоветски настроенной части старой интеллигенции.

Так, часть местных учителей, вопреки декрету об отдалении школы от церкви, стала требовать открытия в Дагестане мусульманской духовной семинарии, раздельного обучения мальчиков и девочек и т. д.¹³⁵ На совещании, созванном отделом просвещения в Темир-Хан-Шуре в начале июня, под руководством С. Казбекова, часть местной интеллигенции уклонилась от принятия участия в проводимых Советской властью революционных мероприятиях среди населения.¹³⁶ К тому же верхушка мусульманского духовенства проводила в массах антисоветскую агитацию. Но, преодолевая эти и другие препятствия, большевики, учитывая специфические условия на местах, закладывали основу новой культуры для воспитания трудящихся горцев в духе идей социализма.

За три-четыре месяца своего существования органы Советской власти в Дагестане, не смотря на сложную общую обстановку, сумели осуществить в 1918 году ряд важных политических и социально-экономических мероприятий, направлен-

¹³³ «Известия Дербентского Совдепа», 30 июня 1918 г.

¹³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 42, л. 45; д. 619, л. 97.

¹³⁵ Г. Ш. Каймаразов. Культурное строительство в Дагестане. Махачкала, 1960, стр. 20—21.

¹³⁶ «Известия Темир-Хан-Шуринского Совета», 18 июня 1918 г.

ных на подрыв экономической мощи капиталистов и помещиков и создание основ новой, социалистической системы хозяйства, культуры, народного образования и здравоохранения. Для управления промышленностью и транспортом были созданы в составе исполкомов Советов специальные коллегии или отделы. Рабочие комитеты и профсоюзы осуществляли контроль над производством и распределением продуктов. Были изданы декреты о конфискации помещичьих земель и инвентаря и распределении их между безземельными крестьянами. В ряде округов крестьяне уже получили землю в безвозмездное пользование и провели сев яровых культур.

Все это укрепляло позиции Советской власти, поднимало горскую бедноту на борьбу за торжество власти Советов во всем Дагестане, вызывая у рабочих и крестьян горячий энтузиазм в строительстве новой жизни. Однако трудящимся Дагестана не удалось развить дальше свои успехи, претворить в жизнь все намеченные мероприятия. К началу августа обстановка здесь резко ухудшилась в связи с вторжением в Закавказье и Дагестане германо-турецких и английских захватчиков. Последние явились вдохновителями и организаторами мятежей и заговоров против Советской власти, зачинщиков гражданской войны.

В последующей борьбе трудящиеся Дагестана под руководством большевиков, при активной поддержке братских народов и Красной Армии разгромили интервентов, отстояли завоевания социалистической революции и перестроили свою жизнь на основах социализма.

ПРОВАЛ АНГЛО-ИРАНО-ТУРЕЦКИХ ПЛАНОВ ЗАХВАТА КАВКАЗА в 20—30 гг. XIX в.

«Буржуазия, — указывал Ф. Энгельс все превращает в товар, а, следовательно, так же и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар. Фальсифицировала она так же и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии».¹ Западно-европейские буржуазные авторы фальсифицируя историю пытаются представить Россию единственным виновником разразившегося в 20—30 гг. в Кавказе и Ближнем Востоке внешнеполитического кризиса. С этой целью зарубежные фальсификаторы истории, преднамеренно преувеличивая агрессивные устремления самодержавия, беззастенчиво пытаются доказать заведомо ложные будто западно-европейские государства, и прежде всего Англия, выступали в роли «миротворца», благородного и защитниками малых народов,² а неприкрытую агрессию своих правительств сilyтся представить как «миролюбивый покровительственный и оборонительный курс» и «бескорыстие их дипломатии». Для обоснования политики Англии на Среднем и Ближнем Востоке был даже выработан тезис о необходимости обороны Индии от русской агрессии. Это ничего общего не имеющая с исторической правдой антинаучная версия о «русской угрозе» Индии, разработанная Вамбери, Раулинсоном, Мак-Греггором и др. должна была служить прикрытием захватнической политики английских колонизаторов.³

Но никакие лживые доводы зарубежных фальсификаторов истории не в состоянии скрыть и оправдать агрессивную, хищническую политику Англии и ее подручных — султанской

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. X, 1948, стр. 104.

² Curzon, *Persia the Persian question* L. 1891 VII P. 589. P. Bullard *Britain and the middle East* L. 1951, p. 33.

³ Подробно см. Е. Л. Штенберг. Английская версия «русской угрозы» Индии в XIX—XX в. Исторические записки, 1950, № 33, стр. 47—66.

Турции и шахского Ирана. Многочисленные документы неопровержимо доказывают, что политика Англии, Ирана и Турции была направлена на захват Кавказа.

Отвергая тривиальные версии зарубежных фальсификаторов истории, нельзя обойти молчанием и концепцию, господствовавшую в русской дворянско-буржуазной историографии. Дореволюционные авторы неверно освещали внешнюю политику самодержавия. Они рассматривали колониальную политику царизма в свете идеалистической концепции гегелевской философии истории, и пытались обосновать выдвинутое государственно-юридической школой русской историографии положение, объясняющее присоединение Кавказа в духе схемы «о венце исторического творения — государстве».

Подлинно научное освещение военно-политических и дипломатических событий имевших место на Кавказе и Ближнем Востоке дали советские историки. Опираясь на учение марксизма-ленинизма, являющееся высшим достижением всей исторической, экономической и философской мысли, законным приемником всего лучшего, что создало человечество, советские историки вскрыли объективно-исторические предпосылки так называемого «восточного вопроса», вскрыли истинное лицо соперничавших с Россией на Ближнем Востоке и Кавказе государств; дали правильное освещение событий, сосредоточившихся вокруг восточного вопроса. Здесь прежде всего следует указать содержательные труды проф. А. В. Фадеева и Н. А. Смирнова.⁴

Несомненный интерес представляют так же работы А. Р. Ионнисяна, М. С. Иванова, М. А. Игамбердиева, А. А. Тихоновой, З. Т. Григорьяна, С. В. Шостоковича⁵ коллективный труд «Присоединение Азербайджана и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры» и др. в настоящей статье рассматривается вопрос не столько в свете истории возникновения, развития и решения восточного вопроса, сколько в плане раскрытия агрессивных планов Ирана, Турции, Англии, направленных на завоевание Кавка-

⁴ А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958; Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960; Кавказ в системе международных отношений в 20—50 гг. XIX в., М., 1956; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX в. М., 1958.

⁵ А. Р. Ионнисян. Присоединения Закавказья к России и международные отношения в начале XIX в. Ереван, 1958; М. С. Иванов. Очерки истории Ирана. М., 1952; А. М. Игамбердиев. Русско-иранская война 1826—1828 гг. Труды Таджикского учительского института им. С. Айни, т. III. Самарканд, 1955; А. А. Тихонова. Из истории английского проникновения в Персию в начале XIX в. «Уч. зап.» Ярослав. пед. ин-та, вып. 32, 1957; З. Т. Григорян. Присоединение восточной Армении к России. М. 1959; С. В. Шостокович. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960.

за, показа провокационной антирусской подрывной деятельности эmissаров зарубежных государств на Северо-Восточном Кавказе, провала их попыток организовать выступления народов Дагестана против России. Это и тесно связанные с ним вопросы об участии горцев Дагестана на стороне России в русско-персидской (1826—1829) и русско-турецкой (1828—1829) войнах до сих пор не получили достаточного освещения. В исторической литературе все еще нет даже сколько нибудь заметной статьи, посвященной изучению поставленной нами проблемы.

Если настоящая статья хотя бы частично поможет правильному освещению интересующего нас вопроса, то автор на больше и не претендует.

В начале XIX века Иран и: «одряхлевшая и насквозь прогнившая Высокая Порта»⁶ потерпели поражение в развязанных ими же русско-персидской (1804—1813 г.) и русско-турецкой (1806—1812) войнах.

Согласно условиям Бухарестского мирного договора 1812 года Турция и Гюлистанского договора 1813 года Иран отказывались от притязаний на Кавказ, признали присоединение к России Кавказского побережья Черного моря — Абхазию, Менгрелию, Гурию, а также Дагестан и Северный Азербайджан.⁷

Поражение Турции и Ирана в войне с Россией правящие круги Великобритании расценивали как удар по ближневосточной политике Англии. И это понятно. Стремясь удовлетворить возрастающие потребности английской буржуазии, Великобритания делала все, чтобы расширить сферу колониальной экспансии.

Погоня за прибылью указывали К. Маркс и Ф. Энгельс заставляла английских колонизаторов «наступать на внутреннюю Азию одновременно с двух сторон: с Инда и с Черного моря».⁸ С этой целью задолго до начала XIX века Англия старалась прикрепить к колеснице своей ближневосточной политики Иран и Турцию и с помощью их установить свое господство в бассейнах Черного и Каспийского морей. Однако для осуществления агрессивных планов необходимо было вытеснить Россию с Кавказа. Это вынуждены были признать

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 344.

⁷ Полный текст Бухарестского и Гюлистанского мирных договоров см. Договоры России с Востоком торговые и политические. Подготовил и издал Т. Юзефович. СПб., 1869, стр. 49—51, 208—214.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 383.

даже английские авторы, всячески оправдывающие захватническую политику Великобритании. Приостановление продвижения России на Кавказе писал небезизвестный Белл имеет «жизненную важность для Великобритании».⁹ Еще более откровенен генерал-квартирмейстер индийской армии Мак-Грегор. «Я торжественно свидетельствую свое убеждение, — писал он, — никогда не может произойти настоящего решения русско-индийского вопроса (хотя такого вопроса не существовало — В. Г.), доколе Россия не будет выбита из Кавказа и Туркестана».¹⁰ Для этого цинично признавал английский разведчик и публицист Уильс «Персия самая подходящая азиатская страна. Когда имеешь дело с полуцивилизованным народом, подкуп является самым верным средством, если мы намерены оказать сопротивление России на Востоке... Наибольшее количество разумно потраченных денег в Персии принесло бы огромную пользу» — и далее... «Персия как держава может быть названа *quantite negeligable*», но в случае нужды она может дать солдат... нуждающихся лишь в умелом руководстве, чтобы превратиться в грозную армию».¹¹

Таковую же роль в своей ближневосточной политике отводили правящие круги Англии Оттоманской Порте. Именно поэтому в период обострения восточного вопроса в 20-х гг. XIX века считали что «сохранение оттоманской державы будет успехом, а ее падение поражением».

Характеризуя резко выраженные протурецкие настроения английской аристократии и крупной буржуазии, французский реакционный деятель Шатобриан отмечал: «Вся Англия является Турцией из-за своей ненависти к России».¹²

Руководители Форен-Оффиса желая подорвать престиж и влияние России на Ближнем Востоке и в то же время подчинить своему влиянию Турцию и Иран, поставили целью ревизию Бухарестского и Гюлистанского мирных договоров. С этой целью представители Англии советовали России уступить Турции территорию, отошедшую по Бухарестскому трактату.¹³ А для укрепления своих позиций в Иране Англия направила к шаху посла Генри Эллиса.

Прибыв в Иран, Г. Эллис предложил шаху заключить новый англо-германский договор. После непродолжительных переговоров 25 ноября 1814 года в Тегеране Морьер и Эллис

⁹ J. Bell *Jornal ofaresidense in Circassia duriq the years 1837—1839*. I 1837—1839. 1840 VI, p. IX.

¹⁰ Звезда Востока. Ташкент, 1953, № 2 (подчеркнуто нами — В. Г.).

¹¹ Уильс. Современная Персия СПб., 1887, стр. 182—183.

¹² А. В. Фадеев. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. стр. 52.

¹³ Архив Воронцова кн. XXII стр. 170. А. В. Фадеев Россия и Кавказ в первой половине трети XIX в. стр. 186.

с уполномоченными Ирана Мирзой-Мухаммедом Шафи, Мирзой Бозургом и Абдул-Вахабом подписали «окончательный» договор.¹⁴ Новый договор, состоявший из 10 статей, заключен был на основе англо-иранского договора 1809—1812 гг. и отличался от него лишь формулировками, приспособленными к сложившейся международной обстановке.¹⁵ «Все союзы с государствами, враждебными Англии, — говорится в первой статье, — объявляются недействительными». Шах обязуется противиться вторжению в Индию войск европейских держав, а если какая-либо держава использует для вторжения территории Хивы, Бухары и др., то шах принудит их владельцев не допускать прохождения войск через их владения.

Кроме того, шах обязывался оказывать Англии помощь, если между Британской Индией и Афганистаном возникнет война, приглашать военных инструкторов для обучения иранской армии только из англичан или из дружественных Великобритании стран. Англия брала на себя обязательства в случае войны Ирана с одной из европейских держав оказывать непосредственную военную помощь или выплачивать ежегодно субсидию в 200 тыс. туманов; добиться пересмотра русско-иранских границ, установленных Гюлистанским мирным договором. Оценивая договор 1814 года, английские историки стремятся представить дело так, что он сделал Иран лишь «буферным государством для защиты Индии».¹⁶ На самом же деле «окончательный» договор усилил политическую зависимость Ирана от Англии.

Современный иранский историк Аббас-Экбал справедливо считает, что «окончательный» англо-иранский договор был одним из наиболее невыгодных договоров Ирана, заключенных им с иностранными государствами.

Договор 1814 года в основном был направлен против России и народов Кавказа. Достаточно сказать, что он «имел целью не столько держать Россию на возможно далеком расстоянии от индийских границ», как впоследствии определил эту цель лорд Керзон, сколько способствовать возобновлению военного конфликта между Ираном и его северным соседом».¹⁷

Оценивая смысл заключенного между Ираном и Англией союза, ген. А. П. Ермолов писал: «Мне по соседству знакома

¹⁴ Полный текст договора см. L. W. Kaye. History of the war in Afghanistan, fourth edition. L. 180 p. 487—492.

¹⁵ Р. А. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 432.

¹⁶ D. A. A. Arehbold. Afghanistan, Russia and Persia the Cambridge History of the British empire v—IV, Cambridge, 1929. p. 4, л. 6.

р. 4, д. 6.

¹⁷ С. В. Шостакович. Указ. соч., стр. 21. Русский вестник, 1877, т. 131, стр. 463; А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в., стр. 190; А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 434.

Персия из действия оной вижу, что не без замыслов утверждён таковой (договор — В. Г.). Персия думала посредством одного сделать более уважительными притязания на возвращение отделенных от нея провинций. Нет сомнения, что секретный артикул вмещает в себя гораздо яснейший смысл насчет нас, хотя, впрочем, мудрено ошибиться, какая из европейских держав опаснейшая, особливо после падения Наполеона... Сам Аббас-Мирза разумеет к чему клонится таковая попечительность англичан о Персии». ¹⁸

Как и следовало ожидать, заключение «окончательного» договора пробудило их стремления к реваншу. К тому же при помощи щедрой раздачи денег, англичане ежедневно усиливали свою партию, и самые влиятельные чиновники не стыдились заехать в английское посольство, чтобы получить там в подарок чай, сукно, очки, перочинные ножи, ножницы и другие мелочи. Бывший при посольстве врач Макнил лечил безвозмездно всех приходивших к нему больных и имел близкое знакомство с самыми влиятельными лицами». ¹⁹

Заключение договора и настойчивые внушения английской дипломатии усилили домогательства Ирана к ревизии Гюлистанского договора. Основываясь на условиях «сепаратного акта», заключенного в Гюлистане, Иран по наущению англичан направил в Россию посла Мирза-Абдул-Хасан-хана, который получал «от англичан жалование в 3 тыс. туманов, день и ночь работал на них», ²⁰ с поручением добиться территориальной уступки в Закавказье. Вместе с ним в Петербург отправился возвратившийся на родину бывший английский посол Гор Аузли. По прибытию в Петербург Мирза-Абдул-Хасан-хан потребовал уступки земель в Закавказье. Демарш его поддержан Англией. «Спешивший» в Лондон по семейным делам Гор-Аузли убеждал представителей Министерства иностранных дел России, что мирные отношения между Ираном и Россией могут быть сохранены лишь при условии удовлетворения требований Мирза-Абдул-Хасан-Хана. Даже уступка всех земель до самой Грузии, говорил он, была бы выгодна для России. Она уменьшила бы бесполезную трату людей и денег. Не двусмысленно заявил Гор-Аузли что по его мнению «естественною границею между Россией и Персией должен быть кряж гор Кавказских. Хищные обитатели (так он именует горские народы Северного Кавказа и Дагестана — В. Г.) тех неприступных мест не

¹⁸ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 228

¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4311, л. 39. Н. Дубровин. Последние дни А. П. Ермолова на Кавказе. Военный сборник, 1885, т. 4, стр. 198.

²⁰ Там же.

могут никогда быть ни истреблены, ни укрошены, но всегда вредны для вас по своей необузданности и многолюдью».²¹

С уступкой земель Персии, говорил он, необходимо торопиться, так как возвратившийся на престол Франции Наполеон направил своего после Жобера на Восток для восстановления Ирана и Турции против России. Однако домогательства Ирана и Англии не привели ни к чему. В ответ же на просьбу посла Мирза-Абдул-Хасан-хана уступить хотя бы часть территории в Талышинском и Карабахском ханствах было объявлено, что вскоре в Иран будет направлен чрезвычайный посол с поручением разрешить на месте все вопросы интересующие обе стороны. И действительно вскоре в Персию была направлена миссия во главе с чрезвычайным послом только что назначенным главнокомандующим на Кавказе ген. А. П. Ермоловым.

«Меня, — писал Александр I А. П. Ермолову, — не занимают мысли, чтобы посредством Персии потрясти власть англичан в Индии, и, следовательно, я неоспоримо имею право стараться всеми мерами, дабы остановить действия такой системы, которая со временем легко обратиться может и к той цели, чтобы вредить моим владениям за Кавказом».²²

Исходя из этого, в инструкции, данной А. П. Ермолову, особое внимание обращалось на необходимость ослабления влияния Англии в Иране. Вместе с этим в инструкции указывалось на необходимость «утвердиться» нельзя-ли в Талышинском и Карабахском ханствах найти средства к удовлетворению домогательства Персии», постараться открыть торговые конторы в Энзели, в Астрабаде, добиться чтобы шах соблюдал наистрожайший нейтралитет, стараться расположить Персию к миру с Россией.²³

В Иран А. П. Ермолов прибыл в 1817 году и имел ряд встреч с шахом и сановниками его двора, но выполнить возложенные на него обязанности ему не удалось. Большую роль в неудаче миссии Ермолова сыграли «англичане сильное влияние имеющие на политические дела Персии, которым не нравиться сближение наше (России — В. Г.) с сим государством».²⁴ «Судя по всему, — писал А. П. Ермолов, — видно было, что персияне, взаимно с турками, скрывают какие-либо намерения. Слышно мне было, что персияне готовы требовать с настоятельностью все присоединенные нами мусульманские провинции и Карабах непременно».²⁵ И действительно, подстрекаемый и поощряемый Англией шахский Иран по-преж-

²¹ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI, СПб., 1888, стр. 199.

²² Там же, стр. 212.

²³ А. Берже. Посольства А. П. Ермолова в Персию..., стр. 257.

²⁴ Записки Алексея Петровича Ермолова, М., 1868, стр. 30.

²⁵ Там же.

нему лелеял мечту прибрать Кавказ к своим рукам. С этой целью с помощью Англии и английских инструкторов производилась реорганизация армии, велась подготовка к войне. Русский консул, говоря о лихорадочной подготовке персов, отмечал, что не может по ночам спать от артиллерийской стрельбы, производимой обучающимися сарбазами Аббас-Мирзы. Нужно сказать, что за 7 лет, с 1814 по 1821 гд стараниями Аббас-Мирзы дело с реорганизацией армии несколько продвинулось. Под его командованием насчитывалось 35 тыс. сарабазов, вооруженных и обученных на европейский лад, и 90 тыс. кавалерии при 40 орудиях. По словам Ф. Энгельса, «в Персии азиатскому варварству была привита европейская система военной организации».²⁶ Однако на этом основании Аббас-Мирзу ни в коем случае нельзя считать преобразователем самой Персии, как хотят представить его, историки Ирана.

Одновременно с реорганизацией армии правящие круги шахской Персии не без влияния Англии предложили Турции заключить «наступательный и оборонительный союз против России». С этой целью в Константинополь был отправлен Мугиб-Али-хан, который старался внушить Порте, что «...возрастающее могущество России... угрожает целостности мусульманских империй».

В агрессивных планах иранских и английских захватчиков серьезное место уделялось и народам Кавказа. Через развернутую шпионско-диверсионную сеть они надеялись подготовить выступление народов Кавказа, в том числе и Дагестана против России. «Персия по заключении с нами мира, — свидетельствует А. П. Ермолов, — не переставала пересылать деньги всем вредным для нас людям».²⁷

Щедрые подарки и крупные суммы денег для ведения подрывной антирусской пропаганды пересылались в Дагестан Ших-Али-хану, Абдулла-беку Ерсинскому, Султан-Ахмеду Аварскому, Сурхай-хану, уцмю Адиль-хану, беглому грузинскому царевичу Александру и др.²⁸

Только одному Ших-Али-хану, по словам полковника Садыкова, в 1819 году «со стороны персидского правительства Ахмед-бек Мелик оглы привез... 40 тысяч рублей жалования одного года».²⁹ Кроме того, Ших-Али-хану «для найма горских народов» было направлено два бочонка червонных.³¹

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XI, стр. 162.

²⁷ Записки А. П. Ермолова..., стр. 15.

²⁸ Записки А. П. Ермолова..., стр. 15.

²⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 2147, л. 1—3; АКАК, т. VI, ч. I, стр. 182; Военный сборник 1886 г. № 4, стр. 179.

³⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, л. 648, л. 83.

³¹ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 6264, л. 62; ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, л. 648, лл. 83—112.

Русские власти на Кавказе не раз указывали послам шаха на происки Ирана, но уполномоченные Ирана упорно отказывались, заявляя, что шах об этом ничего не знает.³²

Не меньшую активность на Кавказе проявляла поощряемая Англией султанская Турция. «Оттоманская Порта, — говорится в документе, — с самого заключения Бухарестского трактата не переставала в тайне враждовать против России, делала различные нарушения договора... постоянно упорствовала в неприязненных действиях своих».³³ В Анатолии были сосредоточены «турецкие войска в числе 60 тыс. и множество снарядов».³⁴ Умножены гарнизоны в крепости Поты, усилена войсками и другие по границе укрепленные места.³⁵ Устраивались набеги на подвластные России территории Кавказа. Для ведения антирусской подрывной деятельности засылали на Кавказ и в том числе в Дагестан многочисленных эмиссаров. «Возбуждала ко вражде горцев и поддерживала между ними бесчеловечный торг невольниками».

Особую активность в Дагестане проявлял беглый грузинский царевич Александр, «обольщая всем легковерный народ..., обитающий в горах». Царевич Александр, извещал шамхал Тарковский, призывает к себе уверяя, что войска турецкие непременно будут в Грузии, а потому... и они действовали с ним совокупно противу России.³⁷

«Начальствующие в Карском и Ахалцихском пашалыках чиновники, не менее и паша Трапезунский, — писал в 1817 году А. П. Ермолов, — поступками своими дают все права сомневаться в желании их удерживать связи дружества и доброго согласия, между обеими державами существующие, позволяют делать непрерывные набеги на земли наши, производят хищничества, увлекают в плен поселян, и их имущество и даже до того простирают дерзость свою, что нападают на солдат и их захватывают, приглашают и удерживают лезгин и их поощряют на грабежи и разбой».³⁸ Даже когда русский посол в Константинополе Г. А. Строганов предложил начать официальные переговоры для урегулирования вопроса о «прибрежных владениях» на Кавказе, султанская Турция отказалась, требуя передачи ей западной Грузии.³⁹

Такое поведение султанской Турции объяснялось, по словам Г. А. Строганова, тем, что «внушения завистливых держав, особливо Англии, имели... влияние на решительный отказ в негоциации..., Со всем тем, — продолжал он, — не

³² Военный сборник 1886 г., № 4, стр. 182—183.

³³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4643, л. 31.

³⁴ АКАК, т. VI, ч. II, л. 401.

³⁵ Там же, стр. 402.

³⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 390, л. 98.

³⁸ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 403.

³⁹ А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис..., стр. 100.

могу я постигнуть, как Порта столь слепо предается мечтам своим и чужим пристрастным внушениям».⁴⁰

Само собой понятно, что разнузданная антирусская пропаганда ирано-турецких эмиссаров, подкрепляемая щедрыми подарками и выплатой крупных сумм денег оказывали известное влияние на феодальных владетелей Дагестана,— способствовала росту антирусских настроений в феодально-клерикальных кругах страны гор. К тому же с назначением главнокомандующего на Кавказ А. П. Ермолов предпринимает ряд мер, направленных на полное подчинение царской власти горских народов Северного Кавказа и Дагестана. Для чего была перенесена кордонная линия с Терека на Сунжу, положившая начало Сунженской укрепленной линии, были воздвигнуты крепости Преградный стан, Грозный, Внезапная, Бурная, перестроены Усть-Лабинская, Прочный окоп и т. д. Была увеличена также численность войск на линии, поощрялась казачья колонизация Северного Кавказа; началась подготовка к «усмирению» горцев. Разработанный А. П. Ермоловым план «замирения» края сводился к тому, чтобы стремительным наступлением оттеснить горцев в горы, отнять «лучшую половину хлебородной земли» и заселить их казачьими станицами. «Вследствие этого,— утверждал А. П. Ермолов,— стесненные в своих горах, лишаться земли, удобной возделыванием и пастбищных мест, на которых в зимнее время укрывают стада свои от жестокого в горах климата,⁴¹ а через это будут вынуждены подчиниться.

«Проконсул Кавказа» отрицательно относился к существовавшему в Дагестане ханскому управлению и считал первоочередной задачей для «образования народов» ликвидацию ханств. В письме к Воронцову он писал: «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования общества. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество. Когда возвращусь из Персии, всюду перемену в образе их управления».⁴²

Однако практически ликвидация ханств оказалась не такой легкой задачей, как вначале предполагал ген. Ермолов. Более того, в силу ряда внутренних и внешних причин А. П. Ермолов вынужден был поддерживать феодальных владетелей, ориентировавшихся на Россию. В то же время отстраненные раньше от политической власти Ших-Али-хан дербентский, изгнанный из Кюринского ханства за неприязнен-

⁴⁰ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 414.

⁴¹ Зиссерман. История 80-го Кабардинского полка, т. I, СПб, 1881, стр. 338.

⁴² «Русская старина», декабрь, 1885, стр. 521.

ные отношения к России Сурхай-хан Казикумухский и недовольные своим зависимым положением Султан-Ахмед-хан аварский, Гасан-хан Мехтулинский и др. пытались организовать в Дагестане всеобщее выступление против России.⁴³ «Все мы получили приятнейшее и справедливое известие, — писал в своем воззвании Султан-Ахмед-хан аварский, — что между Турцией, Россией и Грузией началась война, до сих пор все народы вместе со мною помогали русским, а ныне видят, что я удалился от них для славы и почести веры и божьего алкорана с помощью и милостью коих после открытия дорог я выступлю в поход в сторону Грузии, а как вы суть люди великодушные, то приготовьтесь для выступления в поход.⁴⁴ Феодалы, находившиеся в неприязненных отношениях с Россией, готовили нападение на сохранившего «верность» шамхала Тарковского.

Кавказское командование предприняло ряд карательных экспедиций в горы Дагестана. В 1819 году русские войска под командованием ген. Пестеля вместе с конницей кубинской, дербентской и Асланхана кюринского заняли Башлы. Одновременно царские войска под командованием ген. А. П. Ермолова выступили для наказания «ослушника» Султан-Ахмед-хана аварского. Неподалеку от Тарков, у горы Талгин «непокорные» во главе с Султан-Ахмед-ханом пытались оказать сопротивление, но были разбиты. Заняв без боя сел. Параул, а затем, разбив Гасан-хана мехтулинского и кадия акушинского, заняли Большой и Малый Дженгутай.⁴⁵

Гасан-хан был отстранен от управления ханством. Мехтулинское ханство было разделено на две части, одна из которых была передана во владения шамхала Тарковского, а над другой поставлен пристав из русских офицеров.⁴⁶

Потерпев поражение и желая сохранить за собой ханство, Султан-Ахмед-хан, «признаваясь в глупом поведении своем», просил о помиловании. «Обман, что вы не перестанете быть ему преданным, — писал в ответном письме ген. Ермолов. Мне давно известно поведение ваше и я знаю, что по вашему внушению возмущены жители Дагестана против российских войск и осмелились с ним сразиться».⁴⁷ Султан-Ахмед-хан был лишен чина генерал-майора и ежегодного жалованья в 5 тыс. рублей.⁴⁸ Было также решено вместо Султан-Ахмед-хана посадить ханом Аварии Сурхай-бека. Летом 1819 года Султан-Ахмед-хан принял отчаянный шаг. Сколотив, не без

⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 78, л. 8, 19—35, 51—52, ч. 79, л. 39, 64 и др.

⁴⁴ Там же, д. 6164, ч. 79, л. 44.

⁴⁵ Движение горцев северо-восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. Махачкала, 1959, стр. 27.

⁴⁶ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 27.

⁴⁷ Там же, стр. 25.

⁴⁸ Н. Дубровин. История войны и владычества, т. VI, стр. 343.

труда, отряд до 6 тыс. человек, он прибыл в сел. Бавтугай с намерением напасть на крепость Внезапную. На левом берегу Сулак царские войска разбили Султан-Ахмед-хана и вынудили его поспешно бежать в Аварию.⁴⁹ Тем временем в южном Дагестане отряд под командованием генерал-майора Мадатова вступил в сел. Башлы и Янги-Кент, которые безуспешно пытался защищать уцмий.

В декабре царские войска у сел. Урма разбили Магомед-кадия акушинского, заняли сел. Леваши, и здесь выяснилось, что на помощь кадию акушинскому приходили сын Сурхай-хана Казикумухского, уцмий кайтагский, и что «Ших-Алихан дербентский составлял главнейшую в совещаниях особу».⁵⁰

«Проконсул Кавказа» проявлял ненужную жестокость. По его приказу были уничтожены селения Башлы, Каранай, Эрпели, Янги-Юрт, Нижний и Верхний Дженгутай, «разорен прекрасный городок до 800 домов Уллу-айя называемый»⁵¹ и другие. Сам он считал, что «разорение аулов нужно было как памятник наказания гордого и никому доселе не покорствовавшего народа».⁵²

Горцы с глубокой ненавистью отзывались о «Проконсуле Кавказа», его именем пугали детей. Об этом хорошо знал и сам главнокомандующий. В одном из своих писем ген. Закриевскому он писал: «Надобно признать, что меня здесь очень не любят, но и то правда, что правительство ничего не теряет, ибо столько же бояться». Иное отношение было к горцам со стороны русских солдат. «После взятия Акуши, — с удивлением рассказывает ген. А. П. Ермолов, — в лагерь приходил женщины отыскивать грудных ребят своих, которых солдаты сберегали. Одному из знатнейших старшин возвращена молодая дочь его, которую во время плена содержали с должным уважением».⁵³

Взяв Акушу, ген. А. П. Ермолов отстранил от управления Магомеда-Кадия, а вместо него главным кадием назначил Зухум-Кадия. К А. П. Ермолову прибыли старшины всех сел Акуша-Дарго и от имени своих обществ дали присягу на верность. Зухум-Кадия акушинский обязывался ежегодно в сентябре месяце доставлять Дербентскому коменданту 200 баранов.⁵⁴ Тогда же в Акушу прибыли старшины двух магалов Казикумухского ханства с жалобой на Сурхай-хана и прось-

⁴⁹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 27.

⁵⁰ Записки А. П. Ермолова, стр. 97.

⁵¹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 25, 38, 57, 59 и др.; Записки А. П. Ермолова, стр. 98.

⁵² Записки А. П. Ермолова, стр. 98.

⁵³ Письма Ермолова ген. Закриевскому. СМОМПК, вып. 45. Махачкала, 1926, стр. 40.

⁵⁴ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 80.

бой передать их в управление Аслан-хану Кюринскому. «Приняли присягу на подданство, и я, — писал ген. А. П. Ермолов 25 декабря 1819 года, — объявил их ханом Аслан-хана Кюринского».⁵⁵

Оставалось теперь только изгнать Сурхай-хана, известного по словам официального документа, «несколькими против правительства изменами, злейший неприятель, поверенный Аббас-Мирзы при горских народах, всегда возбуждающий их против России».

С этой целью в июле 1820 года ген. Мадатов во главе значительного отряда при 14 орудиях, сопровождаемый дагестанской и азербайджанской милицией под водительством Аслан-хана и ханов Карабагским, Шекинским и Ширванским, выступил из Кураха в Казикумухское ханство. Сурхай-хан попытался оказать сопротивление, но в битве между Чирахом и Хосреком был разбит и вынужден бежать в Аварию. На следующий день русские войска вступили в Кази-Кумух. 22 июля 1820 года рескриптом Александром I, Аслан-хан был утвержден казикумухским ханом,⁵⁶ а в декабре с ним был заключен особый трактат,⁵⁷ основное содержание которого сводилось к следующему: хан обязывался охранять границы владения и по приказу Кавказского командования выступать с войсками, содержать до 160 человек конницы «для употребления ее в караулы и разъезды, по усмотрению начальства». Аслан-хану разрешалось назначить в Кюринскую провинцию наибом сына своего или другого, кого угодно, «но отнюдь не соединять обеих ханств вместе, а каждым управлять особо». Казикумухскому владельцу предоставлялось право разбирать во владении все тяжбы, кроме уголовных, «которые должны быть разбираемы русским военным судом, для чего преступников отправлять к начальству». Жители ханства должны были вносить ежегодно в казну 3 тыс. руб. серебром.

Вскоре скрывшийся в Аварии Сурхай-хан, не найдя здесь убежища, решил вместе с сыном Нух-беком уйти в Персию «при посредстве Мустафы-хана Ширванского родственника его по женской линии».⁵⁸ Вместе с ними бежали также несколько его приближенных, но близ селения Алмалы беглецы были замечены. Кавказское командование предприняло меры захватить Сурхая, но он сумел тайно перебраться через Куру и уйти в Персию.⁵⁹

Ни к чему не привели и «враждебные действия против России» Ших-али-хана и Султан-Ахмед-хана. Попытки их

⁵⁵ Там же, стр. 39.

⁵⁶ Там же, стр. 41.

⁵⁷ Там же, стр. 44. ЦГВИА Груз. ССР, ф. 2, д. 917, л. 37.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 81, л. 323—324, 330.

поднять мятеж в северном Дагестане оказались безуспешными.

Главной причиной неудач антирусских выступлений, организованных феодально-клерикальной верхушкой в первой четверти XIX века явилось то, что они не находили поддержки широких народных масс и в силу этого не приобрели массовый характер и не были продолжительными. Мало того, широкие народные массы, как об этом свидетельствует фактический материал, не только уклонялись от вооруженной борьбы, но и открыто высказывались против антирусских выступлений. «Посланный от меня в Казикумух лазутчик, — доносил 2 мая 1819 г. Главнокомандующему на Кавказе ген.-майору Вреде, — принес мне известие, что дагестанские народы часто бывают у Сурхай-хана и просят его приложить свое старание примирить их с русскими». ⁶⁰ К Сурхай-хану обращались также жители сел. Кумуха, Кули и др. Отмечая крайне бедственное положение, в котором они пребывают, вследствие постоянных войн, они выражали свое неудовольствие антирусскими выступлениями хана, подчеркивали, что, если не произойдет изменения, они погибнут. ⁶¹ Житель селения Кумух по прозвищу Курлику открыто говорил хану: «Не тревожь без надобности народ. Заключили с русскими мир. Для борьбы с Россией у нас нет ни сил, ни средств. Будь в мире и дружбе с русскими». ⁶²

Но Сурхай-хан не только не прислушался к их голосу, но жестоко расправлялся со всеми теми, кто решался высказать свое мнение. В частности, по приказу Сурхай-хана была учинена жестокая расправа над Курлику. Несмотря на это жители ряда обществ Аварии в 20-х гг. XIX в., подтверждая свою преданность России, представляли Кавказскому командованию аманатов. ⁶³

В то же время Иран и Турция и стоявшая за их спиной Англия всеми возможными средствами инспирировали антирусские выступления горских феодалов. Русское правительство, будучи хорошо осведомлено о происках зарубежных агрессоров, неоднократно обращало на это внимание шаха и султана, требовало прекратить их вмешательство во внутренние дела Кавказа. ⁶⁴ Вместе с тем, Россия делала все, чтобы сохранить мирные отношения с Ираном. Именно поэтому Россия признала наследником шаха Аббас-Мирзу. К сохранению и укреплению мирных отношений, — писал Александр I к Фет-Али-шаху, — «постоянно устремлены желание и попечение наши, и мы не сомневаемся, что сие спасительное

⁶⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 79, л. 59.

⁶¹ Рук. фонд. ИИЯЛ, д. 1642, лл. 79, 86.

⁶² Там же, л. 90.

⁶³ АКАК, т. V, стр. 615.

⁶⁴ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 215—219, 230.

дело увенчается полным успехом, при взаимном содействии общих намерений... Уважая выбор ваш наследником престола Аббас-Мирзу,... мы вменяем себе дружескую обязанность изъявить наше согласие...» В ответ же на грамоту Аббас-Мирзы Александр I писал: «Уважая обратившийся на особу вашу выбор е. шахова величества, назначившего вас нареченным своим наследником престола персидского, мы с удовольствием поздравляем с сим ваше выс. и надеемся, что при всяком случае вы не оставите подавать нам твердые доказательства вашего искреннего желания пребывать с нами в совершенном согласии и утвердить через то тишину и спокойствие между нашими государствами.⁶⁵

На улучшение взаимоотношений между Россией и Ираном была направлена и деятельность русской миссии, аккредитованной при наследнике престола. В этом отношении особенно заметную роль играл знаменитый русский писатель и выдающийся дипломат А. С. Грибоедов, занимавший тогда пост секретаря русской миссии. Но действия английской миссии во главе с поверенным в делах Генри Уиллоком, под влиянием которых находились руководители внешней политики Ирана принц Аббас-Мирза, Каймакам-Мирза-Бизюрк и другие сановники шахского двора, сильно осложняли работу русских дипломатов.

Кроме Генри Уиллока, вся деятельность которого была направлена на укрепление и еще усиление влияния Англии при дворе шаха и подстрекательство Ирана против России, активную антирусскую политику вел брат поверенного в делах Эдуард Уиллок. Инженер мадрасской армии У. Монтис, возглавлявший обучение модернизированных частей иранской армии, майор Харт, которого иногда сами англичане и французы называли «генералиссимус персидской армии» и многие др.⁶⁶

Вероломный и корыстолюбивый Аббас-Мирза после признания Россией наследником престола, не «считал более нужным скрывать о своей неприязни к России».⁶⁷ Он решительно потребовал от России территориальных уступок в Закавказье. «Не стану рассуждать о странных и неприличных желаниях Аббас-Мирзы, — писал А. П. Ермолов к гр. Нессельроде 5 июня 1820 г., — но должен сообщить в. с. некоторые сведения, которые объяснят и самую цель его желания». Аббас-Мирза требовал уступки Талышинского ханства взамен Мигринского округа, ранее входившего в Карабахское ханство. Часть этого округа, находящаяся под управлением родствен-

⁶⁵ АВПР, ф. Сношения России с Персией 1811 г., д. № 1. Н. Дубровин. Указ. соч., т. VI, стр. 546—547.

⁶⁶ С. В. Шостокевич. Указ. соч., стр. 55—58.

⁶⁷ Н. Дубровин. Указ. соч., т. VI, стр. 549.

ника Аббас-Мирзы Абдул-Фетх-хана по Гюлистанскому договору признана была принадлежащей России. Уступая этот округ Аббас-Мирза надеялся посадить в Карабахском ханстве Абул-Фетх-али-хана и через него подчинить ханство своей власти.

Выставляемые Ираном требования, да и все поведение Аббаса-Мирзы со всей очевидностью показывали, что правящие круги шахского двора, на словах, выступая за урегулирование возникающих разногласий с Россией, на самом деле, искусственно создавая пограничные конфликты, всеми мерами старались отсрочить решение вопроса об окончательном разграничении границ. Если бы шахская Персия действительно желала сохранить и укрепить мирные отношения с Россией, то она соблюдала бы условия Гюлистанского договора и не выдвигала бы необоснованные территориальные притязания, не откладывала бы решение пограничных вопросов и не вмешивалась бы во внутренние дела Кавказа. В то же время Иран по-прежнему засылал для ведения подрывной деятельности эмиссаров. Аббас-Мирза принял бежавшего в Иран Сурхай-хана Казикумухского, Мустафу-хана Ширванского и др. Открыто поддерживал Ших-али-хана, царевича Александра и др. Не думаю, — писал Ермолов к Аббас-Мирзе в сентябре 1820 г. — «чтобы не было противно правилам... в. выс. поведение царевича Александра, но я хотел, чтобы известно было, что беглец сей, благодетельствуем, будучи наследником Персии, осмеливается разбойническим образом возмущать народы соседственной и дружественной державы... Нельзя также понять ваши отношения с Ших-али-ханом... Можно давать жалование своим подданным, но... конечно, не тому который возбуждает беспокойство против дружественной державы. Жалование не передается украдкой, но его можно явно передавать через самое начальство. Не знаю как можно было бы разуместь, если бы Российское правительство давало тайным образом жалованье в Хорасане?»⁶⁸ Тогда же ген. Ермолов настоятельно потребовал от Аббас-Мирзы, чтобы в 1821 г. было завершено разграничение границ. Однако, начавшаяся в 1821 г. ирано-турецкая война отсрочила решение вопроса о русско-иранской границе.

Турция, занятая войной с восставшими греками, подавлением восстания в Валахии, вынуждена была отступать. Войска Аббас-Мирзы заняли прилегающую к иранскому Азербайджану турецкую территорию с Баязедом и Сулейманией, Мосулом и др. городами. Военные столкновения между Ираном и Турцией шли вразрез с планами и намерениями Англии. Основной причиной, «не устраивающей» Великобританию было прежде всего то, что с началом турецко-иранской

⁶⁸ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 230—231.

войны окончательно рушился антирусский агрессивный блок Турции и Ирана под эгидой Британии, над сколачиванием которого британская дипломатия не переставала трудиться с самого начала XIX в.⁶⁹ По признанию самих англичан, они были огорчены тем, что английские средства и вооружение персиане направили не против России, как этого хотела Великобритания, а против Турции.⁷⁰ Поэтому английские дипломаты уговаривали Аббас-Мирзу не начинать войну, а когда ирано-турецкая война разразилась, они прилагали все усилия к прекращению ее.⁷¹

С этой целью еще до выступления Аббаса-Мирзы английский поверенный Г. Уиллок запретил британским офицерам, находящимся на службе у шаха, «выходить за пределы Персии».⁷²

Кроме того прибывший в Иран майор Гарриот «уверил персидское правительство, что Россия не может объявить войны Турции без согласия прочих держав и что все оные в совершенном единодушии с Англией».⁷³

Все это возымело свое действие. Но особенно большое влияние на шаха и его окружение оказало, то, что Англия «обязалась давать ежегодно Персии по 200 тыс. туманов, если только она будет иметь войну с Россией».⁷⁴

Под влиянием Англии шах говорил Аббас-Мирзе «что войною против турок подвергает он опасности собственные владения».⁷⁵ Военные действия были прекращены. «Золото англичан,— писал ген. Ермолов к гр. Нессельроде 11 января 1822 г.,— имеет могущественное влияние и равно нужно шаху по скупости, а наследнику по разным его затеям. И англичане, если политика их того потребует, не только вражду персиан с турками прекратить могут, но, могут, даже и соединить их для взаимных усилий».⁷⁶ И действительно, начавшиеся между Ираном и Турцией переговоры привели к подписанию в марте 1823 г. Эрзерумского договора. По условиям этого договора территория, занятая Ираном возвращалась Турции. Обе договаривающиеся стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела и не нарушать границы.⁷⁷ Кроме воздействия англичан такая умеренность Ирана при заключении Эрзерумского договора, как справедливо отмеча-

⁶⁹ С. В. Шостокович. Указ. соч., стр. 67.

⁷⁰ I. B. Fraser, *Travels and adventures in the Persia and provinces on the southern banks of the Caspian Sea*, L. 1826, p. 309

⁷¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 217, л. 103.

⁷² АКАК, т. VI, ч. II, стр. 253.

⁷³ Там же, стр. 252.

⁷⁴ Там же, стр. 314.

⁷⁵ Там же, стр. 252.

⁷⁶ Там же, стр. 255.

⁷⁷ ЦГИА Груз. ССР ф. 2, д. 1270, л. 2.

ет М. С. Иванов, «объяснялась тем, что готовясь к войне с Россией, шах не хотел обострять отношения с Турцией».⁷⁸

Ободренные успехами в войне с Турцией правящие круги Ирана, поощряемые Англией, по заключении договора с Портой усиленно стали готовиться к реваншу. Англия, усилия которой были направлены на инспирирование выступления Ирана против России, намного увеличила снабжение шахской армии. Только в ноябре 1825 г. «в Исфаган было привезено 200 вьюков английского оружия для Аббас-Мирзы».⁷⁹ Но несмотря на все это зарубежные фальсификаторы истории в стремлении оправдать агрессивную политику Англии беззастенчиво утверждают, что «...Персия искала британской помощи против постоянного нажима России».⁸⁰ В действительности русское правительство в силу внутренних и внешних причин старалось сохранить и упрочить мирные отношения с Ираном, тогда как шахский двор по наущению Англии развернул широкую пропаганду войны с Россией. «Здесь (в Иране — В. Г.), — доносил Ващенко, — все говорят о войне с Россией».⁸¹ В связи с деятельной подготовкой к войне правящие круги Ирана намного усилили подрывную антирусскую деятельность на Кавказе.

Аббас-Мирза, доносил ген. Вельяминов, «для взбунтования против нас лезгин и прочих дагестанских народов прислал через Гасан-хана брата Эриванского сардара значительную сумму и разные подарки».⁸²

Одновременно по указке Аббас-Мирзы пограничные ханы постоянно нарушали границу. Неоднократно в пограничные районы «под видом охоты» приезжал и сам Аббас-Мирза «с регулярным войском». В связи с этим А. П. Ермолов писал: «Аббас-Мирза, имея тайные сношения в границах наших с людьми, которых поддерживает он неудовольствие против нас разными обещаниями через беглых от нас ханов, прибытием своих на границах и оказанием на многих пунктах войск, думает возмутить их к беспорядкам и беспокойствам и, затруднив нас внутренним неурядиством, воспользоваться оным».⁸³ В этот период на Кавказе орудовали и эмиссары английских колонизаторов.

В 1820 году на Северный Кавказ приезжал «чиновник английской миссии в Персии» майор Э. Уиллок и добивался у русского командования разрешения поехать в Кизляр в Дагестан. «Но предполагая в нем и не без основания тайный

⁷⁸ М. С. Иванов, Указ. соч., стр. 138.

⁷⁹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 324.

⁸⁰ Bullard Op. cit, p. 32.

⁸¹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 314.

⁸² ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 3294, л. 1.

⁸³ Записки А. П. Ермолова, стр. 195.

умысел», ему не было разрешено проехать за Терек и в Дербент и за ним была установлена слежка.⁸⁴

В 1824 году в Джаро-Белоканнах жил английский офицер Монтис, который поддерживал тесные связи со старшиной Хаджи-Махмудом и с грузинским царевичем Александром.⁸⁵

По свидетельству А. С. Грибоедова, «Монтис говорил, что его соотечественники без числа покушаются туда (на Кавказ, — В. Г.) путешествовать».⁸⁶

На это обстоятельство указывал в свое время и ген. А. П. Ермолов.

«Британские офицеры и служащие в Иране, — писал он, — возвращались в Англию не морским путем, более удобным и дешевым, а через Кавказ».⁸⁷

В 1826 году до Персии дошел слух о декабрьском восстании в Петербурге и о «междоусарствовании». Английская миссия и «люди неблагонадежные, — писал Ермолов, — имущие нарушить дружественные связи с Россией, воспользовались сими обстоятельствами, рассеяли молву, что его величество царевич собрал войска и Россия раздирается междоусобною войною».⁸⁸

Аббас-Мирза, первый министр и зять шаха Аллаяр-хан, руководившие внешней и внутренней политикой государства, считали, что наступил благоприятный случай, когда можно свести счеты с Россией, осуществить давнюю мечту; изгнать русских за Терек или хотя бы заставить уступить Ирану Талышинское или Карабахское ханство.⁸⁹ Но престарелый Фет-Али-шах, слабый по натуре и жадный до денег, более всего интересовавшийся пополнением своих сокровищ, напуганный русским оружием в предыдущих войнах, колебался. Честолюбивый Аббас-Мирза, желая «приобрести военную славу, которая в глазах персов заменяет все достоинства», а также закрепить за собой титул наследника, ратовал за войну. Он «был уверен, что его артиллерия и регулярные войска непобедимы, потому что обучены английскими офицерами».⁹⁰ А первый министр Аллаяр-хан по наущению англичан сфабриковал подложное письмо, якобы полученное им от кавказских мусульман, которые просят персидского шаха избавить их от «неверных» и обещают восстать, как только придут «непобедимые» войска шаха. К войне против России призывало и высшее духовенство. «В Тегеране, — доносил Касим-бек, —

⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6230, л. 25; ЦГИА Груз. ССР, ф. 16, д. 2811, л. 1. Русская старина, 1903, № 8, стр. 320.

⁸⁵ Исторические записки, т. 42, стр. 227.

⁸⁶ А. С. Грибоедов. Соч., т. III, Петроград, 1917, стр. 142.

⁸⁷ Записки А. П. Ермолова, стр. 26—27.

⁸⁸ Записки А. П. Ермолова, стр. 66.

⁸⁹ Утверждение русского владычества на Кавказе, т. IV, ч. I, стр. 40.

⁹⁰ П. Зубов. Подвиги русских в странах Кавказских 1800—1834 гг. СПб, т. II, стр. 26.

все кербалойские сеиды и духовенство ходили к самому шаху, докладывая, что с Российскими войсками непременно нужно вести войну».⁹¹

Более всего на алчного Фет-али-шаха оказали влияние дорогие подарки и заверения о двухмиллионной субсидии Англии. Фет-али-шах согласился и издал фирман о начале войны.

23 июня 1826 г. высшее духовенство Ирана издало фетву о священной войне против России. Когда слух о развязанной Ираном войне с Россией «дошел до Европы, — свидетельствует современник, — все удивлялись, что Персия могла на это решиться в то время, когда Россия не воевала».⁹² Но у правящих кругов Ирана был свой расчет. Они были уверены, что с началом войны Англия вступит в войну с Россией и, во-вторых, их внезапное вторжение явится толчком к всеобщему восстанию кавказских мусульман. С этой целью правящие круги Ирана усилили свою подрывную антирусскую деятельность. На Кавказ была заслана большая партия агентов, пересланы крупные суммы денег и всевозможные подарки. Даже историк шахского двора Мирза Файзулла вынужден был признать, что правящими кругами Ирана «были посланы распоряжения и приглашения вступить на службу шаха в Дагестан, Иран, Казахи к Шамшадильцам».⁹³ В Дагестан вместе с другими агентами вернулся проживавший при дворе шаха около 5 лет Сурхай-хан. Он совместно с сыном Ших-али-ханом, царевичем Александром, чеченцем Бей-Булатом и другими эmissарами должны были поднять горцев на вооруженную борьбу против России.⁹⁴ Разнузданную подрывную антирусскую деятельность вело и местное мусульманское духовенство. «Священные особы, — сообщает современник, — по всем мечетям читают молитвы, говорят речи народам, где упоминают, что наступило время их освобождения от ига русского».⁹⁵

В то же время английская миссия в Константинополе усиленно подготавливала выступления Турции против России.

Однако, русская дипломатия и особенно усилия великого русского писателя А. С. Грибоедова, фактически ведавшего тогда дипломатическими и политическими делами при главно-

⁹¹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 338.

⁹² Кавказский сборник, т. XXII, 1901.

⁹³ К. Смирнов. Указ. соч., стр. 25.

⁹⁴ О подрывной деятельности эmissаров Ирана см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 321; д. 4643, л. 1, 31; ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 289, л. 24; д. 4290, лл. 71—72, 85; д. 6230, л. 68; 1630, л. 3; д. 899, л. 13; АКАК, т. VI, ч. II, стр. 357, т. VII, стр. 633 и др. Кавказский сборник, т. XXIII, стр. 26—28, 34—35, 57, 75, 140. «Военный сборник», 1886, № 4, стр. 126; 1888, № 4, стр. 21. «Кавказ», 1851, № 57, Щербатов. «Генерал фельд-маршал гр. Паскевич Эриванский» т. II, Приложения к гл. I и II.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 58.

командующем на Кавказе, сумели отсрочить выступления Турции. Тем не менее в пограничных пашалыках было сосредоточено большое количество войск. «В Ахалцыхском пашалыке, — писал А. П. Ермолов, — турецкое правительство сверх большого количества удобно собираемой народной конницы, формирует 10 тыс. человек пехоты и уже войска сие составляются».⁹⁶ Высокая Порта намного усилила в это время подрывную деятельность на Кавказе.

Достаточно сказать, что только из одной Анапы в 1826 г. Чечен-Оглу Хичи-Гассан-паша отправил в горы 24 агента.⁹⁷

В июле 1826 года Аббас-Мирза во главе 65-тысячной армии вторгся в Закавказье, блокировал Шушу, а усиленный авангард в 28 тыс. человек при шестнадцати орудиях отправил вперед для захвата Елисаветполя. Однако героическая защита крепости Шуши малочисленным гарнизоном под начальством Реута надолго задержала главные силы персиян.

Большую помощь защитникам Шуши оказали народы Закавказья.⁹⁸ «Если бы он (Аббас-Мирза — не задержался у Шуши, двинулся прямо к Тифлису, где почти не было войска и ввел бы сразу в самое сердце Грузии свою многочисленную и полную фанатизма армию, то при благоприятствовавших ему обстоятельствах он мог бы нанести страшный удар».⁹⁹ Однако время было выиграно. Этим воспользовался генерал А. П. Ермолов, наспех собрав небольшой отряд под начальством Мадатова, он отправил его навстречу наступающему авангарду войск Ирана. У Шамхора Мадатов встретил персидский авангард и атаковал его. Войска шаха не выдержали дружной штыковой атаки русских батальонов и позорно бежали. «Поражение неприятеля при Шамхоре, — доносил ген. Паскевич, — гораздо значительнее нежели я воображал, все дороги от Шамхора на расстоянии 20 верст наполнены мертвыми телами, они имели до 6 тыс. кавалерии, 2 батальона лучшей пехоты и 40 орудий, они не выдержали действия нашей артиллерии, бросились бежать и были поражены казаками, горцами и грузинами бросившиеся в горы персиане были побиты здешними татарами».¹⁰⁰

Узнав об этом поражении Аббас-Мирза, оставив крепость Шушу с основными силами, к которым присоединились и остатки разбитого авангарда, двинулся к Елисаветполю. К этому времени в спешном порядке из центральной России в Закавказье были переброшены подкрепления, в числе которых были и участники декабрьских событий в Петербурге.

⁹⁶ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 358. Кавказский сборник, т. XXIII, стр. 75.

⁹⁷ Новицкий. Анапа. Сб. Кавказского отделения географического общества, кн. II, 1853, стр. 16.

⁹⁸ Кавказ, 1851, № 57.

⁹⁹ Утверждение русского владычества на Кавказе, т. VI, ч. II, стр. 106.

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 105.

Ген.-адъютант Паскевич во главе 8 тыс. отряда при 22 орудиях двинулся навстречу Аббас-Мирзе. 13 сентября в 7 км от Елисаветполя Паскевич атаковал 60-ти тысячную армию, подкрепленную артиллерией и множеством фальконетов, действовавших со спин слонов. Сосредоточенный огонь русской артиллерии, поколебал ряды хваленого войска Аббас-Мирзы, а контр-атака двух русских батальонов под начальством кн. Мадатова опрокинула первую линию персиян. Последовавшая дружная штыковая атака русских воинов вместе с грузинскими и армянскими добровольцами, поддерживаемая азербайджанской и дагестанской конницей, смяли ряды персов и принудила и к паническому бегству. «Елисаветпольское сражение. — писал П. Зубов, — бесспорно должно занимать почетное место в российской военной истории. 8 тыс. русских опрокидывают 60 тыс. персов».¹⁰¹ Оценивая победу под Елисаветполем в рапорте от 17 сентября 1826 г. ген. А. П. Ермолов писал: «впрочем с некоторым вправдობодобием возможно заключить, что Аббас-Мирза едва ли решится дать еще одно сражение в Карабаге, ибо ожидаю я, что жители оногo, паче же армяне постоянно нам верны не только не дадут никакого средства продовольствия, но будут даже истреблять рассеянные его войска, между коими ужас умножает беспорядок».¹⁰²

Просчитались персияне и в своей надежде на вооруженное восстание горцев в тылу русских войск.

Присланный Аббас-Мирзой в Дагестан «для возмущения его владения и всего Дагестана Сурхай-хан Казикумухский не был допущен в прежнее владение свое ген.-м. Аслан-ханом, человеком верным и усердным, который старшего сына своего прислал к войскам нашим с 300 человеками конницы».¹⁰³ Сурхай-хан с сыновьями ушел в Аварию и здесь ему удалось «частью одарив их деньгами, частью обманом» сколотить небольшой отряд. И сделал попытку прорваться в Казикумух, «но по милости божьей, писал Аслан-хан, я разбил его».¹⁰⁴ Вскоре после этого Сурхай-хан, так и не сумев поднять восстания, умер. Не имели успеха и попытки зарубежных эмисаров поднять против России аварцев, даргинцев и др. народы Дагестана. «Все жители, Акуши, Дарго, Койсубу, Мехтули и всех вообще кумухских магалов, писал Шамхал Тарковский, пребывают непоколебимо верными Российскому правительству и вследствие лъстивых слов изменников не пошатнутся на пути преданности; напротив, они ...остаются тверды как стены».¹⁰⁵ Мало того, «акушинцы, получив возмутитель-

¹⁰¹ П. Зубов. Указ. соч., т. II, стр. 37.

¹⁰² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 114.

¹⁰³ Там же, л. 71.

¹⁰⁴ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 48, 371; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 85.

¹⁰⁵ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 101—102.

ную от Аббас-Мирзы бумагу, отказались исполнить его и ген.-лейт. Шамхалу Тарковскому препроводили копию для доставления ко мне. Верность сего сильного и воинственного народа обеспечивает спокойствие Дагестана»,¹⁰⁶ — писал ген. Ермолов Дибичу в августе 1826 г. Аналогичного мнения придерживался и ген. Коцебу. «В сие критические времена, — писал он, — благородные чувства и правила «Акушинцев» удержали нам Сев. Дагестан и Кубинскую провинцию». ¹⁰⁷ Конечно, Кавказское командование несколько преувеличивало роль Акушинского союза в сохранении спокойствия в Дагестане.

Основной причиной провала попыток зарубежной агентуры как в Акушинском союзе, так и в других владениях было то, что широкие слои горских народов не хотели бороться за чуждые им интересы иранских захватчиков. По словам современника, все горцы «единогласно говорят: «мы, отцы и предки наши испытали персидских шахов, как нарушителей договоров; из них самый великий и могущественный Надир-шах с большими средствами вторгся в Дагестан, но никакого не имел успеха и возвратился, не достигнув цели. Следовательно, и от настоящих персиян ожидать нечего и что мы всего нами приобретенного не упустим из рук»». ¹⁰⁸

Так что все попытки зарубежной агентуры поднять горцев на борьбу против России в 1826 г. позорно провалились. «Дагестан, — доносил в ноябре 1826 г. ген. Ермолов, — не изменил в верности своей в. и. в., и постоянством в поведении, дал полезный пример другим горским народам». ¹⁰⁹ Не взирая на все старания эmissаров ирано-турецких захватчиков, Дагестан оставался спокойным и в 1827 г. «По полученным мною известиям, — писал Паскевич, — Бей-Булат возвратился через крепость Анапу и все меры употребляет поднять... к бунту...». Но «все его старания тщетны. Он явился также к андреевцам, но на третий день был выгнан старшинами их». ¹¹⁰ Такая же участь постигла Бей-Булата и Нух-хана в нагорном Дагестане. Здесь они не нашли никакой поддержки. Из собранной ранее «партии Нух-хана, состоявшей до сего времени из 100 человек», за исключением преданным им лиц, «разбежались; некоторые из них явились к Аслан-хану, прося прощение в сделанных ими преступлениях». ¹¹¹ В связи с этим Нух-хан вынужден оказался бежать в Чечню», дабы оттоль «свободнее пробраться в Турцию». ¹¹² А жители «Сухре... в

106 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 72. Кавказский сборник, т. XXIV, стр. 214.

107 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4295, л. 38.

108 АКАК, т. VI, ч. II, стр. 102.

109 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4290, л. 237.

110 Там же, д. 4329, л. 45.

111 Там же, д. 6230, л. 213.

112 Там же.

аварском ханстве, где, прежде более двух месяцев скрывался... Нух-хан... обещались Аслан-Хану в залог своей верности дать ему аманатов». ¹¹³ Характеризуя положение в северо-восточном Кавказе, в сентябре 1827 г. ген.-адъют. Сипягин дописил: «в Дагестане везде царствует совершенная тишина и спокойствие». ¹¹⁴

Таким образом, несмотря на разнузданную антирусскую пропаганду ирано-турецких эмиссаров в критический момент наступления многочисленной армии Аббаса-Мирзы Дагестан, говоря языком официальных документов, оказался «спокойным». Этим горцы Дагестана оказали неоценимую помощь Кавказской армии. Кроме того горцы Дагестана, как свидетельствует документальный материал, не раз обращались к Кавказскому командованию с изъявлением желания поступить на русскую службу. Учитывая это, по приказу начальника главного штаба было решено учредить особый эскадрон. «При сем случае, писал ген. Паскевич, встретил в племенах горских и кавказских стран вообще бесприкословное желание на вступление в оной эскадрон». ¹¹⁵

В 1827 г. Кавказское командование приняло «в отряд Табасаранской провинции прапорщ. Ибрагима Карчагского с 30 собственными своими лезгинами, добровольно явившихся на службу». ¹¹⁶ Принятые на русскую службу отряды горцев Дагестана вместе с отрядами народов Закавказья: армян, грузин и азербайджанцев принимали активное участие в борьбе против войск Ирана.

Движение русских войск многострадальный армянский и азербайджанский народы оценивали как освобождение от ненавистного персидского ига. Народы, — говорится в официальном донесении, — всюду «встречали (русских — В. Г.) радушно, как освободителей». ¹¹⁷

Летом и осень ютого же 1827 года русские войска заняли Нахичевань, Аббасабад и Эривань. «Нельзя описать восторга жителей, — писал очевидец событий А. С. Грибоедов, — вышедших навстречу победителям и благословлявших не лицемерными приветствиями русского царя, оружием которого исторганы они от столь долгого томления». ¹¹⁸

Жители Эривана армяне и азербайджанцы восторженно встретили русское войско. Современник событий, великий армянский писатель Хачатур Абовян писал: «Ериван почувствовал крылья, когда русское войско в него вступило... Песни, сло-

¹¹³ Там же.

¹¹⁴

¹¹⁵ Там же, д. 4329, л. 23.

¹¹⁶ Там же, лл. 15—16.

¹¹⁷ АКАК, т. VII, док. 512.

¹¹⁸ А. С. Грибоедов Полн. собр. соч., т. III, 1917, стр. 129.

женные в то время, могут во все века свидетельствовать перед миром, что турки (азербайджанцы — В. Г.) и армяне в те дни думали, что сам бог спустился к ним. Сотни разных песен армянских и тюркских распевалось в садах и ущельях Еревана».¹¹⁹

Еще по взятии русскими войсками Нахичевана персы запросили мир на 10 месяцев. Падение же Еревана привело их в ужас. Наиболее дальновидные советовали шаху немедленно подписать мир с Россией, но английские дипломаты и на этот раз сумели щедрыми подраками повлиять на шаха. Англичане заверяли, что скоро турки вступят в войну, а вслед за этим восстанут и мусульмане Кавказа.

Паскевич, убедившись, что персы не собираются просить мир, двинул войска на Тавриз, жители которого, по словам современника, «ропщут на войну и чрезвычайные налоги и с нетерпением ждут прибытия «русских» войск, дабы поступить под российское правление».¹²⁰ Первый министр Ирана Аллаяр-хан пытался принудить тавризцев встать на защиту города, но жители его вышли навстречу русским войскам, «показывая величайшую радость».¹²¹ 13 июля 1827 г. русские войска под командованием ген.-л. кн. Эристова вступили в Тавриз, где, по свидетельству очевидца Гаджи-бека, «были приняты жителями весьма хорошо» и высказывали удивление по поводу того, что войска русских «не делают никаких беспорядков и примерно ведут себя с жителями».¹²²

Успешное продвижение русских войск привело к тому, что Иран стал оказывать «явное неповиновение правительству и все собранные войска не слушают начальников и расходятся по домам».¹²³ Оказавшись в крайне тяжелом положении, Фетали-Шах, «был весьма не доволен и Аббас-Мирзою и англичанами, полагая их причиною начала войны и теперешнего его «положения», потребовал от Аббас-Мирзы, чтобы он решительно просил мира».¹²⁴ Еще в худшем положении находился сам Аббас-Мирза. Потеряв войска и не имея средств даже на мелкие расходы, он вынужден был взять в займы 300 туманов у посланника Англии Макдональда. Аббас-Мирза просил начать переговоры, но ген. Паскевич «отклонил до времени» его просьбу, пока персы не изъявят согласия уплатить России военные издержки.

«Англичане, — доносил Паскевич, — гораздо более персиан соболезнают об участии Аббас-Мирзы; они не скрывают

¹¹⁹ См. З. Г. Григорян. Присоединение восточной Армении к России в начале XIX в. М., 1959, стр. 117—118.

¹²⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4337, л. 5.

¹²¹ АКАК, т. VII, стр. 568.

¹²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4336, л. 7.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

своего опасения, что Азербайджан, по всей справедливости, за нами остается и тогда могущество их истинного союзника в Персии рушится». ¹²⁵

В то же время, стремясь во что бы то ни стало предотвратить крушение Ирана, англичане добивались вступления Турции в войну против России. ¹²⁶

Начатые после вторичной просьбе Аббас-Мирзы переговоры в Дей-Кургане по вине персиан затягивались. «Сие обстоятельство, — доносил Паскевич, — как равно и пребывание персидского посланника в турецких областях и дошедшие сюда сведения, что эmissары персиан стараются возбудить против нас горские народы, заставляют верить, что шах не расположен утверждать предложенные нами условия о мире, а потому старается выиграть время, в надежде видеть возгоревшую войну между нами и Портой и восстание против нас закавказских мухаммедан». ¹²⁷

Даже некоторые сановники Персии признавали, что правящие круги ее преднамеренно затягивали переговоры с Россией. «Мир до того времени не будет заключен, — говорил сардар Гасан-хан, — пока русские не откажутся от получения денег, а более и потому, что персианам в подробности известно об отношении турок к русским, сознаваясь откровенно», что Россия «много потеряла время напрасно». ¹²⁸

Видя такое отношение со стороны Ирана, Кавказское командование вынуждено было прервать переговоры. Паскевич вернулся в свою ставку и возобновил военные действия. Вскоре русские войска заняли: Мораги, Ардебиль, Мили и стали ускоренно продвигаться к столице Персии. «Паскевич двинул войска в направление Тегерана... предводители азербайджанских племен, — признает английский историк Сайкс, — обещали представить ему в помощь 15 тыс. конницы». ¹²⁹

Все это вызвало настоящую панику при дворе шаха. Фетали-шах был настолько напуган, что более не желал ожидать выступления султана, готов был уплатить контрибуцию и обратился к Паскевичу с просьбой приостановить движение войск. Предложенные русским командованием условия, персы поспешно приняли. 10 февраля 1828 г. в местечке Туркманчай был подписан мирный договор, по условиям которого Иран признавал «все земли и все острова, лежащие между пограничной чертой и хребтом Кавказских гор и Каспийским морем, как равно и всех кочующих и других народов, в тех странах обитающих, принадлежащими на вечные времена

¹²⁵ АКАК, т. VII, стр. 571--572.

¹²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6230, л. 25.

¹²⁷ АКАК, т. VII, д. 616.

¹²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6230, л. 46.

¹²⁹ P. Sykes. A History of Persia. L. 1943, VI p. 321.

России... до подошвы Арарата... русской гранью стал Аракс». ¹³⁰

Чтобы не дать повода персам после подписания договора устраивать пограничные инциденты, предъявлять территориальные претензии, в договоре была определена граница с перечислением всех ее пунктов. Договор признавал за Россией исключительное право иметь военный флот на Каспийском море. Это условие, как справедливо замечает М. С. Иванов, «было направлено не столько против самого Ирана, сколько против возможных попыток со стороны Англии и Франции использовать с помощью Ирана Каспийское море для нападения на Россию». ¹³¹

Персия обязывалась в определенные сроки уплатить 10 куруров туманов (20 млн. рублей серебром) для покрытия военных издержек России. По подписанию Туркманчайского договора, английские дипломаты делали все, чтобы сохранить свое влияние на шаский двор. Макдональд даже предложил Паскевичу из своего казначейства миллион рублей серебром с тем, чтобы русские войска немедленно ушли из Тавриза.

Одновременно Англия разжигала антирусские настроения при дворе Фет-Али-шаха. Но несмотря на усилия английской миссии в Тегеране, шах вынужден был считаться с поражением и возместить России издержки войны. Так закончилась русско-персидская война 1826—1828 гг.

Столь успешному завершению объективно освободительной для народов Закавказья войны, в значительной мере содействовала всесторонняя помощь, оказанная народами Кавказа русским войскам. Народы Кавказа, в том числе и Дагестана, как отмечалось выше, оказывали русским войскам всевозможную экономическую, военную и моральную помощь, принимали непосредственное участие в сражениях русских войск. За храбрость и отвагу, проявленную в борьбе с персидскими полчищами немало горцев Дагестана были отмечены наградами. В частности, ордена и офицерские чины были присвоены Али-Султану Мехтулинскому, Байрам-Али Алиханову, Хасаю Уцмиеву, Гаджи-Магомеду Агаеву, Иса Араблинскому, Гасану Магомедову, Муртазали Нурову, Магома-Дауд оглы и многим другим.

За особые заслуги и сохранение верности во время вторжения персов на Кавказ награждены были ген.-лейтенант Шамхал Тарковский орденом Святого Владимира II степени, ген.-м. Аслан-хан Казикумухский — святой Анны I степени.

За сохранение верности при вторжении персиян награж-

¹³⁰ Полный текст Туркманчайского договора см. Договоры России с Востоком. Политические и торговые, собрал и издал Т. Юзифович. СПб, 1869, стр. 215—297.

¹³¹ М. С. Иванов. Указ. соч., стр. 140.

дены были акушинцы и казикумухцы.¹³² В связи с этим главнокомандующий на Кавказе считал необходимым освободить жителей Казикумухского ханства от наложенных на них податей. «Милость будет неизреченная, — писал Паскевич начальнику ген. штаба, — если щедростью августейшего монарха пресечется дань, наложенная на Казикумухский народ, которая вообще нам мало пользует, а им отяготительна».¹³³

Трудно переоценить значение завершившей русско-персидскую войну Туркманчайского договора. Достаточно сказать, что он закрепил присоединенные к России владения Закавказья, упрочил позиции России на Кавказе и создал условия для дальнейшего расширения экономического, политического и культурного влияния России на Сердном Востоке и в Средней Азии. Следует особо подчеркнуть, что русско-персидская война и Туркманчайский мир нанесли удар агрессивным планам британских капиталистов в Закавказье и в Иране и тем поколебали английский престиж на Востоке.¹³⁴ Велико значение Туркманчайского договора и для народов Кавказа. Он положил конец стремлениям Ирана прибрать к своим рукам Кавказ, подтвердил присоединение Дагестана и Азербайджана к России. По условиям Туркманчайского договора была присоединена к России Восточная Армения. Независимо от целей и намерений царизма, включение Закавказья в состав России имело объективно исторически прогрессивное значение. Выдающийся азербайджанский мыслитель, философ-просветитель М.-Ф. Ахундов справедливо считал, что присоединение Азербайджана к России имело огромное прогрессивное значение.¹³⁵

Иначе оценили Туркманчайский договор зарубежные буржуазные историки. Небезизвестный Гурзон, признавая, что Туркманчайский договор нанес сильный удар по престижу Англии на Востоке, утверждал, что «после этого Азербайджан всегда лежал под холодной тенью северного колосса».¹³⁶

Не успели заглухнуть орудийные залпы в Закавказье, как в апреле 1828 года началась новая, русско-турецкая война. Еще до начала ее в 1827 году султан турецкий, возлагая большие надежды на войну с Россией, издал Хати-Шириф, который призывал «против одних русских все народы магометанские к войне истребительной». Он открыто заявлял, что Турция никогда не имела прямого дружества к России, что самою

¹³² ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 1707, л. 2—3; ф. 2, д. 1997, л. 14; АКАК, т. VII, стр. 505—506.

¹³³ АКАК, т. VII, стр. 505.

¹³⁴ С. В. Шестаков. Указ. соч., стр. 157.

¹³⁵ М. Ф. Ахундов. Философско-политические произведения. Баку. 1940, стр. 6—7.

¹³⁶ Н. G. Gurson. *Pussia and the Persian question*. L. 1892, V т., р. 42.

конвенцию в Аккермане утвердила она единственно для того, дабы сокрыть военные приготовления свои». ¹³⁷

Для ведения антирусской подрывной деятельности на Кавказ были посланы эмиссары Турции. Пробравшиеся в Дагестан агенты Порты привезли письма султана «старшинам и народу..., писанные в намерении взбунтовать их против «России», с обещанием «притом больших наград, ежели они исполнят его желание». ¹³⁸

В это же время в Аварию прибыл чеченец Бей-Булат. Он уговаривал аварцев «восстать против русских, объявляя их фирман Оттоманской Порты, в коем написано, что знамя великого их пророка Магомета им вынесено и что ислаимзм требует от каждого правоверного магометанина жертвовать собою за честь религии и твердость престола его, служащего основанием закона». ¹³⁹ Эмиссары Турции орудовали и в других владениях Дагестана ¹⁴⁰ и Чечни, Кабарде, Осетии и др. Прибывшие в Чечню «турецкие агенты, — доносил ген. Емануель, — употребляют всемерное поднять народ сей против нас; ...сии агенты, имея с собою и знамя пророка Магомета, предлагали им устремиться сперва на мирные аулы.. и присоединив их к себе, хотели принудить совокупными силами действовать против нас». ¹⁴¹

В широко распространенном в Дагестане и Чечне воззвании, Сераскир Эрзарумский призывал аварцев, джаробелоканцев, чеченцев и др. восстать против России. «Вы являетесь партиями искренних мусульман, которые стойко держатся учения сунитов..., которые известны исполнением закона ислама, священной войной, газаватом и храбростью. Вы для этого исламского государства охранители вашей веры, повинующиеся и покорные. Истинно это великое государство намерено в этом году истребить неверных и многобожников», изгнать их из всех мусульманских государств. Поэтому и вам надлежит выступить всем для истребления многобожников и бороться против них... Убивайте их везде, где бы вы ни настигнули их». ¹⁴²

Однако желаемого турки так и не достигли. Широкие народные массы, за исключением внука Сурхай-хана Магомет-хана, Кирхляр-Кули-хана и других, находившихся с Россией в неприязненных отношениях представителей феодально-клерикальных верхов, не откликнулись на призывы турок. Но вскоре даже те феодалы, которые готовы были восстать, не получив поддержки народных масс, вынуждены были оста-

¹³⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4643, л. 31.

¹³⁸ Там же, д. 6230, л. 68.

¹³⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, д. 53, л. 2.

¹⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6230, л. 78—79.

¹⁴¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 58, л. 24.

¹⁴² Там же, л. 168.

бить свои затеи. Внук Сурхай-хана с группой в 30 человек бежал через Кахетию в Ахалцых.¹⁴³ Кирхлар не нашел «никаких сообщников... «Нагорные табасаранцы, — писал Паскевич, — по обычаю свято соблюдаемому у горцев, хотя не выдали убежавшего к ним сего бека, но... предложили ему или явиться к нам или немедленно оставить их землю... Кирхляр-Кули-бек, отчаявшись где-либо в горах найти убежище, со всем своим семейством явился к ген.-м. Граббе, передал участь свою милосердию е. и. в.»¹⁴⁴ А верхние табасаранцы, «дабы впредь никто не надеялся на вспомоществование их против русских» 22 января 1829 г. дали присягу на верноподданство России и обещали не принимать к себе никого из выступавших против русского правительства. И если бы кто «из них явится между ними, то силою изгнать его или выдать Российскому начальству».¹⁴⁵

В том же 1829 г. на верность России дали присягу жители 26-ти аварских так называемых «вольных» обществ: Ансалтинского, Тиндинского, Дородинского, Мурадинского, Чохского, Карадинского и др.¹⁴⁶

Несмотря на разнузданную антирусскую пропаганду турецких эмиссаров и их подручных феодально-клерикальных верхов, по словам ген. Сипягина в нагорном Дагестан было «совершенно спокойно».¹⁴⁷ По полученным с мест достоверным сведениям, ген. Паскевич сообщал, что «во всем Дагестане царствует полное спокойствие, включая и Қойсубуланских обществ».¹⁴⁸

Действие эмиссаров Турции, сообщает Бекович-Черкасский, «не произвело никакого влияния на горцев и они остались покойными».¹⁴⁹ Организованное в Чечне эмиссарами Турции «сборище, — свидетельствует ген. Емануель, — не имело успеха. Сборище оное разошлось и Чечня поныне осталась спокойной, как и вся Кабарда также дигорские народы... вполне сохранили оное тоже и ногойцы остались нам верными».¹⁵⁰

Приведенные нами факты неопровержимо доказывают, что попытки Турции поднять мусульманские народы Кавказа против России позорно провалились. Мало того, народы Северо-восточного Кавказа изъявляли желание участвовать в войне против Турции.

Когда началась русско-турецкая война ген. Паскевич писал: «мухаммедане всех областей нам принадлежащих, про-

¹⁴³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 11, д. 58, л. 12.

¹⁴⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6233, л. 36—37.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6233, л. 36—37.

¹⁴⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, д. 2071, лл. 103, 104, 105.

¹⁴⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6230, л. 78.

¹⁴⁸ Там же, д. 4329, л. 299.

¹⁴⁹ Там же, д. 6230, л. 79.

¹⁵⁰ ЦГИА Гр. ССР, ф. 11, д. 58, л. 24.

сили убедительно позволения к предстоящей кампании составить ополчение гораздо значительнейшее, дабы разделять подвиги храбрых войск наших и соревнование сие распространилось даже на джарских и белоканских лезгин, которые также просили позволения выставить от себя отобранных воинов». ¹⁵¹

Наряду с представителями других народов, на русскую службу были приняты и горцы Дагестана. Укомплектованные из них отряды в официальных документах именовались «лезгинской конницей», ¹⁵¹ а соединения, составленные из отрядов азербайджанцев, дагестанцев и др. народов северо-восточного Кавказа «мусульманскими полками». Следует, однако, подчеркнуть, что на русскую службу было принято гораздо меньшее число горцев, чем обращалось к Кавказскому командованию. Ограничение в приеме горцев на воинскую службу русское правительство объясняло тем, что содержание горских отрядов обходилось дороже, чем русских солдат. ¹⁵³ Как бы то ни было, сам факт принятия горцев Дагестана на военную службу весьма примечателен.

С самого начала русско-турецкой войны Оттоманская Порта неоднократно обращалась к правящим кругам Персии об оказании военной помощи против России. «Турецкий султан, — писал 10 июля 1827 г. Паскевич к гр. Нессельроде, — в письме к персидскому шаху просил вспомогательного войска». На эту просьбу шах отвечал, что когда Персия находилась в затруднительном положении, турки «оставались равнодушными зрителями». ¹⁵⁴ Тем не менее шах обещал «ходатайствовать за турок у императора Российского, через своего посланника, которого вскоре намерен отправить». ¹⁵⁵

Весьма активна в это время была и деятельность англичан при дворе шаха. По-прежнему Англия снабжала Иран вооружением. «Англичане, — свидетельствует посланник Мозарович, — посылают в подарок персианам 5 тыс. ружей и 7 пушек», а английские офицеры обучали куртинскую конницу. Так что, — англичане «имеют обсервационный кордон от Тавриза до Бендер-Бушира, вероятно, чтобы держать весь Курдистан в готовности всегда служить их видам». ¹⁵⁶ Помощь и поддержка Англии возымели свое действие. Пользуясь занятостью России войной с Турцией, шах Персии стал лелеять мечту захвата признанных по Туркманчайскому договору за Россией территорий Кавказа. Шах даже приказал Аббас-Мирзе «напасть на пограничные... области» России. Одновре-

¹⁵¹ АКАК, т. VII, стр. 326.

¹⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6235, л. 19.

¹⁵³ Там же, лл. 2—3, 19—20.

¹⁵⁴ АКАК, т. VII, стр. 635.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же, стр. 702.

менно усилились сношения Ирана и Турции. Порта, предлагая «персианам деньги и оружие», просила оказать ей помощь. В своем ответе правительство шаха извещало, «что собираются в Мораге войска, чтобы сделать сильную диверсию в пользу турок».¹⁵⁷

Русское правительство делало все, чтобы избежать войны с Персией. Этим и объяснялось то, что Россия не придала организованному не без влияния извне сановниками шахского двора разгрому русской миссии в Тегеране и зверскому убийству А. С. Грибоедова характер политической акции. И не предприняла в связи с этим решительных мер против Ирана.¹⁵⁸

Военные действия между Россией и Турцией происходили одновременно на Балканах и в Закавказье. В 1828 г. на Балканах русские войска в силу ряда причин достигли лишь незначительных стратегических успехов, а в Закавказье победы отдельного Кавказского корпуса были внушительны. 1828 г. русские войска освободили Анапу, Поты, заняли Карс, Ахлакалаки, Ахалцых, а в следующем 1829 г. овладели Эрзерумом и подошли к Трапезунду. Вместе с русскими войсками в войне против турок принимали участие укомплектованные из жителей восточного Кавказа мусульманские полки. «И я, — писал главнокомандующий на Кавказе, — был к ним признателен за их усердие, к которому они и теперь стремятся».¹⁵⁹

Характеризуя деятельность мусульманских полков, в апреле 1829 г. ген. Паскевич писал: «В продолжении кампании 1828 г. против турок, конное ополчение мусульманских наших провинций... служило весьма усердно и во многих случаях, был в подкрепляемо регулярною конницею и артиллериею, было полезно. Таковую ревность к службе мухаммедан наших в войне против их единоверцев я старался усугубить изустными моими одобрениями и наградами, кои я имел счастье исхотайствовать у е. и. в. для тех из них, которые наиболее отличились».¹⁶⁰ Очень высокую соценку мусульманским полкам дал ген.-фельдмаршал Паскевич в своем рапорте от 25 июля 1829 г.: «Во всех сражениях они дерутся с отменной храбростью, — писал он, — в атаках бывают впереди, мужественно и твердо бросаясь на неприятельскую пехоту и большая часть знамен, пушек и пленных отбиты ими».¹⁶¹

О доблести и храбрости мусульманских полков высоко отзывались и другие современники. Описывая одно из сраже-

¹⁵⁷ АКАК, т. VII, стр. 703.

¹⁵⁸ Подробно о разгроме русской миссии и убийстве А. С. Грибоедова см. См. С. В. Шостакович. Указ. соч., стр. 209—274.

¹⁵⁹ Там же, стр. 325.

¹⁶⁰ Там же, стр. 326.

¹⁶¹ Утверждение владычества русских на Кавказе. т. IV, ч. II, стр. 302,

ний с турками А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзарум» отмечал: «первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою».¹⁶²

«Надо видеть сии полки в сражении, — писал П. Зубов, — чтобы судить о них — это молния, это огонь раздраженного бога, упавший вдруг с неба в середину неприятелей и рассыпавший смерть и ужас, и до сего времени с восторгом вспоминая чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками мусульманскими».¹⁶³

За воинские успехи, отличия, отвагу и храбрость в войне с турками Кавказское командование наградило конно-мусульманские полки «и разного звания лица из азиатцев».¹⁶⁴ Среди них, как это видно из дошедших до нас списков награжденных, было немало горцев Дагестана.¹⁶⁵

В кампании 1829 г. на Балканах русские войска одержали ряд блестящих побед над турками, взяли Адрианополь. Известие о поражении «произвело в Константинополе всеобщий страх: везде говорили, что армия турецкая потеряла 35 тыс. человек, и вся артиллерия и весь лагерь достались победителям».¹⁶⁶ Русская армия стала угрожать турецкой столице. Это вызвало настоящую панику при дворе султана и сильно встревожило реакционные круги Англии, Франции и Австрии.

Турки запросили мир. Переговоры, начатые в русской ставке Адрианополя, завершились подписанием мирного договора. Адрианопольский мирный договор, состоявший из 16 статей, укрепил за Россией устье Дуная, расширил автономию Молдавии, Валахии и Сербии. Они теперь имели право избирать господарей, иметь войско. За Турцией оставалось лишь право взимания с указанных княжеств дани. По статье 4 Турция признавала за Россией Грузию и другие области Кавказа, с «давних уже лет присоединенные на вечные времена к Российской империи», а также уступленные ей Персией по Туркманчайскому договору ханства Эриванское и Нахичеванское, «равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до присатни св. Николая включительно, пребудут в вечном владении Российской империи...» Россия возвращала султану часть Ахалцыхского пашалыка, города Карс, Боязет, Эрзрум, Ахалцых, кр. Ахал-Калаки.

Таким образом, согласно условиям Адрианопольского договора было завершено присоединение к России основной территории Черноморского побережья Кавказа. Изгнание турок из Анапы, Поти и Ахалцыха означало для Порты потерю

¹⁶² А. С. Пушкин. Соч., т. IV, М., -Л., 1932, стр. 769.

¹⁶³ П. Зубов. Шесть писем о Грузии и Кавказе, т. IV, ч. II, стр. 302.

¹⁶⁴ ЦГИА Груз. ССР. ф. 16, д. 4166, л. 4.

¹⁶⁵ Там же, лл. 37—38, 41 и др.

¹⁶⁶ С. Петербургские ведомости, 1829, № 69.

важного в стратегическом отношении плацдарма. «Это,— как справедливо отмечает А. В. Фадеев, — не только пресекало ее экспансию в этом направлении, но и подрывало ее экономическое и политическое влияние среди горцев северо-западного Кавказа. Резко сократилась процветавшая здесь ранее и поощрявшаяся анапскими пашами работоторговля...»¹⁶⁷ Адрианопольский договор, как и следовало ожидать, соперничавшие с Россией западноевропейские государства и прежде всего Англия встретили враждебно.

Правящие круги Великобритании, считая, что Россия подписанием Адрианопольского мира нанесла «оскорбление Англии», с нескрываемой враждебностью заявила протест России.¹⁶⁸ Однако, ни провокационные действия Англии, ни заботы Австрии о судьбе Турции не в состоянии оказались ревизовать статьи мирного трактата. В конечном счете Адрианопольский мирный договор остался в силе.¹⁶⁹

Из всего вышесказанного видно, что вопреки утверждениям английских фальсификаторов истории, не обороной заморских колоний от вторжений России и, тем более, не намерением покровительствовать и защищать малые народы, определялась политика Англии на Ближнем Востоке и Кавказе, а стремлении агрессории к расширению колониальной экспансии.

¹⁶⁷ А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века, стр. 349—350.

¹⁶⁸ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955, стр. 22.

¹⁶⁹ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в., стр. 238.

СИСТЕМА КОМПОЗИЦИЙ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ДАГЕСТАНА

Специфическая особенность общественно-экономического и политического строя народов Дагестана, выражавшаяся в сохранении многих форм дофеодальных отношений, во многом обусловила ошибочную оценку уровня социально-экономического развития дагестанских народов в дореволюционной историографии.

Многие исследователи общественного строя, и в первую очередь такой крупный исследователь как М. М. Ковалевский, не замечая пережиточность различных институтов и норм дофеодальной формации, преувеличивали их значение в общественной жизни дагестанских народов и в соответствии с этим полагали, что в XIX в. в Дагестане господствовали отношения характерные для родового строя.

«Пережиточность родовых форм и отношений, их классовую окрашенность, — подчеркивает М. О. Косвен, — Ковалевский либо вообще не замечал, либо не считал необходимым хотя бы фиксировать и тем самым совершил грубую исследовательскую ошибку».¹

В числе внешних форм патриархально-родового строя, привлекавших внимание дореволюционных исследователей и можно сказать во многом предопределивших их выводы об уровне социального развития народов Дагестана, следует отнести нормы обычного права, получившие в литературе название адатов.

Уровень развития правовых воззрений народов Дагестана, как об этом убедительно свидетельствуют памятники права XVI—XVII вв., указывает на то, что уже в этот период формирование права дагестанских народов происходило в условиях становления и укрепления феодального строя. В обычном праве Дагестана находят отчетливое выражение понятия умысла и неосторожности, различаются понятия пособничества, стадий преступления, учитываются смягчающие и отягчающие вину обстоятельства и т. д.

¹ М. О. Косвен, М. М. Ковалевский как этнограф-кавказовед. Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 236.

Стремясь согласовать этот факт со своей концепцией о господстве родового строя в Дагестане в XIX в., М. М. Ковалевский высказал мнение о заимствовании уголовно-правовых понятий обычного права из системы мусульманского права — шариата.

Не отрицая известного влияния шариата на формирование местного обычного права, мы не можем принять этой точки зрения, так как она, по существу, отвергает самостоятельное развитие правовой мысли у народов на основе сходства отдельных правовых норм и институтов с нормами и институтами, существующими в других системах права.

Убедительным свидетельством несостоятельности мнения М. М. Ковалевского об уровне правового развития дагестанских народов является также и система наказаний в обычном праве Дагестана.

Освещение этого вопроса, специально не затронутого в историко-правовой литературе, представляется актуальным и необходимым для всесторонней характеристики уровня правового развития дагестанских народов.

В силу специфических особенностей социально-экономического и политического строя Дагестана, здесь не возникли такие виды уголовного наказания как лишение свободы, казнь, телесные и позорящие наказания.

Формой общественного наказания за причиненный ущерб имуществу или личности вплоть до введения русского уголовного законодательства оставались имущественные платежи.

Эта форма наказания, получившая название системы композиций, характерна для всех народов Дагестана, но в силу особенностей и различного уровня социально-экономического развития дагестанских народов и обусловленного этим обстоятельством правового партикуляризма, она имеет характерные черты для отдельных дагестанских народов.

Система композиций, возмещение вреда за причиненный ущерб, возникла в период разложения первобытно-общинного строя. Кровная месть, первоначально не имевшая каких-либо ограничений, уступила месту талиону — эквивалентного возмездия по принципу «око за око, зуб за зуб», а позднее взысканием в пользу потерпевшего или его родственников. Размер взыскания устанавливался по договоренности сторон, а затем регулировался обычаями.

Сохранившись как пережиток первобытно-общинного строя в классовом обществе, система композиций закрепляется в правовых актах и в применении ее отчетливо проводится классовый принцип, при котором размер возмещения вреда ставится в зависимость от социальной принадлежности потерпевшего.

Система композиций, существовавшая у народов Дагестана, устанавливала размер взыскания с учетом социального

положения потерпевшего и преступника, а также в соответствии с обстоятельствами, характеризующими объективную и субъективную сторону преступления.

Основное место в системе композиций народов Дагестана принадлежало имущественным платежам за убийство, при условии, если потерпевшая сторона отказывалась от кровной мести, соглашаясь примириться за определенное материальное вознаграждение.

Здесь следует подчеркнуть, что, несмотря на стремление господствующего класса в целях повышенной охраны своей жизни и телесной неприкосновенности, полностью исключить кровную месть со стороны крестьян и других представителей, зависимых сословий в отношении представителей социальных верхов, добиться установления такого правового принципа не удалось. Вместе с тем господствующий класс приобрел существенные льготы в применении кровной мести, прибегая к ней всякий раз, когда речь шла о мести в отношении рядовых членов общества и устанавливая под угрозой террора, пользуясь кулачным правом, запрет мщения в отношении представителей социальных верхов, откупавшихся за убийство имущественными платежами.

Обычай кровной мести, существовавший в виде правила равного возмездия за причиненный ущерб по принципу «око за око, зуб за зуб» долгое время сохранялся и в классовом обществе, однако в новых условиях обычай кровной мести приобретает юридическое значение. Месть из нормы бытовой с появлением частной собственности на скот, землю и рабов становится правовым обычаем и в качестве такового пережиточно сохраняется у различных народов в течение весьма длительного исторического периода. У народов Дагестана институт кровной мести не был изжит вплоть до установления Советской власти и в XIX в. еще имел весьма значительное распространение, хотя характер его применения претерпел значительные изменения. Уже в памятниках XVI нач. XVII вв. — кодексе Умму-хана Аварского, Постановлениях кайтагского уцмийа Рустем-хана, судебнике Гидатлинского союза «вольных» обществ кровная месть регулируется определенными юридическими нормами. Месть в этих памятниках не была запрещена, но вместе с тем для признания ее правомерности необходимо было соблюдение ряда условий. С развитием феодальных отношений основные принципы феодального права требовали отмены кровной мести, так как допущение кровной мести в отношении любого члена общества не отвечало задачам усиленной правовой охраны жизни, здоровья и имущества привилегированных лиц по сравнению с охраной жизни, здоровья и имущества другого свободного человека, а тем более феодально зависимого крестьянства. Кровная месть в какой то мере суживала объем феодальной безнаказанности.

С укреплением политической власти феодалов принимают-ся определенные меры для ограничения кровной мести и утверждения ее альтернативы — уголовных выкупов за деяния, вызывавшие право мести, что было выгодно имущим классам. Такая система наказания за убийство выражала неравноправное имущественное и социальное положение членов общества.

Система уголовных выкупов, взамен обязательной фамильной мести, возникла в Дагестане, как об этом свидетельствуют материалы обычного права, значительно ранее XIX века. В ряде норм, принятых в XVI—нач. XVII вв., в сельских общинах Дагестана, устанавливается имущественный штраф за принятие выкупа и примирение с убийцей, что само по себе не оставляет сомнений, в участившейся практике примирения с убийцей за имущественное возмещение.

В упоминавшихся ранее правовых памятниках XVI—XVII вв. заметно прослеживается постепенное вытеснение кровной мести выкупами, а также сокращение круга лиц, имеющих право на осуществление кровной мести. В Гидатлинских адатах правом мести обладали лица, которые согласно шариату являлись наследниками убитого.

В основных чертах правила применения кровной мести сводились к следующему. Немедленно после совершения убийства убийца объявлялся кровником-канлы и обязан был покинуть аул. Нередко в зависимости от тяжести содеянного назначались в изгнание вместе с убийцей его ближайшие родственники (от 1 до 6). Через некоторое время, от 6 дней до года, изгнанные родственники, называемые мал-канлы, в отличие от главного виновника баш-канлы, искали примирения с родственниками убитого и вносили им определенный выкуп (алум) деньгами или вещами. Вносился также штраф в пользу сельского общества. После примирения можно было мстить только главному виновнику — самому убийце,

По истечении довольно продолжительного времени, не менее года, родственники канлы с помощью посредников старались за особое вознаграждение — дият — добиться прощения убийце у родственников убитого. С момента уплаты дията канлы уже мог возвратиться в свой аул.

Описанные правила имели немалое количество особенностей. Почти во всех местностях различались величина алума, штрафа и дията, сроки примирения, в некоторых местах не применялся алум, в других не было штрафа в пользу общества и т. д.

Кровник, покинувший свой аул, поселялся где-либо по соседству. По дагестанским адатам считалось крайне предосудительным отказывать канлы в убежище. Почти повсеместно действовали специальные адаты, обязывающие принимать

канлы, а также карающие за содействие в его преследовании.

В правовых памятниках XVI—XVII вв. достаточно ярко видна эволюция кровной мести. Принцип талиона «око за око, зуб за зуб», заметно вытеснялся выкупом, аналогичным русской вире. Неоднократно встречающееся в «Постановлениях» Рустем-хана изгнание семи канлы первоначально допускало месть в отношении любого из них. В результате распада кровно-родственного коллектива на меньшие группы родственников и ослабления родственной солидарности, на первый план выдвигается ответственность непосредственно виновного лица-канлы, которого разрешалось убить, а остальные родственники, по существу, несли лишь ответственность материальную. Впоследствии родственники канлы не покидали аул, но до примирения избегали встречи с родственниками убитого.

Наряду с ограничением права мщения кругом ближайших родственников сужается также сфера применения кровной мести. Многие обиды личные и имущественные, вызывающие обязательное применение кровной мести, разрешаются возмещением ущерба потерпевшей стороне.

Система композиций, возникшая в стадии разложения родоплеменного строя, пережиточно сохраняется и при феодальных отношениях, однако в условиях ее применения проводится принцип права-привилегии. Постепенное изменение правил кровной мести проходило в направлении узаконения неодинакового подхода к охране жизни в зависимости от имущественного и социального положения личности. А. В. Комаров по этому вопросу писал «Кровомщение допускается между лицами одного сословия. На этом основании бек, убивший издены незначительного рода (тухума), подвергается только изгнанию на короткий срок (три месяца), по истечении которого родственники убитого обязаны за определенное вознаграждение с ним примириться без соблюдения обрядов, установленных адатом для примирения. За убийство раба виновный обязан только уплатить владельцу высшую плату, какая полагается при оценке рабов. Раб, убивший узденя или бека, не подвергается кровомщению, за него выходит в канлы его владелец, если не освободит его».²

В адатах Кайтаго-Табасаранского округа правила по кровной мести применялись в зависимости от принадлежности убийцы к слабому и сильному тухуму.

1. Если убит член слабого тухума представителем сильного тухума, то за кровь платилось имуществом на сумму 600 руб.;

² А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. I, 1868, стр. 24.

2. Если убит член сильного тухума представителем слабого тухума, то убийца обязан был, взяв за руки своих детей и жену выйти из дому, оставив весь дом со всею домашней утварью родственникам убитого, даже в случае превышения суммы имущества вдвое более цены крови (600 руб.).

Кроме того, он принимал присягу в том, что у него нет никакого другого имущества.

3. Если убийца бедного состояния, а родственники не могли или не хотели ему оказать помощь в уплате цены за кровь, убийца оставался кровником до самой смерти.³

В статье «О последствиях убийств и поранений между горцами Восточного Кавказа» приводится лично автору известный факт, когда один кайтагец вместе с сыном своим убил в разное время 18 одноаульцев, но, опираясь на силу своих родственников, оставался ненаказанным и был задержан только в 1861 году с открытием Окружного управления.⁴

Различная цена крови за убийство устанавливалась в зависимости и от принадлежности убийцы к сильному или слабому сельскому обществу. В Ахтынском «вольном» обществе, где Ахтынское общество держало в своей зависимости 11 селений, входивших в союз, за кровь убитого ахтынца жители подчиненных селений платили 600 голов овец, а ахтынцы за убийство выплачивали только половину этого числа овец.⁵

В условиях, когда вследствие слабости органов власти, нарушенное право восстанавливалось самоуправством личности и его тухума и нередко даже решение суда осуществлялось в результате принуждения со стороны тухума, добившегося удовлетворения своих претензий, право на кровную месть и размер имущественной компенсации взамен кровной мести чаще всего зависели от принадлежности к слабому или сильному тухуму. «...скорые и действительные меры,— писал Руновский,— могли быть употреблены только против такого убийцы, который не имел никакого значения. С убийцей же богатым и сильным дело кончалось по большей части мирною, и нередко на тех условиях, какие считал достаточными сильный противник».⁶

В основе порядков осуществления кровомщения, писал он далее, лежало то же своеволие и тот же гнет сильного над слабым.⁷

Имеющий право на кровную месть обладал полным правом, минуя суд и местные органы власти, искать самоудовлетворения за кровь. Такой порядок неизбежно ставил раз-

³ Адаты южно-дагестанских обществ. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VIII, 1875, стр. 21.

⁴ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, 1875, стр. 1.

⁵ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. ФАН СССР, д. 2493, лл. 2, 14.

⁶ АКАК, т. 12, 1904, стр. 1428.

⁷ Там же.

мер и характер возмездия в зависимости от силы мстителя, что обеспечивало явное превосходство привилегированных и богатых тухумов. Лицо, принадлежавшее к слабому тухуму, фактически не могло добиться удовлетворения своих претензий, в то время как представитель сильной фамилии принуждал к уплате значительной имущественной компенсации, если по каким либо причинам не осуществлял акта кровной мести.

Компенсация, которая полагалась представителям привилегированной горской знати, включала не только возмещение действительного или мнимого ущерба, но и штраф за соответствующее правонарушение. Причем размеры штрафа были чрезвычайно обременительны. «Непосильный выкуп за кровь знатного, — писал проф. А. М. Ладыженский, — становился рентой, переходившей из поколения в поколение».⁸ Размер выкупа за кровь, устанавливаемый в зависимости от социальной принадлежности убитого и убийцы, у народов Дагестана был неодинаков. Имущественные платежи за убийство определялись обычаем, а величина их у дагестанских народов была различной в силу присущего обычному праву Дагестана партикуляризма.

В сборнике Гидатлинских адатов выкуп составлял 30 коров. Такие же значительные выкупы определены были и в других памятниках XVI—XVII вв. Во всех памятниках этого периода убийство раба не вызывало кровной мести. Хозяин раба получал компенсацию в установленном размере, после чего убийца примирялся с владельцем раба и родственниками убитого. Согласно кодексу Умма-хапа Аварского, если раб был убийцей узденя, то с владельца раба взыскивался имущественный выкуп и раб изгонялся на три года в канлы.

Хотя раб не пользовался никакими личными или имущественными правами, за его убийство с развитием феодальных отношений повышается ответственность, так как оно рассматривается в качестве обиды, нанесенной владельцу раба.

В Гидатлинском союзе «вольных» обществ в XIX в., в отличие от ранее действовавших порядков, убийца раба подвергался имущественному взысканию, а также изгонялся в канлы. Таким образом, хотя размер выкупа за кровь свободного и раба был одинаковым существенное различие заключается в том, что убийца раба подлежал мести не со стороны родственников раба, а со стороны хозяина раба, и соответственно право на выкуп также принадлежало хозяину, а не семье или родственникам убитого раба. В памятниках XVI—XVII вв. размер выкупа за убийство еще не дифференцируется в зависимости от социального положения личности. Возможно, что на

⁸ А. М. Ладыженский. Формы перехода от первобытно общинного строя к классовому обществу (по материалам Сев. Кавказа)). Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1961, № 2, стр. 110.

практике размеры имущественных платежей и были различны, но правовые привилегии в системе композиций, зафиксированной в этих памятниках, еще не сложились.

Развитие принципов феодального права — привилегии по делам кровомщения, определявших различные меры в защите жизни в зависимости от социальной принадлежности, в конечном итоге должно было привести к полному запрету кровной мести в отношении привилегированных лиц. Результатом этого процесса явилось, например, то, что в Ругудже и Согратле сознавшийся в убийстве признавался виновным только в том случае, если был равного происхождения и имущественного положения с убитым.⁹

В Андийском наибстве по совершении убийства родственники убитого нападали на дом убийцы и разрушали его, а также грабили его имущество в течение трех дней. После этого родственники убийцы отдавали через посредников одного быка и саван для примирения с родственниками убитого. С этого времени убийца становился кровником. По разрушению дома убийцы семейство его не имело права возводить новый дом без разрешения родственников убитого. Срок для кровомщения не определялся, он полностью зависел от согласия потерпевшей стороны.

Однако в этих суровых правилах были существенные исключения для привилегированных слоев. Если кто-либо из узденей хорошей фамилии убил человека зависимого сословия, например, раба, то убийца оставался кровником в продолжении трех лет и платил родственникам убитого 30 руб. по истечении срока в знак примирения.

Если бы случилось, что в драке между несколькими лицами был кто-либо убит, то кровником признавался тот, на кого указывали родственники убитого. Однако, в случае, если кто-либо заявлял о том, что убил он, а не лицо, указанное родственниками, кровником становился признавшийся, если он по происхождению равен убитому.

Бек-убийца, происходящий из прямой ханской фамилии, т. е. сын или брат казикумухского хана не удалялся как кровник из своего места жительства и не подвергался мщению родственников убитого. За примирение с родственниками убитого, убийца лишь уплачивал определенную сумму за кровь.

Убийца из дальних родственников хана удалялся в качестве кровника на 40 дней, после чего, уплатив за кровь, примирялся с родственниками убитого.¹⁰

Убийца холопа фактически также не подвергался мести, он

⁹ Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1594 и д. 54.

¹⁰ Ленинградское отд. архива АН СССР, ф. 103, д. 334, л. 8.

выплачивал после 40 дней выхода в канлы цену крови хозяину холопа.

В то же время убийца бека или узденя удалялся из аула как кровник, и выплачивал крупную сумму за кровь (250 руб.) и штраф (30 руб.).

В феодальных районах южного Дагестана, отмечал Б. Далгат, бек-убийца не бека не объявлялся канлы, он лишь для вида выезжал из аула на 3 месяца, а затем возвращался домой, и, родственники убитого обязаны были с ним примириться без соблюдения адатных примирительных обрядов.¹¹

Различная величина композиций за кровь устанавливалась в Дагестане не только в зависимости от сословной принадлежности. Жизнь представителей сельской администрации охранялась значительно сильнее, чем жизнь рядовых общинников, что нашло свое отражение и в величине имущественных платежей за убийство.

За убийство кадия из сел. Урахы Даргинского округа избиралось семь кровников из участвовавших в убийстве; если убийца был один, шесть кровников назначалось из его родственников. С них взыскивалось 7 алумов и штраф — восемь быков. Семь домов канлы или их родственников разорялись до основания.¹²

Двойной алум и штраф восемь быков взыскивались с убийцы сельского судьи.¹³

В Акушинском обществе за убийство мангуша, алум и штраф взыскивались вчетверо: за убийство тургака — вдвое.

Особенно ярко выражалась феодальная трансформация института кровной мести у кумыков, находившихся на более высокой ступени развития феодализма, чем горские народы Дагестана. Обычное право кумыков, сложившееся в обществе, где процесс классовой дифференциации подходил к завершению, в полной мере выражало принципы феодального права-привилегии. В нем открыто провозглашалось формальное неравенство, что нашло свое отчетливое отражение и в нормах, регулирующих кровную месть.

Несмотря на стремление кумыкских феодалов к полной замене кровной мести, достигнуть этой цели не удалось. За совершение ряда тяжких преступлений действовал альтернативный принцип ответственности: применялась частная месть или принятие выкупа с рода виновного за согласие потерпевшего рода примириться и не преследовать виновного.

В каждом конкретном случае выбор одной из мер наказания зависел от социального положения субъекта преступления с одной стороны и пострадавшего — с другой, а также ря-

¹¹ Рукоп. фонд. Института ИЯЛ Даг. филнала АН СССР, д. 1594, л. д. 54.

¹² Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII, стр. 86.

¹³ Там же.

да других обстоятельств. «Человеку бедному, не имеющему большого родства, которое бы могло ему помочь, — писал А. В. Комаров, — трудно выхлопотать прощение от богатых и сильных родственников убитого, тогда как убийца, богатый и сильный родством и покровительством важного лица, иногда отказывается примириться с бедными родственниками убитого им».¹⁴

Указывая на борьбу демократических и аристократических начал в обычном праве кумыков, Н. С. Семенов отмечал, что князь легально стал безответственным за некоторые правонарушения, как в силу своего превосходства над другими, так и по положению главы административной власти.¹⁵

Если князь убивал своего узденя, то дело заканчивалось тем, что князь уплачивал родственникам убитого некоторую сумму денег или жаловал земель.¹⁶ В случае убийства князем какого-нибудь узденя, он не становился кровником родственников убитого, а в качестве такового отправлял в изгнание сроком на один год одного из своих узденей.

Однако за убийство почетного узденя из богатого тухума бек изгонялся из аула на три месяца как кровный враг, а если дело заканчивалось примирением, он обязан был подарить родственникам убитого кутан, пастбищную гору и т. д., а также оказывать им покровительство и помощь. За убийство же узденя из бедного и малочисленного тухума бек после трехмесячного изгнания дарил за примирение тухуму убитого лошадь, оружие, на платье жене убитого и детям.¹⁷

По мере укрепления феодальной власти жизнь кумыкских князей охраняется еще более строгими карами. В конце XVIII—нач. XIX вв. уздень вообще не имел права на месть в отношении князя, а если такое убийство или ранение случайно произошло, то он нигде не мог найти себе безопасного пристанища. Только шамхал Тарковский мог ему оказать покровительство. В зависимости от того, сочтет ли шамхал узденя виновным или нет, он мог убить его или, прибыв на место убийства, заставить род убитого князя помириться.¹⁸

В Засулакской Кумыкии в случае убийства князя кем-либо из свободных сословий, родственники убитого князя, вместе со своими узденями нападали на дом убийцы — убивали все его семейство, отбирали имущество и сжигали дом.¹⁹

¹⁴ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I, Тифлис, 1868, стр. 33—34.

¹⁵ Н. С. Семенов. Указ. соч., стр. 274—275.

¹⁶ Там же, стр. 279.

¹⁷ Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского ЦГИА Гр. ССР, ф. 1087, оп. I, д. 272, л. 18.

¹⁸ Манай Алибеков. Адаты кумыков. Махачкала, 1927, стр. 13.

¹⁹ Ленинградское отделение архива Академии наук СССР. Пояснительная записка о личных правах туземного населения Терской области, ф. 103, оп. I, д. 331, л. д. 66.

За убийство карачи-бека (карачи-беки, по мнению исследователей, составляли древнюю прослойку феодальной знати. впоследствии оказавшейся в зависимости от шамхалов Тарковских) вместе с убийцей в изгнание выходили шесть ближайших родственников, а при примирении убийца служил родственникам убитого, как раб.²⁰ За убийство бека или чанки уздень, если ему удавалось избежать мести родственников убитого, навсегда удалялся в другое общество как кровник.

В делах кровомщения между князьями, как правило, должны были принимать участие уздени и все подвластные обеих сторон, но права мести они имели не в отношении к князьям, а только друг к другу.

Запрет кровной мести по отношению представителей привилегированного сословия — беков и князей, строжайшие кары, а иногда легализованный самосуд над семьей виновного, если месть была осуществлена, способствовали не только усиленной охране жизни феодалов, как этого требовали основные принципы феодального права, но и открывали широкие просторы для господствующего класса проводить политику открытого устрашения и террора крестьян, грабежей, захвата общинных земель и т. д.

В. К. Гарданов в статье, посвященной обычному праву народов Северного Кавказа, отмечает, что обычное право, узаконив выдачу на поток и разграбление убийцу и его семью за убийство князя, создавало условия для безнаказанного грабежа со стороны феодальной знати, так как лишало крестьян возможности для отражения нападений банд, возглавляемых феодалами.²¹

Представители зависимых сословий не имели права кровной мести и в отношении узденя, который за убийство делал некоторое вознаграждение родственникам убитого и вносил известную сумму на благотворительные цели.

Согласно обычному праву кумыков, плата за ранения также взыскивалась в соответствии с социальным положением потерпевшего. За поранения бека узденем поранивший отвечал как бы за убийство узденя и, кроме того, все имущество его поступало в пользу раненого, что нашло свое отражение в поговорке «кровь бека равняется жизни узденя или ранить бека все равно что убить узденя».²²

Таким образом, система композиций, действовавшая в обычном праве Дагестана по делам кровомщения была

²⁰ Записка о правах и преимуществах господствующих групп населения, об адатах и управлении жителей Присулакского наибства. Рукописный фонд Института ИЯЛ, д. 1321, стр. 42.

²¹ В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII — начале XIX вв. Советская этнография. 5, 1960, стр. 27.

²² Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1321, л. 44.

весьма выгодной для социальных верхов. Высокие, непосильные для малоимущих размеры платы за кровь фактически обеспечивали повышенную правовую охрану жизни феодалов и феодализирующейся общинной знати, в то время как в отношении рядовых общинников представители господствующего класса по своему усмотрению могли применять кровную месть или взыскание композиции. Как в отношении самого акта мести, так и в отношении выплаты имущественной компенсации за кровь не действовал принцип давности. Ни месть, ни выплату за кровь нельзя было предать забвению. Они переходили из поколения к поколению.

Институт кровомщения в том виде, в каком существовал в Дагестане в XVIII—XIX вв. в определенной степени способствовал закабалению рядовых общинников, так как ввиду ослабления принципа родственной взаимопомощи отдельные семьи зачастую не могли внести в срок крупную сумму, установленную в качестве платы за пролитую кровь.

Система композиций имела широкое применение не только в случаях ответственности за убийство. В обычном праве Дагестана имущественные платежи составляли основную форму наказания всех свободных членов общества за любое преступление. Классовый принцип в применении композиций отчетливо проявлялся и в преступлениях, связанных с нанесением имущественного ущерба. За различные виды воровства, грабежа, уничтожения и повреждения имущества в обычном праве Дагестана устанавливались компенсации, которые дифференцировались не только в зависимости от стоимости ущерба и различных обстоятельств, характеризующих преступное посягательство, но и с учетом социального положения потерпевшего. У кумыков, когда потерпевший и похититель — люди равного состояния — компенсация заключалась в возврате такого же предмета равной стоимости и в возмещении всех других убытков и расходов, причиненных похищением.

В том случае, когда потерпевший — князь, а похититель — человек простого звания, удовлетворение за похищение состояло в возврате похищенного и уплате восьми стоимостей похищенного ими в уплате девятерной стоимости похищенного, а также в возмещении причиненных убытков и расходов.²³

В том случае, если виновный не мог заплатить девятерной стоимости похищенного и родственники не принимали участия в платеже композиции, виновный поступал к князю в рабство.²⁴

У карачиевских кумыков за воровство у бека из дому, бек забирает себе все движимое и недвижимое имущество вора

²³ Н. С. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа, 1895, стр. 314—315.

²⁴ Ленинградское отд. архива АН СССР, ф. 103, оп. 1, д. 333, л. д. 66.

и он делался его узденем, если до того отбывал повинность другому беку; за воровство же чего-либо, принадлежащего беку не из бекского дома взыскивалось девять за украденное (тогузлама).²⁵ Обращает на себя внимание тот факт, что компенсация за похищение из дома бека значительно превышает размеры компенсации за похищение вне дома.

Здесь принимается во внимание не только и не столько имущественный ущерб, нанесенный беку, а главным образом, оскорбление чести бека, так как похищение из дому рассматривалось как бесчестие дома.

В Султан-юрте и Чонт-ауле за воровство из дому бека независимо от размера похищенного взыскивался штраф 90 р. серебром.²⁶

В горном Дагестане в системе композиций за имущественный вред сословно-классовый принцип не выражен столь отчетливо, как у кумыков, так как у горцев Дагестана сам процесс сословно-классовой дифференциации был еще не завершен. Однако и в тех нормах компенсации за причиненный ущерб, зафиксированных у горцев, классовый принцип в применении композиции прослеживается достаточно ясно. Например, за воровство у хунзахского хана или его родственников виновный платил в 9 раз больше.²⁷

Не подлежит сомнению, что в практике воровство у других феодальных правителей горного Дагестана и их родственников, а также беков наказывалось значительно сильнее, чем воровство у рядового члена общества. Отсутствие таких зафиксированных норм не говорит о том, что собственности феодалов защищалась теми же мерами, что и собственность подневольной эксплуатируемой массы. Наряду с жизнью и честью, феодальная собственность охранялась гораздо более строгими мерами, чем собственность крестьян, однако эти меры не получили значения правовой нормы. Для превращения применявшегося в жизни размера компенсации в правовую норму требовалось весьма продолжительное время, так как на практике такие случаи были чрезвычайно редки и, во-вторых, в силу специфики социально-экономических отношений в горах, феодальные привилегии выступали в более завуалированном виде, чем на плоскости у кумыков.

Нормы ответственности за имущественные преступления в горном Дагестане убедительно свидетельствуют о резко возросшем значении частной собственности, как базы классового господства и соответствующем усилении ее правовой охра-

²⁵ Рукописный фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1321, л. 46.

²⁶ Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1231, л. 45.

²⁷ Ленинградское отделение архива АН СССР, ф. 103, оп. 1, д. 344, л. 9.

ны. Этот процесс находит свое выражение не только в увеличении размера компенсации за имущественный вред, но и в чрезвычайно высоких штрафах за посягательства на частную собственность. Здесь следует отметить, что весьма строго охраняется и собственность мечетей, так как в ее охране прежде всего была заинтересована феодализирующаяся духовная знать.

В Акушинском обществе за воровство был установлен штраф в пользу джамаата 7 быков. За воровство из мечети штраф составлял 17 быков, мангушу и тургакам 17 быков, тургакам целого общества 5 котлов или 7 быков.²⁸

В Бежтинских адатах говорится, что за воровство требуется стоимость украденного, где в два раза, а где и в 5 раз более украденного, за воровство из мечети в 12 раз более украденного.²⁹ За воровство из сундука в Хунзахе вор платил в 9 раз более стоимости украденного.³⁰ В сел. Годобери и Зибирхали виновный подвергался взысканию в 3 раза более уворованного, в пользу хозяина быка или 12 штрафов в пользу общества.³¹ В Чамалальском обществе за воровство из мечети, с мельницы или тока, если у вора будет найдено что-либо из уворованного, компенсация была установлена в размере шести стоимостей похищенного.³² За воровство, если вор был уличен, в сел. Тлондата виновный платил компенсацию в 6 раз более украденного.³³

В сборнике адатов, существующих в Гунибском округе среднего Дагестана, (сборник этот находился в собрании дагестанских адатов Ф. М. Леонтовича и остался неизданным, так как предполагавшийся третий сборник «Адатов кавказских горцев» не вышел в свет) отмечается, что в Унцукульском наибстве за доказанное воровство в пользу потерпевшего взыскивалось в 9 раз более уворованного.³⁴ В Ухнадальском наибстве Бежидского округа за кражу из имения взыскивалось в 5 раз более украденного, за кражу из дома — 12 коров, из конюшни — 12 коров, из мечети или мельницы — 24 коровы.³⁵ За доказанное воровство в деревнях Мукратлинского общества Аварского округа в пользу хозяина взыскивалось в 5 раз более украденного, и в пользу деревни в 3 раза более.

²⁸ Адаты даргинских обществ, ССКГ, вып. 7, стр. 41.

²⁹ Ленинградское отделение архива АН СССР, ф. 103, оп. 1, д. 343, л. 6.

³⁰ Там же, д. 344, л. д. 9.

³¹ Там же, д. 345, л. д. 2.

³² Там же, д. 344, л. 13.

³³ Там же, д. 344, л. 13.

³⁴ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 564.

³⁵ Там же.

В сел. Башлы Кайтагского уцмийства с уличенного вора компенсация потерпевшему установлена была в 3 раза более стоимости похищенного. Кроме того, взыскивалось два быка, один в пользу управляющего, другой — общества и дом вора предавался огню.³⁶

Если факт воровства был доказан свидетелями в магалах Ганк, Гапш и Мюра Верхнего Кайтага в пользу потерпевшего взыскивалось в 2,5 раза более похищенного.³⁷

За воровство из мечети в Цудахарском обществе Даргинского округа уворованное взыскивалось вдесятеро, штраф вдвое, а вор объявлялся кровником всего джамаата и изгонялся из селения.

Приведенные материалы указывают на то, что с развитием феодальных отношений резко возрастает размер имущественных компенсаций за посягательство на частную собственность. Среди объектов движимой частной собственности в Дагестане наиболее важным являлся скот, что находит отражение в повышенных нормах ответственности за хищение скота.

Так, например, в Микегинском обществе Даргинского округа за воровство барана взыскивалось вдесятеро более, а за воровство прочего имущества вдвое.³⁸ Такая же ответственность за кражу овец была установлена и в Урахинском обществе того же округа.³⁹ В Анцухском обществе за кражу овцы взыскивалось 5 овец в пользу хозяина. За воровство на пастбище овцы, барана, лошади взыскивалось 30 рублей в пользу общества и за скот — вдвое хозяину. За увод с пастбища лошади или быка взыскивалось 30 руб. серебром в пользу общества, 100 р. серебром хозяину лошади и 5 быков хозяину быка.⁴⁰

В шамхальстве Тарковском и Мехтулинском ханстве с пастуха, обвиненного в воровстве овец на зимнем или летнем пастбище, кутане или горе, в пользу владельца пастбища взимался штраф 30 овец, а в пользу хозяина в 9 раз более уворованного.⁴¹

Нельзя не обратить внимания на то, что за различные имущественные правонарушения компенсация взималась, как правило, овцами и крупным рогатым скотом, что в условиях скотоводческого хозяйства являлось весьма суровым наказанием.

Как уже нами отмечалось, система композиций в горном Дагестане, как правило, не носила ярко выраженный классо-

³⁶ Ленинградское отделение архива АН СССР, ф. 103, оп. 1, д. 345, л. 14.

³⁷ Адааты-южно-дагестанских обществ, ССКГ, вып. VIII, стр. 61.

³⁸ Адааты даргинских обществ, ССКГ, вып. VII, стр. 54.

³⁹ Там же, стр. 93.

⁴⁰ Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 563.

⁴¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 1, д. 272, л. д. 14.

вый характер, как в равнинном Дагестане. Но при анализе и оценке системы композиций у дагестанских горцев следует иметь в виду особенность социально-экономического и политического строя Дагестана, обусловившего и своеобразие юридического быта горцев.

Нельзя упускать из виду, что в обычном праве Дагестана само применение наказания и исполнение судебных приговоров в значительной степени основывалось на принципах частного возмездия в виде кровной мести и самоудовлетворения потерпевшего с помощью самоуправного имущественного захвата, что открывало широкий простор для произвола сильных и многочисленных тухумов в отношении представителей слабых и угнетаемых тухумов.

Представители знатных и влиятельных фамилий не всегда считали нужным прибегать к помощи органов власти и суда для удовлетворения своих претензий. За обиды действительные или мнимые феодализирующаяся общинная знать прибегала к самоуправству и произволу. Захватывая имущество, в особенности скот, представители социальных верхов конфисковывали его в свою пользу, причем пользовались для этого системой композиций, предусматривающей 5—6 кратное возмещение убытков. В то же время рядовой общинник в отношении влиятельного члена общества не мог добиться удовлетворения своих имущественных претензий.

Следует обратить внимание и на то, что за имущественное посягательство были установлены чрезвычайно высокие штрафы, которые частично шли на содержание сельского административно-политического аппарата, почетных жителей. И в тех случаях, когда крупные штрафы были предусмотрены в пользу джамаата, ими фактически обогащалась сельская знать. Не случайно поэтому потерпевший от воровства не мог по частной договоренности с ответчиком восстановить свое нарушенное право, так как в подобных случаях общинная знать теряла такой важный источник дохода как штрафы.

Несмотря на отсутствие прямых указаний о преимуществах в системе композиций для феодальных элементов, вернее открытого их провозглашения, несомненно, что высокие, многократно превышающие убытки размеры имущественных компенсаций, были на руку господствующему классу.

В конкретной практике применения система композиций, имевшая в родовом строе в основе своей принцип равного возмещения за равное преступление, в условиях феодального общества служила целям повышенной охраны жизни, здоровья и имущества представителей господствующего класса.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АКУША—ДАРГО В XVII—XVIII вв.

Изучение уровня социально-экономического развития является одним из важнейших вопросов в истории любого народа. Актуальность поставленной нами проблемы определяется еще и тем, что без всестороннего и глубокого изучения вопроса о так называемых «вольных» обществах нельзя написать подлинно научную историю народов Дагестана.

Дореволюционные исследователи, писавшие о социальном строе Дагестана, утверждали, что в Акуша-Дарго господствовал патриархально-родовой строй.¹

Эта ошибочная концепция базировалась на наличии пережиточно сохранившихся институтов родового строя.

Советская историческая наука, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, проделала большую работу в области объективной оценки социально-экономического и политического строя народов Дагестана.² Однако до последнего времени Акушинский союз сельских обществ не стал предметом изучения. В настоящей статье мы делаем попытку, опираясь на новейшие достижения советской исторической науки и накопленный нами фактический материал, осветить особенности общественного развития и определить уровень социально-экономического и политического развития Акуша-Дарго.

¹ С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823; М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I—II, М., 1890; Ф. И. Леонтович. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, ч. 1—2. Одесса, 1882—1883; П. В. Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. «Этнографическое обозрение», № 1—3, 1901.

² С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Уч. записки Свердловского госпединститута, вып. I (исторический). Свердловск, 1938; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв. Махачкала, 1957; Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961. А. В. Фадеев. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII—XIX вв. в новых работах советских историков. «Вопросы истории», № 5, 1958.

Для написания настоящей статьи использованы материалы центральных и местных архивохранилищ (ЦГАДА, ЦГВИА-Москва, ЦГИА Груз. ССР, ЦГА ДАССР, копии документов из АВП МИД СССР, хранящиеся в Рукописном фонде Института ИЯЛ им. Г. Цадасы), собранный нами историко-этнографический материал и многочисленные литературные источники.

* *

*

В исследуемое время Акуша-Дарго состояло из земель Акушинского, Усишинского, Мугинского, Мекегинского и Цухахарского союзов сельских обществ. Союз находился в горной местности. С запада он граничил с Андалалом и Казикумухским ханством, на севере — с Тарковским шамхальством, на юге — с Сюргинским обществом и на востоке — с Кайтагским уцмийством.

На территории Акушинского союза имелись четыре формы собственности на землю: джамаатская (общественная), тухумная, мечетская (вакуф) и частная.

Частное землевладение. Земельные участки (пахотные и сенокосные), которые находились в наследственном владении собственников, у даргинцев, как и других народов Дагестана, известны под названием «мюльк». Мюльк являлся основным видом собственности на землю.³ Это свободно отчуждаемая частная собственность, которая продавалась, обменивалась, покупалась, дарилась, завещалась по воле собственников. В силу этого мюльк был главным источником обогащения одной группы членов джамаата — владельцев больших участков земли и обнищания другой, т. е. являлся базой дальнейшего роста имущественного неравенства внутри общины, выделения в ней господствующей верхушки над остальной массой общинников, расширения и укрепления феодальных отношений, начало которым было заложено задолго до исследуемого периода. Мюльками в Акуша-Дарго назывались разные по величине участки. Это и маленькие земельные участки рядовых общинников и в то же время крупные земли, владельцем которых являлась светская и духовная знать.

Тухумная собственность на землю известна у даргинцев под названием «тухумла ванзурби» и «тухумла мюльк», что означает в буквальном смысле «тухумные земли», «тухумная собственность».

В тухумной собственности находились пахотные и сенокосные участки. Имеются сведения, что тухумы владели отдель-

³ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. I, оп. I, д. 371, 375.

ными сенокосными горами. Народные предания сохранили названия отдельных гор, которые произошли от названий тухумов. Одна из возвышенностей, расположенная по дороге, ведущей из сел. Усиша в сел. Верх. Мулебки, называется «Къянала муза». Название это произошло от владельца ее — тухума «Къянахъали».⁴

Мечетское землевладение (вакуф). Вакуф на арабском языке означает «оставить», «пожертвовать» какое-либо имущество и землю. Образовались вакуфы в результате пожертвований и завещаний земель собственниками в пользу мечети.

Само завещание земли мечети проявлялось по разному. В одних случаях владелец мюлька завещал мечети определенную часть урожая, в других — собственник мюлька завещал мечети либо определенную часть земли, либо весь мюльк. В сел. Акуша часть мечетских земель была известна под названием «Хъаршухъла мижитла хъу» — мечетская пахота верхнего селения. А в селении Муги, согласно народных преданий, основная масса вакуфных земель образовалась в результате пожертвования мечети около 400 лет тому назад одной кубачинкой около одного гектара земли.⁵

Вакуфы не подлежали дележу и отчуждению, они могли находиться в аренде у различных лиц общества на условиях уплаты мечети 0,5 части урожая.⁶ Доход с них поступал в основном в распоряжение служителей мечети, под общим введением которых и находились вакуфы.

Общественная собственность. В Акуша-Дарго существовали четыре категории общественных земель: 1) земли, принадлежащие членам одного общества (джамаата); 2) земли, находящиеся в собственности нескольких обществ, которые входили в Акушинский союз;⁷ 3) земли, которыми пользовались все пять «вольных» обществ Акуша-Дарго⁸ и 4) земли, находившиеся в совместном владении верхнедаргинцев и других обществ, которые входили в другие политические образования Дагестана.⁹

Основная часть общественных земель — горные пастбища, сенокосные участки и леса. Пользование пастбищами находилось в прямой зависимости от величины общества и от количества земли. Поэтому они находились либо в общем пользовании джамаата, либо делились по кварталам.

⁴ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.

⁵ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.

⁶ Там же.

⁷ Там же, д. 375.

⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 1, д. 105.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 14; Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.

В пользовании сенокосными участками также были свои особенности. Наиболее общим для верхнедаргинцев являлось то, что общественные сенокосы, как правило, каждый год перераспределялись между всеми хозяйствами, входившими в состав джамаата. Распределялись участки сельской администрации жеребьевкой. В некоторых обществах, как например, Цудахарском, в один из летних дней мангуш (глашатай) объявлял, что можно приступать к косовице и тогда каждое хозяйство косило столько сена, сколько могло.¹⁰

В общественной собственности у верхнедаргинцев находились и леса. Такие леса имелись у акушинцев, усишинцев, шуктинцев, мегвинцев, гапшиминцев, уллучаринцев и тантинцев.¹¹ В виду ограниченности лесных массивов, пользование лесом было строго регламентировано. Кроме того, почти повсеместно на территории союза сохранились, хотя в незначительном количестве, и общинные пахотные земли. Они по жребью распределялись между хозяйствами джамаата. Передел пахотной земли почти везде производился через семь лет.¹² В более ранние периоды периодические переделы, очевидно, производились значительно чаще или даже ежегодно, что являлось признаком устойчивости общественной собственности и самих общинных устоев.

Удлинение же сроков передела общественных земель свидетельствует об ослаблении общинной собственности, ибо теперь хозяин надела более длительное время без контроля со стороны общины мог распоряжаться им. До истечения срока пользования хозяин надела являлся полноправным собственником его, но без права продажи. Такая форма пользования землей была переходной от коллективной собственности к частной. Общинная земля «являлась только дополнением индивидуальной собственности».¹³ Пай из нее служил лишь «придатком к основной частной земельной собственности — мюльку общинника».¹⁴ Иначе говоря, общинная форма собственности на пахотную землю выступает как пережиточное явление родового строя, когда, по словам Ф. Энгельса, «разделение народа по признаку родства и общая собственность на землю» являлись господствующими факторами, характеризующими социально-экономическое устройство общества.¹⁵

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 14; Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9; Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371, 375.

¹³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ОГИЗ, Госполитиздат, 1940, стр. 15.

¹⁴ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 128.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 629.

Следовательно, не может быть и речи о господстве на территории Акушинского союза общинно-родовой земельной собственности в XVII—XVIII вв. В то же время не наблюдается здесь оформившегося феодального землевладения, хотя, как отмечалось выше, мюльки были разных размеров: у одних членов общины — маленькие, у других — крупные.

Причины, которые породили такое своеобразие, заключавшееся в замедлении роста феодального землевладения в Акуша-Дарго, как и в других районах горного Дагестана, были связаны с отсутствием здесь широких земельных массивов, пригодных для земледелия, а также сравнительно сильным влиянием архаической сельской общины.

Имеющийся же фонд земли находился в интенсивном использовании общинников и феодализирующая верхушка не могла легко захватить ее, т. к. встречала со стороны сельской общины упорное сопротивление. Ф. Энгельс прямо указывает, что в средние века сельская община для крестьян служила «средством к сопротивлению».¹⁶ Но это вовсе не значит, что у верхнедаргинцев не было имущественной дифференциации, правового неравенства и основанной на них эксплуатации общинников-уздений со стороны феодализирующей верхушки.

Родовое общество у верхнедаргинцев распалось задолго до исследуемого периода, издавна был развит у них институт частной собственности, община носила территориальный, соседский характер и поэтому не было никакой общеродовой собственности, характерной для первобытно-общинного строя. Частная собственность на землю являлась показателем глубокой дифференциации общества и вела к образованию крупного землевладения. Возникшее же на основе частной собственности на землю индивидуальное парцеллярное хозяйство свидетельствовало о том, что производительность труда повысилась по сравнению с родовым строем до такого уровня, при котором было возможно образование прибавочного продукта, а, следовательно, и захват этого продукта и эксплуатация человека человеком. В результате всего этого нарушается экономическое и основанное на нем социальное равенство. Это уже не первобытное общество, где не было бедных и нуждающихся, где «род знает свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне», где «все равны и свободны, в том числе и женщины» и где нет еще рабов и порабощения чужих племен.¹⁷

Равенство, основанное на равных имущественных отношениях, давно исчезло в Акуша-Дарго. Именно в связи с этими

¹⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ, Госполитиздат, 1945, стр. 176—177.

¹⁷ Там же, стр. 110.

изменениями, происшедшими в формах собственности на землю и начинается коренное изменение экономических отношений внутри джамаата. Имущественная дифференциация зашла настолько глубоко, что выделились не только бедные и богатые семьи, но и зажиточная верхушка населения, которая систематически расширяла свои земельные участки за счет ущемления интересов и прав основной массы свободных общинников.

Многообразие форм собственности на главное средство производства вызывало и чрезвычайно разнообразные общественные отношения.

Во главе Акушинского союза стояло духовное лицо — акушинский кадий, власть которого являлась наследственной в кадиевском тухуме.¹⁸ Возникновение наследственной власти внутри одного тухума являлось наиболее ярким показателем развития имущественного и социального неравенства внутри Акушинского общества. Это был самый богатый человек в Акушинском союзе, в собственности которого находились лучшие земли, образовавшиеся в результате захвата общинных земель и получения акушинским кадием от Казикумухского шамхала.¹⁹ Кроме того, Акушинское общество выделяло для кадия специальные сенокосные участки.²⁰ Значит он являлся не только крупным землевладельцем-собственником больших и «хороших имений». ²¹ Акушинский кадий владел и крупным поголовьем скота. «Кадий вольного общества, — пишет об акушинском кадии профессор Р. М. Магомедов, — был крупным землевладельцем, собственником большого стада скота». ²² Все это являлось базой для применения чужого труда. Кроме того, согласно сведениям, собранным комиссией для разбора сословно-поземельных прав населения Дагестанской области, некогда каждое селение Сюргинского общества давало акушинскому кадию ежегодно по одному быку.²³

Акушинский кадий получал большие доходы и во время свадееб, похорон, бракосочетаний по шариату, при разделе имущества, определенную часть закята и т. д.

Усиление имущественного и правового положения было основой укрепления власти кадия. Этот процесс хорошо прослеживается на основании сохранившихся адатов Акушинско-

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 8; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6514, л. 34; ССКГ, вып. 7, Тифлис, 1873, стр. 128.

¹⁹ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9.

²¹ Там же.

²² Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957, стр. 139.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9.

го общества, записанных в 1727 г.,²⁴ где говорится, что жители Акушинского общества в повседневной жизни будут руководствоваться только положениями шариата и решениями кадия и будуна. Далее здесь имеется статья, согласно которой в пятницу покойника разрешалось хоронить только после уведомления и получения на это разрешения акушинского кадия. С нарушившего этот адат взыскивался штраф — 1 бык. Штраф взыскивался также с того, кто без разрешения акушинского кадия читал «ясин» (стих из корана, который читают над покойником), совершал обряд венчания по шариату.²⁵ Надо полагать, что за проведение всех указанных шариатских церемоний акушинский кадий, как главный духовный наставник, получал определенную плату, которая, видимо, составляла одну из основных доходных статей его обогащения.

Акушинский кадий объединял духовную и светскую власть. В пределах союза кадий являлся верховным правителем, судьей и военачальником. Он следил за соблюдением норм шариата, набором войск для охраны территории союза, разрешал споры, наказывал виновников и злоумышленников. Все эти функции власти акушинского кадия аналогичны функциям власти уцмья Кайтагского.

Кайтагский уцмий, — пишет М. М. Ковалевский, — в течение целого ряда столетий был избираем народным сходом, собиравшимся в окрестностях Маджалиса... Избрание уцмья вовсе не устраняло необходимости дальнейшего сбора на народные сходы с целью разбирательства таких вопросов, как война и мир, заключение союзов, решение пограничных и других спорных вопросов между общинами и тому подобные». Все это мы видим и в Акушинском союзе.

Говоря об укреплении уцмья как феодального правителя, М. М. Ковалевский писал: «Будучи первоначально простым посредничеством, власть уцмья в эпоху редактирования кайтагских адатов начинает приобретать характер обязательной и равно возвышающейся над всеми поданными судебной юрисдикции».²⁶

Подобно этому, как показывают приведенные выше адаты Акушинского общества, в исследуемый период власть кадия «приобретает характер обязательной и равно возвышающейся» над всеми членами союза.

Возвышение акушинского кадия как духовного руководителя дошло до того, что не только жители союза, но и жители

²⁴ Адаты Акушинского общества, взятые в 1928 г. у Алиева Абдусамада из сел. Урахи Инкочилаевым Магомедом. Копия передана нам сотрудником Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР Нурмагомедовым М.

²⁵ Там же.

²⁶ М. М. Ковалевский. Дагестанская «Народная правда». Этнографическое обозрение, № 1, 1890, стр. 20.

других даргинских обществ, входивших в иные феодальные владения, недовольные решением сельских картов и кадиев, обращались к Акушинскому кадию.²⁷ Акушинский кадий настолько экономически укрепился в своей роли «главного духовника народа»,²⁸ что власть его стала наследственной.²⁹

На следующей ступени социальной иерархии после Акушинского кадия стояли кадии союзов сельских обществ — Цудахарский, Мекегинский, Мугинский, Усишинский. На территории своего союза они являлись главными административно-должностными лицами. Кадии союзов стояли во главе духовной и светской власти. «Каждое из даргинских обществ, — указывается в предисловии «Адатов Даргинских обществ», — управлялось в прежнее время своим кадием».³⁰ Отдельные из них, как и Акушинский кадий, уже успели превратить свою власть в наследственную. Таким наследственным кадием, как об этом говорят имеющиеся сведения, был и Цудахарский кадий.³¹

Кадии союзов сельских обществ являлись первыми богачами в союзе. Они владели крупными земельными участками и большими отарами овец, которые увеличивались из года в год. Для содержания овец они использовали рядовых членов общины и обедневших родственников.

Доходной статьей кадиев являлись штрафы, взимаемые за различные преступления. Кроме того, они «получали доходы от закята».³²

После кадиев союзов сельских обществ по занимаемому общественному положению стояла общинная знать в лице административно-должностных лиц, которые в силу своего социального положения закрепляли за собой право замещения административных должностей. «Карты» (шила халати — **Б. А.**), — пишет М. М. Ковалевский, — избирались «из почетных лиц, притом известных только фамилий».³³

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1.

²⁸ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 139.

²⁹ На основании доступных сведений нам удалось установить, хотя далеко и не полную, родословию акушинских кадиев: Айгун Кадии (конец XVII в. — 1709 г.), Абдулхалим (1709—1711 гг.), Айгун-Гаджи (первая половина XVIII в. — 1762 г.), Абакар-Гаджи (конец XVIII в. — 1811 г.), Магомед Кадии (1811—1819 гг.), Зухум Кадии (1819—1827 гг.), Магомед Кадии (1827—1845), Шабан-Зухум. Последним кадием из кадиевского тухума был Нурбаганд Кадии-сын Зухума, которого в 1854 г. сместило русское правительство.

³⁰ Алаты Даргинских обществ, примечание. ССКГ, вып. 7, Тифлис, 1873, стр. 128.

³¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6514, л. 34; А. В. Комаров. Алаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868, стр. 74. См. также ССКГ, вып. 7, стр. 128; П. В. Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. «Этнографическое обозрение», № 3, 1901.

³² Там же.

³³ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 161.

Так, в джамаате сел. Муги были известны более 10 тухумов. Однако не все из них могли из своей среды выдвигать старшин (къатІІанов). Только 4 наиболее влиятельных, древних и богатых тухумов — Дабайхъали, Бакъкъарихъали ШихІІямархъали и Мякъяхъали имели право выдвигать по одному къатІІана из своих влиятельных членов.³⁴

В Цудахарском обществе из основных 6 тухумов старшин (хулалов) джамаата выдвигать имели право только 4 тухума.³⁵ В Мекегинском обществе было 12 кварталов (къатІІа), в каждом из которых находился один старшина. Однако общеджамаатских старшин выбирали только 5 къатІІа.³⁶

Административные лица, в особенности старшины, играли главную роль в разбирательстве и решении внутрджамаатских вопросов. «Их первенствующее значение сказывалось с особой силой на тех родовых (читай сельских — **Б. А.**) сходах, — писал М. М. Ковалевский, — на которых между прочим разбирались и судились случаи столкновений между отдельными дворами — случаи, повод к которым могли дать и раздел совместно награбленной добычи, и пользование принадлежащей всем дворам совместно родовой землею».³⁷

Именно в силу таких полномочий они наделяли себя и своих близких родственников лучшими участками земли.

Выделение такой зажиточной верхушки привело к тому, что равное право пользования общественной землей нарушалось. Поэтому, хотя согласно адатам все члены джамаата могли пользоваться пастбищами и сенокосами на одинаковых правах, в действительности это право превратилось в формальность для тех членов общины, которые не имели скота или имели его в небольшом количестве. На деле оказалось, что пай членов, не имеющих скота, оказывался захваченным теми, кто обладал большими стадами. Кроме того, это неравное отношение к общественной земле утверждалось самим обществом путем выделения административной верхушке особых участков земли. Так, в Цудахарском обществе старшины на горе Шамхала дубура имели особое место под названием «Хала мура», которым пользовались только они. В Мугинском обществе каждому из четырех старшин из общественных покосов выделялся дополнительный участок.³⁸

Административная знать пополняла свою земельную собственность и путем присоединения мюлька, оставшегося без

³⁴ Рук фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375(2).

³⁵ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 121; Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371, 375.

³⁶ Рук фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375.

³⁷ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. 1, стр. 67.

³⁸ Рук фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375.

хозяина. Кроме того, в ее владение переходил и мюльк, который оставался без хозяина, но когда-то определенная часть урожая с которого была завещана мечети.

В некоторых обществах сама система дележа общественных земель способствовала обогащению одной части жителей общины и обнищанию другой. Так, в Гапшиминском обществе все земли (кроме собственных мюльков) делились на три равные части по количеству кварталов (къатлов) села, которые в свою очередь делились на такое количество участков, сколько было хозяйств в каждом квартале. Однако количество хозяйств в этих кварталах было разное, в одних их было много, в других, как, например, в Верхнем магале (ЧевяхI-къатI) — мало.³⁹ Результатом такого передела общественной земли явилось нарушение права, по которому «каждый член общины получал первоначально равную землю».⁴⁰ Нарушение этого принципа в пользовании землей поддерживало и закрепляло земельное неравенство внутри членов джамаата. Само собой понятно, что такая форма пользования общественной землей была выгодна зажиточной верхушке сельских общин и она использовала ее в своих интересах.

Общинно-административная знать, будучи собственником больших и лучших мюльков, сосредоточивала в то же время в своих руках движимое и недвижимое имущество.

Согласно адатам, сельская администрация вплоть до присоединения Акушинского союза к России имела право налагать и взимать различного рода штрафы, которые обычно шли в ее же пользу.⁴¹ Это в значительной степени способствовало еще большему обогащению сельской знати за счет остальной части населения общества. Вот почему сельская знать стремилась присвоить право занимать административные должности. Отделяясь все больше и больше от массы общинников, представители богатых фамилий постепенно узурпировали власть над ними. Это был процесс превращения административно-должностных лиц из «слуг общества»... в господ над ними».⁴² Органы управления родового общества «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа».⁴³ Это был процесс образования «наследственной знати».

³⁹ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375.

⁴⁰ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, изд. 1, стр. 632.

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, ед. хр. 7, л. 9.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 423 (Здесь и далее В. И. Ленин цитируется по 4-му изд.).

⁴³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. ОГИЗ, Госполитиздат, 1945, стр. 185.

Важным источником обогащения административной верхушки было также присвоение военной добычи.

Поэтому феодализирующаяся знать охотно принимала участие в набегах феодальных владетей Дагестана.

К привилегированному сословию в Акуша-Дарго относились и местное мусульманское духовенство.

Духовные лица имели свои мюльки, размеры которых намного превышали обычные крестьянские мюльки. В то же время духовенство широко использовало мечетские земли — вакуфы, которые являлись для него одной из наиболее доходных, постоянно действующих статей, а также пожертвованный и завещанный мечети скот, продукты сельского хозяйства и т. д., поступавшие в непосредственное ведение духовных служителей.

Духовенство было заинтересовано в расширении и в дальнейшем развитии вакуфа, потому что оно заведывало им, следовательно, имело право и возможность пользоваться доходами от него в определенном, пусть даже в «умеренном количестве», чего не имели другие члены джамаата.

Кадии и будуны получали определенные доходы от раздела наследства, заключения шариатских браков, чтения корана над умершим, за принятие присяги по судебным делам, подлежащим разбирательству по шариату, за обучение детей в примечетских школах и т. д. Однако, кроме этих приношений, духовенство получало от населения и специально установленные кораном налоги. Каждый правоверный мусульманин обязан был вносить ежегодно в пользу мечети десятую часть годовой жатвы и сотую часть скота. Сбор этот назывался закятом и поступал в основном в распоряжение кадия и будуна. Так как высокие духовные посты, в особенности в богатых мечетях, как правило, занимали представители имущих слоев населения, то эти налоги служили еще большему их обогащению.

Помимо указанных доходов кадии и будуны, как и старшины (Цудахарского, Мугинского и других обществ) получали и дополнительные пахотные и сенокосные участки из общественных земель, о чем свидетельствуют сохранившиеся названия ряда мест — участков земли. Так, в сел. Гапшима до сих пор сохранились названия некогда принадлежавших духовенству участков земли («будунна хъу» — пахотная земли будуна и «кьадила мура» — сенокос кадия).⁴⁴

Самой многочисленной группой населения Акуша-Дарго являлись уздени. В дореволюционной историографии Кавказа узденство рассматривалось как однородная масса свободных общинников. Однако узденство в Акуша-Дарго в ис-

⁴⁴ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375.

следующее нами время было не однородно. Внутри узденства находились различные группы, отличавшиеся друг от друга по своему общественно-экономическому и правовому положению. Часть из них владела большим количеством земель, скота и имущества, в то время как основная часть узденства или имела только маленькие участки земли, не обеспечивающие жизненные потребности, или же вовсе была лишена средств производства и попадала в все большую зависимость от сельских богачей.

По данным комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края Военно-народного управления к XIX в. третья часть жителей сел. Танти и Муги, более третьей части жителей Гинга, Бутри и Усиша, половина дворов сел. Уллучара, Хиба и Гапшима вовсе не имели своих мюльков.⁴⁵

Разорение и обнищание самостоятельного и независимого узденя и рост крупного хозяйства богачей являлись следствием наличия свободно отчуждаемой частной земельной собственности и наступления феодализирующей знати, при которых часть крестьян быстро теряла свою землю. «Там, где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников,— писал К. Маркс,—... там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности, т. е. может лишиться того двоякого отношения, которое делает его равноправным гражданином, членом коллектива и *собственником*».⁴⁶

Именно в силу того, что уздени лишались земельной собственности, становились они неравноправными и объектом феодальной эксплуатации.

Помимо того, что обнищавшие уздени подвергались эксплуатации со стороны наследственных кадиев и духовенства, эксплуатировали их и сельские богачи. Однако эта эксплуатация была замаскирована под внешней оболочкой патриархально-родовых отношений. Выступала она в форме родовой взаимопомощи, называемой у верхнедаргинцев «би-лхъа».

На самом же деле под видом родовой взаимопомощи в Акуша-Дарго происходила прямая форма эксплуатации. Эта эксплуатация выражалась в том, что, обедневшие родственники, а также рядовые члены общины бесплатно или за угощение выполняли для богача различные сельскохозяйственные работы—сеяли хлеб, убирали и перевозили его в аул, пахали, косили сено, ухаживали за скотом, помогали в домашнем хозяйстве и т. д.

⁴⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 9—10.

⁴⁶ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. ОГИЗ, Госполитиздат, М., 1940, стр. 28.

В отличие от зависимого крестьянина, который обязан был нести в пользу феодала различные повинности — работать в его хозяйстве и т. д., свободные общинники считали **неудобным**, в силу сложившихся еще при родовом строе традиций, не участвовать в сельскохозяйственных работах, проводимых богатыми односельчанами, хотя зачастую они и не являлись их родственниками.

Общинники лично свободны. Однако, хотя здесь и нет юридического закрепощения, постепенно эта помощь выливается в обязательную форму и они фактически становятся зависимыми от сельской знати. К. Маркс подчеркивал, что не всегда феодальная зависимость выливается в форму юридического закрепощения. «...ясно,— писал К. Маркс,— что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный».⁴⁷

Таким образом, «билхъа», будучи порождением родового строя, в условиях разделения общества на богатых и бедных из первоначальной формы родовой взаимопомощи, сохраняя эту внешнюю форму, фактически превратилась в средство закабаления сородичей и сельской бедноты. «Это по существу повинность,— пишет И. П. Петрушевский,— довольно обычная в условиях раннефеодальных отношений».⁴⁸

Эксплуатировало свободных общинников и местное духовенство. Выше мы указали, что мечетские земли-вакуфы не только отдавались в аренду (это чаще всего, видимо, происходило там, где было много мечетских земель) за определенную плату, но и по решению джамаата бесплатно обрабатывались членами общества. Но находившаяся у кормила власти разбогатевшая сельская верхушка, как правило, отдавала для обработки вакуфные земли рядовым членам общества. Такое применение труда свободных общинников также фактически являлось одной из форм эксплуатации.

Кроме того, в Акуша-Дарго были и бесправные — рабы, называемые у даргинцев лагъами.

Основным источником рабства у даргинцев, как и у других народов Дагестана, являлись пленники. Документы подтверждают, что «класс рабов... образовался большею частью из пленных».⁴⁹ Но со временем война перестала быть един-

⁴⁷ К. Маркс. Капитал, т. 3, стр. 803.

⁴⁸ И. П. Петрушевский. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания. «Исторический сборник», 1, Изд-во АН СССР, Ленинград, 1934, стр. 224.

⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 7а, л. 3.

ственным источником рабства. Нередко в раба превращался и неплатежеспособный должник, кровник и т. д. Так, в Мугинском обществе находился ряд рабских фамилий, образовавшихся как из пленных, так и из обедневших членов джамаата, которые попали в зависимость от богачей. Среди них тухум «Арутихъали» находился в зависимости от богатого тухума «ГалгІялабулкьадархъали». В Цудахарском обществе были известны рабские тухумы: Саркихъали, Даржахъали, КурехІхъали, Маликхъали, Гургихъали; в Акушинском обществе — КабачІайхъали, Гяммайхъали и т. д.⁵⁰

Как видим, названия этих тухумов связаны не только с такими христианскими фамилиями как Саркис, Гурги (Георгий) и др., но и с местными. Все это говорит о том, что в рабство попадали не только захваченные в Закавказье пленники, но и местные жители.

Принадлежали рабы главным образом знати и, первоначально не составляя особых семейно-родственных групп, жили вместе со своими хозяевами. Но с увеличением численности рабов образовались целые тухумы, поселившихся отдельно от остальных членов джамаата. Так, в обществе сел. Цудахар рабы жили на краю селения, в местности под названием «цИлиддар».⁵¹

Будучи бесправными, рабы были лишены средств производства. Они обязаны были выполнять все требования владельца.

Как и всякое другое имущество, рабы переходили по наследству. На полях одной арабской книги, находящейся у жителя сел. Цудахар Муртузалиева Кутта, имеется запись, что после смерти НикІа Раджаба остались три сына. Они разделили все имущество между собой, после чего остались только один бык, гумно и один лагъ. Их тоже разделили братья между собой: одному брату достался бык, другому — гумно и третьему — лагъ.⁵²

Бесправное и приниженное общественное положение рабов по сравнению с остальной массой сельского населения нашло отражение и в адатно-правовых нормах, которыми руководствовались даргинцы. В адатах даргинцев говорится, что «за убийство кула и каравашки делается вознаграждение владельцу и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство кулом кого-либо взыскание делается с владельца и он же делается канлы родственников убитого. Но если владелец не согласится быть канлы, то должен освободить кула из крепостной зависимости, и тогда

⁵⁰ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филнала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

кул, сделавшись свободным (узденем), признается сам канлы». ⁵³ Следовательно, раб по существу приравнивался к имуществу, вещи и при убийстве его хозяин получал вознаграждение как за вред, нанесенный его имуществу, в то время как убийца узденя считался кровным врагом родственников убитого и до примирения подвергался кровомщению. ⁵⁴ Если даже раба отпускали на волю, его рабское происхождение сохранялось за его потомками.

При освобождении рабы не получали от хозяина ни земли, ни скота, ни имущества. Как правило, не получали они и участков из общественных земель и только в отдельных обществах им выделяли незначительные земельные участки. Так, в Цудахарском обществе рабам было выделено место под названием «Абуччай», где находились пахотные и сенокосные участки. ⁵⁵

Рабство в Акуша-Дарго не всюду было развито одинаково. В таких обществах как Цудахар, Гапшима, Акуша, Муги рабство было широко распространено и освобождение рабов тянулось вплоть до второй половины XIX в. В этих обществах образовались целые рабские тухумы.

Систематическое ущемление прав и интересов общинников-узденей, разорение и обнищание их за счет увеличения собственности сельской знати не могли не вызывать недовольства рядовых членов джамаата. В Акуша-Дарго происходила затаенная и явная борьба против наступления феодализирующей знати. Принимала она различные формы — от протеста против произвола, до открытых волнений.

Сложившиеся к XVIII в. в Акуша-Дарго социально-экономические отношения нашли отражение в адатно-правовых нормах союзов верхнедаргинских сельских обществ. Адаты ставят в привилегированное положение феодализирующую общинную знать, которой, как мы видели выше, было предоставлено «исключительное право на замещение должностей». ⁵⁶

По адатам Акушинского общества за убийство мангуша алум (плата, взыскиваемая в пользу родственников убитого вскоре после убийства) и штраф взыскивались в четыре раза больше, чем за убийство рядового члена общества, а за убийство тургака (барумана) в два раза больше. ⁵⁷ В Усишинском обществе «убийство своего кадия» в любом случае, а также убийство карта (шила халала), мангуша и тургака (хьулгула) при исполнении ими служебных обязанностей счи-

⁵³ Адаты Даргинских обществ. ССКГ, вып. 7, Тифлис. 1873, стр. 15—16.

⁵⁴ АДОЗО, стр. 86—87.

⁵⁵ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, л. 375.

⁵⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 126.

⁵⁷ АДОЗО, стр. 116.

талось (кара) умышленным убийством.⁵⁸ За ранение административных лиц штраф брался в два раза больше. О привилегии богатой верхушки свидетельствуют и следующие адаты: «Не допускаются претензии по одному подозрению ни по каким делам, кроме убийства, на старшин, кадиев, картов, мангушей, будунов и гаджиев»,⁵⁹ «показание кадия без присяги считается наравне с показанием двух свидетелей за присягою»⁶⁰ и т. д.

В ряде случаев адат даже позволял кадиям и другим административным лицам произвольно разбирать тяжбы и налагать взыскания. Так, по адатам Усишинского общества «за нанесение мужчине побоев, хотя бы остались и знаки на теле, и раны, за которую по общему даргинскому адату не следует удовлетворение», а также за драку, взыскание с виновных делалось по усмотрению кадия и картов.⁶¹ По усмотрению кадия и картов налагались штрафы также за нанесение побоев гаджию и тургаку.⁶² Эти нормы адата говорят о том, что они могли быть использованы в своекорыстных интересах административно-должностными лицами союза.

В непосредственной связи с усилением социального и имущественного неравенства, с процессом увеличения богатства феодальной знати находились и статьи адатов по имущественным преступлениям, которые будучи направлены на защиту частной собственности, выражали прежде всего интересы правящей богатой верхушки. Вот почему издавна сельская администрация и знать добивались принятия на джамаатах решений, которые защищали бы их имущество и земельную собственность. Именно с таким положением мы сталкиваемся во всех верхнедаргинских обществах. Адаты верхнедаргинцев защищали имущество от воровства, грабежа, поджогов, порчи и т. д. Так, по адатам Акушинского общества за воровство было определено возвращение «уворованной» вещи хозяину и сверх того с вора «взыскивались еще девять вещей одной цены с уворованною». Кроме того, если воровство совершалось со двора, за приход вора во двор в пользу хозяина взыскивались три барана. Если воровство было доказанным, с вора брали штраф в пользу джамаата — 7 быков.⁶³ По адатам Мекегинского общества, если «уворованное» было найдено, оно возвращалось хозяину вдвое, а за воровство барана с вора взыскивание делалось в десятикратном размере.⁶⁴ По адатам Усишинского и Цудахарского обществ хозяину воз-

⁵⁸ АДОЗО, стр. 223.

⁵⁹ Там же, стр. 71, 109, 153, 218, 238.

⁶⁰ Там же, стр. 111, 155, 220, 239.

⁶¹ Там же, стр. 227.

⁶² Там же, стр. 228.

⁶³ Там же, стр. 123.

⁶⁴ Там же, стр. 145.

вращалось «уворованное» у него в десятикратном размере.⁶⁵ За поджог виновник должен был восстановить убытки также, как и за воровство.⁶⁶ Даже за обрез хвоста лошади с виновного в пользу хозяина взыскивался один бык и один бык в пользу джамаата.⁶⁷ За потраву, сверх удовлетворения хозяина, был определен еще штраф джамаату или же тургаку, как, например, в Усишинском обществе.⁶⁸ Во всех обществах союза за воровство с пашни, гумна, из мельницы, а также хлеба в колосьях штраф взыскивался в двойном размере.⁶⁹

Судопроизводство, основанное на адатных нормах, прежде всего защищало имущество и земельную собственность сельской знати. И не случайно эти адаты принимались на сходах под непосредственным влиянием административно-должностных лиц. Следовательно, адаты, хотя и продолжали сохранять форму народных обычаев, в исследуемое нами время в результате происшедших социально-экономических изменений стали выражать интересы социальной верхушки и административной знати.

В связи с этим большой интерес представляет своеобразный порядок взимания долга — ишкиль, который у даргинцев известен под названием «хеш». В одних обществах Акуша-Дарго взимание долга осуществлялось путем нападения истца и захвата его силой, а в других обществах — через специально выбранного от общества лица. В Усишинском обществе назывался он «гашлигула».⁷⁰

В случае жалобы одного члена джамаата на другого по поводу неуплаты долга гашлигула приходил к должнику и требовал выплатить долг. А в случае отказа должника удовлетворить требование его, гашлигула прибегал к взысканию силой. Он имел право забрать скот должника и отдать жалобщику. За оскорбление гашлигула и упирательство в уплате долга должник нес наказание. Он должен был по адату сделать для гашлигула широкий пояс из материи и устроить угощение. В случае же убийства гашлигула убийца платил двойной «алум» и «дият» и выселялся навсегда из селения.⁷¹

Право собственника на возврат своей собственности с помощью силы, как справедливо отмечает проф. Р. М. Магомедов, «могло существовать не при господстве прочно сохранившихся общинных отношений, а при разложении их, когда

65 АДОЗО, стр. 231—232, 255.

66 Там же, стр. 125.

67 Там же, стр. 127.

68 Там же, стр. 235.

69 Там же, стр. 102, 123, 147, 232, 255—256.

70 Адаты и обычаи даргинцев. Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 35, л. 1.

71 Там же, лл. 1—2.

индивидуальная собственность начинала приобретать все больший удельный вес в системе джамаата».⁷²

Порядок «насильственного захвата, производимого самим потерпевшим из имущества обидчика,— писал М. М. Ковалевский.— встречается в праве всех вообще народностей, переходящих или только что перешедших от родовой к государственной форме общежития».⁷³

Процесс развития феодальных отношений в верхнедаргинских обществах происходил при постоянном соприкосновении и связи с окружающими феодальными владениями, с которыми они граничили. Особенно заметную роль в этом играли уцмийство Кайтагское и шамхальство Тарковское. Взаимоотношения Акуша-Дарго и указанных феодальных владений складывались не только по политическим мотивам, но и определены экономической зависимостью верхнедаргинцев от шамхалов и уцмиев. Жители Акуша-Дарго из-за отсутствия удобных зимних пастбищ вынуждены были арендовать их у шамхала и уцмий, за что платили определенную плату.

По сведениям Мухаммеда Рафи, верхнедаргинцы еще в XIV в. платили шамхалу подати за пастбища: жители «деревень Усиша и Акуша 100 быков», жители «деревни Цудахар 50 быков».⁷⁴

Участник Персидского похода И. Г. Гербер пишет, что Кайтагский уцмий имеет «хорошие пашни, винограды и сады, а особливо изрядную паству для скота, чего ради и многие Акушинцы и Тавлинцы зимою, когда снег в горах глубоко бывает, гоняют на Хайтакскую паству свой скот, и пасут через всю зиму, которая там очень сносна».⁷⁵

В другом документе говорится, что «мало в нем (Акуша-Дарго — Б. А.) мест, к хлебопашеству удобных, а поэтому жители имеют больше скотоводства, особенно овец, а зимой, когда в горах снег глубоко бывает, отгоняют скот свой на пастбу к берегам Каспийского моря во владения шамхала Тарковского и уцмий Кайтагского».⁷⁶ «А за то,— пишет И. Г. Гербер,— платят Усмею некоторую пошлину, которая для многого числа овец, коих более 100000 в пригоне бывает, до великой суммы простирается». Эта экономическая зависимость верхнедаргинских обществ от шамхала и уцмий Кайтагского приводила к определенной политической зависимости. На этом основании И. Г. Гербер утверждал, что

⁷² Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 135.

⁷³ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, стр. 131.

⁷⁴ Мухаммед Рафи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ. вып. V, Тифлис, 1892, стр. 22—23.

⁷⁵ Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Июль — октябрь. 1760, стр. 107.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. 414, д. 301, л. 11.

власть уцмий распространялась с «некоторыми кондициями, над Акушинцами и некоторыми Тавлинцами...».⁷⁸

Аналогичные сведения содержат и документы второй половины XVIII в. «Акушинцы и ныне,— сообщает современник,— почитаются в зависимости шамхала» и она основана «в необходимой надобности в пастбищных местах его (шамхала — Б. А.) владений».⁷⁹

Дорого обходилась даргинцам аренда этих «пастбищных мест». «Имеющиеся кутаны в его (шамхала — Б. А.) владении,— писал Д. И. Тихонов,— одни принадлежат шамхалу, и он их отдает горским жителям на зимнее время в паст, смотря по величине кутана и его способных выгод. Берут в зиму за один кутан по 200 баранов, а за иной и менее, а другие кутаны принадлежат частным жителям, которые по своей воле отдают также их на зимнее время горским жителям в наймы по договору».⁸⁰

По сохранившимся сведениям за каждые 100 овец жители Акушинского союза платили шамхалу 25 ратлал (ратлал равен 1,4 кг) сыра и 15 ягнят.⁸¹ По сведениям народных преданий шамхал брал несколько баранов даже за то, чтобы выкопать небольшую яму на его земле, из которой чабаны кормили своих собак. Кроме того, в случае войны Акушинский союз должен был выставлять шамхалу определенное количество воинов, которых, однако, по сведениям конца XVIII в., шамхал просил «по доброй воле, а иногда и с платою».⁸²

Таким образом, взаимоотношения верхнедаргинцев с шамхалом и уцмием внешне носили взаимоотношающийся характер. Собственник земли дает ее в аренду, а арендаторы уплачивают ему за это определенную плату. Здесь вроде и нет внеэкономического принуждения. Однако, как указывал В. И. Ленин, надо иметь в виду, что «форма и степени этого принуждения могут быть самые различные».⁸³ Сам факт присвоения и сосредоточения в руках шамхала и уцмий основных зимних пастбищ уже являлся одним из наиболее действенных средств внеэкономического принуждения.

Обычно для доказательства господства родового строя в так называемых «вольных» обществах ссылаются на продолжавшие функционировать институты родового строя. Действительно, в Акуша-Дарго еще сохранялся ряд институтов пат-

⁷⁸ Там же, стр. 109.

⁷⁹ ЦГВИА, ф. 414, д. 301, л. 11.

⁸⁰ Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана. 1796 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв., М., 1958, стр. 130.

⁸¹ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1 д. 371.

⁸² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, ч. 3, л. 5.

⁸³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

риархально-родового строя. Однако в новых исторических условиях эти пережитки первобытно-общинной формации сохранились, как правило, «в искаженном, в карикатурном виде». Лишь внешне соответствуя породившему строю, по существу содержание их отражало те социально-экономические изменения, которые произошли в Акушинском союзе в XVII—XVIII веках.

Тухум не являлся родом, так как он не имел главного чем характеризовался род — коллективной собственности на средства производства. В исследуемое время в Акуша-Дарго господствовал принцип территориального расселения. Поэтому хозяйственно-политической единицей являлась сельская община, которая состояла из совокупности тухумов, вышедших из разных мест. Так, в Мугинском обществе было более 10 тухумов, из которых только четыре тухума — Мякяхъали, Дабайхъали, ШихгIямархъали, Мидухъали являлись родственными, а остальные переселились из разных мест.⁸⁴ Все тухумы Шуктинского общества являлись переселенцами — Хъябсулейманхъали — из местности Занихъай, Тапалайхъали — из местности Картасани, Вакъунхъали — из местности Къянила, Мирзалатагъирхъали — из местности Хала хара, Чабтилхъали — из местности ХIунтIена, Магъривхъали — из местности Герхе.⁸⁵ В обществе Цудахар помимо таких тухумов, как Абукайхъали, ХIусейнтала, Нурилавтала, Самурлавтала, Галлайтала, КIазухъала, являющихся местными, были еще тухумы, образовавшиеся из военнопленных, такие как Саркихъали, Даржахъали, КурехIхъали, Маликхъали, Гургихъали.⁸⁶

Сами тухумы состояли из ряда поколений одной или нескольких родственных семей. Входили в этот круг родственников узи — брат, узикъар — двоюродный брат, къариган — троюродный брат, гариган — четвероюродный брат, туриган или шинигар (цудахарский диалект) — пятиюродный брат.⁸⁷ Вся эта родственная группа у даргинцев обозначается термином «тухум». Близкое родство у даргинцев обозначалось термином «узи-урши», который представляет собой сочетание слов «брат» и «сын». В понятие узи-урши входят только родственники нескольких первых колен, включая троюродных братьев. Термин «тухум» у даргинцев объединяет и дальних родственников. Даргинский термин «нушала тухум» означает не только наш тухум, но и наш дальний родственник.

В состав тухума входили индивидуальные семьи, которые имели в частной собственности земли, скот, имущество и т. д.

⁸⁴ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. I, оп. I, д. 375.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, д. 371, 375.

и занимали различное экономическое и политическое положение в сельской общине, о чем мы уже указали выше. Каждый тухум имел свое название, которое в основном было связано с именем того или иного лица. «Им признается, обыкновенно, — пишет М. М. Ковалевский, — знаменитейший из предков, лицо, прославившее род или своею храбростью, или благочестием, или мудростью».⁸⁸ Так, тухум ШихГямархъала из Мугинского общества получил такое название по имени ученого-арабиста Ших-Омара, который жил более 250 лет тому назад.⁸⁹ Но даргинский тухум не имел характерного для рода тотемного названия, не имел тухумного культа. Это название могло меняться с появлением более знаменитых и авторитетных лиц. «Родовых названий здесь (в Акуша-Дарго — Б. А.), — отмечает М. М. Ковалевский, — тухумы не имеют, а обозначаются обыкновенно по имени того лица, которое приобрело почему-либо известность в народе. Его именем они величают себя до тех пор, пока из их рода не выступит новый еще более известный «герой».⁹⁰

Кроме того, название тухума могло возникнуть также в зависимости от особенностей, отличавших данный тухум от других тухумов — от характера деятельности лиц, которые входили в тухум, от поступков и склонностью к чему-либо, от прежнего местожительства и т. д.

Так, один из самых древних тухумов Мугинского джамата первоначально назывался Мякхъали, что значит буквально корневые (мякь — корень). Со временем тухум стал называться ГалГялабулкъадархъали. Это второе название было связано со строительством этим тухумом крепости, которая в реставрированном виде существует и ныне. ГалГя — на даргинском языке означает крепость, а Булкъадар — собственное имя главы тухума. Поэтому и возникло такое двойное название тухума.

В XIX в. тухум этот стал носить другое название — Тукенхъали, что было связано с тем, что представители этого тухума стали заниматься торговлей, открыв первую лавку в сел. Муги.⁹¹ Тухум СунтГхъали того же Мугинского общества со временем стал называться КыдылагГялихъали. Если первое название связано с тем, что это был богатый тухум, то второе название — с именем ГГяли.⁹² Тухум Кыуддихъали получил такое название от того, что члены его занимались

⁸⁸ М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 149.

⁸⁹ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375.

⁹⁰ М. М. Ковалевский. Указ. соч., стр. 149.

⁹¹ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 375.

⁹² Там же.

кузнечным делом (кьутI — по-даргински стук, кьутIикIес — стучать).

В исследуемое время подверглись сильным изменениям хозяйственное, общественное и идеологическое единство тухума. Причиной этого явились имущественное расслоение и дифференциация внутри самого тухума — выделение богатой верхушки (владельцев больших земель и скота) и обнищание их сородичей, попавших в фактическую зависимость от них.

Главной формой собственности на землю в Акуша-Дарго, как отметили при разборе форм собственности на землю, являлась частная собственность — мюльк. Указали также, что хозяин мюлька мог продать его, передать по наследству, завещать мечети и т. д., т. е. распоряжаться так, как он хотел. Следовательно, и труд из «всеобщего» коллективного, что могло быть только при родовом строе, когда, по словам К. Маркса, родовая община «не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом»,⁹³ превратился в индивидуальный. А это могло быть только тогда, когда не только «средства труда», но «и внешние условия труда принадлежали частным лицам».⁹⁴

Все это говорит о том, что тухум даргинцев с его «периодическими переделами обработанной земли, следовательно, с индивидуальной обработкой земли»⁹⁵ не являлся низовой политической ячейкой патриархально-родового строя. Индивидуализация обработки — это индивидуализация семьи с частной собственностью на землю (мюльк) и скот, которая то и являлась основной хозяйственной ячейкой сельской общины. Малая индивидуальная семья давно превратилась в самостоятельную ячейку. По сообщению жителя сел. Муги Закаригаева Магомед-Запира сохранилась запись о том, что его прадедушка седьмого колена сначала жил в крепости. Затем он ушел оттуда и поселился на территории современного селения. У него была своя собственная земля-мюльк, которую он после женитьбы сына разделил с ним и, построив ему дом, отделил от себя.⁹⁶ Таков был процесс образования новых малых индивидуальных семей, куда входили муж, жена, и их дети. Указывая на последствия такого процесса, происходящего в сельской общине, К. Маркс отмечал: «Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она (сельская община — Б. А.) получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных от-

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, ч. 1, стр. 20.

⁹⁴ К. Маркс. Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1949, стр. 764.

⁹⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1945, стр. 69.

⁹⁶ Рук. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.

пошениях из нее вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, parcelлярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, не совместимому с организмом более древних общин.

Но не менее очевидно, что с течением времени тот же дуализм может стать зерном разложения. Не говоря уже о всяких разрушительных влияниях, привходящих извне, община носит в своих собственных недрах подтачивающие ее элементы. Частная земельная собственность уже вторглась в нее в виде дома с его сельским двором, который может превратиться в крепость, откуда подготавливается наступление на общинную землю.⁹⁷

Из всего этого вытекает, что тухум даргинцев в исследуемый нами период представлял пережиточную форму общественной организации патриархально-родового строя, а именно пережиток патриархально-семейной общины. А патриархально-семейная община, по словам Ф. Энгельса, являлась «переходной ступенью, из которой развилась сельская община, или марка с обработкой земли отдельными семьями и с первоначально периодическими, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов».⁹⁸ Но домашняя община, являясь переходной ступенью, не могла быть ликвидирована сразу с распадом родовых отношений. Поэтому еще в течение длительного периода пережитки домашней общины продолжали существовать в сельской общине, приспособляясь к ней и испытывая на себе влияние процессов, происходящих внутри сельской общины.

Коренным изменениям подвергались и другие пережитки патриархально-родового строя — кровная месть, соприсяжничество, умыкание и т. п.

При родовом строе за убийство сородича имели право мстить все члены рода. Причем мстили не только самому виновнику, но и всему роду, которому он принадлежал. В исследуемый же период сфера действия кровной мести намного сократилась. Теперь она распространялась только на определенное число ближайших родственников. «Претензии об удовлетворении за кровь убитого, — говорится в адатах даргинских обществ, — предъявляются ближайшими его родственниками».⁹⁹ Согласно адатам верхнедаргинских обществ вместе с убийцей кровными врагами считались не все родственники, а всего «шесть ближайших его родственников из

⁹⁷ Черновые наброски письма Маркса — В. И. Засулич (8 марта 1881 г.) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, изд. 1, стр. 694—695.

⁹⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 70.

⁹⁹ Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873, стр. 12.

совершеннолетних мужчин». Вместе с убийцей они выселялись до примирения в другое селение.¹⁰⁰ По адатам Цудахарского общества ими являлись родители убийцы вместе с братьями и сестрами.¹⁰¹

Взамен обязательной кровной мести в исследуемое время адатное право допускало возможность имущественных компенсаций, что ставило в неравноправное положение членов общины. При таких условиях богатые и влиятельные члены джамаата могли совершать любые преступления, так как они имели возможность легко откупиться. Особыми статьями выкупа с убийцы при совершении убийства («хИнкиб») являлись «букъ» (алум) — плата, взыскиваемая с убийцы в пользу родственников убитого вскоре после убийства и дият — вознаграждение или условная плата, за которую происходило примирение родственников убитого с убийцей. По адатам Акушинского общества за убийство взыскивался «алум наследникам убитого — два быка» и «штраф джамаату — семь быков»;¹⁰² в Мугинском обществе — 2 лучших быка и 14 кары (1 кара равна 3/4 аршина) бязи наследникам убитого;¹⁰³ по адатам Усининского общества — «один бык без оценки», один бык и один баран определенной стоимости, «три сабы пшеницы, семь кары бязи».¹⁰⁴

Все это могло быть только в условиях укрепления частной собственности, индивидуализации общества и дальнейшего процесса ослабления тухума.

Об ослаблении единства тухумов и родственных связей свидетельствуют и происшедшие изменения в институте присяжничества. По общим адатам верхнедаргинских обществ к присяге допускались только ближайшие родственники обвиняемого с отцовской стороны — мужчины, достигшие 15 лет.¹⁰⁵ Дальние родственники допускались к присяге только в том случае, если отсутствовали ближайшие родственники. Но в этом случае присягающий должен был дать присягу на коране, что у него нет родственников ближе тех, которые представлены к присяге.¹⁰⁶

Взыскание всегда должен был уплатить обвиняемый. И только тогда, когда не хватало имущества виновного, взыскание делалось с его ближайших родственников. «При несостоятельности обвиняемого, — говорится в адатах Мугинского общества, — платят сперва родители, братья и сестры его».¹⁰⁷

¹⁰⁰ АДОЗО, стр. 86—87, 89.

¹⁰¹ Адаты и обычаи даргинцев, л. 6.

¹⁰² АДОЗО, стр. 114—115.

¹⁰³ Там же, стр. 158.

¹⁰⁴ Там же, стр. 223.

¹⁰⁵ Адаты даргинских обществ, ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873, стр. 9.

¹⁰⁶ Там же, стр. 9—10.

¹⁰⁷ АДОЗО, стр. 156.

И только в том случае, когда из этого имущества оказывалось недостаточно, взыскание делалось с родственников следующих колен, число которых в отдельных случаях могло достигать до 40 человек с отцовской и материнской стороны обиняемого.¹⁰⁸

Однако по адатам почти всех верхнедаргинских обществ «за оказавшихся несостоятельными по несчастному какому-либо случаю родственники платить не обязаны» были.¹⁰⁹

Все это говорит о том, что в исследуемый период родственная солидарность была в значительной степени ограничена юридически адатно-правовыми нормами, которые приобрели совершенно иное содержание в сравнении с периодом господства родовых отношений, что могло быть связано только с изменениями, которые произошли в самой надстройке даргинского общества. Сам адат уже являлся не столько пережитком родовых отношений, сколько формой раннефеодального права. Обычное право фактически превращалось в орудие в руках сильного и богатого против беззащитного и бедного.

Подводя итоги сказанному, мы должны повторить, что вопреки бытовавшему мнению о господстве в так называемых «вольных» обществах Дагестана родового строя в Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. определяющими были раннефеодальные отношения со значительными пережитками патриархально-родового строя.

Наряду с богачами, владельцами крупных земельных участков и больших отар овец, здесь находилась и беднота, которая являлась либо мелкими землевладельцами, либо безземельными узденями. Были в Акуша-Дарго и бесправные рабы.

«Внутри общины,— указывал В. И. Ленин,— идет такая же хозяйственная борьба и эксплуатация, как вне ее.»¹¹⁰ Подобное положение мы видим и в Акуша-Дарго. Сельская верхушка под прикрытием патриархально-родовых обычаев эксплуатировала свободных общинников, в их владении находились и рабы. Хотя еще и не было юридического оформления деления общества на классы, это было фактически классовое общество.

¹⁰⁸ ЛДОЗО, стр. 82—83.

¹⁰⁹ Там же, стр. 112, 134, 223, 241.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 356.

Э Т Н О Г Р А Ф И Я

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ДОМАШНИХ ПРОМЫСЛОВ ДАРГИНЦЕВ XIX — XX вв.

(ткани, кожа, войлок)

В натуральном, в своей основе, хозяйстве даргинцев XIX века, особенно его первой половины, важное значение имела обработка кожи, шерсти, растительных волокон. Среди домашних промыслов первостепенная роль принадлежала производству тканей, шедших на изготовление одежды.

Производство тканей было известно горцам Дагестана еще в глубокой древности. Имеются неоспоримые свидетельства того, что племена Дагестана, начиная с эпохи энеолита, занимались прядением и ткачеством. Так, у сел. Гильяр Магарамкентского района на энеолитическом поселении на обломке сосуда были найдены отпечатки ткани.¹

Отпечатки тканей обнаружены и на многочисленных фрагментах сосудов Джемикентского поселения эпохи ранней бронзы, причем на одном из сосудов сохранился отпечаток ткани сравнительно сложного плетения. Исследователь этого поселения А. П. Круглов, отмечая важность этой находки, указывает, что все известные до этого оттиски тканей как на Северном Кавказе (Долинское поселение), так и в Закавказье (находки в Азербайджане) давали лишь «простейшее полотняное плетение».²

Заслуживает внимание и тот факт, что у станции Манас в одной из катакомб курганов, датируемых третьей четвертью второго тысячелетия до н. э., были найдены некоторые орудия труда ткачих, в частности веретено с надетым на него пряслищем и 36 костяных колоков для ткацкого станка.³ Пряс-

¹ В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, вып. 1, Махачкала, 1959, стр. 135.

² А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ по II—I тысячелетиях до н. э. МИА, 68, стр. 43.

³ Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане Са, № 26, 1956, стр. 174; Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957, стр. 13.

лиц находят и в памятниках эпохи ранней бронзы (Сегитминское, Верхнегунибское поселения и др.).⁴

Более систематические находки относятся к памятникам раннего железа (начиная с VII века до н. э. и особенно с первых веков н. э.). С этого времени они составляют характерную принадлежность женского погребального инвентаря.

В этот период пряслицы изготовлялись из глины, камня и кости: были среди них и массивные колоколовидной формы, и меньшего размера, более тщательной обработки, диско-видной формы.

Подтверждением распространения ткачества в этот период являются и отпечатки тканей на предметах погребального инвентаря (меч, жепский головной убор и т. д.).⁵ Археологические материалы как могильников, так и поселений ранне-средневекового Дагестана содержат многочисленные пряслица и образы тканей — шерстяных и хлопчатобумажных.⁶ Эти же материалы свидетельствуют также о широком проникновении в Дагестан в эпоху раннего средневековья шелковых тканей, очевидно с Ближнего Востока.

Занимая выгодное географическое положение, значительная часть Дагестана очень рано оказалась втянутой в орбиту оживленных торговых связей народов юго-восточной Европы, Закавказья и Передней Азии.

Как свидетельствуют армянские и арабские авторы, известный раннесредневековый город Семендер, являвшийся продолжительное время столицей Хазарии, находился в приморской части Дагестана, почти рядом с исследуемой нами территорией. По данным этих авторов, Семендер — «большой приморский город», в нем производятся шерстяные ткани, имеются рынки, купцы, и он поддерживает торговые связи со многими странами.⁷

К X веку крупным торговым центром в Дагестане становится Дербент. Арабский историк первой половины X века Ал-Истахрий отмечает, что к Дербенту (Баб-уль-Абвабу) «стекаются хазары, сериры, (очевидно население северо-за-

⁴ В. И. Каневец и Г. М. Буров. Отчет о работах Чирюртовского отряда археологической экспедиции 1956 г. Рук. фонд. ИИЯЛ, д. 2560, стр. 80; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, Махачкала, 1965, стр. 230—231.

⁵ М. И. Пикуль. Хабадинский могильник, МАД, т. II, стр. 158.

⁶ Н. Д. Путинцева. Северо-восточный Дагестан в эпоху раннего средневековья. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 87, стр. 203—205. Махачкала, 1961.

⁷ Дорн. Известия о хазарах восточного историка Табарн. ЖМНП, 1844, 43 отд., стр. 87; Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМИК, вып. 29. Тифлис, 1908, стр. 55; его же. Сведения арабских географов IX и X вв. СМОМИК, вып. 38, стр. 5, 43, 118; П. С. Савельев. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, стр. 9.

падного Дагестана — аварцы, — С. Г.) шензаны, хайзаны (очевидно кайтаки — даргинцы, — С. Г.), курджи (грузины, — С. Г.), рукланы зерикераны (кубачинцы — С. Г.) и гумик с севера, а также появляются там люди из Джуржана, Табаристана, Дейлама и Джилы». ⁸ Он же пишет: «Из Баб-уль-Абваба вывозятся полотняные одежды и не выделяется полотняных одежд в Арране, Армении и Азербайджане, нигде, кроме этих мест». ⁹

Надо полагать, что кубачинское, кайтагское и другие общества Дагестана не только приобретали в названных выше торговых центрах привозные ткани, но и реализовали свои изделия и прежде всего сукно, холст, о которых упоминается выше.

Значительно более полные и точные сведения появляются в письменных источниках позднее.

Автор середины XVII века Эвлия Челебси писал, что в Дагестане «очень развито кустарничество. Часто встречаются мануфактурные предприятия». ¹⁰ Упоминая «мануфактурные предприятия», Челеби очевидно имел в виду широко распространенные домашние промыслы по изготовлению тканей.

В XVIII—XIX вв. даргинцы, как и все горцы Дагестана, изготавливали ткани из овечьей и частично верблюжьей шерсти, из козьего пуха, конопля, реже из хлопка и шелка.

Участник посольства 1715—1718 гг. в Персию А. И. Лопухин в своем «Журнале путешествия через Дагестан» пишет, например, о кубачинцах: «Ремесло у них такое — делают много хорошева ружья мелкого, также сказывают, и пушки льют. Они ж имеют у себя немалое довольство шерсти, из которой сукна делают сами и по их мастерству не худо делают». ¹¹ Тот же автор отмечает, что «шерсть у них изрядная и мягка, купят весом в батман, а в котором 14 фунтов, за самую добрую по 20 алтын батман, иное время и меньши». Сравнивая привезенную из Кубачи шерсть с испанской, Лопухин признавал первую лучшей. ¹²

Автор конца XVIII века Д. И. Тихонов в своем «Описании Северного Дагестана» пишет о Кайтагском уцмийстве, что здесь «из шерсти овечьей делают на продажу ж и домашние употребления простые сукна: синые, черные, белые... и бу-мажный холст». ¹³

⁸ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей..., стр. 15.

⁹ Там же, стр. 11.

¹⁰ Отрывки из «Путешествия Эвлия Челеби». Рук. фонд. ИИЯЛ. Даг. филиала АН СССР, д. 1157, стр. 94.

¹¹ А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.» М., 1958, стр. 30.

¹² Там же.

¹³ Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана. 1796. «История, география и этнография», стр. 134.

В своем «Описании Дагестана», относящимся к 30 годам XIX века, М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг, свидетельствуя, что кубачинские «женщины упражняются в тканье холста и узких сукон», указывают также на занятия кубачинцев шелководством.¹⁴

Как видно из приведенных выше данных, изготовление тканей было женским занятием. Женщины осуществляли все процессы прядения и тканья.

Среди тканей домашнего изготовления первое место занимало сукно, что объясняется целым рядом причин и прежде всего значительным развитием овцеводства. Сукоподелением занимались почти во всех селениях даргинцев, причем его главными центрами являлись Цудахар, Хаджал-Махи, Акуша, Уркарах, Сутбук, Усиша, Меусиша, Дейбук, Дуакари и некоторые другие общества, изделия которых славились по всему Кавказу и были известны в Закавказье под названием «кубачинские пали». Однако самым лучшим признавалось «цудахарское сукно», изготавливавшееся в селениях Хаджал-Махи и Цудахар.

Даже в официальных документах при оценке качества изделий кустарей области особое место отводилось сукнам хаджалмахинских мастериц. При этом отмечалось, что «они тонки, нежны и весьма прочны, употребляются на дамские платья».¹⁵ Цена лучших сортов этих сукон, по тем же документам, доходила до 200 руб. за кусок длиною 10—12 аршин».¹⁶

Акушинские, цудахарские и кубачинские сукна высшего качества изготавливались из верблюжьей шерсти, которая приобреталась в Закавказье, в Астрахани, Кизляре, Дербенте, Бухаре, в Киргизии и даже в Тавризе, а также из козьего пуха.

Наряду с сукоподелением большое значение имело изготовление тканей из конопля — «диклуми». Центрами изготовления этих тканей являлись селения Кайтагского участка, а также Киша, Кубачи и др.

На былое распространение тканей из конопля указывают «Постановления Кайтагского уцмня Рустем-хана» — памятник обычного права даргинцев XVIII в. В них, как еще в свое время отмечал Е. М. Шиллинг, в качестве натуральной оп-

¹⁴ М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг. Описание Дагестана. «История, география и этнография Дагестана», стр. 310.

¹⁵ П. Петухов. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. «Кавказ», 1867, № 16; Владимир Вилльер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. ССКГ, вып. 8. Тифлис, 1875, стр. 20; А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, «Весь Кавказ», Баку, стр. 209.

¹⁶ Обзор Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893, стр. 45.

латы штрафов с подвластного населения, обычно называется ткань из конопли — халцалдик.¹⁷

В таких селениях как Море́го, Кара́дан, Барщамай, Джавга́т и др., изготовлялись и ткани из хлопка и шелка. Хлопок и шелк часто ввозили из Азербайджана (Ну́хи), где жители этих селений реализовали свои изделия. Хлопком их снабжало и население плоскостных районов Дагестана, в частности, соседи-кумыки. Последние, по свидетельству авторов начала XVIII века, собирали хлопок «в великом множестве».¹⁸

Кроме того, разведением шелкопряда в XX веке занимались даргинцы во многих предгорных аулах, особенно в Кайтаге, Мюрего, Губдене.

Производство тканей

1. Сукноделие.

Для изготовления сукна «субъбан» мастерицы применяли лучшую осеннюю шерсть молодых барашков, полученную не путем стрижки, а путем выщипывания. Ее называли — «уртлабала», выщипанной, оборванной. Повсеместно славилась шерсть обществ Сюргинского участка (селений Цугни, Касагу, Неци, Нахки, Ураги, Ургани и др.). Таковую шерсть даргинцы приобретали и в некоторых аварских обществах (Чох, Анди и др.), имевших с ними тесные культурные и экономические связи. Шерсть весенней стрижки применялась реже.

Перед обработкой шерсть, как правило, не мыли. Очистив от грязи и всяких примесей, ее тщательно перебирали и расчесывали на специальном железном гребне «дурига». Некоторые мастерицы, особенно хаджалмахинские, повторяли этот процесс трижды: первый раз для того, чтобы получить шерсть желаемого цвета, а второй и третий раз — чтобы отобрать шерсть высшего сорта и отделить от нее недоброкачественные волокна. Разделив затем расчесанную шерсть на большие доли, мастерица приступала к прядению.

Прядение производили на веретене и прялке.

Даргинское веретено «дурук» почти ничем не отличается от веретен, применяемых у других народов Дагестана. Это вырезанная из дубового, кизилового или барбарисового дерева гладкая палочка 25—26 см длины, круглой формы с крючковидной головкой и утолщением в средней части на нижнем

¹⁷ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I, 1868.

¹⁸ И. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», СПб, 1760, стр. 35; Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли..., ч. III, СПб, 1776, стр. 60.

конце. Веретено имело плоское пряслице из дерева, кости, латуни, диаметром 4—6 см. Встречались веретена и без всякой насечки. Некоторые мастерицы во время работы надевают на веретено два пряслица сразу.

Прялки. Женщина за прялкой.

Прялки встречались преимущественно двух видов. Один из них — «ккалазари», «дарага» или на кубачинском диалекте — «муцатте» — был описан Е. М. Шиллингом.¹⁹ Эта прялка представляет собой узкий четырехгранный деревянный столбик, длиной 120—150 см, укрепленный на массивном, каменном постаменте. К верхней стойке вбивалась небольшая деревянная палочка (длиной 15—20 см), на которую для лучшего скольжения нити надевалась или гладкая круглая кость, напоминающая катушку, или горлышко от разбитой

¹⁹ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, М.-Л., 1949, стр. 30—31.

бутылки; часто столбики имели 2—3 запасных отверстия для вбивания таких же блоков, что обеспечивало работу нескольких женщин одновременно.

Такие прялки изготовлялись лучшими мастерами по обработке дерева и камня. Все их части покрывались художественной резьбой и подвергались тщательной отделке. Аналогичными прялками пользовались и аварки каратинского участка при изготовлении каратинского сукна.²⁰ По установившейся традиции даргинка работала, сидя на полу, на подушке.

Другой вид прялки — «чирхла». Эта прялка с колесом. Основанием ее служат два параллельно расположенных коротких деревянных бруска, соединенных между собой длинной перекладиной. На одном из брусков расположены две вертикальных стойки (высота 45—50 м.), между которыми на оси укреплено колесо с ручкой. К противоположному бруску прикреплены тоже две иногда и три стойки, по покороче (25—30 см). Они снабжены железными колечками, в которые вставляется веретено. Некоторые прялки этого типа имеют более сложное устройство. Они снабжены дополнительными приспособлениями (основание и стойки с крючками) для одновременной работы еще двух веретен.²¹ В движении веретено приводится вращением колеса, соединенного с ним двойной нитью по типу приводного ремня.

Нередко женщины для прядения шерсти, а вместе с тем и для развлечения, собирались в одном помещении, куда приносили свои веретена и сита с кудельками. Они обычно садились в круг поставив в середине 2—3 прялки-стойки («ккларизи») и снабдив их дополнительными блоками по числу работающих женщин.

На отрез сукна длиной в 14—16 аршин необходимый для изготовления одной черкески, шло от 7 до 12 фунтов или 1,2—2 раттала (батман) неочищенной шерсти или 4—6 фунтов готовой пряжи.

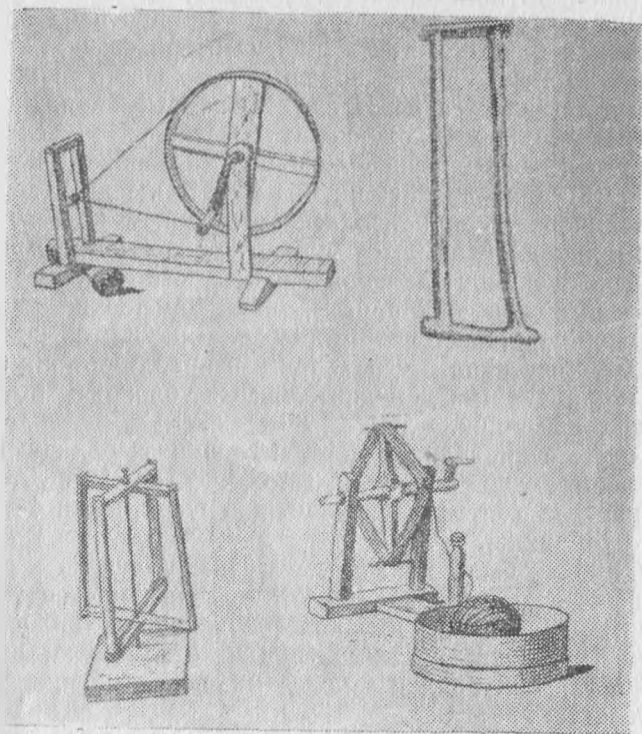
Чем тоньше была пряжа, тем лучше получалось сукно и тем дороже ценилось оно. Известные своим мастерством цухарские, акушинские, кубачинские женщины при выполнении лучших изделий на заказ пряли с помощью веретена и стойки, так как прялки с колесами, по их мнению, давали более толстую пряжу.

До натягивания на ткацкий станок, нитки с веретена сматывались в мотки при помощи мотивила «айклумы» (род небольшой рамы, 40 см длины и 12 см ширины).

²⁰ Полевой материал 1964 г.

²¹ Наличие трех веретенных прялок у других народов Дагестана не зафиксировано.

В некоторых селениях, в частности в Шияги, вместо рамы для этой цели применялся более усовершенствованный инструмент «биштіа гьарчи», очень близкий по своему устройству к описанной выше прялке с колесом. Смотанная в мотки пряжа поступала на ткацкий станок и крашенной, и некрашенной, о чем речь будет идти дальше. Если мастерица желала сохранить натуральный цвет шерсти, то мотки перематывались в клубки «цикла». Для этого применялось особое приспособление «айланчыкъ» (букв. крутилка), представляющее собой две легко приводимые в движение руками небольшие рамы (длина 60 см, ширина 40 см), посаженные крест-накрест на металлическую ось. Ось прикреплялась к массивному постаменту круглой или квадратной формы.

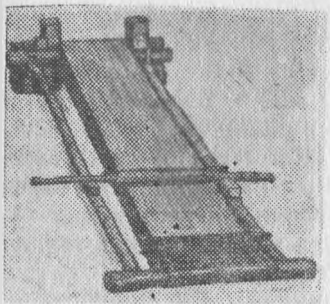
Мотовила.

Встречаются и некоторые разновидности этого инструмента. Отличительной особенностью одного из вариантов «айланчыкъ» являются две перекрещивающиеся пластинки с небольшими стойками на всех четырех концах, заменяющие

рамы другого типа «аланчък». Ось, которой вращались эти планки, в свою очередь, укреплялась на более крепкую стойку с каменной подставкой. Если хозяйке была нужна двойная пряжа, она ставила рядом две «айланчък» и сразу наматывала вдвоенные нитки на клубок.

Предназначенная для основы ткани пряжа натягивалась непосредственно на ткацкий станок, для чего использовалось особое приспособление «ручручни», представляющее собой две вырезанные из цельного дерева чашечки, соединенные между собой двумя горизонтальными, параллельно расположенными планочками. Положив в каждую чашечку по одному клубку, мастерица натягивала шерсть с клубков на раму ткацкого станка, причем каждая мастерица делала это с учетом того, какой длины сукно ей нужно выткать.

Даргинский станок для тканья сукна — «кидигъ», описанный в основных чертах Ю. В. Вадковской и несколько подробнее Шиллингом,²² представлял собой массивную деревянную раму (длина 3—3,5 м, ширина 1—1,3 м). Одна из поперечных скалок рамы делалась подвижной для того, чтобы в зависимости от размера отрезка сукна, удлинять или укорачивать раму.

Ткацкий станок
для сукна.

Боковые брусья станка имели небольшие подвижные подставки с пазами, в которые вставлялась ремизная палка «мируц» длиной 1,42 м. Дополнительный инвентарь ткачихи состоял из «дурикка» (гребень), инструмента для прибивания нити утка, выполняющего частично роль бердо. Он имел лопатообразную форму (длина 30, ширина 25 см) и изготовлялся из дерева. В нижний конец его вставлялась железная пластинка «гребень» с мелкими, частыми зубьями, чтобы удобнее было держать его во время работы; в середине «дурикка» делалось два отверстия.

Челнок — «члхIяра» — представляет собой тонкую, 53—55 см длины палочку с острыми концами, на которую равномерно наматывалась нитка утка.

Для развода слоев нити основы, натянутой на раму ткацкого станка, необходимого, чтобы пропустить челнок с ниткой, применялась «тамкъ» — длинная (97 см), плоская планка с суженными концами. Для нажима сверху на нити основы и их ровного перемещения использовался деревянный плос-

²² Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура, стр. 31—32.

кий инструмент «кицман» с дугообразной рабочей частью (длина 33 см, ширина в середине 6 см).

Для образования зева и развода слоев нитей основы использовался «хъирссик» — деревянный инструмент гвоздеобразной формы с острым концом и закругленной головкой (длина 11 см).

И, наконец, в состав дополнительного инвентаря входил описанный выше прибор «ручручни».

Мастерица работала сидя на полу — на подушке или прямо на вытканной части сукна, подстелив под себя мешковину, (чтобы не загрязнить сукна).

Иногда станок устанавливали над небольшим углублением в полу так, чтобы женщина, сидя на полу, могла опустить в ямку ноги. Такой способ был распространен и у некоторых других народов Дагестана (у кумыков), а также Закавказья.²³

Когда сукно было выткано, его снимали со станка и приступали к мойке и уваливанию. Уваливали ногами, периодически опуская сукно в горячую воду. Эта процедура продолжалась 5—6, а иногда и 8—9 часов. Сполоснув затем в холодной проточной воде, сукно натягивали на вертикально поставленные специальные жерди и сушили на солнце. Сукно снимали еще влажным, разглаживали руками, а затем снова вывешивали до полной высушки. После этого сукно аккуратно скатывали и в таком виде хранили.

Продолжительность процесса тканья и вообще работы над изготовлением куска сукна была индивидуальна. В больших семьях, где было много рабочих рук и где одна из женщин могла уделять основное свое время ткачеству, отрез сукна указанных выше размеров мог быть изготовлен в течение 10—15 дней; в малых семьях, где женщина занималась и другими работами, — за 30—35 и более дней.

Прославленные мастерицы тратили на эту работу еще больше времени (4—5 месяцев), особенно при изготовлении сукна из верблюжьей или белой овечьей шерсти. Зато их тончайшие изделия не знали конкуренции. Такие отрезы стоили 35—40 рублей серебром,²⁴ а самые лучшие из них, идущие на дамское платье — до 200 рублей.

В Кавказском календаре на 1893 год отмечалось: «В особенности славятся женщины — кустари сел. Хаджал-Махи и Цудахар, дошедшие в тканье сукон из верблюжьей шерсти до совершенства. Хаджалмахинские сукна необыкновенно

²³ См. С. Д. Лисицкая. Очерки этнографии дореволюционной Армении. «Кавказский этнографический сборник», вып. 1, 1955, стр. 192.

²⁴ О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, М., 1882, стр. 92.

тонки и нежны и идут на дамские платья. Продажная цена их доходит до 200 рублей за кусок длиною 10—12 аршин.²⁵

Чтобы продемонстрировать перед покупателями, заказчиками или перед другими мастерицами высокие качества своей работы, искусные мастерицы пропускали изготовленные ими отрезы через маленькое колечко, предназначенное для мизинца, либо сравнивали с гладкими фабричными тканями из чистого натурального шелка «дарай». «Сукъбан дарай гъуна саби» (сукно как дарай) говорили они, расхваливая товар.

Модным считался серый (мышинный), белый, а из верблюжьей шерсти, натуральный желтоватый цвет, хотя широкое применение, особенно для будничной одежды, имели сукна черного, рыжеватого, синеватого цветов. Шерсть, пряжа или готовое сукно неровной расцветки нередко подвергалось крашению. (см. ниже).

2) Производство конопляных тканей

Многие даргинские общества (Кица, Шипляги, Барсит), как мы уже отмечали выше занимались и возделыванием конопли — «къама», изделия из которой (ткань, веревки, мешки и т. д.) шли как на удовлетворение нужд семьи, так и на продажу. Среднее хозяйство обычно высевало 2—3 сагъ конопляных семян.

Коноплю даргинцы сеяли также, как многие другие яровые культуры в середине мая. Поля под коноплю удобряли навозом, но посевы не поливали. Убирали коноплю в августе — сентябре в зеленом виде, причем выкорчевывали с корнями. Вырвав 100—150 корней (толстые и тонкие стебли убирались отдельно), даргинцы связывали их в снопы и тут же отрубали топором корни. Затем из 10—15 снопов делали копны и ставили их сушить на крыше дома или в поле. Как только стебли высыхали (для этого требовалось 5—7 солнечных дней), их сортировали в зависимости от длины и опять завязывали в снопы, которые скрепляли уже в середине и с двух концов. В таком виде их везли на берег реки, где замачивали в специальных прудиках или ямах — «даркки». Сложив снопы в яму рядами, их покрывали ветками дикорастущих деревьев или соломой, затем впускали через специально вырытую канаву воду и оставляли в таком виде в течении 10—15 дней, т. е. до тех пор, пока лубяное волокно не приобретало способность легко отделяться. Вымоченная конопля высушивалась тут же или на крыше дома,

²⁵ «Кавказский календарь на 1893 год», Тифлис, 1892, стр. 157.

а затем мялась, что обеспечено окончательное отделение волокна (луба) от древесины стебля.

Мялка состояла из массивной деревянной или каменной подставки овальной формы (в виде наковальни) и была — «урк», утолщенного в середине бруска с ручкой (длиной 110—130 см, шириной 10—12 см), вырезанного из цельного дерева. В отдельных местах било делалось плоским и рабочая часть его имела острые зубья.

Процесс мятья включал в себя трепание, размягчения и даже, как даргинцы утверждают, беление. Измятые волокна затем подвергались прочесыванию. Гребнем или чесалкой — «бирхям» — служил особым образом связанный пучок стержней куриных перьев, покрытый сверху для крепости грубой тканью. Этим инструментом сортировались волокна, отбирались лучшие, отделялись недоброкачественные (короткие и грубые), шедшие на изготовление мешков, грубого оберточного материала.

Процесс прядения конопля делились на два этапа. Сначала ручным способом «заготавливали» волокно для прядения и сучения — «дузы»: вытягивали из кудели волокно пужной для нити толщины, слегка смачивая его водой. Затем приступали к сучению с помощью прялки и веретена. Прялки с тремя веретенами, о которых говорилось выше, применялись чаще всего именно при изготовлении пряжки из конопля. Для трех веретен обычно делались три самостоятельных «заготовки» волокна, каждая из которых имела свое назначение.

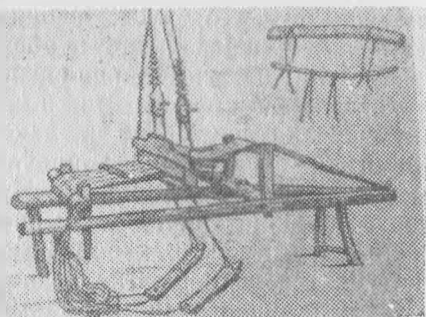
Спряденные нитки — «барк» тем же способом, как и шерстяные перематывались на мотки, затем подсушивались и выбеливались на солнце. Конопляную пряжу, кроме того, особым образом обрабатывали в горячей зольной воде, мыли на речке, крахмалили, используя для этой цели ячменную, а в некоторых местах и пшеничную муку.

Часть накрахмаленной и высушенной пряжи шла на основание ткани, другая — на уток.

При изготовлении конопляных тканей во многих селениях пользовались специальным приспособлением — сновальной — «рурчанти». Прежде чем натягивать нити основы на станок, их натягивали на «рурчанти» с учетом длины ткани.

Даргинская сновальня представляла собой не очень массивную, четырехугольную деревянную раму (длина 190 см, ширина 160 см). Для прикрепления нити на каждом из продольных брусьев вбивалось по 24—25 гвоздевидных колышек. Снятая со сновальни пряжа шла на ткацкий станок; часть ее наматывалась на раму стана, другая, в виде заплетенной косы, свисала у ножки стана, пока первая половина в готовом виде не пройдет на валик.

Станок для конопляной ткани — «души бушан чикъа» — по своему устройству значительно отличался от более простого ткацкого станка для сукна. Он представлял собой деревянный каркас на четырех ножках трехугольной формы, несколько напоминающий остов горской арбы. Каркас состоял из двух продольных брусьев (длина бруса 250 см), образующих с одной (задней) стороны острый угол и соединенных при помощи металлического обруча; с противоположной стороны брусья были соединены между собой поперечной переключиной, являвшейся одновременно и сиденьем для ткачихи. На передней ножке правого бруса имелось отверстие с колом для закрепления пряжи основы.

Ткацкий станок для конопляных тканей.

На каркасе были установлены приспособления: 1) для образования зева, 2) для прибавания уточной нити к опушке ткани, 3) для направления нити основы в горизонтальном положении, 4) для наматывания готовой ткани.

Оригинально устройство зевобразующего приспособления. К потолочной балке дома привязываются два веревочных кольца, в которые продевается массивная деревянная палка. В центре к полке подвязываются два шнура. Эти шнуры прикрепляются к «державкам», на которых посредством оси закрепляются два ролика с выемками по поверхности для шнура. Через выемки ролика продевается другой шнур, который привязывается к ремизам за края верхней ремизной палки. К нижним ремизным планкам прикреплены стремяна, идущие к подножкам — педалям — «т'як'ла урк'ли»; противоположные концы педалей, в свою очередь прикреплены через шнур к задним ножкам каркаса.

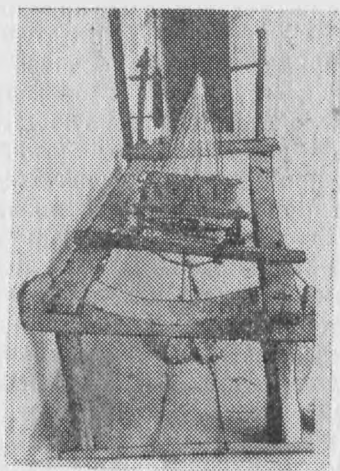
Приспособление для прибавания уточной нити — бердо «дурикка» (гребень) представляет собой своеобразную четырехугольную раму с выступом или ручкой в середине верхней части. В раму плотно друг к другу вставлены зубья из камыша. Бердо по краям имеет отверстия для ве-

ревок, посредством которых оно прикрепляется к балке потолка.

Приспособление для направления нити основы в ровном горизонтальном положении «хIамхIа» также представлено четырехугольной рамой (30 см высоты и 50 см ширины), укрепленной на расстоянии 130—150 см от переднего кольца каркаса. Верхняя часть этой рамы собственно и представляет направляющий брус. Для наматывания готовой ткани станок имеет массивный товарный валик — «тарк». Он прикреплен к деревянным упорам с выемками на расстоянии 25—30 см от «сидения», вбитым в продольные брусья каркаса.

Для натягивания основы ткани на станок начало нитей проводится вокруг правого упора товарного валика, затем протягивается вдоль правого бруса, заводится в металлическое кольцо «къял», прикрепленное к обручу задней части станка, далее проходит через направляющий брус; затем каждая нить в отдельности продевается в галево ремиза (глазок), проходит через зубья бердо и, наконец, концы всей продетой в ремиз и бердо основы протягиваются дальше и привязываются к товарному валику. Чуть натянув нити основы на валик, женщина приступает к процессу тканья.

Станок, кроме того, имел лодкообразный с выемкой в середине для катушки с питкой утка челнок — «мокок». Для сохранения готовой ткани в ровном и растянутом положении ткачиха пользовалась особой пресообразной двойной планочной — «чIалтIни».

Ткацкий станок для шелковых покрывал.

Таким же станком даргинцы пользовались и при изготовлении хлопчатобумажных, а также шелковых тканей. В не-

которых местах, например, в Кайтаге, применялась несколько иная разновидность этого станка — она очень напоминает татарский ткацкий станок²⁶.

«Кайтагский» станок «кур» представлял собой весьма массивный четырехугольный деревянный каркас на ножках (длина 250 см, ширина 95 и высота ножек—60 см). На противоположном от валика и от места сидения ткачихи конце он имел прямоугольную вертикальную раму для направления нити основы. Нижние концы этой рамы проходят через пазы продольных брусьев и служат задними ножками станка. В остальном «кур» повторяет устройство описанного выше ткацкого стана.

Следует отметить, что на станке такого устройства можно было вы ткать ткань самых различных размеров — 10-20 м и более. Ширина ткани обычно не превышала 35—40 см.

Чтобы придать белизну, конопляную ткань, снятую со станка, мыли в речке, ударя специальной колотушкой до тех пор, пока ткань не станет белой. Многие женщины для мытья такой ткани использовали золую (щелочную) воду. С этой же целью ткань вывешивалась на солнце или на мороз, а затем складывалась слоями определенной длины, обычно в 50 см — «декі».

3. Изготовление хлопчатобумажных и шелковых тканей.

Почти такие же приемы ткачества применялись при изготовлении хлопчатобумажных тканей «пача» или «чаба».

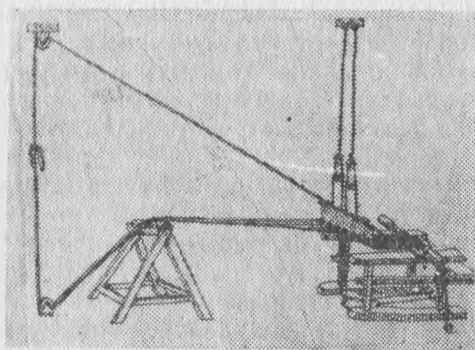
Как мы уже отмечали, даргинцы при изготовлении такого вида тканей использовали привозной и частично (в предгорной полосе — Мюрего, Губден, Урахи, Баршамай и т. д.) свой хлопок.

Хлопок также как и шерсть, сперва очищали, потом трепали с помощью дугообразного прибора «хІямдуц», прибивая небольшим валиком «токъмакъ». Затем ткачиха делала из хлопка кудели (сперва большие, затем из них маленькие), и когда было заготовлено штук 200—300 мелких куделей «пишкІе», приступала к прядению. При прядении нити из хлопковых волокон почти всегда применялась прялка. Пряжу из хлопка обычно подкрахмаливали, используя для этого пшеничную или ячменную муку.

Процесс перематывания пряжи на мотки, натягивания на сновальню, на ткацкий станок, и, наконец, техника ткачества и отбеливания готовой ткани были почти те же, что и при

²⁶ См. Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 113.

изготовлении конопляных тканей. Как особый прием, здесь следует отметить опускание готовой ткани перед отбеливанием в свежий коровий навоз на целые сутки. Хлопчатобумажные ткани, в отличие от других видов, нередко делались в клетку, для чего часть пряжи, идущей на уток, красилась.

Ткацкий станок для шелковых и хлопчатобумажных тканей.

Шелковых тканей даргинцы изготавливали гораздо меньше. Тем не менее в отдельных селениях этот промысел играл немаловажную роль.

О распространении шелководства в Дагестане во второй половине XIX века О. В. Маргграф писал следующее: «Относительно шелковой выработки Дагестана нет даже и поверхностных сведений. Но кустари-оружейники, пришедшие оттуда говорят, что там есть целые селения, где шелком заняты женщины; что там ведется в совершенстве окраска и изготовление ниток и шнурков и даже изредка ткнут канаус, желтый и красный, на платье — туземных женщин».²⁷

Центрами производства шелковых тканей были селения Мюрего, Баршамай, Джавгат и др. Шелковые ткани в основном шли на удовлетворение потребностей семьи, в частности, на изготовление головных платков женщин, и только частично реализовались на рынке.

Разведением шелкопряда в указанных селениях занимались женщины. Частично шелк в виде коконов, волокна или готовой пряжи приобретался в кумыкских районах, в селениях магала — Теркеме, в Табасаране, Дербенте, Темир-Хан-Шуре и в Закавказье (Нуха). При покупке семени измеряли наперстками. В среднем женщина могла использовать 2—3 наперстка семян.

²⁷ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 202.

К разведению шелковичных червей приступали примерно в середине мая.²⁸ Для оживления червей семена из холодного помещения, где они находились всю зиму, приносили в теплое место — чаще всего ставили в картонной коробочке на надкамишную полочку. Нередко женщины держали их, завернув в платочек, за пазухой. На 5—6 день шелковичные черви начинали выводиться; с этого времени в течение 40 дней их снабжали зелеными листьями тутового дерева и тщательно ухаживали за ними, соблюдая необходимую чистоту в помещении, не допуская проникновения в него вредных насекомых и оберегая от домашней птицы. Чтобы предохранить шелкопряд от «дурного глаза», в помещение не допускались посторонние.

Помещение для шелкопряда оборудовалось специальными плетнями из орешника, которые ставили на подставки или колья на высоту 100—120 см от пола.

Перед тем как произвести уборку помещения для шелкопряда и выбросить старые листья, объедки и помет, хозяйка насыпала на плетень большие свежие листья или даже веточки. Как только черви перелезали на них, их вместе с шелкопрядом переносили на чистые плетни, а старые выбрасывали.²⁹

На 25—30 день появлялись первые коконы. Для завивки коконов клали мелкие ветки определенных видов кустарников или веникообразные связки растений. Готовые коконы сушили (замаривали) на солнце, выделив предварительно небольшую часть для семян.

Чтобы получить пряжу, коконы опускали в котел с кипящей водой и помешивали палочкой. Как только из коконов образовывалась сплошная масса, острым концом палочки находили начало волокна и начинали его разматывать. Мотовилом служила описанная выше узкая рама «айклуми». Дальнейшие процессы и применяемые при этом орудия труда, были такие же, что и в производстве тканей из конопли и хлопка.

Следует отметить, что на изготовление шелковых тканей шла крученая и некрученая нить. Последняя чаще применялась для выделки ткани, предназначенной для продажи.

Самая тонкая и самая лучшая пряжа шла на основу, худшая — на уток. Некоторые ткани делались целиком из недоброкачественных сортов пряжи (кежи), но такие ткани ценились значительно дешевле.

Чтобы предать белизну ткани, ее вываривали в мыльной воде в течении двух часов. После этого ткань тщательно промывали в холодной воде и сушили.

²⁸ О шелководстве на Кавказе. См. О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 178—203.

²⁹ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр.

Шелковые ткани шли главным образом на платки. Поэтому длина отреза зависела от размера и формы платка, принятых в той или другой местности. В Кайтаге (Баршамай, Карацан, Джавгат и т. д.) для платков «ашмаг» требовалось 7,5 метра такой ткани, а в Мюрего и других селениях этого магала — 10—12 метров и т. д. Поскольку ширина ткани не превышала 30—40 см, платок у первых составлял два пришитых друг к другу полотнища длиной 3,7—3,8 метра каждое, у вторых — шесть полотнищ, составлявших квадрат (2 метра длины и 2 метра ширины). К платку прешивалась бахрома, для которой изготовлялась пряжа несколько толще, чаще всего второго сорта.

В общем на платок даргинки расходовалось 600—650 граммов пряжи. Чем тоньше была пряжа, тем дороже ценилась ткань и платок из нее. Хорошие мюрегинские платки стоили столько же, сколько двухлетняя телка или бычок. Соседние народы, в частности кумыки, среди которых весьма ценились мюрегинские платки, меняли шелк-сырец на головные платки, на вес два на один.

4. Способы окраски тканей.

Все описанные виды тканей по желанию потребителей могли подвергаться крашению.

О. В. Маргграф отмечал, что «Дагестанский район как по шерстяным изделиям вообще, так и по окраске их состоит выше всех прочих районов»³⁰ (автор имел в виду районы Северного Кавказа). Он подчеркивал, что именно в Дагестане «можно найти лучший подбор и смешение красок и большую прочность их, так как окраска здесь отличается от прочих и большим изяществом и ровностью и нелиночестью».³¹

Высокая оценка, данная О. В. Маргграфом одному из видов кустарных изделий Дагестана, полностью относится и к изделиям даргинцев.

Даргинские мастера красили пряжу, готовую ткань, резе и волокна, обычно в черный, терракотовый, желтый, синий, коричневый цвета. В таких крупных селениях, как Акуша, Цудахар, Хаджал-Махи, Урахи, Кубачи и другие, были специальные красильные мастерские.

В качестве красящего материала даргинцы широко использовали марену, кору дуба, ореха, ольхи, кожуру лука, бузины, сажу из дымохода, медный купорос. Начиная со второй половины XIX века в даргинские селения начинают проникать анилиновые краски.

³⁰ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 129.

³¹ Там же.

Для протравки тканей, пряжи и последующего закрепления на них красок использовали квасцы, мочу крупного рогатого скота, фруктовые кислоты.

Окрашиваемый материал (пряжа, ткань, волокно) предварительно протравливали в растворе из квасцов, кислот, затем окрашивали.³² Для закрепления краски материал опускался в мочу крупного рогатого скота, собранную в большом глиняном сосуде, а кое-где для прочности, в частности в селении Урахи, сосуд этот с тканью зарывали в навозную кучу на 5—6 дней.

Чаще всего даргинцы красили хлопчатобумажные ткани, которые шли на женскую одежду, значительно реже — сукно.

5. Реализация излишков.

Как мы уже отмечали, значительная часть тканей домашнего изготовления шла на рынок. Многие женщины занимались этим промыслом исключительно для продажи, превратив его в ремесло.

В процессе производства тканей на рынок между отдельными обществами устанавливалось известное разделение труда. Например, Д. Н. Анучин пишет: «Купив шерсть, кубачинцы моют ее, расчесывают и сучат нитки, которые отдают затем в соседние селения и получают обратно сукнами».³³ Он же отмечает, что кубачинцы таким образом получали от своих соседей ежегодно до 500 кусков, полагая в каждом куске 6,5—7 русских аршинов.

Предназначенные для реализации на стороне куски сукна чаще всего попадали в руки местных торговцев — «вачрукIя-пов» (вачар — торговец, укIян — иди, ходи — ездящие по торговым делам) или их младшей братии «базирган». Эти торговцы обычно вывозили товар большими партиями в Дербент, Темир-Хан-Шуру, очень часто в Закавказье, где дагестанские изделия пользовались большим спросом.

Характер торговли сукнами в Закавказье и ее значение для отдельных обществ даргинцев наглядно видны из того же описания Кубачи Д. Н. Анучина. «Сукна отвозят весною в Нуху, — пишет он о кубачинцах, — причем ездят не все, а человек 40—50, имея каждый по несколько (10—15) вьючных лошадей. Если положить среднюю цену, 7—8 руб. за кусок, то получается валовой доход до 35.000 рублей. Из части сукон, впрочем, шьются также на месте черкески, которые отво-

³² См. Е. М. Шиллинг. Ковроткачество Дагестана. Советск. энциклопедия, № 4—5, стр. 155—167.

³³ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан, «Известия русск. географического общ.», т. 20, вып. 4, 1884, стр. 426.

зятся на продажу готовыми. Сукна идут в Нуху, где их покупают местные и тифлиские армяне, которые провозят их по всему Закавказью, а также отправляют в Персию и Малую Азию». ³⁴ Таким образом, изделия даргинцев реализовались далеко за пределами их аулов и попадали на рынки сбыта через вторые-третьи руки.

Сами же мастерицы или члены их семьи редко вывозили свои изделия на продажу в города. Они обычно выезжали со своими изделиями лишь на базары близлежащих населенных пунктов — Кубачи, Акуша, Леваши, Маджалис, Уркарах, Харбук, Цудахар, Хаджал-Махи, Урахи, Дешлагар, Мекеги, Башли, Отамыш и т. д.

Местные торговцы через свои лавки, открытые в крупных населенных пунктах, продавали кустарям привезенную из других мест (Закавказья, Астрахани, Темир-Хан-Шуры, Кизляра, многих обществ Аварии) высококачественную шерсть. Среди торговцев были и такие, которые торговали только шерстью, особенно верблюжьей, ценившейся в центрах сукноделия Дагестана весьма высоко.

Указывая на тенденцию ряда овцеводов Дагестана к улучшению породности овцепоголовья с целью торговли высококачественной шерстью, О. В. Маргграф писал: «...здесь сами хозяева обратили внимание на подбор овцы и целые поколения хозяев сосредотачивают все свое внимание на улучшение производства шерсти и даже гордятся тем, что то или другое местное стадо такой-то фамилии сделалось известным целому округу тонкостью и белизной своей шерсти». ³⁵

Нередко торговцы раздавали шерсть лучшим мастерицам-суконщикам для выполнения своих заказов. Труд мастерицы в таких случаях вознаграждался половиной стоимости вытканного отреза или шерстью на полный отрез ткани.

Таким образом, как свидетельствуют приведенные выше материалы, даргинцы занимались изготовлением разнообразных тканей. Первое место среди тканей домашнего производства занимало сукно, изготовление которого имело повсеместное распространение; второе место — конопляные ткани; ткани же из хлопка изготавливались только в отдельных районах.

Несмотря на архаическую технику, применяемую в ткацком деле, многие даргинские женщины, благодаря своему кропотливому труду и большому опыту, как это неоднократно отмечалось в официальных изданиях, ³⁶ в выделке всех видов

³⁴ Там же.

³⁵ О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 22—23.

³⁶ См. например, Кавказский календарь на 1893 г., Тифлис, 1891, стр. 15.

тканей достигли большого мастерства. Следует обратить внимание и на то, что среди 64 образцов, собранных кустарным музеем в различных частях Кавказского края и подвергнутых лабораторным исследованиям, «самыми плотными по ткани оказались сукна дагестанские, имеющие в основе от 116 до 288 ниток, а в утке — от 30 до 84».³⁷ Несомненно, что в числе «дагестанских сукон» были и даргинские.

Отличавшиеся большой прочностью, тщательностью отделки, большим изяществом изделия из шерсти, известные преимущественно под названием «кубачинского» или «лезгинского» сукна, славились по всему Кавказу, в центральной России, в Иране, Малой Азии, где находили широкий спрос.

Все процессы, связанные с ткачеством, выполнялись женщинами, только в вялении (мягчении) готового сукна в некоторых местах принимали участие и мужчины. Каждая девушка должна была уметь прясть, ткать и вязать. При выходе девушки замуж самой лучшей рекомендацией служили собственноручно вытканые ею изделия и прежде всего сукно, платки.

Следует отметить, что производство тканей носило сезонный характер: им занимались в основном с поздней осени до весны, а весной готовые изделия реализовывались.

Производство войлока.

Войлочное производство у даргинцев, как и у других народов Дагестана, играло немаловажную роль. Войлок шел на бурки, сапоги, на покрытие верха овчинных шуб, на кошмы и т. д.

На войлочные изделия шла главным образом низкачественная шерсть — «хунцла», оставшаяся после отбора лучшей шерсти на сукно. Только белый войлок, предназначенный для обуви, и специальных молитвенных ковриков, требовал высококачественной шерсти.

Даргинцы обычно изготавливали небольшие простые бурки, а большие «парадные» бурки лучшего качества приобретали у андийцев (аварцев).

Техника изготовления бурок и кошм была в основном та же, что и у соседних народов.³⁸

Предназначенную для валяния шерсть мочили в воде, причем опустив в мешке или плетеной корзине в речку или пруд, положив сверху камни. Через несколько дней ее вытаскивали и тщательно промывали сначала в речке, затем в зольной (щелочной) воде.

³⁷ А. С. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. «Весь Кавказ», т. I, Баку, 1914, стр. 211.

³⁸ См. О. В. Маргграф. Указ. соч., стр. 24—26.

Затем шерсть перебирали, очищали от сора, трепали и расчесывали гребнем. Валяли ее на полу в комнате или во дворе. Во многих даргинских аулах для этой цели устраивались специальные площадки — «варьги бутан» имеющие определенный скат, на этом месте стелили большой палас из конопли или камышовую циновку, на которые ровным слоем накладывали шерсть.

В отдельных случаях делали 2—3 слоя шерсти разного качества — один слой для лицевой стороны войлока, другой для изнанки, третий слой шерсти самого худшего качества — для внутренней части. При изготовлении бурки шерсть укладывали в форме неправильной трапеции, а при изготовлении обуви и ковриков — в форме четырехугольника. Затем шерсть тщательно обрабатывали горячей водой, вместе с паласом свертывали в трубку и начинали ее укатывать, надавливая ногами и опираясь на палку.

Поскольку валяние войлока являлось трудоемкой работой, в нем принимали участие одновременно 4—8 женщин, в зависимости от величины войлоков. От такой помощи друг другу никто не отказывался.

Для покрытия верха овчинной шубы войлок изготовлялся из одного слоя, обычно черной шерсти.

Обработка кож.

В условиях полунатурального хозяйства даргинцев обработкой кож для собственных нужд занималась каждая семья. Кожы шли на верхнюю одежду (шубы, брюки, телогрейки), на головные уборы (папахи, домашние колпаки), на обувь (сапоги, чуваки, чарыки) и т. д.

В отдельных селениях даргинцев, в частности в селениях Куппа, Тебек-Махи Цудахарского участка, кожевенное дело приобрело (особенно с половины XIX века) значение ремесленного производства. Многие жители этих селений выделяли кожи и кожевенные изделия специально для сбыта на базарах нагорного и равнинного Дагестана. Эти изделия пользовались большим спросом.

Доброкачественной кожей для изготовления обуви в значительной мере обеспечивали даргинцев и евреи из еврейской слободки сел. Маджалис Кайтаго-Табасаранского округа.

По существовавшему в семьях традиционному разделению труда кожевенным делом занимались в основном мужчины. Только некоторые легкие процессы (мытье кожи, закваска и т. д.) считались обязанностью женщин.

Выделка кож, шедших на изготовление верхней одежды и головных уборов, существенным образом отличалась от обработки кож для обуви.

В первом случае кожа подвергалась следующим процессам обработки. Овчину сперва мыли в речке, затем гладкую сторону овчины мазали жидкой кислой кашней, изготовленной из муки, уксуса и соли и оставляли на 10—15 дней, завернув особым образом. При этом время от времени смазку обновляли. Затем овчину выносили на солнце подсушивали, после чего из нее вытряхивали высохшую смазку. Последующее мягчение производилось или руками, или при помощи различных приспособлений. Мягчение руками, производили двое. Они садились один против другого, закручивали овчину и тянули каждый к себе изо всех сил. Эта процедура повторялась неоднократно.

На многих аульных площадках, очарах, у мечети имелись общественные мялки «гулби салтлуси тал». Это массивные, вертикально установленные каменные или деревянные столбы на каменном постаменте, с круглым отверстием, через которое неоднократно и с большим трудом протаскивалась обрабатываемая кожа.

Другим приспособлением для мягчения и частично для снятия мездры и отбеливания овчины является «гулби хъябшидиран» («овчину сдирающая») массивная палка длиной 73 см, утолщенный конец которой имеет крючковидную форму. Между стержнем и боковым отростком палки вставлялась металлическая пластинка с зубьями длиной 15—16 см. Это была рабочая часть инструмента, которая мягчила и очищала овчину.

К другому концу инструмента при помощи веревок горизонтально прикреплялась круглая толстая палка длиной 20 см. Эта часть инструмента напоминала стремя и действительно была необходима для упора во время работы, равномерного протягивания железной пластинки и всего инструмента по овчине. Для удобства овчину одним концом привязывали к жерди потолочного перекрытия. Такого рода инструменты для обработки шкур встречаются и у других народов Дагестана.³⁹

Инструментом, служащим для снятия мездры и отбеливания овчины, является «гулби цубдиран» («белящий овчину»). Он состоит из прямой деревянной пластинки—ручки, длиной 22 см, и рабочей металлической части дугобразной формы, шириной 5—6 см, с отточенным острым краем.

Положив на деревянную подставку овчину и время от времени обсыпая ее мукой, с помощью этого инструмента очищали и отбеливали овчину. Этим процессом завершалась работа по предварительной обработке овчины.

³⁹ С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков XIX—XX вв., Махачкала, 1960, стр. 101.

Обработка кож для обуви была несколько сложнее. Наряду с овчинами, обрабатывались шкуры лошадей, крупного и мелкого рогатого скота.

Сафьян изготавливали следующим образом.

Козлиную шкуру для предварительного размягчения опускали на несколько дней в чистую воду (в бассейн, пруд, речку), затем очищали специальным дугообразным металлическим скребком гладкую поверхность шкуры, мазали ее густым известковым раствором и свертывали в трубку.

Свернутую шкуру вновь опускали в воду, затем развешивали и тем же скребком аккуратно снимали шерсть. Очищенную шкуру промывали в проточной воде и опускали в теплый раствор птичьего помета для дальнейшего размягчения и очистки шкуры от оставшейся мездры. В этом растворе шкуру держали не более суток, чтобы едкий раствор не разъел ее. Вынутую из раствора шкуру очищали и промывали.

Размягченную и очищенную шкуру сшивали в виде бурдюка, оставляя отверстие, (горлышко, либо ножку), через которое сыпали размельченные листья желтинника и лили теплую воду. Затем этот бурдюк клали в корыто, закрывали ветвями, а поверх них камнями, с помощью которых постепенно выжималась вода. Так проделывали 5—7 раз. Затем бурдюк распарывался, гладкая поверхность шкуры снова очищалась и подсушивалась на солнце.

Для окончательной обработки другой поверхности шкуры, где была мездра, ее три-четыре раза мазали раствором железного купороса, периодически подсушивая. Как только шкура становилась черной, ее окончательно высушивали в тени, промывали в проточной воде (в течении двух часов мыли обычно погами) и снова высушивали.

Изготовленный таким образом сафьян складывали крашеной стороной вовнутрь и терли гладкую поверхность руками для придания ей необходимой бугристости.

После окончательной просушки лицевую сторону сафьяна полировали с помощью небольшого гладкого бруска и специальной палки, один конец которой ставили на возвышение. Палку обматывали сафьяном, а брусок обмазывали курдюком.

Если хотели придать сафьяну желтый цвет, его красили с помощью водного раствора корки корней барбариса; при окраске в черный цвет использовали естественный краситель «къаразахъ», при окраске в коричневый — кожуру ореха и т. д. Красили кожу в желтый, красный, черный, коричневый цвета, используя для этого и химические красители.

Из шкуры крупного рогатого скота готовили более прочную, чем сафьян кожу — «къачалай» или «дабаг».

Начальные процессы обработки «дабаг» те же, что и при изготовлении сафьяна. Однако после обработки шкуры

в растворе птичьего помета ее дополнительно помещали на 3—4 дня в бочку с водным раствором размельченной коры дерева и квасцов, затем посыпали солью и сушили.

Если на обувь шла сыромятная кожа, то после замачивания, перемывания и очищения от шерсти она подвергалась только мягчению. Дубления не производили.

Это был самый распространенный способ обработки кожи. Его знали в каждом крестьянском хозяйстве, в то время, как усовершенствованный способ с дублением был знаком лишь отдельным кустарям-специалистам. Дубленая кожа стоила сравнительно дорого и поэтому была доступна далеко не всем.

* *

*

Итак, для изготовления одежды большое значение имела обработка местных материалов — шерсти, кожи, конопли, шелка и пр.

Среди кустарных промыслов даргинцев одно из первых мест занимало производство шерстяных изделий — сукна, носков, войлока и т. д. «Из всех кустарных промыслов, которыми занимаются дагестанские жители,—отмечалось в «Кавказском календаре за 1893 год»,—заслуживает наибольшего внимания производство шерстяных изделий. После серебряных и золотых дел мастерства, ткацкий промысел доведен здесь до возможного совершенства» (имеется в виду прочность изделий, чистота работы мастериц,—С. Г.), что «нет дома в Дагестане, где бы не встречался один из видов его».⁴⁰

Однако изделия домашнего производства даргинцев далеко не удовлетворяли их потребности в материалах для одежды. Поэтому в значительной мере даргинцы пользовались и привозным материалом. Привозные ткани шли преимущественно на белье (главным образом рубашки), бешиметы, женские платья и т. д.

Известно, что через Дагестан, в частности через территорию, заселенную даргинцами, издавна шли торговые пути, связывающие страны Европы с Востоком. Оказавшись втянутыми в эти торговые связи, дагестанские феодалы, в том числе и даргинские, извлекали из них для себя значительную выгоду. Они одевались в дорогие ткани (бархат, парча, атлас, тафта, муслин и т. д.) европейского и восточного производства.

⁴⁰ Кавказский календарь на 1893 г. Тифлис, 1892, стр. 156.

С присоединением Дагестана к России значительно усиливается приток в Дагестан русских товаров и расширяется ассортимент, что вызывает постепенное вытеснение персидской торговли в крае. Наряду с дорогими тканями, шедшими на удовлетворение потребностей богатых слоев общества, в этот период появляются и дешевые ткани — ситец, бязь, нанка, «чадра» (синяя материя типа бязи), в какой-то мере доступные и простым крестьянам.

Недаром в «Обзрении российских владений за Кавказом» отмечалось, что «русские ситцы, нанки, и другие бумажные товары сбываются в Дагестан в большом количестве и по выгодным ценам, они решительно берут преимущество перед тканями персидскими... Употребление наших бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом более и более, а персидские доставляются немногими из бакинских и шемахинских купцов».⁴¹

Особенно большое значение приобретает русская торговля в Дагестане, в частности в даргинских районах, с ликвидацией здесь феодальной раздробленности, образованием Дагестанской области с единым управлением, а затем и со строительством в 90-годах Петровской линии Владикавказской железной дороги.

Однако широкие слои даргинцев, так же как и всех горцев Дагестана, вплоть до укрепления колхозного строя не могли и мечтать о минимальном обеспечении себя одеждой из фабричных тканей и обувью из заводской кожи. В то же время далеко на каждое даргинское хозяйство могло в полной мере обеспечить всех членов семьи одеждой и обувью домашнего производства.

Только Советская власть, новый общественный строй создали все условия для удовлетворения экономических и культурных потребностей даргинского народа, как и всех горцев Дагестана.

В настоящее время домашние промыслы по обработке шерсти, растительного волокна и кожи почти исчезли. Сохранилась в какой-то степени обработка овчины для шуб, которыми продолжает пользоваться в основном старшее поколение даргинцев, шерсти для носков, паласов, мешков, копопли также для мешков и паласов.

Современная одежда шьется из фабричных тканей — шерстяных, шелковых, хлопчатобумажных и т. д. Возросшее благосостояние позволяет колхозникам покупать высококачественные ткани, иметь по несколько пар верхней, нижней, выходной и рабочей одежды.

⁴¹ Обзорные Российских владений за Кавказом в статическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, т. IV, СПб, 1836, стр. 184—185.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ АВАРЦЕВ В СВЕТЕ ИХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В советской историографии еще не так давно бытовало совершенно неправильное освещение хозяйственных отношений в досоциалистическом Дагестане, в частности в Аварии. Неправильная оценка общественно-экономической жизни населения нагорного Дагестана приводила ряд исследователей к арханизации общественного строя горцев, к определению его как родоплеменного, патриархального или в лучшем случае как полуфеодального с сохранением родоплеменных отношений.¹ Такая тенденция приводила даже к тому, что на темы о родовом быте, родовых формах и отношениях писались целые книги и даже защищались диссертации.²

Правда, исследования последних лет доказали ошибочность этих положений.³

Настоящая статья ни в коей мере не претендует на полный очерк общественно-экономических отношений или хозяйственных отношений у аварцев в конце XIX — начале XX вв. Автор ставил перед собой задачу остановиться только на некоторых вопросах этой проблемы, не нашедших еще достаточного освещения в историко-этнографической литературе.

Из чего исходили исследователи давая неправильную оценку общественно-экономическому развитию Аварии в указанный период? Прежде всего здесь сказалось влияние старой дореволюционной историографии, где общественный строй горцев рассматривался как родовой Дагестан, как страна со скотоводческим типом хозяйства, причем скотоводство по их мнению, носило кочевой характер. При этом определяя скотоводство как ведущую отрасль хозяйства, они брали в ка-

¹ Ср. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, М., 1890 г. стр. 140; Исторический журнал № 2, 1940 г. стр. 70.

² Ср. З. А. Никольская. Родовые формы и отношения у аварцев в XIX веке. М. 1948 г., кандидатская диссертация хранится в институте этнографии АН СССР.

³ Х.-М. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке, М. 1961 г., стр. 126, 127, 128, 158. Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв., Махачкала, 1957.

честве критерия коэффициент его доходности, товарности. В то время как обязательным условием определения места той или иной отрасли в общем хозяйстве должно служить участие населения в производстве, процент занятости населения производством продуктов этой отрасли хозяйства. В этой связи совершенно очевидна ошибочность утверждений, что аварцы «кочевые скотоводческие племена»⁴ и, что «в горах скотоводство носило кочевой или полукочевой характер».⁵

В Аварии не было ни одного поселения, население которого в своем большинстве было бы занято скотоводством. Наибольший процент занятости населения скотоводством никогда и нигде не превышал 10--15. Да и эти люди не теряли связи с земледелием, за исключением единичных случаев, когда чабаны в силу своей бедности на время вынуждены были оторваться от земледелия. Но при первой же возможности и они приобретали пахотные участки.

Доход от скотоводства временами в ряде сел может быть и преобладал в общем доходе, но основным, ведущим занятием скотоводство не было ни в одном населенном пункте Аварии. Даже и таких высокогорных районах Аварии, как Тлярата, Цунта, которые многие исследователи приводят в качестве примера скотоводческого характера хозяйства аварцев, ведущей отраслью хозяйства являлось земледелие.

Доказательством этому служит сообщение немецкого путешественника последней четверти XVIII в. И. А. Гильденштедта о том, что «жители Дидо и Узо (Гунзал — С. А.) делают порох, покупая серу за пшеницу, **коею они нарочито богаты**»⁶ (подчеркнуто мною — С. А.). Еще арабский историк Беладзори (VIII в. н. э.) сообщал, что Авария (Серир) вносила дань арабам в размере 100 тысяч мер зерна.⁷ Сам факт взимания дани зерном и ее большие размеры говорят о довольно высоком уровне развития земледелия в Аварии еще в далеком прошлом.

За исключением небольшого процента хозяйств горцев, не имевших земли, все остальные, т. е. 80—90% занимались полеводством и садоводством, а доход от этих отраслей хозяйства являлся для большинства населения Аварии основным источником существования.⁸

⁴ Современный Дагестан, Махачкала, 1926 г., стр. 14.

⁵ С. И. Гусейнов. Горский скот Дагестана и пути его преобразования, Махачкала, 1961, стр. 16.

⁶ И. А. Гильденштедт. Географическое и статистическое отношение Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1870, 71, 72, 73 г. СПб, 1809 г., стр. 128.

⁷ Беладзори. Книга завоевания стран, Баку 1927 г., стр. 18—19. «Очерк истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957 г., стр. 42.

⁸ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 81, 83.

Многочисленные археологические материалы, добытые в Аварии за последние годы Институтом истории, языка и литературы: кремневые вкладыши серпов, каменные накопечники мотыг, зернотерки, обломки керамики с отпечатками соломы и зерен злаков, специальные печи для выпечки хлебов; железные серпы, сосуды для хранения зерна, металлическое зеркало с изображением сцены пахоты, остатки поселений и монументальных жилищ характерных для земледельческо-скотоводческого типов хозяйств позволяют проследить непрерывность развития земледелия здесь с эпохи энеолита до раннего средневековья.⁹

С широким развитием пашенного земледелия резко усиливается роль тягловой силы. В этой связи небезынтересным является факт: распространенное по всей Аварии почитание быка, его культовомagическая роль. Это подтверждается широким применением в быту культовых подвесок в виде головки быка,¹⁰ найденных в погребальных комплексах различных эпох (вплоть до развитого средневековья) и сохранившихся в пережиточной форме до наших дней.

Известны и другие примеры почитания быка: так использование черепов быков в качестве оберегов (домов, посеов, садов) и украшений над воротами и дверьми. Особый интерес представляют обереги из дерева, изготовленные в форме бычьих рогов на закромах и ларях (цагуры и камы), опотропейное значение которых несомненно. Косвенным свидетельством тому же являются образные выражения аварцев вероятно первоначально восходящие к культовым. Например, подчеркивая те или иные положительные качества человека (особенно когда это относится к мальчику, юноше), восхваляя его красоту, ловкость, силу его обычно сравнивают с быком.

На тыльной части металлического зеркала, обнаруженного в Галлинском могильнике (Хунзахский район), датированном VIII веком, изображены быки,¹¹ используемые в качестве тягловой силы. В этом рисунке В. Г. Котович видит отражение широко распространенного, популярного земледельческого праздника горцев «Выход первого плуга», у аварцев

⁹ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 81; В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ т. IX, 1961 г., стр. 282—283; его же. Археологические работы в горном Дагестане, МАД, т. II, М.-К. 1961 г., стр. 28, 3. В. М. Котович. Верхне-гунибское поселение. Предварительное сообщение, МАД, т. II, стр. 107—108; М. Г. Гаджиев. Отчет о работе первого горного отряда ДАЭ в 1963 г.; его же. Раскопки I горного отряда ДАЭ 1964 г. Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье, М.-К. 1963, стр. 217. Г. Я. Мовчан. Из наследия аварского народа, С. Э. 1847, № 4, стр. 195—196.

¹⁰ Д. М. Атаев. Указ. соч., стр. 155.

¹¹ В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 289.

«Оц бай», т. е. «Впряжение быка».¹² Строго разработанный земледельческий календарь, многочисленные пословицы и поговорки непосредственно связанные с земледелием¹³ еще раз подтверждают тезис об исключительной древности и ведущей роли земледелия в хозяйстве Аварии с древнейших времен вплоть до позднего средневековья.¹⁴

Еще в эпоху средневековья наиболее густо были населены центральные районы Аварии, где условия благоприятствовали земледелию. Именно в этих районах имеются поселения с населением более 1500 человек, а местами, где позволяла пашня встречаются селения с населением 4—5 тыс. человек.

Академик Н. И. Вавилов в статье посвященной земледельческой культуре горцев многих континентов, на основе обобщения результатов исследований приходит к заключению, что «величайших достижений в земледельческом промысле человечество в прошлом достигло не в богатейших по природным ресурсам низменных субтропических и тропических районах с их могучей растительностью, а, наоборот, на границе пустынь, в горах, преодолевая огромные препятствия завоевывая каждый клочок земли, там где завоевание природы давалось с трудом, где нужно было прикладывать большой коллективный труд».¹⁵ Разнообразием форм террасирования полей, наличием больших земельных массивов обрабатываемых ежегодно отличаются поселения центральной Аварии, которые характеризуются наличием большого числа дворов и рабочих рук позволяющих применение одновременно большого коллективного труда в террасостроительстве.

Своеобразной особенностью, характерной чертой всех исключительно аварских поселений, от далекого прошлого до наших дней, является строгое соответствие величины населенного пункта размеру земельных (пахотных) участков в их окрестностях. Всюду по всей горной Аварии мы видим строгое соблюдение этих правил, нарушение которых в ряде случаев приводило к возникновению новых селений там, где возможно развитие пашенного земледелия, путем освоения незанятых земель выходцами из разных сел. Такими являются, по преданиям, селение Унцукуль Унцукульского района, сел. Хучада и Накитль Советского района и множество других.

¹² Г. Ф. Чурсин. Праздник выхода плуга у горских народов Дагестана «Изв. Кавк. историко-археологического института», т. V, Тифлис, 1927, стр. 44—46.

¹³ А. Назаревич. Отобранные по крупцам, М.-К., 1958 г., стр. 45—47.

¹⁴ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 81, 83; В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 288.

¹⁵ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. Журнал Природа № 2, 1936, стр. 37.

Небезынтересным является в вопросе о характере хозяйства и языковой материал. В аварском литературном и народном языке жителей сел называют «землепашцами, пахарями» (рекъярухъаби), и ни в одном из многообразных диалектов нет слов, определяющих жителей сел, как скотоводов. Если у большинства народов Дагестана слово «кузнец» переводится, как мастер по обработке железа», то на гидатлинском диалекте аварского языка оно означает «мастер по изготовлению лемеха для сохи» (пуруца).

Сохранившееся в языке слово «къоб» означает пако́нечник сошки (полоза), рабочую часть его, на которую надевают лемех. Слово къебед — «кузнец» — производное от слова къоб, т. е. первоначально мастер по изготовлению лемехов. Если производство лемехов занимало такое важное место в ремесле кузнеца, то ясно, какое значение имело земледелие и связанные с ним процессы труда в общем хозяйственном комплексе аварцев.

Названия некоторых районов и сел Аварии указывают на то, что еще в глубокой древности основным занятием их населения было земледелие.

Обратимся, например, к топонимике названия **Гидатль**.

В гидатлинском диалекте аварского языка слово *гъи* означает «вареное зерно». У нас есть основания считать, что это слово восходит к глубокой древности, к языческому периоду, когда все ритуальные празднества и обряды, непременно сопровождались раздачей вареного зерна. В даргинском языке слово *гъи* означает «посев». Вероятно, отсюда можно заключить, что это слово было распространено еще в эпоху общедагестанского языкового единства и является более древним, чем его аварский эквивалент (мугъ).

В слове *гъидаль* (*гидатль*) — корень *гъи*, окончание *даль*, которое в аварском языке указывает на направленность во внутрь. Гидатлинская долина окружена со всех сторон горами, расположена как бы «внутри» этих гор; иногда долину эту называют жаниблъи букв. «внутри расположенное место».

Известно, что о плодородии гидатлинской земли исстари слагались легенды, говорящие о том, что в Гидатле растет все «вплоть до шуб». В то же время Кахибская долина, расположенная на противоположном склоне горы известна малоземельем и бедностью. Это нашло отражение в народном предании об обосновании аула. Оно гласит, что когда шамхал Гидатля распределял свои земли между сыновьями, то худший жребий, благодаря козням молодой жены выпал на долю двух сыновей от первой жены. Им достались бесплодные земли и селение основанное на них получило название КъахIиб (от слов къо бухIараб — горемычный, бесплодный, безвыходный), а другим сыновьям достались земли сел гидатлинской долины — благодатные и плодородные. Таким

образом, данные топонимики свидетельствуют о том, что истари земледелие было доминирующим в хозяйстве аварцев. И не случайно, на наш взгляд, названия многих из сел Гидатля связаны с растительным миром.

Например, название жителей селения Тидиб-тИндихъаби имеет корень «тIn» — «солод», а окончание «хъаби» указывает на занятие населения (т. е. производители солода). Название Хотода свидетельствует о том, что там растет хIет (обычно это растение произрастает на солнечных склонах гор, где и расположено селение Хотода). Название Урада (Гурада) «буквально значит «место покрытое травой». Названия некоторых сенокосных и пастбищных мест несут на себе отпечаток названий, связанных с пашенным земледелием и садоводством. Межджамаатское пастбище, расположенное между рекой Аварское Койсу и селениями Гидатля носит название МочохГурада — «просяное поле», а противоположный солнечный склон — халилазул ах — сад халиловых, хотя нигде из указанных мест не сохранились и следы хлебопашества и садоводства.

Топонимический анализ названий сел Аварии позволяет нам указать не только на доминирующее значение земледелия в хозяйстве горцев, но и о довольно высоком развитии техники земледелия у них.

Характеризуя прошлую Аварию З. А. Никольская пишет: «страна с малоземельем и низкими урожаями, с примитивной сельскохозяйственной техникой, с отсталым животноводством, находившаяся веками во власти суеверий и пережитков старины».¹⁶ Исследование, отправным пунктом которого является подобное предвзятое утверждение, вряд ли может дать объективную картину прошлого народа, оно сводит на нет ценный, заслуживающий изучения и возрождения народный опыт ведения хозяйства, игнорирует имеющую многовековую историю самобытную культуру народа. Указывая на огромный интерес, который представляет тысячелетний опыт древних земледельцев высокогорных районов, в смысле его поучительности и оригинальности академик Н. И. Вавилов писал, что «в Дагестане (он имел в виду Аварию — С. А.) можно видеть интенсивную террасную культуру, идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди земли для земледелия. Можно учиться умению рационально использовать каждый клочок ценной земли... Вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане».¹⁷

Малоземелье было бичом горского населения, это не под-

¹⁶ З. А. Никольская. Аварцы, Народы Дагестана, М. 1955 г. стр. 42.

¹⁷ Н. И. Вавилов. Указ. соч., стр. 80.

лежит никакому сомнению, но ведь именно малоземелье сделало земледелие горцев высококультурным, интенсивным.

При характеристике земледелия, как ведущей отрасли хозяйства у аварцев, на наш взгляд, необходимо руководствоваться не наличием или недостатком земельных массивов, пригодных под пашню, а степенью интенсификации земледелия, при которой каждая пядь земли, способная дать хотя бы незначительную долю урожая, обрабатывалась с предельной тщательностью. Малоземелье, феодальная раздробленность и связанные с последним постоянные военные и политические столкновения, междоусобицы заставляли горцев, лишенных возможности получить хлеб извне, где его производство было дешевым, крайне интенсивно использовать каждый клочок земли, пригодный под пашню.

С установлением постоянных внешнеполитических и экономических связей с соседними областями, откуда горцы могли получать хлеб, меняя его на продукты скотоводства и ремесел, обработка террас, расположенных вдали от населенных пунктов ослаблялась, а временами прекращалась. Ухудшение же внешних связей приводило к обновлению заброшенных террас. Так, в ряде районов Аварии в эпоху Кавказской войны было восстановлено множество богарных террас, к этому же периоду истории относится сокращение производства фруктов и виноградарства, которое некоторыми исследователями трактуется, как последствие борьбы юридиказма против виноделия. На самом деле это было вызвано необходимостью увеличения производства хлеба, так как получение его извне, в связи с войной, было затруднено. Именно к этому периоду относится вторичное освоение горных террас в ряде районов Аварии и появление большого количества поселений хуторского типа, где население в весенне-летнее время занималось производством хлеба и продуктов животноводства.

В горах Аварии, как и по всему горному Дагестану, на одно крестьянское хозяйство приходилось 1,87 гектара пашни.¹⁸ Жители селения Урада, например, собирали урожай зерновых в количестве 12 тыс. саб., на один дым приходилось более 40 саб., а на одну душу в год 12 саб., т. е. в среднем по одному фунту зерна на душу в день.¹⁹

В высокогорной Аварии, там, где преобладало богарное земледелие, не говоря уже о районах поливного земледелия в урожайные годы получали сам — пятнадцать-двадцать.²⁰

¹⁸ П. В. Погорельский. Колхозное строительство и реконструкция животноводства в горах. Сельское хозяйство горного Дагестана. М., 1940 г., стр. 86.

¹⁹ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 83.

²⁰ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 13.

Исследователи, отрицавшие ведущее положение земледелия в хозяйстве горцев нередко ссылались на то, что своего хлеба в Аварии хватало только на 4-6 месяцев. Но это положение следует считать верным только для XV—XIX вв. Именно в это время хлеб становился основным предметом ввоза из Закатал, Чечни и Кумыкской плоскости. Его привоз извне в обмен на продукты животноводства и ремесла стал экономически более выгодным, чем его производство на месте. И именно в этот период наблюдается наиболее интенсивное развитие скотоводческого направления в хозяйстве и падение террасного земледелия (сокращение площадей под колосовыми культурами). Для более раннего периода такое заключение не верно.

Приведенные данные позволяют опровергнуть ложное мнение о том, будто бы Авария в основном жила на привозном хлебе. Ведь не случайно Авария, как и весь нагорный Дагестан, была покрыта многочисленными террасами, следы которых хорошо прослеживаются и в наши дни. Все это убеждает нас в необходимости придерживаться строгой хронологии, когда речь идет о хозяйственной деятельности горцев в дореволюционном прошлом. При этом совершенно недопустимо распространение состояния хозяйства аварцев в XIX в. на прошлые века, когда преобладающим в общем коэффициенте дохода являлся, по всем имеющимся данным, доход от земледелия.

Основным пахотным орудием в горной Аварии, как и у всех народов Дагестана и Кавказа, является пуруц (плуг). Многие исследователи, описывая дагестанский плуг, изображают его как крайне примитивное орудие. Известный русский ученый, академик Д. И. Анучин, впервые обративший внимание на пуруц и описавший его, обрисовал пуруц, как «просто загнутый крючок»²¹ весьма «примитивного устройства». В советской этнографической литературе описание пуруца, как пахотного орудия дано З. А. Никольской и Е. М. Шиллингом.

«Характерной особенностью дагестанского горного пахотного орудия,— читаем мы,— является то, что это орудие чиркающее, не **отваливающее землю**, имеющее узкую пяту и «уши», заменяющие собой борону».²²

Мы позволим себе не согласиться с этой характеристикой. Плуг является именно **отваливающим орудием**, а не чиркающим, и назначением «ушков» является не боронование земли, а **переворачивание ее**. В аварском языке предва-

²¹ Д. И. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Известия русского географического общества, в. 4, т. XX, 1884 г., стр. 382.

²² З. А. Никольская, Е. М. Шиллинг. Горское пахотное орудие террасовых полей Дагестана. СЭ № 4, 1952 г., стр. 91—100.

рительная обработка почвы, при неоднократном ее вспахивании для лучшего разрыхления называется *беги* — буквально переворачивание, отваливание.

Многие исследователи при характеристике плуга склонны подчеркивать его «примитивность, неусовершенствованность». тем самым они сводят на нет оригинальность и универсальность пуруца, доведенного многовековым народным опытом в земледелии до высокого совершенства. Легкость и приспособленность к террасовым, глубоким, поверхностным и наклонным полям, исключительная маневренность делает его незаменимым орудием в условиях террасного земледелия и горного рельефа. Даже современное земледелие, опирающееся на передовую науку и технику, не могло вытеснить пуруца, он продолжает бытовать во всех горных районах Аварии и Дагестана, наряду с плугами-кутанами и тракторами.

При характеристике плуга как основного орудия производства необходимо всегда иметь в виду его непосредственную связь и зависимость от естественно-географических, природных и социально-экономических условий народа, у которого мы встречаем плуг, как главное земледельческое орудие. «Везде, где общество достигло определенного экономического развития, где оно сумело сделать земледелие основной отраслью хозяйства, — читаем мы у Ю. Ф. Новикова, — везде был создан отвальный плуг, чаще всего с четырехугольным остовом».²³ Сказанное Ю. Ф. Новиковым вполне можно отнести и к аварскому пуруцу и в тоже время к местному земледелию. Именно такой плуг встречаем мы у аварцев.

Наряду с действительно научным определением занятия населения досоциалистической Аварии исключительное значение приобретает правильная постановка и решение вопроса о типе скотоводства у горцев Дагестана. Получившее довольно широкое распространение в науке мнение о кочевом или полукочевом характере скотоводства также приводит ряд исследователей к неправильной оценке общественно-экономического строя Аварии в XIX начале XX вв., к его архаизации.²⁴

Можно ли считать скотоводство Аварии, указанного периода, кочевым или полукочевым. Сущность кочевой или полукочевой системы ведения хозяйства заключается в том,

²³ Ю. Ф. Новиков. Генезис плуга в этнографии. СЭ, № 2, 1963 г., стр. 111.

²⁴ Утверждение о том, что «аварцы высокогорных (современных Тляринского и Чародинского и др.) районов жили в своих аулах только в течение четырех летних месяцев, на остальное же время спускались со своими стадами с гор на более теплую Прикаспийскую низменность и за пределы Дагестана в Азербайджан и Грузию» — базируется на исчерпанной информации и не отражает действительную картину вещей. З. А. Никольская я. Ук. соч., стр. 38.

что вместе со скотом кочуют владельцы скота, их семьи и обслуживающий персонал. При этом у них нет постоянного местожительства. Эта характеристика абсолютно не применима к скотоводству Аварии, где каждый человек имел постоянное место жительства, дом, и пахотный участок — основной источник существования.

О каком кочевом или полукочевом скотоводстве можно говорить в условиях горной Аварии, где каждая пядь земли, пригодная под пастбище, сенокос или пашню, ценилась на вес золота? Именно отсутствие кочевой или полукочевой системы скотоводства в горной Аварии, наряду с такими факторами, как оседлый быт, наличие пахотных участков непосредственно около селения, натуральность хозяйства, отсутствие связей между отдельными населенными пунктами, естественно-географические условия, эндогамность брака и др., привело к возникновению и последующему сохранению многоязычия в горной Аварии.

Многие исследователи в своих работах отождествляют кочевое скотоводство с отгонным. Но отгонная система скотоводства ничего общего не имеет с кочевой.

Отгонное скотоводство сложилось у аварцев в силу специфических условий климата. Имея прекрасные летние альпийские пастбища, горцы в зимний период вынуждены были перегонять овец и коз, а иногда и крупный рогатый скот, из-за нехватки кормов на зимние пастбища, расположенные в низменностях и равнинах.

Аварцы отгоняли свои стада с летних на зимние пастбища по специально выделенным для скотопрогонов трассам. Например, по всей Гидатлинской долине с запада на восток тянется скотопрогон шириной 15—20 метров, между пашнями и сенокосами. Прогон этот носит название «путь стада». Если для прогона овцепоголовья была выделена столь узкая полоса, то ясно, что никакие кочевники через эти земли, используя их в качестве пастбища для своего скота, проходить не могли.

Этим скотопрогоном пользовались без исключения все селения Гидатля. На обоих концах «пути стада» выделены были пастбища для однодневной стоянки овцепоголовья, т. е. перейти всю долину и попасть из зимних (местных) пастбищ на летние и наоборот, в один день было невозможно. Временные пастбища Мочохурда (просяное поле — дословный перевод) Хону меэр (пастбище Хону), в отличие от альпийских пастбищ, принадлежащих каждому сельскому обществу в отдельности, принадлежали всему Гидатлинскому обществу. Наличие здесь строго регламентированных правил, связанных с перегоном скота с летних на зимние пастбища, высоко развитого овцеводства, базировавшегося на местных кормовых ресурсах, свидетельствует о том, что отгонная

система явилась результатом нехватки кормов в связи с увеличением количества скота, что непосредственно связано с приобретением им товарного характера, которое относится к позднему средневековью.

В отличие от кочевой системы, при отгонном скотоводстве обслуживанием скота была занята лишь незначительная часть мужчин, а жены и дети оставались дома во все время года.

Именно отгонной системой скотоводства определялась такая установившаяся у аварцев традиция, по которой забота об овцеголовье, стрижка, дойка и уход за немолочным и рабочим скотом считается делом мужчин, тогда как в обязанности женщин входит уход за крупным рогатым скотом, и переработка молочных продуктов. Такое установившееся традиционное разграничение женского и мужского труда служит доказательством существования у аварцев оседлого скотоводческого быта с преобладанием земледелия в общем комплексе хозяйства.

Этой же системой отгонного скотоводства объясняется то что высокогорные районы Аварии, лежащие на отгонных трассах отличаются единством языка.

Как известно основным фактором в формировании какого бы ни было языка, является экономический фактор. Отгонная система скотоводства и явилась в данном случае одним из элементов этого фактора.

Через центральную Аварию проходили два торгово-коммуникационных пути, связывавших всю горную ее часть с прикаспийской низменностью, с областями Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. Первый из них проходил по реке Койсу через Гимринский перевал, Ашилта — Чирката — Чиркей — это торгово-транзитная дорога местами колесная и мощеная, следы которой нетрудно проследить и в настоящее время. И вторая — Аракапо-Аркасская дорога, связывающая почти всю горную Аварию с Кумыкской плоскостью.

Жители сел, расположенных на этих путях, говорят как бы на «наддиалектном» языке, наиболее близком к современному литературному. К этим селениям относятся Голотль, Телетль, Гергебиль, Унцукуль, Гимры, Ашильта, Чирката, Чиркей, Аракани, В. Дженгутай и т. д.

На этом же языке говорят жители селения Чиркей, лежащего на пути наиболее интенсивной торговой связи гор с плоскостью и образовавшегося в результате поселения здесь выходцев из самых различных аварских обществ. Поэтому не случайно, первая грамматика аварского языка была написана на основе этого языка и правильнее считать именно этот язык за основу — «болмацIа».

В селах на этих торгово-экономических магистралях, по которым осуществлялась наиболее интенсивная связь между аварцами, принадлежащими к разным этническим и диалектным группам выработался так называемый «болмацІ», литературный аварский язык, называемый в ряде диалектов аварского языка гьалбадерил мацІ — «язык гостей».²⁵

При рассмотрении вопроса возникновения, формирования и становления общеаварского литературного языка и факторов, повлиявших на его становление (экономических, политических и культурных) мы склонны дать предпочтение и подчеркнуть роль экономического фактора, как определяющего.

Таким экономическим фактором явились указанные выше торгово-экономические пути, представляющие из себя «жизненные артерии» страны, по которым шла наиболее интенсивная связь между разно-диалектным населением Аварии.

Указанные выше соображения думается дают нам некоторые основания не согласиться с положением М.-С. Саидова о том, что «литературная форма «болмацІ» основана на хунзахском диалекте».²⁶

Отождествляя кочевую систему скотоводства с отгонной, некоторые авторы забывают, что отгонное скотоводство — явление позднего порядка, продукт становления товарного овцеводства.

Приблизительно с конца XV в. овца в Аварии делается предметом накопления, овцеводство становится товарным и делается достоянием незначительной части горского населения прибравшего к своим рукам подавляющее большинство овцеголовья.

В некоторых районах Аварии (в Гадатле, например) и поныне овцематок называют *гарац* — деньги, а скот — *боцли* — состояние, богатство. Поэтому отгонную систему ведения скотоводства следует рассматривать, как явление позднего порядка, развившееся в связи с накоплением богатства в руках меньшинства общества и ни в коей мере нельзя путать ее с кочевой системой.

Некоторые исследователи, характеризуя систему скотоводства аварцев, отождествляют его с кочевым скотоводством Монголии. «Богатый скотовладелец мог, наконец, прогнать по пастбищам табун своих лошадей, как это делается в Мон-

²⁵ Традиционное толкование слова «болмацІ» — войсковой язык. Однако, нам кажется, что здесь учтено не первичное, а вторичное содержание слова. «Бо» — означает общину, союз общин, затем оно стало означать ополчение этой общины и потом уже войско. Поэтому правильнее будет сказать не «войсковой язык», а «межобщинный язык», т. е. язык общения людей из разных общин, ставший для них общим.

²⁶ М.-С. Саидов. Глухой литературный лІ и глухой заднебный хъ в аварском литературном языке. Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сборник лингвистических исследований, М-Л, 1949, стр. 103.

голии, которые разбивали ледяную корку, давая возможность идущим за ним овцам получить корм», — пишет о скотоводстве в Дагестане П. В. Погорельский.²⁷

У горцев Дагестана, во-первых, не было табунов, во-вторых, естественно-географические условия гор не позволяли, чтобы по ним гнали лошадей.

Во многих селениях Аварии (Гидатль, Келеб) овцеводы нередко оставались на своих землях даже на зиму. Этому способствовало наличие больших солнечных склонов для пастьбы овец, возможности заготовить сено не только для крупного рогатого скота, но и для овец на случай непогоды.²⁸ В Гидатле, например, выработался даже обычай «азарбичай» заключающийся в том, что хозяин отпускал тысячную овцу с повязкой на шее на волю. Этот обычай свидетельствует о том, что и в районах, где отсутствовала отгонная система, возможно было развитие овцеводства в такой степени, что обладателей более тысячи голов овец было немало.

* *
*

Архаизация общественно-экономического строя Аварии конца XIX — начала XX веков в значительной степени обусловлена неправильной трактовкой некоторыми исследователями вопроса о землевладении и землепользовании. Она базируется на утверждении о наличии в некоторых районах Аварии даже в XIX веке общинных пахотных земель, которые распределялись между членами отдельных сельских общин по истечении 3—6 лет. В этом кое-кто видел следы общинного владения землей, т. е. первичной архаической общины.

Предназначенные для общеджамаатского пользования, т. е. такие, которые делились между жителями села через определенные годы, земли мы встречаем в исключительно редких случаях и они составляют мизерную долю по отношению к остальной площади пахотной земли Аварии. Такие земли мы встречали лишь в двух селениях: в Чохе и Согратле. В Чохе эти земли находились в местностях Маарда, Коммуна, в Согратле — в урочище Накитль. Эти пашни, расположенные вдали от населенных пунктов, принадлежали джамаату, т. е. были освоены силами всего джамаата путем превращения общественных пустош (хIарима), освоение которых отдельными хозяйствами было запрещено адатами, в пахотные земли.²⁹ Из этих земель выделялись участки разо-

²⁷ П. В. Погорельский. Колхозное строительство и реконструкция животноводства в горах Дагестана. М., 1940, стр. 43.

²⁸ Около кошар держали некоторое количество сена на случай долгой непогоды.

²⁹ Гидатлинские адаты, стр. 27.

рившимся сельским жителям, семье, вырастившей семерых сыновей, даже случайно попавший сюда в день раздела путник получал свою долю, которую он тут же продавал другому за бесценок (за 3 рубля или одного бараника).

Эти земли не представляли особой ценности, они забрасывались, когда получение хлеба извне становилось беспрепятственным. Да и освоение этих земель является делом недавнего прошлого.³⁰ Они не могут быть рассмотрены как остатки архаической общины, хотя здесь наблюдаются в пережиточной форме сохранение принципов общинного землевладения и землепользования, т. к. имеют свою новую подоснову,³¹ выразившуюся в том, что эти земли являются продуктом коллективного труда уже формировавшегося территориально-родственного коллектива, а не родового общинного, в прямом смысле слова, коллектива.

Общинных пахотных земель с коллективным правом пользования джамаата, тухума или даренных джамаату³² (если не иметь в виду вакуфных, мечетских — С. А.) где-либо в Аварии нам зафиксировать ни по письменным источникам, ни полевому опросу информаторов, не удалось.

Ни адаты аварских обществ, дошедшие до нас как письменные источники, ни документы, относящиеся к позднему средневековью, отражающие самые разнообразные стороны социальной и общественной жизни, не содержат в себе хотя бы косвенных намеков на существование перераспределяемых пахотных (общинных) земель.³³ Если бы они имели какое-нибудь существенное значение, то это обстоятельство обязательно нашло бы отражение в указанных документах. В то же время в адатах Гидатля, датируемых XV—XVII вв. есть пункты прямо указывающие на наличие частной собственности даже на покосы.³⁴ Важнейшие сенокосные угодья, расположенные вдали от населенных пунктов, вплоть до Октябрьской революции принадлежали феодальной знати. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до настоящего времени топонимические названия сенокосов, как например, — покосы Халихмадиловых, покосы Халиловых, и покосы Хажилал и т. д.,

³⁰ Житель селения Согратль Мусав Мусагаджи 78 лет утверждает, что со времени освоения этих земель по преданиям прошло около 150—200 лет.

³¹ М. Агларов. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.), УЗ ИИЯЛ, т. XIII, 1964 г., стр. 192.

³² З. А. Никольская. Указ., соч., стр. 32, М. Агларов. Ук. соч., стр. 191.

³³ Кодекс законов Умма-хана Аварского справедливого, Гидатлинские адаты; Рукоп. фонд Института ИЯЛ д. 1662, 1172. (адаты аварских обществ).

³⁴ Гидатлинские адаты... стр. 19.

В частную собственность фамилий, принадлежащих к феодальной знати, пришли леса и пастбища. Семейные леса имеются в лесах у урочищ Чорши, Гопоб. Здесь мы сталкиваемся с труднообъяснимым обстоятельством, когда сенокосы и лесные массивы, расположенные недалеко от поселений, непосредственно за сельскими пашнями, находятся в общеджамаатском пользовании, а покосы и леса, расположенные на довольно отдаленном расстоянии, были в пользовании феодализирующей знати, которая построив здесь хутора (сезонные, а иногда и для постоянного жительства) превратили их в частную собственность. Это особенно касается тех солнечных склонов — мечлов³⁵ обогревов, которые представляли из себя ценность для зимнего выпаса овец и заготовки большого количества сена на зиму. В некоторых местах здесь имело место сосуществование двух форм собственности частной и общественной. Общественная собственность на эти солнечные склоны заключалась в том, что здесь разрешался выпас скота всем жителям селения с ранней весны до наступления лета. А с наступлением лета эти сенокосы и пастбища превращались в собственность определенных феодальных фамилий и они ими пользовались по своему усмотрению до наступления весны, когда права бывшей общинной собственности на них вновь вступали в силу.³⁶ Процесс перехода покосов и пастбищ (зимних) в частную собственность феодальной знати зашедший так далеко к XVIII—XIX векам, своим становлением уходит в раннесредневековую эпоху. Отражение его в гидатлинских адатах, датируемых XVII веком, свидетельствует о его более раннем утверждении.

Приведенные факты достаточно убедительно свидетельствуют о наличии в Гидатле частной собственности не только на сенокосы, но и на пастбища вплоть до лесов.³⁷ Аналогичные факты имели место в Цумадинском, Гумбетовском, Хунзахском, Ахвахском и др. районах, что говорит в пользу нашего предположения об отсутствии общинных пахотных земель в Аварии в исследуемое время.

В стране, где преобладает террасное земледелие и где частная собственность на пашню утвердилась еще в глубокой древности (в эпоху бронзы³⁸), где в феодальную собствен-

³⁵ Меч I — участок (солнечный склон, обогрев), охраняемый для сенокосения и зимней пастбы своего скота, где специально оставляли растительность для выпаса овец, обычно расположенный вдали от села и считавшийся частной собственностью. Мечли, как наиболее ярко выраженная форма собственности на сенокосы (земли) характерны для районов Аварии, где не практиковалась отгонная система животноводства.

³⁶ Полевой материал 1962 г. с. Урада, Халихмадилов Камиль 67 лет.

³⁷ За исключением тех районов, где леса сохранились в изобилии, захват лесов феодальными фамилиями имело повсеместное распространение в Аварии, чему свидетельством сохранившиеся до наших дней названия местных (лесных массивов), связанные с именем их владельцев.

ность перешли покосы, местами и пастбища и даже леса, общинное землевладение пашней не могло сохраниться до XIX века.

Неправильным нам представляется и то, что З. А. Никольская видит признаки сохранившейся общественной собственности на скот в своеобразной системе, при которой скот держат в специальных помещениях, вне населенного пункта. Во всех селениях Гидатлинской долины скотоводство было высоко развито. Здесь даже имело место «производство масла на рынок».³⁹ Поэтому не удивительно, что здесь была выработана такая своеобразная, оригинальная система ведения скотоводства, прежде всего обусловленная целесообразностью. Такие помещения (они сохранились и в наше время) располагались в 200—300 метрах от поселений. Здесь каждый житель села имел свой сеновал (гьор), сарай и специальное помещение (лаж) для варки поила молочным коровам и телятам. Правда, у состоятельных лиц сеновалы были больше. Они имели и несколько сараев для каждой группы рогатого скота, тогда как бедняки весь скот держали на привязи и в одном маленьком сарае.

Планировка этих помещений также не наталкивает нас на мысль о каких-либо общественных началах скотоводства. Удаленность этих специальных животноводческих помещений от поселений подсказана прежде всего рядом практических соображений. Во-первых, вокруг них были пашни, пастбища, сенокосы. Здесь же производилась молотьба, сюда легче было подвести корма для скота, отсюда — легче возить удобрения на поля. Ко всему прочему такая система имела и ряд других преимуществ. Например, расположение сеновалов рядом с жилыми домами могло вызывать частые пожары, что особенно опасно при большой скученности домов в Аварии. Отдельное содержание скота от жилья имело и гигиеническое преимущество.

* *
*

Еще одним положением на которое опирается вывод о сохранении родоплеменных отношений в Аварии (XIX — начале XX вв.) является утверждение о якобы сохранившейся до начала XX века большой семье, как хозяйственной (экономической) единице.

В XIX в. в Аварии большая семья как экономическая общность людей отсутствовала и основной хозяйственной единицей была малая семья, состоящая из родителей и детей.

³⁸ М. Агларов. Указ. соч., 193.

³⁹ Народы Кавказа т. I, М., 1960, стр. 441.

Бывали случаи, когда женатый сын, имея отведенную для него комнату, до получения урожая из своего участка или до рождения первого ребенка, по каким-нибудь соображениям не выделялся из семьи.

Но как правило, женившись, сын сразу же выделялся из семьи, ему строили дом и он вел свое хозяйство самостоятельно, хотя традиции и обычаи заставляли его прислушиваться к совету старшего, уважать его старшинство.

Отсутствие традиций, исходящих от больших семей и повсеместное господство малых семей отразилось даже в свадебном ритуале аварцев. Так примечательным моментом любой свадьбы является «гъари» (просьба, требование).

Этот обряд заключается в том, что свадебное шествие, которое направляется из дома дружка в дом отца жениха останавливается у ворот, вызывают отца и ставят ему условия, предъявляют перечень: пахотный участок, крупный и мелкий скот, лошадь, бык и т. д., которыми он должен наделить молодоженов.

В случае уклончивых ответов ведущие шествие грозят уйти. Пиршество в доме отца не начинают до тех пор, пока он всенародно не согласится выделить сыну имущество, которое требуют дружки жениха и участники шествия.

Поговорки аварцев гласят: «Брат не желает брату богатства и смерти», «брат братом, а мерку (имеется ввиду зерна — С. А.) наполняй до краев» — эти поговорки в какой-то степени отражают разделенность семьи. Это нашло отражение и в старинной аварской балладе «Али оставленный в ущелье», где рассказывается о борьбе между братьями за раздел имущества. Положение старшего (кьибиля) тухума аварцев ни в коей мере нельзя сравнить с положением патриарха кочевых родоплеменных союзов, который был вершителем судеб членов общины. Если у большинства народов, предоставлявших главе большой семьи неограниченную власть и ему наследовал старший сын, то у аварцев наследником дома становился младший сын.

У большинства народов Кавказа традиционным является сохранение одной фамилии для всех членов большой семьи и экзогамность брака, а у аварцев же вместо фамилии, пишется просто имя отца и брак эндогамен.

Если же отец умирает, то выросшие без отца дети нередко принимают вместо фамилии имя матери. Меседил Мухамад, Хадижатил Муса, Айшал Умар и т. д. Об этом свидетельствуют многочисленные мужские аварские имена, образованные путем прибавления окончания к женскому имени (Ашурало, Зайнабило, Хважало, Хавало, Месело, Хадижало и др.). Этот обычай говорит о том, что после смерти отца главой семьи нередко становилась мать, что немыслимо при наличии большой патриархальной семьи.

Языковый материал также может служить аргументом для подтверждения тезиса об отсутствии большой семьи у аварцев в XVIII—XIX веках.

Слова «женитьба, свадьба» в аварском языке буквально означает «создание дома» *ригьин гьабизе*; молодожены «вошедшие в новый дом, создавшие новый очаг» — *Цияб рукъоре русирал*.

В археологическом отношении Авария является наиболее изученной областью. Здесь прослежены все виды поселений и жилищ с эпохи поздней бронзы до позднего средневековья,⁴⁰ и нигде не обнаружены даже следы жилья предназначенного для большого коллектива людей. Предположения некоторых исследователей жилищ (Н. Я. Мовчан) Аварии о том, что обнаруженные ими монументальные архитектурные памятники «большие дома» (принадлежащие феодальной верхушке XVII в. — С. А.), по-видимому, служили местом жилья для большой патриархальной семьи, скорее является следствием утвердившегося мнения о родоплеменном строе (якобы имевшим место у аварцев и в XIX—XX веках»), чем результатом, вытекающим из собственных наблюдений.

Неподкрепленные часто никакими фактическими материалами, базирующиеся на сугубо субъективном мнении выводы о преобладании кровнородственных и родовых начал в традиции взаимопомощи (гвай) у аварцев в XVIII—XIX веках также повлекли за собой неверную оценку общественно-экономического строя аварцев в указанное время чуть ли не как родоплеменного полунатриархального. Когда речь идет о традициях взаимопомощи в Дагестане (гвай — аварское, мель — лезгинское, белхъа — даргинское, булкъа — кумыкское) XVIII—XIX вв., следует иметь в виду, что в этот период сословные отношения уже давно преобладали над кровнородственными. Именно сословные отношения были регулирующими в обычае взаимопомощи, а не кровнородственные отношения, как это склонны считать некоторые исследователи. Это не значит, что мы намерены отрицать родовые и кровнородственные элементы, которые очень отчетливо выступают во всех их проявлениях. Бедные родственники организаторов «гвая» в преобладающем их большинстве принимали в них участие, они занимались их организацией, приготовлением пищи для участников, их сбором и т. д. Иногда для маскировки эксплуататорской сущности «гвайев» создавались какие-то искусственные, ложные родственные связи, сущность которых заключалась в том, что богатые тухумы называли бедных тухумов родственниками, и те с охотой соглашались на такое «родство».

⁴⁰ В. М. Котович. К истории Дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века. УЗ т. XII, 1964, стр. 177-197.

Таким путем они хотя бы освобождались от притеснения других, средней силы тухумов. Можно ли утверждать, что основой взаимопомощи были родственные отношения, если жителям селений Тидиб, Урада помогали в «гвайях» жители селений Гента и Глях (во всех случаях только бедные — богатым). Здесь мы имеем дело с отходничеством местного масштаба, с наемом дешевой рабочей силы для выполнения работ, требующих срочного выполнения и участия в них большого количества людей.

Наиболее ярким примером таких работ является перекрытие плоской крыши, т. к. нужда в одновременных усилиях большого числа людей здесь вызывалась суровой необходимостью — малейшее помедление с устройством покрытия грозило неприятными и часто непосильными для хозяйства горца последствиями — может испортиться настил от дождя, может сдуть ветром уже уложенную прослойку сена, или же может произойти вслучивание неприкрытых стен и т. д.

Подобного рода срочными, требующими незамедлительного завершения, работами являются: уборка хлебов, сена, стрижка овец, и др. Поэтому мы склонны утверждать, что сохранение обычая взаимопомощи в XVIII—XIX вв. не является доказательством живучести или сохранности родоплеменных отношений или кровнородственных начал. Напротив, живучесть этого обычая вытекает из его хозяйственной, экономической целесообразности и практической выгоды в условиях ведения хозяйства горца.

Мы располагаем сейчас уже большим фактическим материалом подтверждающим наличие во всей горной Аварии к концу XIX—началу XX веков, своеобразного горского феодализма с многочисленными элементами капитализма.

Большое количество отходников, связанных с городами и промышленными центрами Кавказа (в 1913—1915 годах) Аварский округ давал 3.286 отходников—10% к общему числу жителей, а Гунибский же округ, где классовое расслоение зашло глубоко и сельское хозяйство приняло явно выраженный капиталистический характер, в смысле наибольшего сосредоточения общего поголовья овец в руках крупных собственников, эксплуатирующих труд батраков, поденщиков (односельчан), дает наибольшее число отходников 15.963 человек, т. е. 17,1% к общему числу жителей);⁴¹ постоянный избыток рабочей силы, не имеющий себе применения и готовый на любой труд ради скудного заработка, иногда и даже за пропитания; и вместе с тем феодалы-земледельцы, располагающие десятками гектаров пахотных земель, скотоводы имеющие десятки тысяч овец;⁴²— все это говорит

⁴¹ Г. Д. Даниялов. Указ. соч., стр. 36.

⁴² См. Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 157.

именно о феодальном с элементами капитализма строе горцев к началу XX века.

В свете вышеизложенного напрашивается общий вывод о том, что не может быть и речи о существовании родоплеменных отношений в Аварии XVIII—XIX вв., и что перед нами отношения классового, феодального общества, с некоторыми пережитками, сохранившимися часто только в своей внешней форме элементами родоплеменного общества, а также с элементами капиталистических отношений, проникновение которых становится все более интенсивным.

Разумеется, мы не считаем свои положения полностью обоснованными и свои выводы окончательными. Это невозможно сделать в рамках одной статьи.

Однако, если нам удалось в какой-то степени поколебать некоторые общепринятые положения о родоплеменных отношениях и в известной мере обусловить свою собственную точку зрения, мы считаем свою задачу (в рамках этой статьи) выполненной. Дальнейшее всестороннее решение этого вопроса — дело будущего и мы считаем нашу статью лишь небольшим началом в этом большом и серьезном вопросе.

ХУТОРСКАЯ СИСТЕМА И ФОРМЫ ВЕДЕНИЯ ЖИВОТНОВОДСТВА У АВАРЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Одной из древнейших и значительных отраслей сельского хозяйства Аварии является животноводство. Ведущей отраслью оно становится с XIV—XV вв., когда приобретает товарный характер.

Историко-этнографическое исследование животноводства, его соотношения с земледелием в прошлом, коэффициента доходности, товарности и занятости в нем населения необходимо для объяснения процесса общественного развития края, в наименее исследованную эпоху в истории Дагестана (имеется в виду XIV—XVII вв.).

Изучение особенностей трудовой деятельности, производственных традиций и навыков народа могут пролить свет на общественные отношения, которые в свою очередь помогают воссозданию общественно-экономического и политического строя народа.

Изучение характера животноводческого хозяйства и связанной с ним хуторской системы позволит применить на практике и внедрить в производство много полезного, что веками создавалось народом в этой важной отрасли хозяйства, которая в настоящее время определяет экономическое лицо большинства районов Аварии.

Проверенные многовековым опытом и практикой в конкретных природно-хозяйственных условиях навыки по разведению животных могут быть с успехом использованы в развитии современного социалистического животноводства республики.

Из вышесказанного вытекает актуальность данной темы, особенно ее этнографической стороны, мало затронутой в существующей литературе. Наша статья является попыткой хотя бы в некоторой степени восполнить этот пробел.

Историко-экономические сведения о животноводстве у аварцев имеются в трудах русских этнографов, историков, военных специалистов,¹ а также в периодических изданиях,

¹ Н. Г. Гербер. Известия о находившихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и об

относящихся к концу XIX — началу XX вв.¹ Многие вопросы животноводства отражены в адатах ряда сельских обществ Аварии.² Особенную ценность представляют работы докторов исторических наук Х.-М. Хашаева и Р. М. Магомедова, посвященные общественному строю и хозяйственной деятельности аварцев в XVII—XIX вв., где имеется большой фактический материал и ценные научные выводы о характере скотоводства в Аварии в исследуемое время. В исследованиях Х.-М. О. Хашаева «Общественный строй Дагестана в XIX веке», «Занятие населения в XIX веке» обобщен большой полевой и архивный материал, свидетельствующий о состоянии, характере и особенностях животноводства в Дагестане, его роли и месте в хозяйстве горцев, определен коэффициент доходности животноводства в прошлом и его доли в общем хозяйственном балансе аварцев.

В этих работах вопросы животноводства, рассматриваются больше с точки зрения экономической и социальной, хотя в них имеется и ряд ценных этнографических наблюдений. Поэтому нам представляется, что в статье, посвященной этнографическому описанию форм ведения животноводства и системы хуторов, связанных с ним, нет необходимости делать историографический анализ указанных выше работ дагестанских советских историков.

Общим недостатком работ дореволюционных исследований этого вопроса является смешение ими двух совершенно различных друг от друга способов ведения животноводства: кочевого или полукочевого и отгонного. Они не учитывали, при определении роли той или иной отрасли в общем хозяйстве, процента занятости населения в ней, а также то, что продукция земледелия шла на потребление самим производителям, тогда как продукция животноводства в Аварии производилась на рынок. Считая товарность показателем ведущей роли в той или иной отрасли хозяйства, они делали выводы о скотоводческом характере хозяйства горцев в исследуемый период. На это указывают в своих работах доктора исторических наук Х.-М. Хашаев и Р. М. Магомедов.¹ Последний пра-

их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащих», СПб, 1760, стр. 130—136; Н. Воронов. Из Путешествий по Дагестану, ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 29; П. Ф. Свидерский. В горах Дагестана. Петровск, 1903, стр. 19; С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 200.

¹ Кавказские календари на 1893, 1898 гг.; Обзоры Дагестанской области за 1901, 1907, 1909, 1915 гг.; Дагестанские сборники 1902, 1904 годы.

² Х.-М. О. Хашаев. Памятники обычного права Дагестана на XVII—XIX вв. М. 1965; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв., Махачкала, 1957.

вильно отмечает, что в горах «немыслимо было раздельное существование земледелия и скотоводства».² Последнее положение Р. М. Магомедова подтверждается и нашими материалами, которые мы приведем ниже.

Немаловажное значение для правильной оценки хозяйства и связанного с ним животноводства аварцев имеет правильная датировка формирования современного его состояния. Современное отгонное животноводческое хозяйство Аварии в той форме, в какой мы его застаем в XVII—XIX вв., формируется в средневековую эпоху, с XIII—XIV вв., со времени образования в Дагестане устойчивых политических объединений, которые обеспечивали беспрепятственный перегон скота с гор на равнину и обратно, а также со времени увеличения товарного производства зерна на плоскости, что привело к забрасыванию многочисленных горных террас, ручная обработка которых при наличии возможности получения хлеба из равнинных районов Дагестана, Чечни и Закавказских пограничных областей стала бессмысленной. С этого времени хозяйство Аварии все больше стало приобретать характер товарного животноводства. Мнение о том, что аварцы, якобы, в прошлом были преимущественно скотоводческими племенами, явилось следствием недооценки столь значительного экономического фактора, как специализация больших хозяйственных зон на товарном производстве продуктов животноводства и земледелия, которая произошла значительно позже. Общеизвестным является то, что отгонное скотоводство предполагает, с одной стороны, далеко зашедшую имущественную и социальную дифференциацию общества, с другой—возможность широкого обмена продуктов животноводства.³ На позднее становление отгонного животноводства указывает и В. Г. Котович.⁴

Считаем необходимым в статье, посвященной животноводству аварцев в XIX—начале XX вв., указать на место и удельный вес крупного рогатого скота в хозяйстве, т. к. чрезмерное выделение овцеводства, акцентирование внимания на нем, ведет к неправильному определению его роли в системе животноводства.

На протяжении всей истории характерным для горского животноводства является преобладание крупного рогатого

¹ Х.-М. О. Хашаев. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, стр. 95—96; Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 27.

² Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 27.

³ И. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. Материалы отделения этнографии (географическое общество СССР), ч. I, Л., 1961, стр. 10—15.

⁴ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Дагестане. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IX, стр. 292; Его же. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности, СА № 3, 1965, стр. 12.

скота в общем стаде, что на археологическом материале с предельной ясностью доказано В. Г. Котовичем.¹ Такое сочетание животноводства требовалось до XIV—XV вв. самой системой сельского хозяйства, при которой повсеместно распространенное пашенное земледелие нуждалось в тягловой силе, а ежегодно обрабатываемые поля требовали внесения удобрений каждый год.

Х.-М. Хашаев указывает на занятость овцеводством незначительной части населения Аварии, в то время как разведение крупного рогатого скота являлось занятием более распространенным; им занимались повсеместно.² Крупный рогатый скот распределялся более равномерно между большинством хозяйств. В Аварии были барановоды, сосредоточившие в своих руках десятки тысяч овец,³ но не было крупных скотовладельцев, которые бы имели большие фермы крупного рогатого скота, что позволяет нам утверждать, что абсолютное большинство населения в Аварии было связано с разведением крупного рогатого скота и хозяйственная значимость его была гораздо выше, чем овцеводства. Поэтому неудивительно, что народные традиции и опыт у аварцев, связанный с разведением крупного рогатого скота, богаче.

В нашей статье значительное место займет описание хуторов, построек в них, форм передачи крупного рогатого скота в паем и другие явления, связанные с разведением крупного рогатого скота. Основное внимание в статье уделяется горно-стационарному животноводству, которое оказалось вне поля зрения этнографов, исследовавших хозяйство народов Дагестана и почти не нашло отражения в этнографической литературе.

В условиях Аварии исследуемого периода превалировало горно-альпийское скотоводство, которое в различных географических и хозяйственно-экономических районах представляло специфическими, только им характерными подтипами.

Наиболее распространенным для большинства районов Аварии, следует считать животноводство в обязательном сочетании с земледелием, при котором основная часть населения занимается земледелием, а скотоводством с вертикально-зональным передвижением скота занимается лишь часть его, необходимая для ухода за скотом.

Такой тип скотоводства характерен для многих районов внутренней, предгорной и горно-долинной Аварии: андаляльское общество (Ругуджа, Куяда), гидатлинское, келебское, бачо-чамалинское, андийское сельские общества, где ското-

¹ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Дагестане. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IX, стр. 292.

² Х.-М. Хашаев. Общественный строй..., стр. 92.

³ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 92.

водство со строго разработанными правилами передвижения с зимних на весенне-летние пастбища и на альпийские хутора и обратно было подсказано необходимостью наиболее рационально использовать природные ресурсы и рабочие руки.

Для перечисленных районов Аварии с развитым мясо-молочным направлением животноводства характерны различные типы хуторов, соответствующие определенному профилю хозяйства.

Указанные выше районы дают нам разнообразные по форме, типу, характеру и назначению скотоводческо-земледельческие и чисто скотоводческие хутора, объясняющие некоторые особенности хозяйства аварцев и других народностей Дагестана и социально-экономическую структуру общества.

Попытаемся дать описание этих хуторов, их классификацию по их хозяйственному назначению, специфике.

Первая группа хуторов объединяет в себе два типа хуторов, близких друг другу, со скотоводческим их назначением и соответствующими хозяйственными постройками, а в отдельные типы мы их выделяем, исходя из размеров обрабатываемых ими пахотных участков в их окрестностях.

Первый тип — это хутора, являющиеся как бы промежуточными между основными зимним и летним местонахождением скота. Они расположены у подножий солнечных обогревов, где зимой содержится часть крупного рогатого скота и овцепоголовье, а с ранней весны до наступления лета и созревания трав в субальпийских и альпийских пастбищах пасется и крупный рогатый скот всего джамаата.

Хутора эти имели весь комплекс хозяйственных помещений: сараи для скота, загоны для овец, сеновалы, жилые помещения для обслуживающего скот персонала, а также необходимые подсобные помещения для хранения и переработки животноводческой продукции. В эти хутора перегонялось почти все поголовье скота из основных поселений с ранней весны до наступления лета. Такая перекочевка объяснялась рядом причин. Во-первых, здесь относительно рано вырастала трава, раньше чем на высокогорных субальпийских и альпийских пастбищах. Во-вторых, присельские земли становились заповедными для проведения работ, связанных с землепашеством. В-третьих, здесь скот акклиматизировался перед перегоном на более высокие и прохладные выпасы. Последнее обстоятельство, в связи с резким изменением температуры по вертикальным зонам в условиях Аварии, имело существенное значение: резкая смена климатических условий при вертикально-зональном передвижении приводила к заболеванию скота. Наряду с открытыми летними загонами, где содержался скот в ненастную погоду, здесь имелись и зимне-весенние помещения для скота на случай внезапных похолоданий. Хутора эти служили так же местом содержания

крупного рогатого скота с конца альпийского сезона до глубокой осени, так как солнечные склоны, у подножий которых расположены были эти хутора, были пригодны не только для выпаса овцепоголовья круглый год, но богатая растительность в их окрестностях обеспечивала сеном на зиму и крупный рогатый скот. Здесь держали значительное количество сена для овцепоголовья в случае долгой непогоды.

Нередко первый этаж хозяйственно-жилого комплекса носил комбинированный характер, т. е. он мог быть использован и как помещение для крупного рогатого скота, и как помещение для овцепоголовья. Такое сочетание подсказывалось тем, что крупный рогатый скот обычно из этих хуторов перегоняли в присельские скотоводческие «хутора» — кварталы, которые возникали между поселениями и их пашнями, в связи с приобретением скотоводством товарного характера и производством продуктов животноводства не только для удовлетворения потребностей семьи в них, но и на рынок.

Летом, когда все поголовье скота и овец находились на субальпийских и альпийских пастбищах, эти хутора пустовали, превращались в заповедные зоны. Здесь отрастал зеленый покров для покоса сена и выпаса овец зимой.

Как на одну из существенных особенностей этого типа хуторов следует указать на их ярко выраженный скотоводческий характер, т. е. земледелием здесь занимались в очень незначительных размерах.

Определенный интерес представляет своеобразная форма собственности на покосы и зимние выпасы, связанная с этим типом хуторов. Построив у подножий солнечных склонов, представляющих наибольшую ценность как сенокосы и зимние пастбища для овец, сезонные скотоводческие хутора, феодализирующаяся верхушка, в руках которой находилось значительное число крупного рогатого скота и абсолютное большинство овцепоголовья, постепенно прибирает эти земли в свою фактическую собственность, сохранив формальную видимость общественной собственности. Здесь разрешался выпас скота всему сельскому обществу с ранней весны до наступления лета. А с наступлением лета эти земли фактически переходили в собственность отдельных владельцев, т. е. к вышестоящим по общественной лестнице шухби.¹ Они по своему усмотрению пользовались и распоряжались сенокосами и пастбищами в окрестностях этих хуторов до наступления весны, когда вступал в силу закон былой общественной собственности на них, т. е. общинники получали право пользоваться ими. Эта своего рода «ограниченная» собственность владельцев хуторов на близлежащие земли, вероятно, явля-

¹ Шухби — феодальная верхушка в «вольных обществах» Аварии (Гидатль).

ется промежуточным этапом становления феодальной собственности на общинные земли и свидетельствует о длительном сосуществовании частной и общинной собственности в условиях Аварии. На наш взгляд, на становление различных форм собственности на сенокосы и пастбища в основном повлияло своеобразие скотоводческого хозяйства в горном Дагестане.

Позже, при товарном животноводстве, процесс становления частной собственности на землю зашел настолько далеко, что даже альпийские пастбища, не говоря уже о сенокосах, перешли в руки разбогатевшей части общества.

Это иллюстрируется на примерах пастбищных угодий селения Чиркей, горы Араша в Анди, Шухбузул меэр (гора Шухби) в Гидатле и ряде других.

Второй тип хуторов — это хутора при выгонах «алхИл кулал» (аварское название). Название указывает на их расположение и назначение. Они обычно располагались на стыке пашен и субальпийских пастбищ. Жилые помещения для обслуживающего персонала, хранилища для продуктов животноводства, хозяйственные постройки: хлев, сеновал — все указывает на скотоводческое назначение этих хуторов, хотя связь с земледелием оставалась обязательной, т. к. оно поддерживало скотоводство.

Здесь мы имеем более рациональное сочетание скотоводства и земледелия, чем в хуторах первого типа, т. к. пригодной земли здесь было больше. На этих хуторах содержался крупный рогатый скот в весенне-летнее время, а на многих и в зимние месяцы, там, где условия позволяли заготовить значительное количество кормов на зиму. Зимой на этих хуторах оставляли молодняк и рабочий скот, а молочный скот отгоняли или в селения, или в присельские скотоводческие кварталы. Здесь же держали овцепоголовье для акклиматизации и до созревания трав на альпийских пастбищах.

Значительное распространение в Аварии получили и одноподворные поселения — хутора, где каждый владелец хутора имел в его окрестностях значительные посевные участки, по основному направлению хозяйства здесь оставалось скотоводство. Такие одноподворные поселения характерны для стран, ведущих альпийское скотоводческое хозяйство: Норвегия, Австрия, Швейцария.

В этих одноподворных хуторах-поселениях мы имеем и отдельное расположение хозяйственных построек и жилых помещений, уже ставших местом постоянного жительства хуторян, и расположение их на стыке пашен и выпасов, и связь поселян-хуторян с основным населенным пунктом, откуда они родом, и наличие в ряде случаев их пахотных участков в основных поселениях — «метрополиях» — все это говорит об их возникновении в связи с развитием скотоводческого хозяйства.

Промежуточное положение между описанными выше хуторами скотоводческого типа, с незначительным, несущественным удельным весом земледелия в них, и основными поселениями, где при наличии скотоводства было высоко развито и земледелие, занимают хутора, где удельный вес земледелия в хозяйстве выше, чем в указанных выше хуторах, но ниже, чем в основных поселениях — росо.

Возникнув вначале как скотоводческо-земледельческие, эти хутора превращаются в места постоянного жительства населения. Отсюда вытекает и другая отличительная особенность, заключающаяся в наличии наряду со специальными хозяйственно-скотоводческими помещениями постоянного жилого комплекса, с хлевом на первом этаже и жильем на втором. В чисто скотоводческих и скотоводческо-земледельческих хуторах помещения для жилья носили временный характер, и их пристраивали к хозяйственному комплексу.

Для многих поселений хуторов-«кули», выделившихся в самостоятельное поселение, характерным является совместное расположение хозяйственных построек и жилых помещений, а выделение скотоводческих кварталов, как в основных поселениях — росо, здесь явление редкое или исключительное.

Анализ хуторской системы и близкое знакомство с этим промежуточным (между скотоводческим типом хуторов и основными поселениями) типом поселений позволяет нам выдвинуть тезис о том, что поселения вторичного образования хуторского типа (махи — даргинское, маши — лакское, агульское, кули — аварское, казмаляр — лезгинское), широко известные в этнографической литературе, посвященной поселениям народов Дагестана,¹ явились результатом значительного усиления в хозяйстве горцев Дагестана животноводческого направления и в связи с перемещением производства зерна в равнинную часть Дагестана.

Мнение о том, что хутора-отселки являются в основном продуктом развития животноводческого хозяйства, подтверждается еще и тем, что наибольшее распространение они имели и имеют в районах с преобладанием скотоводческого направления в хозяйстве и с ним они связаны у лезгин,² у кумыков,³ у горных азербайджанцев⁴ и т. д.

¹ М.-З. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, т. X Махачкала, 1962, стр. 220; А. Исламгагомедов. Поселения аварцев в XIX—XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1964, стр. 163; С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—XX вв. Уч. зап. ИИЯЛ, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 239.

² С. С. Агаширинов. Указ. соч., стр. 240.

³ С. III. Гаджиева. Материальная культура кумыков в XIX—XX вв. Махачкала, 1960, стр. 29.

⁴ К. Г. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964, стр. 48.

Их очень мало там, где хозяйство базируется на садоводстве и почти нет в тех местах, где земледелие получило широкое развитие.

Основным путем складывания поселений хуторского типа явилось превращение сезонных и постоянных скотоводческих хуторов в поселения с постоянным контингентом населения.

Правда, в этих хуторах занимались и зернопроизводством в пределах возможного. Возникновение хуторов в связи с развитием товарного животноводства подтверждается еще и тем, что принятие хозяйством Аварии скотоводческого направления совпадает с процессом образования поселений-хуторов, а вторичное земледельческое освоение гор в той мере, в какой оно было развито до образования территориально-родственных поселений (XIV—XV вв.) не имело места. Если бы возникновение хуторов-поселений было связано с развитием земледелия с земледельческим освоением гор, то они должны были возникнуть там, где находились патронимные поселения, базировавшиеся на террасном земледелии.

Следующим, не менее существенным путем складывания поселений хуторского типа была система поселения на границе пахотных земель, сенокосов и пастбищ освобожденных рабов, райят и зависимого сословия, которые обрабатывали землю, заготавливали корма для скота владельцев, продолжавших жить в основных населенных местах.

Зависимое население посаженное на хуторах получало незначительные земельные наделы, чтобы они могли прокормиться, но не допускалось увеличение этих наделов, экономическое укрепление их хозяйств, чтобы они не стали самостоятельными.¹ Это население обрабатывало землю и выполняло другие сельскохозяйственные работы в виде «гвайев» — взаимопомощь эта была односторонней. Ухаживая за скотом владельцев, они получали некоторую долю от выработанной животноводческой продукции. Здесь мы имеем палицу форму эксплуатации зависимого населения, характерную для переходного времени от рабовладельческого к феодальному укладу.

Усиленное развитие земледелия на равнине и животноводства в горной части Дагестана, что непосредственно связано с товарностью обеих отраслей хозяйства, привело, как было уже сказано, к забрасыванию террас, которыми был испещрен весь горный Дагестан — это освободило большое количество рабочих рук, которые работали на этих террасах, занимаясь ручной обработкой их, так как применение тягловой

¹ Продажа земель, скота населению рабско-райятского происхождения считалось недостойным поступком в Гизаглинском обществе вплоть до победы Октябрьской революции (Абудалов Халит из с. Урада, Советского района, 60 лет).

силы на большинстве террас исключалось ввиду из незначительных размеров. В этих условиях общество оказалось вынужденным отказаться от рабства, так как рабы из сословия воспроизводящего превратились в потребляющее. Наиболее рациональным выходом из создавшегося положения было заселение ими хуторов, где они получали возможность прокормиться, обрабатывая земли владельца, расположенные вокруг хутора и обслуживая его скот.¹ Раб, посаженный на хутор, имеющий свой земельный надел, некоторое количество скота, оставаясь зависимым от владельца, становился работником со значительной инициативой, заинтересованным в результатах своего труда, он был представлен самому себе, хотя продолжал оставаться в феодальной зависимости, т. е. здесь форма эксплуатации рабов является уже переходной к феодальной форме эксплуатации.

Постепенно хутора, поначалу сезонные, с заселением сюда зависимых сословий, стали превращаться в самостоятельные поселения «кули» с постоянным контингентом населения, проживающим в них.

Постоянная борьба между хуторянами и жителями основных поселений-«метрополий» нашла отражение в преданиях, пословицах и поговорках. Отражением этой борьбы, ее отголоском являются аварские поговорки: «Человек с хутора все равно, что пестрая собака», «Сельский дурак умнее хуторского мудреца» и другие. Стремление хуторян называться жителями поселений-«метрополий» тоже является, на наш взгляд, попыткой сравнения сословных, классовых различий. Запрещение освоения хуторимов — пустошей, зафиксированное во многих адатах сельских обществ, в основном было направлено против расширения пахотных участков хуторян, которое было не в интересах привилегированных сословий.

Райятско-лагское и зависимое происхождение населения хуторов-отселков в Аварии вместе с приведенными выше данными позволяет высказать предварительное предположение о том, что «кули», как форма вторичного поселения, возникли в основном за счет заселения скотоводческо-земледельческих хуторов освобожденными кулами-рабами и название поселения вторичного образования «кули», возможно, этимологизируется со словом «кул» — раб.

¹ К этому времени относится также выделение отдельных селений Аварии по производству тех или иных предметов ремесла, приведшие к усилению товарообмена между отдельными областями. Выделение ремесленных, кустарных центров, работавших больше на рынок, чем для удовлетворения своих нужд, как Гочатль, Ушцукуль, Карадах и другие, также относится к этому же историческому периоду. Одновременность, взаимосвязанность и взаимообусловленность всех вышеизложенных хозяйственно-экономических и политических явлений бесспорна.

В истории Аварии, в развитии ее общественно-экономических отношений на протяжении нового исторического времени мы не видим другой внутренней силы, которая могла бы привести к смене рабовладельческого уклада следующей раннефеодальной формацией, кроме разделения труда, разделения производства зерна и скота между горами и равнинным Дагестаном. Этот сдвиг в общественно-экономической жизни общества, связанный с географическим разделением очагов производства в рамках всего Дагестана, непосредственно связан с окончанием перемещения и переселения кочевых племен по Прикаспийской низменности, и образованием устойчивых политических образований на территории всего Дагестана. Процесс этот длительный и установить строгие хронологические рамки его нам не представляется возможным, но бесспорно, что он происходил начиная с XIII—XIV по XVI—XVII вв.

Исключительно большое количество населения, происхождение которого связано с рабством, особенно там, где земледелие в прошлом имело значительное развитие, наличие в большинстве поселений Аварии кварталов, заселенных населением, в генеалогии которых прослеживается рабское происхождение, говорит о широком применении рабского труда в хозяйстве аварцев в прошлом, а объектом приложения его могла быть земля — террасированные склоны больших и малых гор Аварии, а также обширные районы, связанные со строительством оросительных сооружений, особенно по долинам больших и малых рек.

Абсолютное большинство хуторов — отселков на территории Аварии заселено населением, в генеалогии которого прослеживается либо райятско-лагское, либо зависимое происхождение, и только в редких случаях, незначительный процент в нем принадлежит узденскому сословию. Таковы хутора-отселки на территории нынешних Советского, Хунзахского, Гунибского районов. Даже названия некоторых из них отражают их лагское происхождение, хутор-отселок Лагу в Анди, Кулара-Оба, ЛукIвар-Оба у лезгин,¹ Чагар-отар у кумыков.²

Изложенные выше обстоятельства позволяют нам говорить о наличии в Аварии еще задолго до XIV—XV вв., рабовладельческого уклада различной степени развития, в отдельных районах сочетающегося с раннефеодальными формами общественных отношений.

¹ С. С. Агаширинова. Указ. соч., стр. 241.

² С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 29.

Наряду с забрасыванием многочисленных террас, основного объекта применения рабского труда (причина базисного порядка), на разложение рабовладельческого уклада повлиял в какой-то мере и ислам со своими догмами: «все мусульмане равны перед богом», «освобождение раба дело благородное и богоугодное» и т. д., который впоследствии оказал значительную услугу консервации ранне-феодальных общественных отношений, и сохранению общинных форм правления.¹

Вернемся к вопросу о возникновении хуторов — «кули»; от которого нам пришлось отклониться в связи с предположениями о рабовладельческом укладе в общественных отношениях у аварцев в раннем средневековье.

Выдвигая тезис о том, что основной причиной, вызвавшей развитие хуторов — кули у аварцев, является принятие хозяйством скотоводческого направления, мы не отрицаем, что их возникновению в каждом конкретном случае могло способствовать и развитие других отраслей хозяйства, как садоводство, так как ко времени их складывания происходит повсеместный, по всему Дагестану, процесс специализации отдельных хозяйственных микрозон. Но охрана границ или разрастание семьи, как указывают некоторые авторы вряд ли могли иметь столь значительное место.²

Выдвигая на первое место как причину хуторообразования специализацию гор по животноводству и развитие товарного скотоводства и отодвигая другие причины, мы руководствовались следующими положениями. Пахотные земли с незапамятных времен, в связи с возникновением частной собственности на них, находились в руках отдельных малых семей, освоение общественных пустошей — харимов обществом — джамаатом строго запрещалось, что в определенной мере связано со скотоводческим характером хозяйства аварцев, большая семья как общественная единица у аварцев теряется с возникновением частной собственности на землю и скот, оборонный фактор при селостроительстве, с возникновением территориально-родственных поселений (XIII—XIV вв.) в смысле обороны отдельных селений друг от друга исчез, а в отноше-

¹ Мы не намерены подчеркивать положительную или отрицательную роль ислама как идеологии в истории Аварии, но считаем неверным и сбрасывание его со счетов, так как арабское завоевание и последующее утверждение ислама не могло не повлиять на политическую и через нее экономическую структуру общества.

² В андалаяльских селениях хутора по преданиям заселяли разорившихся жителей с тем, чтобы они в какой-то мере поправили свои хозяйственные затруднения. И здесь мы имеем дело с заселением хуторов бедным, зависимым сословием.

ниях между союзами сельских обществ ослаб в связи с возникновением устойчивых политических образований в виде ханств и «вольных» обществ и утверждением ислама как единой идеологии горцев Дагестана.

Тезис о первопричинной роли животноводства в становлении хуторов-кули подтверждается некоторыми этимологическими наблюдениями. Этимология некоторых общедагестанских, аварских, даргинских, лакских, андийских слов указывает на связь хуторов-отселков в условиях гор Дагестана с животноводческим типом хозяйства.

В аварском языке, наряду со словом «кули» — хутор, отселок, существует слово «мархью» — дословный перевод кошара, близкое к слову «кули» — хутор. Слово «мархью» в значении слова «кули» сохранилось в словосочетании, употребляемом при встрече двух знакомых. Аварец, встречая земляка, поздоровавшись с ним, спрашивает «как чувствует себя семья, овцы, скот, кули-мархью» и т. д. Аварские слова «кули» и «мархью» соответствуют даргинскому «махи», лакскому «маши», агульскому «махы», лезгинскому «казмаляр». Даргинское селение Хаджал-Махи аварцы называют Хаджал-Кули. Однотичность, однозначность этих слов во всех указанных языках бесспорна.

Даргинское слово «гІяя» означающая пустырь, загон, выгон часто выступает в качестве синонима слова «маши». Слова-синонимы «маши» и «гІяя» означают отселок, хутор.¹

В андийском языке аварским «кули», «мархью» общедагестанским «маши», «махы» соответствует слово «бекыи», означающее хлев для скота.

Название ряда хуторов-отселков Аварии прямо указывает на их возникновение на местах, где имелись постройки, предназначенные для ведения скотоводческого хозяйства. Например, название хутора-отселка Митлиориб, произошло от «восемь сеновалов», Цогьор — от «один сеновал», с. Цоботль Казбековского района от слияния слов «один хлев» и т. д.

В связи с хуторской системой и развитием товарного животноводства определенный интерес представляют вынесенные за пределы основного поселения чисто животноводческие кварталы, называемые местным населением «кулал» — хуторами. Это присельские животноводческие хозяйственные кварталы, расположенные на окраинах селений или на близком расстоянии от них — между основным местом жительства поселян и их пахотными участками. Как правило, здесь отсутствуют помещения для жилья. Здесь содержали крупный рогатый скот в период стойлового содержания, со времени окончания полевых работ до наступления весенней пахоты.

¹ См. М.-З. Османов. Некоторые вопросы даргинской топонимики. Уз. ИИЯЛ, т. XIV, Махачкала, 1965 г., стр. 292—293.

Расположение скотоводческих кварталов в непосредственной близости к пашням подсказано необходимостью обеспечения пашен естественными удобрениями, а скот — кормами на зиму, которые в значительной степени пополнялись за счет покосов межтеррасных откосов. Отделение хозяйственно-скотоводческих помещений от основного места жилья имело ряд преимуществ, и преследовало гигиенические и противопожарные цели. Последнее особенно важно было при скученности построек, которую мы имеем в горных аулах.

Вынос скотоводческих кварталов за пределы поселения непосредственно связан со специализацией определенных районов Аварии на производство продуктов животноводства, расширением его, приобретением им товарного значения, усилением значения скотоводства.

«...Рассредоточение жилых и хозяйственных помещений, — пишет А. И. Робакидзе, — отвечает интересам хозяйства, основанного на земледелии и скотоводстве с самостоятельным значением последнего».¹ Перенесение названия хуторов-отселков «куди» на скотоводческие кварталы, вынесенные за черту поселения «кулал», говорит об их становлении позже, с XIV—XV вв. в связи с приобретением хозяйством явно выраженного скотоводческого направления.

Рассредоточение хозяйственно-скотоводческих и жилых помещений, т. е. вынос хозяйственных построек за черту поселения, характерно в Аварии для обществ, где разведение крупного рогатого скота получило наиболее широкое развитие, как в Гидатле, Андалале, у багулялцев и чамалинцев, где производились продукты животноводства для продажи на рынке. Эти районы Аварии известны были промысловым производством масла на рынок.

В этих кварталах имелись отдельные помещения для различных хозяйственно-возрастных групп скота. Хозяйственный комплекс состоял из двух этажей. На первом этаже помещения для скота, а на втором располагались обширные около 100 и более кв. метров сеновалы высотой более 3 метров. Здесь же рядом с каждым хозяйственным комплексом имелись токи для молотбы, мякина хранилась в специальных помещениях — «паж» (аварское название), предназначенных для складывания хлебов до молотбы. Мякина, наряду с сеном и стеблями кукурузы, шла на корм скоту. Около входа в помещение для скота строили специальные помещения — «кlorж» (аварское название) для приготовления пойла из отрубей и кормовых сортов трав для отелившихся коров и телят.

¹ А. И. Робакидзе. К вопросу о форме поселения в Сванетии. КСИЭ, XXIX, 1958, стр. 61.

Скотоводческие помещения имели по несколько вентиляционных и световых проемов, — окон, которые, по мере похолодания или потепления, то открывались, то закрывались. Таким образом поддерживалась нужная температура в помещении. Через эти проемы выбрасывали навоз и оставшийся недоеденным корм, которые весной вывозились на поля в качестве удобрения.

Наличие таких скотоводческо-хозяйственных кварталов между поселениями и пашнями свидетельствует о гармоничном сочетании земледелия и скотоводства, при ведущей, определяющей роли последнего, о древности традиций и многовековом опыте населения по ведению данных отраслей хозяйства.

Особое место в системе скотоводческих хуторов занимают субальпийские хутора сезонного типа. Они отличаются от других хуторов чисто скотоводческим их назначением, отсутствием всякой связи с земледелием. Здесь не строят помещений для скота, ограничиваясь сооружением открытых загонov, а местами и последние отсутствуют, в связи с круглосуточным выпасом скота.

Имеющиеся при этих хуторах постройки предназначены для жилья обслуживающего персонала, для хранения и переработки продуктов скотоводства. Обычно одноэтажные каменные жилища при субальпийских хуторах перекрыты каменными плитами и нередко имеют овальную форму, переходящую от круглоплановой к прямоугольной. Каменные плиты перекрытий кладут так, чтобы каждый следующий слой прикрывал только часть нижнего. Таким образом получается конусообразное перекрытие высокой прочности и долговечности. Нередко эти жилища имеют арочную конструкцию, перекрытую каменными плитами. В помещении за жильем, в глубине, расположены погреба-склады для хранения молочных продуктов — «кьор» (аварское название). Строительная техника и форма этих жилищ, будучи наиболее архаичной и примитивной формой жилища, могут при внимательном их исследовании пролить свет на эволюцию жилища аварцев.

Жилища аварцев, начиная с альпийских сезонных жилищ на скотоводческих хуторах и кончая высокими многоэтажными архитектурными ансамблями, носят на себе отпечаток назначенности их для ведения **скотоводческого**, в сочетании с земледелием, хозяйства.

Расположение помещений для жилья и скота, хозяйственных помещений и подсобных строений, соединение верхних жилых помещений с нижними животноводческими хлевами при помощи лестниц и люков (при этом люки непосредственно соединяют хлевы с местами хранения животноводческих продуктов), говорят о животноводческом в основном профиле хозяйства в исследуемое время.

Другой архитектурной особенностью, свидетельствующей о животноводческом профиле построек на хуторах, является широкое применение арочных конструкций с каменными перекрытиями первых этажей. Перекрестные арочные перекрытия являются очень распространенной, почти преобладающей формой перекрытия всех скотоводческо-овцеводческих помещений в горном Дагестане, особенно у аварцев, если даже они расположены у подножий лесных массивов.

Арочные каменные перекрытия стоят веками, а деревянные в связи с резким колебаниями температуры в помещениях быстро гниют, портятся, если даже они расположены на солнечной стороне, а в теневой части склона строить скотоводческое помещение с деревянным настилом — недопустимая бесхозяйственность с точки зрения аварца.

Арочные каменные перекрытия между первым и вторым этажами скотоводческих помещений носят столь традиционный устойчивый характер, что даже современные скотоводческие фермы в горной Аварии, несмотря на их огромные размеры и одноэтажную конструкцию, нередко строятся с арочными каменными перекрытиями.

Архитектурной особенностью животноводческих помещений является также наличие вокруг кошары дополнительной второй стены, которая преграждает путь холодному воздуху в помещение.

Вентиляционные отверстия на крыше, в зависимости от времени года и температуры воздуха закрывались или открывались.

Анализ хуторской системы и различных методов строительства скотоводческих помещений позволяет сделать вывод о богатом производственном опыте и тонких эмпирических наблюдениях аварского народа в области ведения животноводческого хозяйства, которые при внимательном изучении могут быть использованы в современном социалистическом животноводческом хозяйстве (горно-стационарном).

* *

*

Интересный материал дает анализ своеобразных методов ведения животноводческого хозяйства аварцами в исследуемый период.

Наличие традиций передавать скот в аренду одними владельцами для ухода за ним, переработки животноводческих продуктов другим и ряд других особенностей в разведении крупного рогатого скота и овцепоголовья в условиях дореволюционной Аварии наиболее ярко вырисовываются при анализе субальпийского и альпийского ведения животноводства.

В субальпийских хуторах находились в летние месяцы пожилые женщины и подростки, обеспечивающие уход за скотом и переработку животноводческих продуктов. Обычно всей хозяйственной деятельностью этих хуторов руководили опытные, почитаемые женщины старшего поколения, преимущественно из состоятельных семей. Они руководили работой, поведением в быту подростков-девушек, которые находились в их полном подчинении. Этой полновластной хозяйке хутора беспрекословно подчинялись и подростки-мальчики, помогавшие ухаживать за скотом. Мужчина, появившись на хуторе по хозяйственным или каким-либо другим делам, должен был ставить об этом в известность хозяйку хутора.

Здесь мы имеем дело с относительной свободой женщины у аварцев, в связи с значительной долей ее труда в хозяйстве. На альпийских и субальпийских хуторах находились и женщины из несостоятельных семей, которые брали у нескольких хозяев коров и ухаживали за ними, перерабатывали животноводческие продукты (опытная доярка-нанимательница брала на лето около 15 коров — у разных хозяев по несколько голов).¹ Находились они здесь с начала лета до конца альпийско-пастбищного сезона и земледельческих работ в долинах, когда скот перегоняли на места зимних стоянок.

Обычай временной сдачи скота на лето другим хозяйствам назывался «отдать на изготовление масла», так как брынза целиком оставалась нанимателям коров. В первый день лета измеряли количество молока, которое давала корова за день и нанимательница должна была сдать хозяевам коровы осенью по раталу² топленного масла за каждый муд³ молока, который дала корова в первый день лета.

Здесь мы имеем дело со строго разработанной системой найма работника (одна из форм эксплуатации) на основе обычного права, выработанного веками для удобства ведения скотоводческого хозяйства.

Широкое распространение имела также передача молочного скота на зиму тем хозяйствам, которые не имели своего скота, или, имея большое количество рабочих рук, были в состоянии заготовить сена в количестве необходимом для содержания скота своего и взятого в наем. Обычай этот назывался «оставлять теленка в надой». Сущность его сводилась к тому, что, взяв на зиму на содержание скот, наниматель получал весь приплод с него и молочные продукты до наступления лета. Существование этих форм передачи скота в наем

¹ Сведения собраны нами в различных селениях Аварии во время полевых экспедиций 1961—1965 гг.

² Ратал — мера веса, равная 2,4 кг.

³ Муд — единица измерения сыпучих тел и жидкостей, равная одной пятой части сахара (сах — одна пятая часть мерки или 2,4 кг.).

обеспечивало состоятельным скотовладельцам, отдававшим свой скот зимой одним, летом другим, получение продукции животноводства, не будучи связанными с процессом воспроизводства стада или переработкой продуктов животноводства.

Практиковалась также передача за определенную плату (обычно в виде одной головы молодняка или другими продуктами сельскохозяйственного производства) молодняка и рабочего скота на зимнее содержание в селения, где условия позволяли заготовить достаточное количество сена. В селениях, где ощущался недостаток в тягловой силе при пахоте, содержатель скота на основе устного договора с его владельцем, использовал рабочий скот и приучал молодых быков к пахоте. Он мог пахать ими свои паделы, отдавать их по своему усмотрению другим за плату или без нее. Таким образом, его расходы на содержание скота зимой окупались. Передача скота на зимнее содержание другим хозяевам из своего и соседнего селения была широко распространена и носила название «отдать работать за кормление».

Особый порядок, нехарактерный для ухода за другими видами общественных стад, выработался при уходе за рабочими быками в летнее время. Быков рабочих и подвергаемых тренажу (обучению пахоте и другим работам) следующей весной содержали отдельно на горно-альпийских пастбищах, за ними ухаживали обычно двое пастухов, нанятых джамаатом за определенную плату, помогало им все мужское население поочередно, независимо от наличия в их хозяйствах быков.

Владельцы быков и жители села, не имевшие ни одной головы крупного рогатого скота, должны были по два или три дня находиться в горах, помогать пастухам и нести наравне с пастухами ответственность при пропаже или потере поголовья. Обычай этот назывался «кьогЮл ин».¹ Видимо здесь учитывалось то, что все жители села имели пахотные участки и при их обработке пользовались рабочим скотом кого-нибудь из членов джамаата. Платы за рабочий скот в селениях, где практиковался этот обычай, не существовало. Здесь мы имеем замаскированную форму эксплуатации односельчан и в какой-то мере неофициальную плату за пользование рабочим скотом имущих.

Наиболее распространенной формой для горно-долинных, с садоводческим уклоном хозяйства, селений, а также для предгорных селений, где скотоводство велось с учетом обеспечения хозяйства тягловой силой и молочная продукция шла на ежедневное потребление семьи, где она вырабатывалась,

¹ Слово «кьогЮл» — этимологизации не поддается, а «ин» переводится как «идти», «пойти».

следует считать содержание всего молочного поголовья круглый год в самих населенных пунктах.

Нанятый джамаатом пастух гнал стадо молочного скота утром на присельские пастбища, а вечером в селение. Молодняк и рабочих быков держали вдали от населенных пунктов, обычно в горах, за ними ухаживали общественные пастухи. Правда, часть рабочего скота, используемую ежедневно в хозяйстве, оставляли в селении. Отдельно на предгорных и альпийских пастбищах содержался яловый крупный рогатый скот и телки.

На присельских пастбищах наряду с молочным скотом содержалось и стадо ослов и телок, за которыми ухаживали жители селения поочередно, а местами и общественные пастухи, получавшие плату от владельцев поголовья.

О роли крупного рогатого скота в хозяйстве аварцев и его товарности свидетельствует небезынтересный факт: в аварском языке словом «боцIн», означающим в дословном переводе крупный рогатый скот, называют и богатство.

Различные формы передачи скота на временное содержание одними хозяевами другим, многочисленные навыки народа в разведении их, преобладание крупного рогатого скота в животноводстве вообще и другие обстоятельства, связанные с этой важной отраслью хозяйства, наводят на мысль, что основным в скотоводстве аварцев было его мясное направление, что не исключает его молочное направление и важность скота как тягловой силы.

Крупный рогатый скот, предназначенный для убоя на мясо, отделенный от основного поголовья для нагула, имел у аварцев специальное название «мачIад». Название, по нашему мнению, произошло от слова «мечI» — заповедник — сенокос, специально выделенный и охраняемый для выпаса крупного рогатого скота, подлежащего забою на мясо.

В овцеводстве тоже выработались различные формы передачи поголовья на временное содержание другим хозяевам.

Обычно практиковалась передача маточного поголовья опытному чабану на 3, 6 или 9 лет, но не менее, чем на 3 года. В течение 3, 6 или 9 лет владелец овцепоголовья появлялся только за получением шерсти после осенней стрижки (весенняя стрижка у аварцев не практиковалась) и за овцепоголовьем, подлежащем забою на мясо. Все заботы, связанные с содержанием овец, их перегоном на летние и зимние пастбища и другими процессами, всецело лежали на нанимателе. Овцепоголовье формально переходило в «полную его собственность», но собственность его выражалась только в уходе за ними.

По истечении срока найма владелец поголовья получал обратно все поголовье, которое он давал нанимателю, приплод, полученный за 3 года, делили поровну между владель-

цем и панимателем. Владелец по своему усмотрению мог продлить срок найма еще на 3 или 6 лет, или передать овцепоголовье другому нанимателю.

Наниматель был зависим от владельца овец. Эта форма зависимости, узаконенная вековыми традициями, носила на себе отпечаток замаскированной эксплуатации, но давала возможность редким счастливым стать владельцами некоторого количества овцепоголовья.

Но дача овец в наем не получила такого широкого распространения, как передача крупного рогатого скота. Товарность овцеводства, его мобильность, т. е. способность легко переходить в руки наиболее деятельных и мощных владельцев, не дала возможность широкому распространению на практике этого наиболее справедливого, в смысле деления прибавочного продукта, по участию в производстве, обычая.

Обычай этот был вытеснен в связи с проникновением капиталистических отношений в овцеводство, увеличением процента отгоняемых на плоскость овец. Проникновение капиталистических отношений в овцеводство усилилось с XIX века, когда оно стало развиваться по пути постоянно-прогрессирующего увеличения отгоняемого поголовья вместе с накоплением и концентрацией его в руках незначительного процента крупных барановодов.

Абсолютное большинство отгоняемого овцепоголовья было сосредоточено в руках крупных барановодов, которые из года в год отгоняли арендуемые ими свои многочисленные отары на равнинные зимние пастбища, на несколько лет у владельцев и обществ, которым они принадлежали.

Это явление приняло столь развитую форму, что в Чиркее, в Анди практиковалась не только аренда их, но и субарендация, при которой некоторые расторопные дельцы умудрялись, арендовав эти зимние пастбища на равнине на несколько лет, за небольшую цену, а потом по спекулятивной цене переарендовать их владельцам овец.

Здесь, на зимних пастбищах, владельцы овцепоголовья строили кошары, загоны и различного рода стоянки, которые носили временный характер и не отличались ни прочностью, ни тем более долговечностью. Владелец земель мог расторгнуть договор и арендовать свои пастбища другому овцеводу. Поэтому овцеводческие помещения здесь не строились капитально. ♡

Овцеводы Аварии осенью спускались на Приазанскую равнину, Терско-Сулакскую низменность, на пастбища Приморской низменности Дагестана и находились здесь до поздней весны, а по мере созревания растительности поднимались на субальпийские и альпийские пастбища. В горно-долинных районах практиковался и второй наиболее трудный и вынуж-

денный весенний перегон овцепоголовья на равнинные земли Прикаспийской низменности.

Так как на низменности Прикаспия рано вырастала трава, по сравнению с горно-долинными районами, сюда на 2—3 месяца перегоняли овец. Тракт проходил через селения, где скотовладельцу приходилось покупать корм по очень высокой цене, нанимать помещение для скота и т. д. Весенний перегон всецело зависел от капризов природы и нередко среднего достатка овцеводы в один неудачный перегон становились безовечными. Обычным явлением было возвращение овцепоголовья без приплода, в связи с трудностями перегона.

Горно-стационарное овцеводство не исключало большого скопления овец у одного хозяина и было приемлемо и для широко развитого овцеводства. Так, например, в Гидатле, где в основном практиковалось горное стационарное безотгонное овцеводство, мы встречаемся с сохранившимся до начала XX века обычаем «азарбичай» — «отпустить тысячную», сущность которого заключалась в том, что владелец овцепоголовья, когда количество его овец достигало тысячи, отпускал одну овцу на волю, привязав ей на шею цветную тряпочку. Овца считалась собственностью того, кто ее ловил или подстреливал. Значит и там, где практиковалось только безотгонное овцеводство, были хозяйства, в которых было по тысяче и более овец, иначе не выработался бы такой обычай. Таким образом, наряду с основной отгонной системой ведения овцеводства в горах, важное место в хозяйстве занимала и горно-стационарная система, которая не нашла достаточного отражения в историко-экономической литературе, посвященной хозяйственной деятельности аварцев в прошлом, но имела широкое развитие и большое народно-хозяйственное значение. Многие довольно крупные барановоды вели именно такой тип скотоводства. Этот вопрос особо актуален в современных условиях, когда в горах возрождается традиция ведения безотгонного горно-стационарного овцеводства, как экономически выгодного для развития современного колхозно-совхозного животноводства.

Именно здесь, где велось безотгонное содержание поголовья, была особенно высоко развита организация откорма, нагула и разведения скота на мясо и проводилось своеобразное соревнование между чабанами.

Для определения победителя из отар соревнующихся чабанов посторонний человек, выступавший в качестве судьи, с завязанными глазами вылавливал по одной овце. Овец, на которых выпал выбор, забивали. Затем судья — арбитр ножом срезал по одному ребру с мясом от каждой туши и делал резкий взмах ребром. При взмахе утопченное от высокой упитанности ребро под тяжестью мяса ломалось, а ребро овцы худшей упитанности не ломалось. Так определялся побе-

дитель в соревновании. Один из старейших местных жителей поведал нам такое предание. «Однажды вынужденный признать свое поражение чабан, так как ребро от его барашки при взмахе сломалось, но осталось в висячем положении, тогда как у соперника оторвалось и упало на пол, произнес: «Видел, как овца (забитая для проверки) однажды перепрыгнула через ручей».¹ (Т. е. выловленная овца не типична для всего стада, т. к. потеряла упитанность, перепрыгивая через ручей).

Предание свидетельствует о высоком искусстве аварских чабанов, об их труде, требующем большого мастерства при пастьбе овец на высокогорных альпийских пастбищах, об их прекрасном знании каждой овцы в отаре.

С развитием животноводства и широкими эмпирическими знаниями народа в области скотоводства связано также применение нескольких способов кастрации животных (выворачивание семенников — «свери», толчение — «чухли», «члами» и т. д.). При этом для кастрации каждого вида животных строго устанавливалось время года и возраст. Кастрация преследовала, кроме получения высокого качества мяса, другую не менее важную цель: не допускать покрытия маточного поголовья овец и коров неполноценными, беспородными самцами.

В стаде коров имелись быки-производители наиболее приспособленной к местным условиям породы — «буга». Хозяева их за покрытие коровы получали от ее владельца плату. Такое же положение было и в овцеводстве, где постоянно держали племенных баранов-производителей от 3 до 6-летнего возраста. Брать их старались в другой отаре или районе овцеводства.

Некоторые овцеводы, специально занимались разведением лучших пород овец, за которых они получали по две головы беспородных. За определенную плату в лучшем стаде брали баранов-производителей на время покрытия овцеголовья хозяйства беспородных отар. Поэтому существующее мнение о том, что аварцы, как другие горские народы Дагестана, не вели работу по улучшению породности своих отар, следует считать необоснованным.

В настоящее время, когда в республике ведется работа по возрождению горного безотгонного овцеводства, при современной недостаточно высокой изученности андийской, аварской породы, изучение и заимствование народного опыта в этом направлении окажет большую услугу.

В смысле принятия народного опыта для современного горно-стационарного овцеводства бесполезно было бы

¹ Записано нами в селении Урада со слов опытного чабана Ангил Омара 120 лет.

учесть истари практиковавшееся в условиях сильно пересеченного рельефа горной Аварии содержание овец небольшими отарами в 200—300 голов.

Кошары, построенные с арочными перекрытиями, которые в большом количестве встречаются и в настоящее время в горной Аварии, имеют именно такую вместимость. Такое содержание овец имеет ряд преимуществ. Оно способствует наиболее рациональному использованию пастбищ, которые в связи с их перегруженностью с каждым годом теряют свои качества, а также соответствует веками выработанной системе постепенного (постепенное передвижение с нижних зон вверх до вершин альпийских пастбищ) и перекрестного (отдельные участки выделялись для определенных групп овцепоголовья на одном уровне) пастбищеоборота. При этой системе учитывалось время года и созревание травостоя по зонам, время интенсивного роста и нагула отдельных групп в зависимости от возраста, нужды хозяйства в продаже мяса или в воспроизводстве стада.

Уход за овцепоголовьем организовывался таким образом: крупные барановоды нанимали чабанов, обычная плата которым состояла из скудной пищи, одежды и одной овцы за месяц работы. В дореволюционном Дагестане у крупных барановодов работало 15 тысяч чабанов.¹ Общее руководство чабанской бригадой осуществлял владелец овец, если он сопровождал овец на зимние пастбища или один из опытных чабанов — удаман,² на которого возлагалась ответственность за откочевку и зимовку скота. Или же объединялись несколько хозяев, имеющих небольшое количество овец, в одну бригаду. Ухаживали за поголовьем сами владельцы поочередно, в зависимости от количества овец в общей отаре или же владельца заменял нанятый им чабан, труд которого оплачивался на основании существующих норм.

О культуре быта животноводо́в в то время говорить не приходится, аварская поговорка о том, что «чабану прежде чем стать членом джамаата необходимо 3 года работать пастухом стада при селе» достаточно ясно говорит об их оторванности от жизни. Другое аварское предание гласит, что один из мудрецов на вопрос споривших «живых или мертвых больше», ответил: «если чабанов считать за живых, то живых больше».

О ветеринарной и медицинской службе в дореволюционном Дагестане в современном смысле этого слова и думать не приходится, если не принимать во внимание выработанные

¹ А. Д. Дапнялов. Колхозный аул Дагестана в годы Великой Отечественной войны. Сельское хозяйство Дагестана. М.-Л., 1946, стр. 10.

² Удаман — выборный старшина, который осуществлял руководство чабанной бригадой во всех сферах их работы, связанных с уходом за овцепоголовьем.

многовековым занятием скотоводством эмпирических знаний в этой области.

Было здесь всего 15 ветеринарных работников, на всю Аварию — 3, по одному ветфельдшеру на округ.¹

Зависимость от метеорологических и климатических условий, отсутствие ветеринарной и медицинской службы, недостаток или вообще отсутствие кормов зимой были обычным явлением в жизни овцеводов Аварии в прошлом.

«Достаточно было, чтобы в течение недели или двух держался глубокий снег, гололедица, сильные морозы и овцы падали от холода и голода тысячами»,² — читаем мы в Дагестанском сборнике.

В 1909 году впервые на ветеринарно-лечебное дело в Дагестанской области было отпущено по смете 1050 рублей.³

Знакомство с хуторной системой и со связанными с ней формами ведения животноводства у аварцев показывает, каким большим подспорьем, в решении задач, намеченных XXIII съездом нашей партии по дальнейшему развитию социалистического сельского хозяйства, может послужить восстановление былой системы хозяйствования в скотоводческо-земледельческих хуторах, которые служили местом производства товарной продукции животноводства.

Изучение различных форм и способов ведения горно-стационарного безотгонного животноводства в условиях Аварии позволит применить на практике и внедрить в производство то полезное, что веками создавалось народом в этой ведущей отрасли хозяйства. Это особенно важно в настоящее время, когда в республике ведется работа по восстановлению горного стационарного животноводства, могущего стать одним из значительных дополнительных источников удовлетворения потребностей населения в продуктах животноводства без ущерба для пока основной в условиях Дагестана отгонной системы ведения животноводства.

¹ А. Д. Даниялов. Указ. соч., стр. 14.

² Дагестанский сборник, вып. 1, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 81.

³ Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910, стр. 92.

ПОСЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ АНДИЙСКОЙ ГРУППЫ НАРОДОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Исследование поселений и жилищ, как важнейших элементов материальной культуры, наиболее пестрой в своем этническом составе части Дагестана, — андийской группы народов представляет для этнографии определенный интерес. В дореволюционной исторической литературе мы не находим не только сколько-нибудь глубокого исследования, посвященного этому вопросу, но хотя бы общего обзора поселений и жилищ аварцев, не говоря о мелких этнических группах народностей андийской языковой семьи. Некоторые сведения, касающиеся поселений и жилищ, встречающиеся в различной исторической литературе, посвященной в основном другим вопросам, страдают фрагментностью и, что более печально, поверхностностью.

Интерес к более или менее подробному изучению дагестанских поселений и жилищ возник в середине XIX столетия и то с точки зрения их обороноспособности. Эта сторона получила несколько преувеличенную оценку, а иногда и романтическую окраску. Видимо «орлиные гнезда»¹ разжигали воображение офицеров, писателей и путешественников, посетивших этот край. Несмотря на это, военно-топографическое описание поселений и военно-инженерная характеристика укреплений,² несомненно представляют научную ценность.

Из работ советских авторов, посвященных Дагестану следует прежде всего упомянуть статьи и исследования С. О. Хан-Магомедова³, работы С. Ш. Гаджиевой⁴, С. С. Агашириновой⁵.

¹ Е. Марков. Кавказ в его настоящем и прошлом. «Живописная Россия», т. IX: М., 1888, стр. 43, 44.

² См. напр. А. П. Берже. Горные племена Кавказа, «Живая старина», 1883, стр. 80.

³ С. О. Хан-Магомедов. Народное жилище Южного Дагестана. Советская этнография, I, 1951.

⁴ С. Ш. Гаджиева. Кумыки, М., 1962.

⁵ С. С. Агаширинова. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX — начале XX вв. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. 4, Махачкала, 1958.

Особо необходимо отметить статьи М.-З. Османова, посвященные жилищу и поселениям даргинцев⁶, в которых научно доказана обусловленность различий в жилище и поселениях дагестанцев не этнической, а природно-географической пестротой районов, заселенных горами, отсюда и необходимость подхода к изучению жилища с учетом естественно-исторических зон. Конкретно жилищу аварцев посвящены весьма ценные статьи Г. Я. Мовчана⁷ и его диссертация «Жилище народов нагорного Дагестана», статьи З. А. Никольской «Из истории аварского жилища»⁸ и статья А. Исламгагомедова «Поселение аварцев в XIX—XX вв»⁹ написанная на большом фактическом материале.

Советские ученые в своих трудах показали безусловную связь эволюции жилища с общественно-социальным прогрессом общества и зависимость форм и типов жилища от социальной и общественной структуры общества, от характера семьи и форм собственности.

Расселение

К андийской группе народов относятся собственно андийцы, багулалы, чамалалы, ботлихцы, годоберины, ахвахи, карины, тиндалы. Собственно андийцы занимают котловину, образованную отрогами Андийского хребта: водораздельным западным — «Речал» (анд.), белым известняковым северо-восточным «Бахарган» (анд.) и южным — «Азал» (анд.). Высота отрогов от 2000 до 2500 метров над уровнем моря. Поселения андийцев расположены в северной и северо-западной частях котловины, а также у места прорыва реки Унса-тлен из котлована по направлению к Андийскому Койсу.

Природа так надежно отгородила этот район, что в Андию возможно было проникнуть из Аварии лишь двумя путями: через Мунишское ущелье, прорезанное рекой Унса-тлен, ущелье узкое, глубокое, прогяженностью до 5 км. Охранялось оно шестиэтажной башней у самого входа в ущелье со стороны Муни, и через Андийские ворота, откуда в свое время проник в Андию (1845 г.) граф Воронцов во время Даргинской экспедиции. Ворота (седловища), образованные обрывом северо-восточного скалистого отрога Андийского хребта, ши-

⁶ М.-З. Османов. Поселения даргинцев в XIX—XX вв. Там же, т. 10, Махачкала, 1962; его же. «Жилище цудахарцев в XIX—XX вв.» Там же, т. 9, Махачкала 1961.

⁷ Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. Сов. этнография, 4, 1947; его же. Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана.

⁸ З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. Сов. этнография, № 2, 1947.

⁹ А. Исламгагомедов. Поселения аварцев в XIX—XX вв. Ученые записки ИИЯЛ, т. XII, Махачкала, 1964.

риной 200 метров, также были укреплены превосходной крепостной стеной с четырьмя башнями. (Остатками этих укреплений хорошо сохранились).

Эту печать физико-географической обособленности в большей или меньшей степени носят районы расселения и других народностей группы. Здесь совпадают этнические границы с границами обособленных в рельефном отношении микро-районов. Так, багвалалы занимают часть правобережья Андийского Койсу, увенчанного лесистыми вершинами продольного приречного хребта. Этот склон ниже по течению реки ограничен поперечным каньоном и отвесным обрывом юго-западной части Алакского хребта, а выше по течению — замыкается Тиндинскими горами.

Почти так же расселены чамалалы по левой противоположной стороне ущелья Андийского Койсу. Ахвахи занимают котловину, во многом напоминающую Андийскую котловину. Каратины расселены на северном склоне обособленного Алакского хребта.

Выбор места для поселения обуславливался постоянными факторами действующими в различные исторические эпохи, так и факторами, имеющими силу только для конкретной исторической ситуации. Так наличие поблизости речки или другого источника воды было обязательным условием для основания поселения. Во все времена солнечная ориентация была одним из главных факторов во все исторические эпохи. Так например, все села Андии расположены амфитеатром по южному склону западного отрога. Оба склона особенно в зимний период хорошо обогреваются. А на северном склоне южного отрога «Азал» нет вовсе поселений, несмотря на то, что он более благоприятен для поселения в других отношениях. Багулальское село Хуштада, каратинские села Арчо и Карата, расположены на северных и западных не солнечных склонах Алакского хребта. Однако и здесь дома строились на резко выдающихся отрогах, чем достигалась в некоторой степени южная ориентация.

В очерках из быта аварцев есть примечательная картинка Н. Львова: «Горцы во время сильных морозов, засеив в свои темные сакли, обогреваемые лишь по утрам огнем для вскипячения галушек, не показываются на улицу до тех пор, пока не проглянет солнце, когда же оно обогреет немного зимний воздух, тогда все прятавшиеся от стужи мужчины, женщины, старики и молодежь оставляют сакли и размещаются на крышах, галереях или где-нибудь в затишье, на солнечной стороне».¹⁰ И на самом деле, особенно в безлесных районах, солнечная ориентация поселений была жизненно необходима.

¹⁰ Н. Львов, Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. ССКГ, т. III, стр. 6.

Другим исключительно важным фактором, повлиявшим на выбор места для поселения, была необходимость обеспечения защиты аула от вражеских набегов и разорения. Для этого аулы располагали в местах, наиболее защищенных обрывами, скалами и т. д. Расположение сел на неудобных скальных выходах было вызвано экономией земли крайне необходимой и ценимой горцами. Таким образом, оба эти фактора — необходимость обороны и экономии земли, послужили причиной тенденции аулов располагаться в самых невероятных условиях. В литературе по вопросам жилища и поселений дагестанцев, указывалось, что эти факторы не были вечными, хотя порою имели большое значение. Так фактор обороны в эпоху разложения родового строя и утверждения феодализма выступал особенно ярко. Затем роль его с образованием военно-политических объединений («Игъа» — анд., «бо» — аварск.) ослабла и на первый план выступили иные факторы.

Типы поселений. Для XIX века характерны поселения типа «гъон» (анд.) «Росо» (авар.) — большое село и «кули» — хутор. Полевые же и археологические данные выявляют еще один более ранний тип андийских поселений, существовавший приблизительно до монгольского нашествия и получивший название в литературе «родовое поселение». Этот тип поселений до позднего времени сохранился только у дидойцев. И, наконец, недавно возникший новый тип поселения — советское село, отражающее новые социально-экономические отношения и условия быта. О существовании ранних «родовых» поселений остались многочисленные предания, рассказы и легенды, которые заслуживают тщательного изучения.

Первый тип поселений. Дошедшие до нас легенды и предания дают основания предположить, что все нынешние крупные села произошли путем слияния мелких поселений, ранее находившихся где-то поблизости. Например, селение Кванкъеро произошло от слияния 4-х поселений Къурукъ, ШамагI, ЧIакъндари и ЧIанди; селение Карата от слияния поселков БоцIокъ, Эшкъа, Къула, Зани, ЧIвадаратъ, НакIкIву. Судя по топонимическим данным, эти ранние поселения находились, как правило, выше сел, образованных их слиянием. Какова была социальная природа этих поселений до слияния в крупные села — «гъон», «росо», каковы причины их слияния подробно рассмотреть в данном очерке невозможно. Предварительно лишь можно отметить, что родовыми эти ранние поселения могут быть названы потому, что крупные тухумные села складываются из тухумов, в свое время населявших эти поселения. Комплектование поселений типа «Росо» путем слияния мелких ранних поселений по единодушному признанию исследователей характерно и другим народам Дагестана.

Интересно отметить, что все эти новые поселения состоят из четного числа тухумов. Род ни в коем случае не может мыслиться изолированно. «Каждое племя, — писал Ф. Энгельс, — по необходимости (подчеркнуто нами — М. А.) должно было охватить по крайней мере два рода, чтобы быть в состоянии самостоятельно существовать».¹¹ Положение о том, что каждый отдельно взятый род не мог существовать исторически без другого, тесно связанного с ним брачными питями, обосновал также М. О. Косвен.¹² Не вызывает сомнения универсальность самого института дуальной экзогамии.¹³ Отсюда — каждое «родовое поселение» должно было в принципе содержать по меньшей мере два подлинных экзогамных рода или же иметь где-то рядом с собой подобное себе другое поселение, находящееся с данным в тесных брачных отношениях. Последнее обстоятельство и объясняет четность количества ранних поселений, составивших впоследствии «гьон» («росо»)¹⁴.

Объединение ранних мелких поселений в крупные общества имевшее место по всему горному Дагестану в раннем средневековье, явление чрезвычайно интересное и, вероятно, последовало вслед за крупными изменениями в структуре общественных и семейных отношений. Предположительно можно указать на некоторые причины вызвавшие столь массовое объединение поселков.

Первая и основная причина, по всей вероятности, заключалась в разложении внутри этих поселков архаической родовой общины и замена ее новой соседской, территориальной общиной.

Другая причина, которая способствовала слиянию мелких обществ в крупные заключалась в победе патриархальных порядков с сохранением норм родовой экзогамии. На самом деле, с переходом к патрилокальному поселению и к отцовскому родоисчислению в брачующихся коллективах или родах, родственные связи получили совсем иной более сложный оттенок. Прямые родственные связи, которые возникали

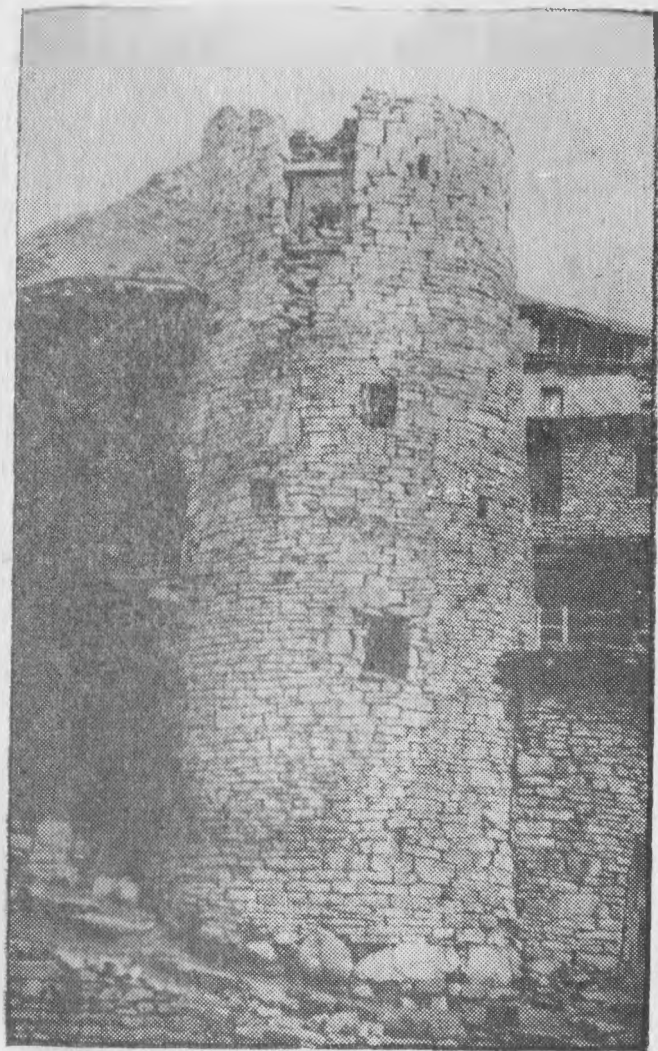
¹¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 51.

¹² М. О. Косвен. Об историческом соотношении рода и племени. «Сов. этнография», № 2, М., 1951, стр. 184 и сл.

¹³ Дуально-экзогамное прошлое в брачных нормах открывается чуть ли не у всех народов континента. О былой дуальной экзогамии у аварцев см. З. А. Никольская. Из истории семейно-брачных отношений у аварцев в XIX веке. КСИЭ, т. VIII, 1949, стр. 57, у андийцев. М. Агларов. Формы заключения брака и некоторые особенности свадебной обрядности у андийцев. «Сов. этнография», № 6. М. 1964, стр. 137.

¹⁴ На четность тухумов или кварталов в селах, как на показатель дуальной организации этих тухумов в прошлом ука. М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 35—36.

между каждой парой поселений или родов усилили тенденцию к их территориальному объединению. В этом же факте нужно искать объяснение «сельской эндогамии», которую от общих норм эндогамии разграничил еще М. М. Ковалевский.¹⁵

Круглая оборонительная башня в с. Хуштада.

¹⁵ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, II, М. 1890, стр. 172.

И, наконец, процесс объединения аулов путем слияний завершают феодальные усаобицы и борьба с ипоземными завоевателями.

Второй тип поселений. Это крупные аулы (гьон) отражающие новое состояние в общественных отношениях, именно, феодальную формацию. Эти поселения сформировались в результате слияния между собой поселений первого типа и господствовали до победы Октябрьской революции.

Развалины крепости Елука в с. Гагатль.

Отличительными чертами поселений типа «гьон» были крупные размеры и отсутствие в облике поселения явно выраженных признаков родовой морфологии (родовые кварталы, общие дома, места отправления культов чисто по тухумному принципу и т. п.). Даже родовые башни во многих случаях предназначались для обороны всего поселения и располагались, как правило, в наиболее стратегически важных точках аула. Круглая башня в Хуштада охраняла вход в село и к источнику; Тиидинские дома — башни располагаются на подступах к селу и т. д.

В этом отношении второй тип поселений Андии аналогичен аварским, даргинским и лакским, но не с поселениям той части лезгин, для которых проблема максимального исполь-

зования земли как для пашен, так и для построек не стояла из-за чисто природно-географических удобств.¹⁶

Третий тип поселений «кули» в виде отселков и хуторов отражает самый последний этап разрушения территориально-общинных принципов расселения. В большинстве эти поселения принадлежали или освобожденным рабам и крепостным, все еще отбывающим повинности своим хозяевам (поселение «лагъу» у андийцев), или разбогатевшим скотоводам, садоводам или земледельцам, которым различными путями удавалось устраиваться на землях, не подлежащих застройке по общинному праву. Многим удавалось покупать эти земли, заплатив общине — джамаату определенную сумму (Кули Амирхана в с. Ашали, Ачиргъалав в Анди). Но, как правило, и те, и другие, располагаясь на общинных, более удобных местах, интенсивно богатели.

К этому же типу пужно отнести поселения, возникшие в стратегически важных местах в результате особого разрешения джамаата. Практически чаще всего возникновение подобных населенных пунктов происходило следующим образом: джамаат обязывал так называемых «лишних сыновей»¹⁷ занять то или другое место в интересах джамаата. Но случалось и так, что отцы «лишних сыновей» выпрашивали сами или покупали у джамаата участок на хариме, так как вблизи отцовской усадьбы в селе не оставалось места для постройки дома для новой семьи. Так образовались Тадмагитль от Кудияб, Риквани от Анди и Гагатля, Рушуха от Чанко и Муни и т. д.

Четвертый тип — это современное колхозное село отличное от старых сел архитектурой и планировкой.

Формы поселений. Поселения андийской группы народов в большинстве своем, строго не подчинены какой-либо архитектурной форме. Главные узлы архитектурных ансамблей, каковы годекан «каву», мечеть, источник с бассейном — находились в каждом отдельном случае то в центре поселения (с. Ашали), то на краю аула (Къул'а в Гагатле), то наверху (площадь в с. Апчик), то у подножья села (с. Арчо).

Улицы идут в самых разнообразных направлениях, скорее повинуваясь компактности застройки, нежели какому-либо пла-

¹⁶ С. С. Агаширинова Патронимия у лезгин. Доклад, прочитанный на сессии, посвященной полевым исследованиям 1963 года в Москве 8 апреля 1964 г.

¹⁷ Абсолютно аналогичные случаи у даргинцев см. М. З. Османов. Поселения и жилища даргинцев XIX—XX вв. (рукопись), л. 57. «Лишние сыновья» от «леклол вошул», когда в доме — 3—4, а то и пять сыновей, достигших брачного возраста, необходимость обеспечения их жильем ко времени брака была серьезной проблемой для горца, ведь надобно было для этой цели иметь строительную площадку.

ну. Например, в с. Муни имеется одна центральная улица, пролегающая через весь аул с нижнего конца до верхнего, от нее разветвляются четыре улочки, крытые сверху и темные днем и ночью. От них разветвлений нет. Тропы, ведущие к отдельным домам, идут через крыши, часто по ступенькам. Крытые улицы дополняют эту картину. Село производит впечатление гигантского единого строения.

Посетив разрушенный Гоцатль в мае 1837 года, Я. Кастеницкий писал: «...дворы в ней также были между собой застроены, что не узнаешь, где оканчивается и где начинается другой дом. Так как деревня расположена на крутом косогоре, то сакли стоят почти одна на другой и, войдя снизу в одну, вы увидите в середине ее, вверху, маленькую дверь,¹⁸ которая ведет в другую, выше стоящую саклю, а из этой еще выше, в третью.

Таково внутреннее устройство почти всех горских аулов, и как дома прилеплены одни к другому, то в случае нападения неприятеля, жители проламывают стены и таким образом весь аул делается как бы одним домом, в котором бесчисленное множество темных переходов, закоулков».¹⁹ Это впечатление, хотя далеко не точное в деталях, было совсем не случайным.

Ф. Байерн пишет, что «плоская крыша одного дома служит здесь двором для другого, построенного выше него, так, что подобная деревня издали имеет вид каменной гигантской лестницы».²⁰ Однако эта характеристика для всех поселений была бы неверной. В планировке поселений, в смысле их геометрического облика, следует различать три типа, соответствующим различным микрорайонам. Имеются также реликты как будто бы носящие признаки былой семейной и социальной организаций, но на этом вопросе подробнее остановимся в разделе «Жилище».

1) Террасообразный облик имеют поселения: Муни, Кванхидатль (андийцы), Агвали, Цумада (Чамалали), Анчик, Нижнее Энхело (Каратины), Кванкери (ахвахи), Ботлих, Миарсо (ботлихцы) и ряд других сел, в меньшей степени «террасированные». Расположены эти аулы в глубоких и жарких долинах рек, главным образом по руслу Андийского Койсу. Основной отраслью хозяйства населения этих сел было, да и остается, садоводство, сочетавшееся с высокоорганизованным, интенсивным, но незначительным (из-за малозе-

¹⁸ Здесь автор путает вход с нижнего на верхний этаж, как вход из сакли в саклю, если, конечно, под саклей он подразумевает отдельный дом.

¹⁹ Я. Костенецкий. Записки об аварской экспедиции 1831 г. СПб, 1951, стр. 48.

²⁰ Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе. ССКГ, т. I, стр. 300.

мелья) земледелием. Скотоводство здесь было развито крайне незначительно из-за отсутствия пастбищ, которые были в руках высокогорных обществ.²¹ Поселения, где крыша одного двора служила двором вышерасположенного, в результате чего поселения принимают террасообразную форму, были следствием предельного приспособления именно к этой земледельческо-садоводческой направленности хозяйства населения. На крутом склоне путем такой конфигурации жители добывались максимально ровной и солнечной свободной площади (местами даже перекрывая улицы и улочки сс. Муни, Ботлих), на которой на зиму для продажи сушили фрукты, зерно и другие продукты сельского хозяйства. Бесспорно, эта причина была решающей для подобных поселений со «слепыми» («ботлол кватлибол») улицами.

2) Несколько более свободное расположение построек имеют высокорасположенные селения Лъондада (богвалалы), Анди, Гагатль, Риквани (собственно андийцы), Гигатль (чамалалы), Карата (каратины), Кудияб росо (ахвахи). Им характерна земледельческо-скотоводческая направленность экономики, в которой превалирование одной из отраслей не было стабильным, а менялось в зависимости от различных ситуаций: военно-политических отношений этих обществ с аварскими ханами, особенно с кумыкскими владетелями и чеченцами. Занятие скотоводством требовало дворов, хлевов, сараев и прочих хозяйственных помещений, эти же дворы служили током для молотбы хлеба, ибо потенциал земледелия, который здесь сочетался со скотоводством, был гораздо выше, чем у «долинных» или как принято называть в Аварии «хьиндаляльских» поселениях. Отсюда хозяйства требовали усадебного расположения. И если имелась возможность, то застройка осуществлялась именно таким образом. Здесь мы уже встречаемся с большим количеством улиц, улочек, опоясывающих каждую группу домов.

Близок ко второму по форме был третий тип поселений, в котором дома расположены компактно группами по два и более. Строения эти преимущественно многоэтажные закрытых и открытых типов, в архитектурном облике напоминающие жилые башни (Тинды, Хуштада, Кванада). Наиболее распространены они у дидойцев.

Таким образом, на формы поселений влияли такие факторы как: оборона, ориентация, малоземелье, а также направленность занятия населения, их экономика.

²¹ Летние пастбища истари принадлежали обществам, расположенным выше долин у субальпийских и альпийских зон.

Жилище андийской группы народностей впервые было обследовано Г. Я. Мовчаном²² в сравнении с жилищем других народностей нагорного Дагестана. В качестве критерия для типологии им взят принцип планировки жилой камеры. Следуя принципу морфологического различия старого жилища, Г. Я. Мовчан выявил новые типы, по ареалу распространения резко расходящиеся с границами расселения народностей по этническому признаку. Это 1) многоэтажное жилое сооружение близких друг к другу Гидатля и Тинди; 2) одноэтажные сооружения в Анди и Карата; и 3) более распространенный тип — ботлихский двухэтажный дом.

Типы жилищ

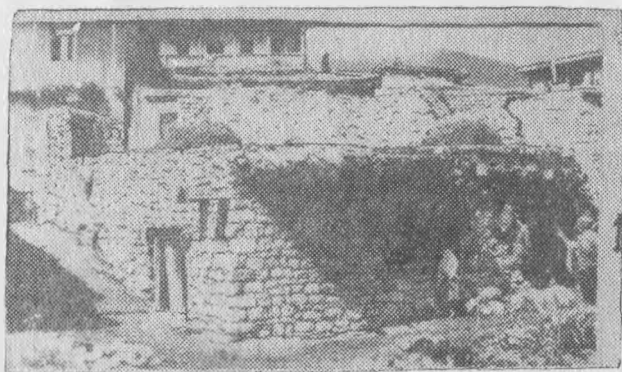
Несмотря на огромное конструктивное разнообразие, аварские жилища можно подразделить на два типа: однокамерное и многокамерное. Такая типизация удобна, так как этот признак связан с семейной и социальной структурой общества.

Простейший тип это однокамерное жилище. В чистом виде оно известно нам лишь в единственном числе — дом Ибрагимовых в с. Годобери. Но большая камера часто встречается в системе многокамерного жилища, называемая у андийцев «речIуха гьакъу» (большая комната, большой дом), у аварцев «кIудияб рукъ».

Однокамерный дом Ибрагимовых расположен в центре с. Годобери на довольно крутом склоне (15—20°). Площадь камеры 76 м². Фасадная часть дома с проемом для окна ориентирована на юг, снабжена небольшим навесом и полностью выступает из земли. Задняя противоположная стена ровно наполовину углублена в землю и покоится на скальном фундаменте. Высота дома 2,60 м. Сложен он из сравнительно крупных каменных блоков, снаружи грубо обтесанных. Углы сложены из наиболее крупных камней — замком. Во многих случаях в конструкции стен использованы четырехугольные деревянные балки, что является характерной особенностью строительной техники не только годоберин, но и багвалалов.

²² Г. Я. Мовчан. Предварительные заметки... Указ. соч., стр. 41—48.

Очаг расположен у правого угла фасадной стены. В конструкции дома имеется особенность, отличающая его от других жилищ: продольные балки перекрытия установлены не на боковых стенах, а на специально возведенных для этой

Однокамерный дом Ибрагимовых в с. Годобери.

цели поперечных балках, установленных на подпорных столбах. Эти балки пролегают вдоль стен и центральная, массивная балка, обычная и для других домов, идет по центру покоясь на известном «корневом» столбе. Эти пристенные продольные балки снабжены глубокими пазами для поперечных балок «кьерча». У фасадной стены продольной балки нет. Она венчает фасадную стену и не имеет потому подпорных столбов. Кроме того, она не имеет пазов, вследствие чего между концами продольных балок образованы четырехугольные отверстия, служившие в прошлом дымоходами. Подобную оригинальную конструкцию крыши нам пришлось увидеть также в сел. Кванада — на втором этаже дома — крепости, носящего название «Басхъан-хъала» (дворец Басхъана). Эта конструкция любопытна тем, что крыша может быть сооружена самостоятельно без предварительного возведения стен, которые могут быть возведены и подогнаны под нее позже. Это не значит, что так и строили, речь идет об относительной самостоятельности конструкции крыши, что может быть объяснено какой-то древней традицией по сооружению навесов.

У андийской группы народов, у аварцев, даргин и лаков однокамерные дома меньше сохранились, нежели у соседних народностей. Описанный нами однокамерный дом, как и другие однокамерные сооружения Аварии и ряда народов, иссле-

дователи считают обиталищем неразделенной большой семьи, даже «длинным домом патриархальной семьи».²⁴ Однако мы склонны считать это утверждение ошибочным, т. к. археологические раскопки поселений, проведенные в горах, дают материалы, говорящие о том, что конструкция многокамерного жилища как единственный тип восходит к бронзовому веку,²⁵ а однокамерное жилище XIX века явление более позднее и, вероятно, вторичное. Этнографическое обследование жилищ горцев и полевой опрос дают материалы также свидетельствующие о древности многокамерного дома. При этом многокамерная конструкция во многих случаях является вертикальной,²⁶ где в основном верхние этажи дублируются жильем первого этажа.²⁷

Объяснить эти явления можно топографическими особенностями месторасположения поселений и жилища в тесной связи с развитием и изменением социального организма общества.

С падением коллективной собственности на пахотную землю, происшедшим в Аварии где-то в хронологическом диапазоне с бронзового века до начала первых веков нашей эры,²⁸ распадается и большая патриархальная семья. Выделение новых семей послужило причиной появления многокамерной конструкции жилищ. При этом, очень часто, из-за ограниченности возможностей выбора места для новых застроек, новые дома строили на крыше старых.

Крыша жилого дома предоставлялась для новой семейной ячейке, для строительства жилья, но при отсутствии таковой немедленно продавалась односельчанину, пугающемуся в строительной площадке (с. Хуштада, Багвалалы). Поэтому не всегда мы находим в этих «недлинных», а скорее «высоких» домах ожидаемую родственную группу семей. И в этом, по всей вероятности, объясняется тот факт, что тип жилья, выделенный Г. Я. Мовчаном, как соответствующий по своей вертикальной конструкции: «хлев—жилье—жилье», располагает именно двумя, тремя, а порою четырьмя и пятью (в Дидо) жилыми этажами без внутреннего сообщения. Вследст-

²⁴ Об аварцах см. З. А. Пикольская. Из истории аварского жилища... Указ. соч., стр. 162.

²⁵ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 45.

²⁶ Часто двухэтажные дома располагают одним центральным столбом, установленным на нижнем этаже и подпирющим крышу верхнего этажа.

²⁷ См. Г. Я. Мовчан. Указ. соч., стр. 43.

²⁸ М. Агларов. «Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности на землю у аварцев (до XX в.)», «Ученые записки ИИЯЛ», т. 13, Махачкала, 1964 г., стр. 186.

вие чего каждый этаж имеет вполне автономную функцию жилого дома отдельной семьи, правда, без хозяйственных служб.

В с. Анчих (каратины), Хуштада (багвалалы), Тинды (тиндалы) хлева с сараями вынесены за село и располагаются компактно на краю аула. Именно в этих селениях имеется многоэтажный тип жилищ, где устройство хлевов с сараями в ауле было затруднено, а порою совершенно исключено из-за отсутствия свободной и удобной под жилье площади.

Дома двухэтажной конструкции исключительно распространены и имеют себе аналогии на обширной территории Кавказа, Передней Азии²⁹ и т. д.

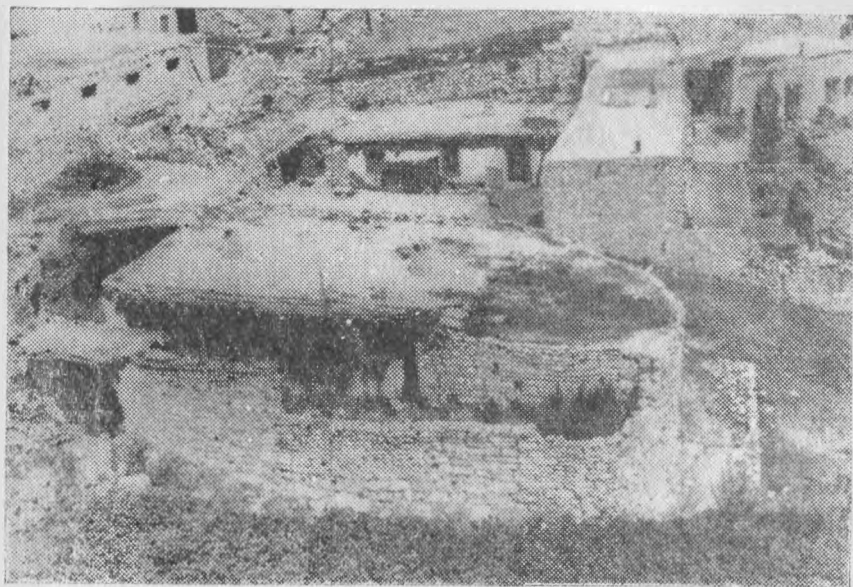
В двухэтажном, и пожалуй, в основном типе старого жилища можно выделить два подтипа. Первый — это андийско-каратинский, где второй этаж, как правило, отодвинут назад, благодаря чему часть крыши нижнего этажа используется в качестве двора. Второй — ахвахский подтип, где второй этаж полностью садится на первый, забирая часть площади крыши первого этажа под навес. Дома ахвахского подтипа можно встретить в Анди (например, дом Алибеговых в с. Гагатле), а андийского облика у ахвахов. Здесь первый этаж служит часто для хозяйственных надобностей — хлев, сарай. Второй этаж — жилой. На верхний этаж чаще ведут наружные каменные лестницы, но у андийского типа на второй этаж вход, как правило, прямо с улицы, так как «отодвинутый» второй этаж частью покоится на склоне горы, почему эти дома часто называются полутораэтажными, «приподнятыми».

Кроме того, отличительной особенностью домов андийского подтипа является то, что они снабжены огораживающей весь двор и жилье стеной. Иногда огороженная часть бывает достаточно велика, чтобы построить там ток для молотбы и выделить место для скирдования снопов. В других случаях, в этих двориках летом ночью содержали овец, зимой их здесь кормили. Эти ограждения построенные большей частью на сухой кладке необтесанного камня, были снабжены арочным входом. Но совершенно лишены подобного усадебного облика жилища, расположенные в горных долинах с садоводческим профилем хозяйства. Эти жилища расположены предельно компактно между собой, но прежде всего с учетом свободной (не застроенной, как у багвалал) крыши — двором, которой пользовались для сушки фруктов.

В двухэтажных домах андийско-каратинского подтипа в нижнем этаже, а в одноэтажном, рядом с хлевом, находи-

²⁹ Любопытные аналогии нашему одноэтажному и двухэтажному типу построек имеются у кафиров Гиндукуша. G. S. Robertson. *The Kafirs of Hindy-kuch*. London. 1896, p. 486—487.

лась жилая комната. В смежной с хлевом стене оставляли оконный проем, наглухо закрывающийся деревянной дверцей. Ночью, когда весь скот находился в хлеве, хозяин через этот проем проникал в хлев и большими каменными плитами изнутри запирал его. В иных случаях запирали прямо со второго этажа, опуская через особые проемы нетолстое бревно.

Старинный дом в с. Анди.

Традиция обязательного содержания скота в отдельном помещении (у горных чеченцев, у сванов и др. скот содержался в том же жилом помещении за красиво ornamentированной перегородкой)³⁰ по всей видимости, объясняется отчасти и тем, что двухэтажная конструкция дома (хлев жилье) или многоэтажная конструкция домов затрудняет содержание скота в жилой комнате.

Ахвахский подтип, как мы отмечали, имеет в основном двухэтажную конструкцию, но второй этаж более полно покрывается на первом, а первый всецело построен без употребления дерева даже для перекрытия. Нижние этажи построены на каменной колоннаде, где каждые четыре колонны соединены между собой перекрытием в виде цилиндрических сводов,

³⁰ Народы Кавказа, т. II, стр. 286.

покоящихся на многочисленных рядовых приподнятых арках, венчающих колоннаду. Группировка колонн с арками такова, что вертикальная плоскость, заключенная между каждыми двумя колоннами арки, перпендикулярно пересечена подобной же плоскостью другой арки. В результате камень, расположенный в самой высокой точке арки, являлся общим венцом двух арок. Оставшаяся площадь перекрытия уложена плитами.

Помимо того, встречаются ложные цилиндрические своды, созданные из плит напуском. В Ахвахе это повсеместное явление. Надо бы полагать, что такая высокая культура арочного строительства могла бы быть вызвана отсутствием важного строительного материала — леса. Но в действительности он находился поблизости. Существует предание, где говорится, что лес этот в свое время принадлежал каратинам и потому ахвахцы вынуждены были довольствоваться одним камнем. Но это не вызывает особого доверия, так как верхние этажи сооружались с деревянным перекрытием, а нижние и по сей день строят по традиции из камня. Следовательно, сводчатое каменное строительство нижних этажей связано с какой-то, скорее этнической, нежели другой, традицией строительства. Арки и ложные своды из плит встречаются в конструкции жилищ других народов, ибо сам инженерный принцип ложного свода широко был известен в горах с самых древних времен и употреблялся в строительстве мостов, но подобного распространения этого приема в строительстве жилищ мы не знаем.

Планировка и внутреннее убранство. Для всех типов жилищ обязательным является наличие во всем, порою довольно сложном комплексе, одной, относительно обширной комнаты. В жилище, построенном в XIX веке, эта камера занимает не центральное, а боковое или внутреннее положение. В новейших домах этой камеры, как правило, не бывает, хотя есть тенденция строительства ее в боковом крыле и сохранения как гостиной. Во всех случаях, если только эта большая камера «*кIудняб рукъ*» (аварск.), «*речIуха гьакъу*» (анд.) использовалась под жилье, здесь всегда жили старые родители. Семьи детей располагаются в боковых или верхних комнатах, порою менее удобных для жилья, нежели эта большая комната. В основном, если большая камера занимала глубинную часть плана, то другие комнаты, как правило, планированы от нее, и таким образом, чтобы проход между последними служил площадью для устройства глубоко посаженного в тело здания навеса. Встречаются довольно часто жилища с «Г»-образной планировкой, где длинный ряд занят тремя-четырьмя комнатами, каждая из которых имеет обяза-

тельно выход наружу, реже — сообщаются между собою.³¹ Короткий ряд занят большой комнатой «речІуха гьакъу». Навес занимает свободное пространство плана. Встречается и ряд других комбинаций. Каждый отдельно взятый случай продиктован конкретными условиями: материальными возможностями, размерами строительной площадки, хозяйственным профилем и т. д. Здесь напрашивается на объяснение любопытный факт — обязательное наличие в жилом комплексе большой камеры «речІуха гьакъу», где проживали родители. По всем имеющимся у нас материалам опроса, в свое время вновь созданная молодая семья проживала в маленьких комнатах, но когда подрастали сыновья и не было возможности построить им новый дом, родители переселялись в большую комнату, даже если еще были живы их родители. Весьма определенно можно утверждать, что эти большие комнаты «речІуха гьакъу» были предназначены для старшего поколения, а не были вместилищем больших семей, следы которых в Аварии и Андии почти невозможно нащупать. В больших камерах были сосредоточены все атрибуты фамильных и семейных культов и, являясь традиционной и наиболее консервативной частью жилища, они были наиболее подходящим местом для проживания старшего поколения, облеченного большой патриархальной властью.

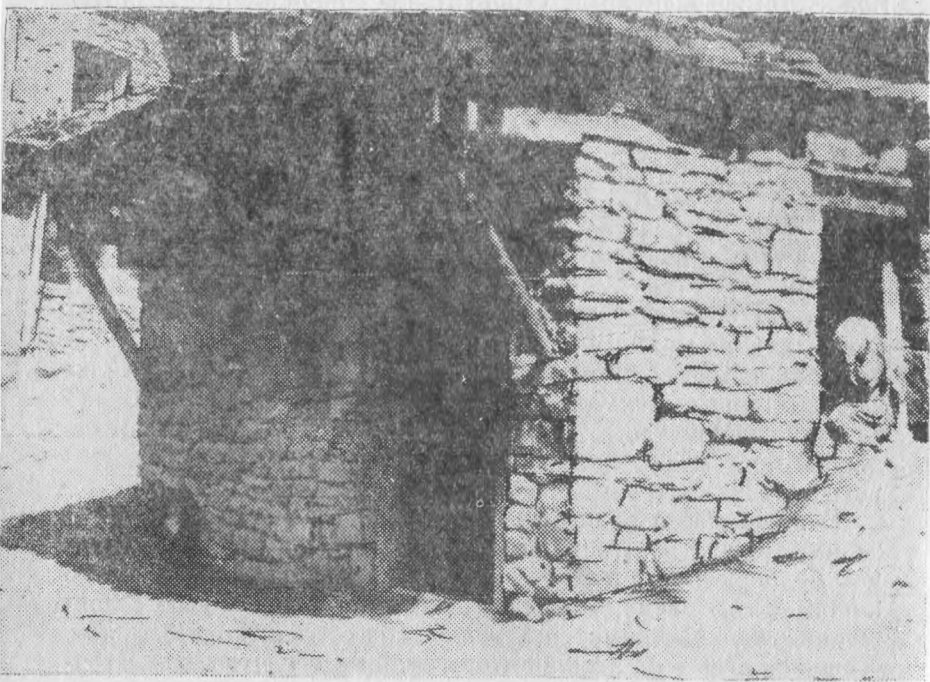
Важное место в ансамбле внутреннего устройства жилья занимал очаг. Почитание огня в свое время, видимо, занимавшее большое место в системе языческих верований, дошло до наших дней, правда, в пережиточном, потерявшем свое содержание, виде. Например, огнем клянутся — «гьингир цІаллоло», огонь зажигают на вершине горы в дни весеннего солнцестояния и т. д. Почитался и очаг как место для разведения огня. Исследование жилища аварцев и андийцев показало, что андийцы, как и многие другие народности Дагестана и Кавказа, первоначально пользовались открытыми очагами, расположенными посередине комнаты у центрального столба «къолбол хІуби».³² Устройство очага просто: это обыкновенное четырехугольное каменное ограждение, размеры которого не превышают обычно 80 см × 1,8 см. Над очагом висела цепь, прикрепленная к продольной балке на потолке. Дым выходил через отверстия, образованные балками, фасадной стеной и крышей (напр., дом Ибрагимова в с. Годабери, Базган-хъала

³¹ Эту черту в планировке дагестанского жилища верно заметил Я. Костенецкий. «Записки об аварской экспедиции», стр. 15.

³² Г. Я. Мовчан. Жилище нагорного Дагестана в XIX—XX вв. Рукопись хр. в библиотеке им. Ленина, ед. хр. 16126—51, л. 22.

З. А. Никольская. Из истории..., стр. 159.

в с. Кванада и др.) или через отверстия, оставленные посредине потолка, непосредственно над очагом. В быту большее распространение получили треугольные очажные подставки нежели овальные.

Общественная пекарня «Кор» в с. Хуштада.

Треугольные очажные подставки универсальнее и, видимо, связаны с появлением медных и бронзовых котлов конической формы с широким основанием — дном (расширенное дно котла гораздо удобнее для варки пищи). Каково бы ни было происхождение этих двух видов очажных подставок, которые, возможно, имели разные этнокультурные генетические центры, дальнейшее распространение и утверждение их в быту самых разнообразных народов с небольшими усовершенствованиями протекало в тесной связи с изменениями, происходящими в формах посуды. Не вызывает сомнения и то, что оба вида очажных подставок являются дальнейшим развитием неолитических глиняных подставок, которые обнаруживают гораздо большее разнообразие. Отсюда следует, что эволюция очажной подставки протекала не в сторону

многообразия ее конструктивного облика, а напротив, по пути унификации ее форм.

Камин же в горах не эволюционировал в печь из-за отсутствия достаточного количества топлива.

В результате экономических и культурных контактов с Россией, после присоединения Дагестана к России, стали появляться железные печи «буржуйки». Вскоре сами андийцы стали изготавливать железные печи с духовкой («кор») с оригинальным дымоходом и с орнаментом.

В аулах (напр., с. Анчик), богатых топливом, железные печи вытеснили всякого рода другие очаги.

Отдельной кухни как специального помещения у андийцев не было. Пищу готовили обычно в «большой комнате» у камина, позднее и ныне — на веранде. Но с наступлением зимы «кухня» перемещалась в жилую комнату. С появлением железной печи маленькие комнаты стали носить новое название «пешиллѣи гьакъу» (комната печи).

В старом жилище в стене, у которой расположен камин, было множество всевозможных больших и маленьких ниш «кІала» и выступов для хранения посуды.

В более богатых домах на стене, противоположной входу, развешивали и расставляли на полках всевозможную медную, бронзовую, фаянсовую и прочую посуду. Это делалось скорее для украшения стены, нежели по необходимости. На полу с левой стороны от пристенного камина стелили бурку или ковер — место мужчин во время еды. Правую — занимали женщины, здесь же была размещена кухонная утварь. У собственно-андийцев у стены, напротив входа, ставили «кабара» — длинный сундук с несколькими отделениями, каждое из которых имело отдельную откидывающуюся крышку. Это сооружение в декоративном отношении было наиболее ценным в доме. У ахавов подобные сооружения иного типа — повторяют известные аварские цагъуры,³³ представляя из себя своеобразные домики с входом, запирающейся дверью, порогом и т. д. Эти цагъуры, — гьикІуш — (анд.) настолько тщательно выполнены, настолько подобны небольшим жилым домикам, что невольно возникает мысль о возможных ранних народных домостроительных традициях с использованием дерева.

У ботлихцев-гьикІуши, предназначенные для хранения всевозможных продуктов, вынесены из жилых комнат и установлены на верандах второго этажа. У багвалал они стоят на крышах вдоль улицы, а порою совсем вынесены за комплекс жилья (с. Хуштада). Расположенные под открытым небом, они так же, как и дома, покрыты земляной утрамбованной

³³ З. А. Никольская. Указ. соч., стр. 158.

крышей, снабженной небольшим каменным катком. Один многокамерный жилой дом, заселенный родственными семьями, мог иметь один гьикIуш, где хранились продукты всего дома.

Тот факт, что гьикIуш служил хранилищем продуктов трех или четырех семей, живущих на разных этажах высокого дома, может быть объяснен прочной традицией, восходящей ко времени общего пользования продуктами, т. е. еще до времени распада большой семьи. О наличии в одном многокамерном жилище родственных, но разделенных семей, свидетельствует то, что гьикIуш не мог быть внесен ни в одну из камер, заселенных отдельной семьей.³⁴ Если сказанное отвечает действительному положению вещей, мы снова перед фактом глубокой архаичности многокамерного жилища, фактом, говорящим о том, что многокамерное жилище в горах могло иметь и несколько иную историю, а именно — возникло в связи с дополнительными застройками крыши, боковых пространств и прочих примыкающих строительных площадок. Ко всему этому можно добавить и то, что раскопки поселений бронзового века в горах (Верхнегунибское и Ирганайское) не дают больших камер, напротив, они никогда не превышают нормальные размеры и имеют смежные стены.³⁵

* * *

Возвращаясь к внутреннему убранству и планировке комнат, следует отметить, что деление помещений на мужские и женские у андийцев не было. Размещение женщин по левую, а мужчин по правую сторону от очага было вызвано чисто экономическими условиями, удобством для женщин в приготовлении пищи. Как известно, у горцев Дагестана «кунацкая» далеко не традиционна. Она была преимуществом знати и богатых семейств и называлась къачIаннаб гьакъу (убранная комната), «цлешур гьакъу» (комната гостя).

Из старинной мебели следует указать на своеобразные деревянные диваны с причудливо изогнутыми спинками, вырезанные из дерева и красиво украшенные кресла «тахбакI» (стул-трон) и тахты «падран», служившие ложем. Но даже эта мебель была далеко не в каждом доме. Бедные горцы чаще всего спали у очага на бурке, разостланной на соло-

³⁴ Возникновение многокамерного жилища при неразделенном хозяйственном единстве родовых коллективов, чьи продукты хранились в общем определенном месте, наблюдалось у множества народов. В качестве классического примера можно указать на длинный дом североамериканских индейцев. Л. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Ленинград, 1934, стр. 44—46.

³⁵ В. М. Котович. Указ соч., стр. 35.

ме или завернувшись в шубы, а дети под теплым покрывалом «квасрахъ», сотканном на ручном ткацком станке (покрывало это было с обенх сторон с ворсом, как бурка.³⁶

В купеческих домах андийцев или просто богатых узденей на полу и на стенах можно было видеть очень ценные лезгинские, персидские, туркменские ковры, на них развешивали оружие в дорогой оправе. Лари общих комнат наполнялись ценной привозной посудой. В семьях богатых андийцев было до смешного большое количество пуховых постелей, покрывал, парчи и других дорогих тканей, шелковых одеял и прочего: женщины время от времени выносили на веранду «на просушку» скорее на всеобщее обозрение и зависть соседей.

Строительный материал, техника строительства и отделка жилищ. Раньше дома строили из камня, дерева, местами из камыша. У годоберии, багвалал и чамалал дерево употреблялось не только для строительства крыши и перекрытий, но и для строительства самих стен корпуса жилища. Каменная кладка здесь чередовалась с четырехугольными массивными деревянными брусьями. У ахвахов и андийцев дерево в строительстве занимает гораздо меньшее место (перекрытия, навес, галерея, двери). Во многих старых домах не было ни одного металлического элемента, даже гвоздя. Двери укреплялись на петлях из крепкой кожи или устанавливались на «ножке», вращающейся в пазах на пороге и в верхней перекладине. Запирали дверь замысловатым деревянным устройством — гьаркьун, или специальным деревянным засовом.³⁷

Со второй половины XIX века у горцев появляются новые строительные материалы — железо листовое, гвозди, обручи, стекло, железные петли и пр. Гвозди и железные петли, порою листовое железо, большое количество оконного стекла и пр. были доступны лишь зажиточным слоям населения.

Ныне повсеместно проложенные автодороги, большое количество транспорта, хорошее снабжение и прочие преимущества нового социалистического строя дали возможность значительно увеличить, разнообразить строительный материал (фанера, железные брусья, масляные краски и пр.) и самое главное — это явление стало массовым и всем доступным. Но основным строительным материалом, как и у других народов Дагестана,³⁷ у аварцев остается камень и дерево.

Строительная техника в XIX — начале XX вв. отвечала довольно высоким требованиям домостроительства. Многоэтажные, самой разнообразной формы и конструкции жилища горцу очень часто приходилось строить на маленьких

³⁶ Это достигалось тем, что ткачиха через каждый ряд закладывала и вплетала непряденную шерсть.

³⁷ М.-З. Османов. «Жилище...» стр. 254.

строительных площадках и расширение жилой и хозяйственной площадей шло зачастую за счет устройства карнизов над обрывами или на верхних этажах, покоящихся на косо установленных подпорных столбах, нижние концы которых упираются в вертикальную стену или скалу, а верхние подпирают самый край балок карниза, а порою половину висящего над стеной первого этажа дома. Здесь наибольшее развитие получила каменная кладка, которая должна была обеспечить возможно предельную прочность зданий, необходимую как для застроек верхних этажей, так и для обороноспособности. Прежде всего строили фундамент дома³⁸ и если во время разработки склона в строительную площадь встречалась скала, то с удовольствием пользовались этим более прочным фундаментом.

Сухой кладкой пользовались лишь при условии, если имелись относительно крупные каменные блоки, которые тщательно обгесав, подгоняли друг к другу. Самой причудливой формы камень иногда находил себе соответствующие пазы. При сухой двухрядной кладке через определенные промежутки клали «замок», т. е. единый для обоих рядов блок. Пространство между каменными рядами тщательно закладывали мелким щебнем.

Когда строительные камни были помельче, то применяли глиняный раствор с щебнем. Эта техника, пожалуй, основная — широко известна кавказскому и переднеазиатскому миру. К сухой кладке прибегали также, когда строили заднюю стену корпуса, фактически находящуюся в земле. Полагают, что стена на глиняном растворе, погруженная в землю, дает течь и сырость. Около с. Ашали было раскопано полукруглое жилище, назначение и время строительства которого неизвестно. В этом жилище задняя закругленная стена упиралась в материковые слои склона, в свое время разработанного в традиционную ровную площадку. Эта стена была из однорядной кладки, второй ряд заменял материковый разрез, в котором было оставлено много пазов для концов камней кладки лицевого ряда. Возможно, многие подземные части старых жилищ построены таким же образом, но сколько приходилось наблюдать в домах с двухрядной кладкой подземная часть всегда однорядна.

Мы упоминали о большом размахе в старину строительства каменных сводов в нижних этажах у ахвахов. Колонны здесь выполнены круговой кладкой и крупными каменными блоками. Аналогичны постройки чарбитлинцев (горные чечен-

³⁸ При этом не упускали случая, тайно от остальных, замуровать в кладке фундамента серебро, будь то в виде монеты, слитка, или серебряной вещи. Этому обряду приписывали чудесное свойство сохранения в доме постоянного благополучия.

цы сс. Маташи, Игъарай, Ригахой, Гьаркъерой). Арки и купола в особо сложных случаях строили с помощью деревянных форм «кепы», а иногда применяли вместо форм молотильные доски. Основной принцип перекрытий в нижних этажах заключался в постепенном напуске плит, упирающихся в колонны или кладку боковых стен, образующих так называемые «ложные» своды. Перекрытия строили на деревянных балках — «решобил», проложенных от задней стены корпуса к фасадной стене на расстоянии друг от друга на 50—70 см.

В с. Муни, Анчик, Ботлих, т. е. в тех селах, где крыша нижнего этажа служит двором для верхнего и несет на себе большую нагрузку — расстояние между этими балками часто сводится к нет прокладкой бревен впритык друг к другу. По центру под ними в свою очередь прокладывают более массивную поперечную балку кьерчло, установленную обоими концами на боковых стенах, а в центре — на подпорном центральном столбе. Если нет балки соответствующей длины, то берут две и устанавливают их на том же столбе, но уже снабженном специальной массивной подкладкой — Кюлла-рич-чиб». ³⁹ На крыше пространство между продольными балками сверху застилают ровно подогнанными друг к другу досками или грубо сколоченными деревянными дощечками — рикъи. Встречаются крыши старых жилищ с застилкой из камыша и редко — каменными плитами. Поверх рикъи настилают солому или сушеную траву, затем засыпают землей. Самый последний слой делали из мелкого речного щебня, чтобы после того, как крышу укатают, на ней не росла трава, не проникала влага и т. д. В современных жилищах такое устройство крыши полностью сохраняется, так как при плоских земляных крышах применение досок для потолка, прибитых снизу к продольным балкам, не оправдывает себя. ⁴⁰

Абсолютно новым в конструкции крыши в современном доме является применение толя взамен соломы для настила деревянной части крыши с целью предохранения ее и изоляции от земли. Пол в аварских жилищах, в основном, глинобитный, а в старых жилищах и хлевах встречается застлан-

³⁹ Переводится как «зажатое во рту». Названия отражает принцип ее установки, заключающийся в том, что в верхнем сочетании столба делают глубоко вырезанный паз для нее. Отсюда и впечатление, как будто столб держит балку во рту. Принцип более распространен в Индии, нежели в других районах Аварии и Дагестана.

⁴⁰ Балки, заключенные между досками и землей, быстро гниют. Вообще балки в новом жилище гораздо быстрее приходят в негодность нежели в старом, так как раньше, когда не было дымоходов, они были постоянно подвержены действию дыма, который делал их устойчивыми против разрушительного действия микроорганизмов и жучка-древоеда «хлатора».

ный массивными каменными плитами. Ныне полы чаще делают дощатыми.

Внешняя архитектурная отделка и украшение жилища андийской группы народов многообразны. Резьба по дереву, орнаменты на глине и камне заслуживают отдельного исследования. Здесь мы остановимся на небольшой, но весьма любопытной детали: чаще чем у кого бы то ни было, жилища багвалал и тиндин украшены резьбой по камню, почти полностью повторяющей настенную резьбу по камню у аварцев Кахибского района, в частности у гидатлинцев. Здесь не только разительна само сходство сюжетов и приемов этих изображений, но и степень их концентрации именно в Гидатле и у тиндо-багвалал.

Изображения эти, в основном, имеют орнаментальные мотивы. Они хорошо исследованы Е. М. Шиллингом, где доказано их немусульманское происхождение (хотя сами жители связывают эти рисунки с известным мифическим лабиринтом «хайбар»⁴¹). И на самом деле, спирали эти не только отличаются от схемы мифического лабиринта, но, как правило, являются ничем иным, как свастикой, концы которой продолжены и завиты, что свидетельствует об их домусульманском происхождении, тогда как лабиринт «хайбар» имеет иной рисунок.

Изображение самой свастики также распространенная традиция у гидатлинских аварцев и тиндо-багвалал. Здесь совпадение не только архаической петрографики — изображения охотничьих, боевых сцен с изображениями солярных знаков, крестов, лабиринтов, знака руки, решеток и других геометрических фигур, но и сами тиндинские типы жилища повторяют известные гидатлинские, на что впервые обратил внимание Г. Я. Мовчан.⁴² Эти сходные черты мы находим и в одежде. Но всего этого пока недостаточно для окончательных выводов — необходимо дальнейшее накопление материала. Здесь укажем на одну любопытную информацию относительно изображений на стенах домов, полученную нами в с. Тинди. Оказывается, когда кто-нибудь строил дом, было в обычае готовить ему соответствующей отделки камни. Готовили эти камни родственники. Таким образом, в стенах возведенного дома было много красиво ornamentированных различных камней. Это была своеобразная солидарность родовых коллективов, несмотря на раздельное владение имуществом. Мы и сейчас в корпусе одного дома находим большое количество камней с разнообразными знаками, вос-

⁴¹ Е. М. Шиллинг. Изобразительное искусство народов горного Дагестана. «Доклады и сообщения МГУ», вып. 9, Москва, 1950, стр. 50, 77—78.

⁴² Г. Я. Мовчан. «О типологии...», стр. 43—44.

ходящими ко времени родовых культов, но никак не отображающих их единство, по крайней мере ко времени сложившейся традиции — наделять новый строящийся дом расписными камнями. Эти символы, с другой стороны, отображают глубокий распад или вообще отсутствие идеологического единства рода, которое могло быть выражено в фамильном общем знаке.

Современные поселения и жилища

За годы Советской власти в облике поселений и жилища произошли существенные изменения. Особенно ощутимы они в новом домостроительстве и во внутреннем убранстве, куда наиболее интенсивно проникают элементы городского быта.

Отличительная черта нового села — это свободная планировка: широкие улицы, заранее продуманный архитектурный облик. Чаще всего новое селение это разросшиеся старые поселения. Сейчас под поселения выбирают менее обрывистую и более удобную для застроек площадь. Так, с. Нижнее Ичхело, ютившееся на невероятно неудобном для построек склоне у обрыва, разрослось в длину, через речку, протекающую мимо села по более удобным и пологим склонам, и совершенно свободно распланировано. Единственное, что учитывается при застройке нового села из старых традиций — это солнечная ориентация. Даже близость источников уже не обязательная деталь для расположения селения, так как колхозы, да и сами колхозники при поддержке местных властей приобретают водопроводные трубы и прокладывают водопровод в отдельные кварталы и даже дворы. Необходимость обеспечения обороны также исчезла еще со времен окончания Кавказской войны. Экономия земли также потеряла свою былую остроту, благодаря тому, что проблема земли для горца разрешена предоставлением колхозам пастбищ и пашен на плоскости. Совершенно изменился облик поселений районных центров: сс. Ботлих, Карата, Агвали. Места, застроенные общественными, партийными и административными зданиями, с жилыми домами для специалистов, школами и магазинами, создают впечатление городских поселков: двух- и трехэтажные, стоящие рядами дома, прямые улицы и т. д. Есть совершенно новые села, построенные отдельно от старых (напр. Новое Ашали).

Но в коренной ломке всех традиций старого селостроительства нет необходимости. Вековые навыки строительства, которые научили горца строить село с максимальным использованием всей имеющейся площади, весьма пригодны во время освоения новых площадей под поселения, также не особенно обширных и удобных. Однако новое село отражает

его социально-экономическую природу — колхозный быт населения. Общественные здания расположены в центре, занимая значительное место в общем ансамбле, излюбленное место горцев — годекан — находится во дворе сельсовета или клуба, улицы озеленены. Ныне пользуются; правда не повсеместно, новыми стройматериалами—шифером, железом, даже саманом и потому те кварталы, где находятся общественные здания, новые застройки выглядят совершенно по-новому.

Жилище народностей андийской языковой семьи в том виде, в котором мы застали его сегодня, начало складываться с XIX века. Вернее в XIX веке более часто, чем в иное время, в жилище мы находим те детали, которые впоследствии, особенно в советское время, получили развитие и сложились как необходимые элементы современного домостроительства. Коренной ломки прежних навыков домостроения не произошло, благодаря тому, что традиции возведения и планировки жилища, а также строительной техники сложились в течение многих веков. Исчезло все то в домостроительстве, что было связано с бесконечными родовыми распрями, феодальными междоусобицами, внешними и внутренними войнами. Жилые башни там, где они сохранились, остались и до сегодняшнего дня как красноречивые и строго величественные исторические памятники, свидетельствующие о прошлом тревожном быте их обитателей. Они используются хозяевами для сушки сена. Угрюмые и замкнутые дома с бойницами на стенах вместо окон превратились в приветливые жилища открытого типа с большими окнами, обилием света и воздуха. Еще со второй половины XIX века, со времени окончания Кавказской войны быстро восстановились и укрепились культурно-экономические связи с Россией и соседними народами Кавказа, в довольно консервативный быт горцев стали просачиваться элементы городской культуры. Разбогатевшие на русской военной службе горцы, строили дома по европейскому усадебному стилю, создавали многоэтажные дома, часто крытые железной крышей, тщательно украшенные резьбой по дереву. Строительство таких зданий часто требовало больших затрат и было под силу только зажиточным горцам.

Место для нового дома в селе определял джамаат и обязательно в черте поселения. И лишь с согласия общины в исключительных случаях было возможно строительство на хариме. После Кавказской войны, претензии на выход из села получали поддержку у военно-административных властей — производя на нет традицию, направленную прежде всего на экономию земли. В домостроительстве поддержка этих тенденций освоения харима имела прогрессивное значение, несмотря на то, что не было соответствующей базы. Но выход на харим

практиковался, когда земельный голод имел еще место, в экономическом отношении для общества было крайне отрицательным явлением.

В советское время этот процесс стал основным в строительстве благодаря тому, что колхозам на плоскости были предоставлены земельные площади. Свобода выбора места уже без учета факторов обороны, экономии земли, новый образ жизни, повысившееся общее материальное благосостояние населения оказалось определяющим в реконструкции современного жилья. Однако расширение жилых помещений произошло главным образом за счет сокращения хозяйственных помещений, ибо, благодаря коллективизации, хозяйственные постройки резко сократились.

Ныне встречаются дома, с усадебным обликом, расположенные почти на ровных местах (напр. современные окраины с. Зило) с шиферной крышей, не связанные в общем ансамбле с соседними домами. Но шиферные кровли возможны лишь в новых поселениях, раскинутых свободно на крутой местности. Общественные же здания, чаще стоящие особняком (школы, клубы, магазины и др.), также имеют шиферную или железную крышу, что крайне облегчает уход за ней. Типовые проекты, разрабатываемые Дагестанской проектной конторой, в которых учтены сложившиеся традиции (двухэтажность, снабжение глубоким навесом и др.) и своевременные санитарно-гигиенические и архитектурные требования в каждом отдельном случае претерпевают изменения. Ныне, как никогда, в горах современное жилище подчинено удовлетворению бытовых потребностей населения. Совершенно новым в домостроительстве является также употребление самана (Ботлих, Зило), в сочетании с камнем (каменный фундамент и задняя стена корпуса дома, а порою весь нижний этаж). Построенный из самана дом тщательно обмазывают глиной, часть же, построенную из камня, оставляют необмазанной. Но дома из самана встречаются лишь в Ботлихе и в Зило. Как и прежде основным строительным материалом в горах остается камень.

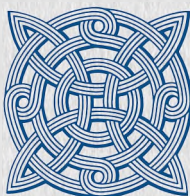
В современном домостроительстве происходит унификация форм жилища, планировки, особенно домашней утвари. Общий рост благосостояния населения, наличие автомобильных дорог и широкая торговая сеть в горах способствуют современному домостроительству, которое отвечает назначению жилищ — максимальное удобство для проживания человека.

Изучение поселений и жилища андийской группы народностей показывает, что в традициях домостроения мы наблюдаем «этнические вариации» в меньшей степени, нежели в других областях. Напротив, жилища андийцев обнаруживают

ярко выраженную общность с жилищем других народов Дагестана соответствующих зон. Отдельные детали жилища (наличие двора с током у андийцев, традиция выноса цагIуров на галерею — ботлихцев и вообще на улицу у багулал, отдельные расхождения в инвентаре и незначительные вариации в планировке) свидетельствуют, что процесс этнической дифференциации народов западного Дагестана коснулся и материальной культуры.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Э. В. Кильчевская. «Декоративное искусство аула Кубачи»,
М., 1962.

Рецензируемая книга Э. В. Кильчевской является итогом многолетних исследований, основанных на многих полевых поездках автора. Э. В. Кильчевская на месте не только очень кропотливо и детально изучала художественные промыслы, но и активно участвовала в определении направления их развития на протяжении последних 10—15 лет. Поэтому данная книга отличается глубоким искусствоведческим анализом и имеет неоспоримую практическую ценность.

Материал в книге излагается с учетом этнографических особенностей многоязычной республики, какой является Дагестанская АССР, что привлекает к работе автора внимание этнографов-кавказоведов. Подразделение рецензируемой книги на главы обусловлено исторически сложившимися комплексами художественных промыслов, которые автор и рассматривает также в историческом плане. В кратком введении автор излагает историю селения Кубачи, приводит историографический обзор и коротко говорит о кубачинских художественных промыслах вообще.

Автор совершенно правильно, по нашему мнению, и с глубоким знанием дела рассматривает исторические концепции заселения кубачинцами данной территории, а также выдвигает интересную мысль об исторической взаимосвязанности и преемственности между более ранней культурой населения Кубачей и позднейшей. В частности, автор во введении заявляет о прямой связи между такими явлениями культуры, как средневековый камень и литая бронза, с одной стороны, и искусство украшения оружия, достигшее наивысшего расцвета в XIX в., с другой.

Глава I «Аул Кубачи и художественные промыслы Дагестана» определяет место Кубачей как выдающегося художественно-промыслового центра Дагестана. Автор тщательно прослеживает политико-экономические связи Кубачей с другими центрами Дагестана, с Закавказьем, Ближним Востоком, Россией, а также со странами Запада на протяжении длительного времени, начиная с древнейших времен и включая XIX и даже XX вв. С очевидностью показывается, какие

социально-экономические условия породили высокое развитие художественных промыслов с. Кубачи. Среди причин основную роль сыграли наличие сырья и избыток свободных рабочих рук, не нашедших применения в слабо развитом сельском хозяйстве горцев при значительной густоте населения.

Следующие три главы посвящены трем группам художественных промыслов с. Кубачи: глава II — «Резной камень и литая бронза», глава III — «Резное дерево, утварь» и глава IV — «Художественная обработка серебра (оружейное и ювелирное дело)». На первый взгляд может показаться странным объединение в главе II двух казалось бы таких различных промыслов, как камнерезное дело и искусство бронзового литья. Но автор вполне правильно, на наш взгляд, сделал это. Такой подход к материалу оправдан исторически, поскольку, как пишет автор в первой же строке главы, кубачинские бронзовые изделия и резные каменные надгробия, а также архитектурные рельефы в домах являются самыми древними памятниками декоративного искусства кубачинцев. Лучшие образцы того и другого промысла явились богатой питательной основой, на которой развилось современное искусство Кубачей. И неслучайно этой главе отведено наибольшее место в книге. Кроме того, как предполагает автор, камнерезное и бронзолитейное ремесла связаны и более непосредственно, а именно, возможно, что первоначальный рельеф при отливке котлов из бронзы резался в камне, по аналогии с рельефами в архитектуре.

Автор рисует убедительную картину развития орнамента на бронзовых литых изделиях и на каменных надгробиях и рельефных вставках в кубачинских домах. Так, рассматриваются приемы декоративного украшения бронзового блюда с изображенными на нем четырьмя идущими оленями (табл. II, рис. 4) и через множество других бронзовых литых и камнерезных изделий затем рассматриваются украшенные богатой резьбой каминные вставки в домах жителей с. Кубачи и близлежащих селений. Кроме того, образцы ранней кубачинской культуры сопоставляются по характеру композиции с очень древними расписными глиняными блюдами из Передней Азии, что вводит раннюю кубачинскую культуру в орбиту широкой ближневосточной культуры, в частности, культуры эпохи сасанидов в Персии. Вместе с тем, автор подчеркивает самобытность образцов ранней кубачинской культуры, что, в частности, проявляется в некоторой архаичности и примитивности, а также статичности изображенных фигур, например, на саркофаге из с. Кала-Корейш (табл. II, рис. 7—9). Автор говорит о завершенности к XII—XIII вв. стиля кубачинских каменных рельефов (так называемых «албаинских» рельефов). К XII—XIV вв. сложился и стиль кубачинских

литых бронзовых котлов, причем стиль художественного оформления рельефов и котлов поразительно един.

Автор логично показывает, как в дальнейшем, к XV в. орнаментальная линия усиливается в каменной резьбе и начинает занимать основное место взамен ранее традиционных сюжетных изображений охоты, загона зверей, геральдических композиций. К 30-м годам XV в. относится приводимый автором наиболее ранний образец чисто орнаментального стиля резьбы по камню из с. Кубачи. В более позднее время такой стиль становится основным и в камне и в бронзовых изделиях. В XVIII—XIX вв. узоры на архитектурных каменных вставках и на бронзовых котлах становятся простыми, выполненными неглубоким (плоским) рельефом.

Также автор прослеживает развитие форм геометрического и стилизованного изобразительного орнамента в формы растительного орнамента, более сложные и богатые, на примерах надгробных памятников. К XVIII—XIX вв. автор относит складывание композиций основных характерных узоров растительного характера—«мархарай» и «тутта», которые широко применялись и на надгробных памятниках и на резных обрамлениях каминов, а также на резных архитектурных рельефах в стенах домов.

К сожалению, в текст данной главы (спуска первая на стр. 21) вкралась ошибка, относящаяся к ориентации по странам света мусульманских надгробных памятников. Автор тем самым ставит под сомнение интересный и выше убедительно обоснованный свой вывод.

В следующей главе (гл. III «Резное дерево, утварь») автор исследует художественное оформление интерьера кубачинского дома, в котором особенно видную роль играла резьба по дереву. Наиболее монументальные формы ее наблюдаются в резьбе колонн и столбов в доме. Более поздние варианты такой резьбы представляют мотивы более развитые, как «мархарай», «тутта», «тамга». Помимо резьбы на столбах и колоннах автор рассматривает и показывает мотивы и приемы резьбы на многих предметах утвари кубачинского дома: на прялках (состоящих из камня и дерева) и ступках с пестами (из камня), на мерках (из дерева) для сыпучих тел и сетках (деревянных) для хранения в подвешенном виде под потолком сухих продуктов, наконец, на деревянных блюдах, солонках и т. п. Кроме того, в главе показываются приемы художественного оформления металлической утвари: медных, бронзовых, латунных, серебряных сосудов для переноски и хранения воды и молока, котлов и крышек к ним, чаш, блюд, металлических прорезных штампов для нанесения узора на сдобные хлеба.

Рассмотрение автором художественных достоинств не только деталей архитектурного интерьера, а также и пред-

метов домашнего обихода делает книгу особенно интересной для этнографов. Но в то же время вызывается и некоторая досада и неудовлетворенность, поскольку не всегда автор имел возможность, а может быть, и намерение показать предмет «в бытовом окружении». Во-первых, такой задачи автор искусствовед и не ставил, во-вторых, не всегда это было возможно по причине лаконичности текста.

Следующей главой, посвященной старинным традиционным отраслям декоративного искусства, является глава IV «Художественная обработка серебра (оружейное и ювелирное дело)». Следует сразу сказать, что уже в этой главе речь идет не столько о старинных занятиях, но также и о вполне современном художественном промысле, например, о ювелирном деле, энергично развивающемся и сегодня. Но все же основу главы составляет материал о старинном художественном промысле, прежде всего, об оружейном. Население Кубачей и близлежащих селений издавна занималось производством холодного, а с XVIII в. и огнестрельного оружия. В украшении оружия кубачинцы снискали заслуженную славу.

В кубачинском стиле отделки и украшения оружия наблюдается тот же переход от монументального к более измелеченному, но вместе с тем и утонченному орнаменту. Наиболее ранние экземпляры оружия, как, например, сабля Мстиславского (табл. XI, рис. 1,2), хранящаяся в Государственной Оружейной палате, по стилю отделки близки другим видам художественного промысла Кубачей, например, резному камню того времени (XVI в.). Кстати, определение сабли Мстиславского, как изделия кубачинских мастеров, принадлежит автору рецензируемой книги. Мы полагаем, что доказательства ее на этот счет не вызывают сомнений.

К середине и концу XIX в. приемы украшения оружия кубачинцами достигают наивысшего расцвета. К этому времени в число материалов, применявшихся при работе, входят золото, слоновая кость, эмаль и другие дорогие материалы. Орнамент продолжает оставаться цельным, логично развивающимся. Однако в начале XX в. появляется некоторая измелеченность, дробность и одновременно сухость в орнаменте, украшающем оружие.

Особо автор рассматривает следующую отрасль художественного производства — ювелирное дело. Мастера ювелиры изготавливали главным образом предметы женских украшений и отчасти дополняли своими произведениями мужской костюм. Ювелирные предметы также на протяжении развития промысла изменялись от первоначальной скульптурности и монументальности к более легким и утонченным формам. Первоначальная гравировка, чеканка и вставка крупных

цветных камней сменяются часто филигранью и эмалью, а также применяются распространенные при украшении оружия чернь и глубокая гравировка.

Наконец, последняя, V глава отведена автором показу и анализу современного искусства с. Кубачи. Отошли в прошлое некоторые виды промысла этого замечательного селения, но продолжает развиваться ювелирное мастерство. Работающие в этом промысле мастера объединены в художественном комбинате. Не сразу нашли себя многие теперь выдающиеся и широко известные мастера ювелирного производства. Автор показывает этапы, пройденные отдельными мастерами и всем кубачинским ювелирным делом в целом за годы Советской власти вплоть до 1960 г. До 1930-х гг. преимущественно продолжали выполнять прежние работы по украшению оружия, ставшего к тому времени уже в значительной степени декоративным предметом. С 30-х годов мастера приступили к производству различных других предметов, тут начались поиски, очень трудные на первых порах. Совместно трудились и искали мастера разных поколений.

Следующий этап — 40-е гг., когда некоторые мастера попытались, творчески переработав, применить старые формы кубачинских предметов быта для новых изделий. Особенно богаты поисками последние годы — с середины 50-х годов, когда активно включился в эту работу научно-исследовательский Институт художественной промышленности и в его составе проводившая основную работу в Кубачах автор данной книги.

Не весь проведенный автором в этой главе анализ кажется нам убедительным. Так, мы не можем согласиться, что выпускавшиеся в последние годы кубачинскими мастерами подстаканники в хорошем смысле слова нарядны и, тем более, современны. Представленный автором в таблице XIV подстаканник является одним из лучших образцов, а в массовом выпуске изделия этого рода гораздо более низкого художественного качества. перегруженные позолотой, гравировкой, эмалью. Кубачинские мастера, опираясь на богатое наследие своих традиций и используя современные методы поисков новых художественных средств, находят и найдут гораздо более удачные решения.

Подводя итоги обзора книги, нам хотелось бы возразить автору в связи с заглавием книги. Давно уже принято в советской исторической, этнографической, географической науке обозначать поселения Дагестана общепринятыми в административном устройстве СССР термином «селение», потому что этот термин унифицирует и приводит к единому знаменателю все многообразие местных терминов по всей нашей стране. Термин же «аул» почти столь же чужд абсолютному

большинству дагестанских языков, в том числе и кубачинскому, как и термин «деревня», и был введен в русскую литературу XIX в. любителями, интересовавшимися экзотикой Кавказа, но не вникающими глубоко в его жизнь. Недаром в вышедшей в 1949 г. книге Е. М. Шиллинга «Кубачинцы и их культура» мы не находим термина «аул», а всюду употребляется термин «селение».

Затем, в ряду таких специалистов как историки, археологи, искусствоведы, упоминаемых автором в связи с тем, что они занимались изучением кубачинской культуры, следовало бы назвать и этнографов, тем более, что абзацем ниже говорится о заслуге известного советского этнографа Е. М. Шиллинга в деле изучения кубачинской истории и культуры. Вообще многочисленным работам — статьям и книгам Е. М. Шиллинга, посвященным с. Кубачи, издававшимся со второй половины 30-х гг. и как бы завершенным фундаментальной книгой (о которой речь шла выше), следовало бы, на наш взгляд, посвятить больше места в рецензируемой книге. Наконец, вызывают сожаление некоторые погрешности в техническом оформлении книги, скомканные и плохо выполненные типографией интересные и оригинальные таблицы, рисунки на полях и т. д.

Рецензируемая книга, обобщая многовековой опыт кубачинского художественного промысла и исследующая его с искусствоведческих позиций, имеет большое теоретическое и познавательное значение, а также, безусловно, и практически ценна, т. к. служит определенным руководством для мастеров народных художественных промыслов. Заслугой автора является тщательный критический отбор и донесение до широких кругов читателей огромного эстетического богатства, созданного многими поколениями высокоодаренных мастеров с. Кубачи.

ГОД НОВЫХ УСПЕХОВ¹

Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР объединяет 6 секторов (истории советского общества, досоветской истории, археологии и этнографии, дагестанской литературы и народного творчества, дагестанских языков, отдел восточных рукописей), три лаборатории и научную библиотеку. В 1965 г. начала работать группа по социологии и создана кинолаборатория. В Институте 110 научных, научно-технических и технических сотрудников, в том числе 8 докторов наук (из которых 3 защитили в 1965 г.) и 40 кандидатов наук (из которых 7 защитили в 1965 году).

В 1965 году коллектив научных сотрудников Института продолжал работу над проблемами истории и филологии, координируемыми Академией наук и предусмотренными к завершению планом научно-исследовательских работ 1964—1965 гг.

В области **исторических наук** наиболее важным результатом является завершение редакционно-издательской подготовки четырехтомной «Истории Дагестана» (отв. ред.—Г. Д. Даниялов) и «Очерков истории дагестанской партийной организации».

«История» написана на широкой источниковедческой базе, большое число материалов впервые вводится в научный оборот.

I и II тома посвящены истории и культуре народов Дагестана в дореволюционный период. История Дагестана изложена в тесной связи с историей народов Кавказа и России. В ней поставлены и разрешены принципиально важные вопросы, в частности этногенез народов Дагестана, связи с очагами мировых цивилизаций, формирование и развитие феодальных отношений, роль социальных движений, значение присоединения к России.

III том «Истории Дагестана» раскрывает закономерности ускоренного развития общества — перехода от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию, вопросу экономического, политического, культурного и национального возрождения народов Дагестана.

¹ Из отчета о работе Института истории, языка и литературы за 1965 г.

Период окончательного построения социализма и перехода к развернутому строительству коммунистического общества получил научное освещение в IV томе «Истории Дагестана».

Авторский коллектив (более 25 научных сотрудников) учел практические замечания, высказанные при обсуждении «Истории Дагестана» в Институте истории АН Грузинской ССР, Институте истории АН Азербайджанской ССР, на кафедрах истории СССР Дагестанского госуниверситета, Дагестанского педагогического института. Значительные изменения и дополнения внесены по предложению Главной редакции «Истории Дагестана».

Коллектив Института завершил так же работу и над «Очерками истории партийной организации Дагестана». Здесь нашли освещение такие вопросы, как предпосылки рабочего революционного движения в Дагестане, исторические условия, в которых были созданы и развернули свою деятельность большевистские организации; дается анализ деятельности партийной организации по социалистическому преобразованию Дагестана, осуществлению здесь ленинской национальной политики; раскрывается деятельность дагестанской партийной организации по проведению в жизнь решений XX, XXI и XXII съездов КПСС и Программы КПСС.

Оба коллективных труда «История Дагестана» и «Очерки дагестанской партийной организации» намечено издать к 50-летию Советской власти.

В 1965 году Институт расширил круг научных исследований, включив в него ряд новых проблем, в основном социологических, имеющих огромное практическое и теоретическое значение. Завершение их намечено перспективным планом развития исследовательских работ на 1966—1970 гг., одобренным на соответствующих отделениях АН СССР. Важнейшие проблемы — «Закономерности социалистического строительства у ранее отсталых народов» (рук. Г. Г. Османов) и «Социальные изменения населения в процессе коммунистического строительства» (рук. Г. А. Аликберов).

Изучение указанных проблем проводится впервые на материалах Северного Кавказа. Создана группа социологии, развернувшая работу по изучению социологических проблем. Уже первый год работы (сбор и систематизация материала) позволяет делать некоторые предварительные выводы.

По заданию Дагестанского обкома КПСС Институт готовит два сборника статей, посвященных 50-летию Советской власти.

Уже первый год работы (сбор и систематизация материала) позволяет делать некоторые предварительные выводы.

Серьезное внимание было уделено разработке проблем коммунистического воспитания, в частности вопросов научно-

го атеизма, преодоления религиозных пережитков в процессе коммунистического строительства, формирования и становления новых традиций.

Завершена тема «История религии и атеизма в Дагестане» (исполнители — М. М. Ихиллов, А.-Г. Алиев, А. С. Гаджиев). В сборник войдут статьи по истории домонотеистических и монотеистических религий, о роли религии и духовенства в истории народов Дагестана, о путях преодоления религиозной идеологии, роли партийной организации в борьбе за атеистическое воспитание трудящихся, о формировании и становлении новых обычаев.

Выполнено также 2 индивидуальных монографических исследования — «Борьба за идейно-политическое воспитание крестьянства Дагестана в период социалистического строительства» (Ш. Г. Гасанов), «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в Дагестане в 1945—1965 гг.» (А. И. Эфендиев).

Определенных успехов добился авторский коллектив в области досоветской истории Дагестана.

В 1965 году завершается коллективная работа, посвященная вопросу культурно-исторических и экономических взаимоотношений народов Кавказа. Монография «Взаимоотношения народов Дагестана с другими народами Кавказа» (исполнители Ч. М. Гашимов, Р. С. Шихсаидова, М. Г. Гасанов), впервые в историографии Кавказа попытка проследить торгово-экономические, военно-политические и историко-культурные связи многочисленных народов Дагестана с народами Северного Кавказа, Армении, Грузии, Азербайджана, наметить основные этапы и характер этих взаимосвязей в древности и средневековья. Работа иллюстрирует общность исторических судеб кавказских народов и несостоятельность концепции буржуазной историографии о взаимоотношениях народов как цепи взаимных столкновений.

Историки советского и досоветского периодов в 1965 году завершили также индивидуальные монографии и разделы, входящие в коллективные работы:

1. «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в Дагестане (1946—1965 гг.).» — А. Н. Эфендиев.

2. «Соревнование как выражение производственных отношений и метод развития социалистического производства» (И. К. Керимов).

3. «Приобщение к социалистическому строительству женщин-горянок Северного Кавказа» — раздел (А. И. Гасанова).

4. «Помощь Красной Армии в социальном и национальном освобождении народов Северного Кавказа» и «Участие Красной Армии в восстановлении народного хозяйства Северного Кавказа» (А. С. Кулиш-Амирханова).

5. «Дагестан в советской исторической литературе» (библиография за 1962—1964 гг., исп. Е. В. Сказин).

6. «Рост материального благосостояния и состав потребления населения ДАССР» (введение и глава—исп. Г. И. Милованов).

7. «Земледелие и землепользование в Урахинском союзе сельских обществ» (Б. П. Алиев).

8. «Общественная мысль народов Дагестана по материалам фольклора» (введение—А. Б. Баймурзаев).

9. «Переход народов Дагестана от дофеодальных отношений к феодальным» (разделы—Ш. М. Ахмедов).

10. «Прогрессивная деятельность русских врачей и учителей в Дагестане во второй половине XIX—начале XX вв.» (А. И. Свистунова).

11. «Рабское движение на Северном Кавказе и в Дагестане между двумя революциями» (разделы—М. Ш. Шигабудинов) и др.

Значительны результаты исследований в области дагестанской археологии.

В работе археологов наметились качественные сдвиги. Переход к исследованию крупных археологических объектов—поселений, оборонительных сооружений, а также расширение масштабов работ дало возможность более серьезно и на обширной документальной базе исследовать вопросы социально-экономического развития Дагестана. Впервые подвергаются систематическому изучению раннесредневековые города Дагестана, определяется их место в военно-политической, социально-экономической и культурной жизни восточного Кавказа.

Заключено исследование, посвященное ценному археологическому памятнику Дагестана—«Урцекское городище—памятник раннесредневековой культуры Дагестана» (исполнители—В. Г. Котович (рук.), Д. М. Атаев, А. И. Абакаров, М. Г. Магомедов, М. Г. Маммаев). В работе дана обстоятельная характеристика социально-экономического, политического строя и культурной жизни раннесредневекового Дагестана. Отдельные разделы исследования посвящены оборонительным сооружениям и вооружению, ремеслу, металлообработке, хозяйственной деятельности. Исследование памятника позволило авторскому коллективу по-новому оценить уровень социально-экономического развития населения Дагестана в античный и раннесредневековый периоды.

В 1965 году завершена также тема «Дагестанская культура эпохи ранней бронзы» (исп. Котович В. М.). В работе дается описание памятников эпохи ранней бронзы Дагестана, общая характеристика представленной им культуры. В ней рассматриваются вопросы относительной периодизации и аб-

солютной хронологии памятников и их места среди синхронных памятников сопредельных областей.

Выполнялись переходящие темы — «Раннеземледельческая культура Дагестана (М. Г. Гаджиев), «История тюркоязычных народов Кавказа (Г. С. Федоров), «Аркаское городище — памятник средневекового Дагестана» (Д. М. Атаев).

В области **этнографии** выполнялась коллективная работа «Социалистические преобразования культуры и быта народов Дагестана» (исполнители С. Ш. Гаджиева (рук.), С. С. Агаширинова, М.-З. Османов, А. И. Исламмагомедов, М. А. Агларов, С. Х. Асиятилов). Работа отразила вопросы хозяйства, материальной культуры, поселений и жилища, семьи и семейного быта, культуры народов Дагестана. На полевом этнографическом и документальном материале характеризуются коренные изменения в экономической, культурной и общественной жизни народов Дагестана за годы Советской власти, качественные сдвиги в семейных отношениях, процесс перестройки семейного быта, эволюция в жилищном строительстве и типах поселений. Большое место отведено изучению процессов национальной консолидации в Дагестане.

Предметом специального исследования является тема «Социальный быт и культура рабочего класса Дагестана (исп. С. С. Агаширинова). Завершена монография «Современный быт — культура рабочих поселка «Дагестанские огни» (К. Б. Омаров)».

Продолжалась работа по систематическому изучению искусства дагестанских народов, в частности искусства резьбы по дереву (П. М. Дебиров).

В области **антропологии** в 1965 году завершена работа «Антропологическое изучение изолятов (эндогамных групп) в Дагестане» (1963—1965 гг., исп. А. Г. Гаджиев). Она посвящена актуальной проблеме современной антропологии — изучению генетики человеческих популяций на основе исследования изолированных групп Дагестана и соседних территорий.

В Отделе восточных рукописей продолжалась работа по аннотированию восточных рукописей, переводу исторических документов с арабского языка. В 1965 г. сотрудники Отдела завершили три крупные работы — два выпуска «Каталога восточных рукописей» (исполнители — М. С. Саидов (редактор), М. Г. Нурмагомедов, М.-К. Ахмедов) и монографическое исследование М.-С. Саидова «Дагестанская литература на арабском языке» (срок исп. 1963—1965 гг.).

В «Каталог» впервые издающийся в Дагестане, вошло описание более 200 рукописей (каждый выпуск) на арабском языке по отраслям знания (средневековая философия, история, грамматика, поэтика, точные науки). Рукописи в ос-

повном относятся к XVI—XIX вв., но наиболее ранние датированы XII—XIII в.

Работа М.-С. Саидова посвящена истории арабоязычной литературы в Дагестане в XVI—XIX вв. Автор раскрывает основные этапы научного творчества дагестанских ученых, прослеживает формирование определенных научных школ в тесной связи с развитием науки в Закавказье и странах Востока. Для изучения истории дагестанской культуры имеет значение работа «Антология дагестанской поэзии на арабском языке» (исп. М. Г. Гайдарбеков), где впервые и в основном на неизвестном до сих пор материале освещено творчество многих дагестанских поэтов, писавших свои произведения на арабском языке, в частности, Юсуфа ал-Яхсави, Идриса ал-Индирива, Саида ал-Араканы, Мама Киши ал-Индирави, Мирза-али ал-Индирави, Мирза-Али ал-Ахты, Али ал-Багдади, Омарджана ал-Кудали, Гаджи-Магомеда ал-Согратли.

В **литературоведении** коллектив научных сотрудников завершил работу над темами по проблемам «Закономерности развития советской литературы», «Устно-поэтическое творчество и его история», «История дореволюционной литературы».

По первой проблеме выполнены две коллективные работы: «История дагестанской советской литературы» (рук. Р. Ф. Юсуфов) и «Вопросы реализма и народности в дагестанской советской литературе» (рук. Г. Б. Мусаханова).

«История дагестанской советской литературы» написана в 2-х томах и прошла редакционно-издательскую подготовку. Этот труд раскрывает закономерности развития литературы у дагестанских народов, основные особенности историко-литературного процесса, прослеживает становление и генезис социалистического реализма у горских народов, развитие поэзии, прозы, драматургии. Особое внимание уделяется проблеме взаимосвязей дагестанской литературы с литературами братских народов. II том «Истории» раскрывает национальное богатство и разнообразие дагестанской советской литературы через монографическую характеристику творчества около 40 писателей, представителей 7 национальных литератур.

«Вопросы реализма в народности дагестанской советской литературы» (исполнители — Э. Ю. Кассиев, З. И. Имамкулиева, Г. Б. Мусаханова, А. Г. Гусейнаев; М. И. Зульфукарова, Л. Д. Шилова) — сборник статей, в котором сделана попытка теоретически осмыслить ряд вопросов общего литературоведения на дагестанском материале; осветить национальные истоки социалистического реализма, решить проблемы изображения национального характера, раскрыть новаторскую концепцию человека советской литературы Дагестана; определить этапы реализма в драме и черты совре-

менного дагестанского романа; исследовать взаимосвязи фольклора и литературы.

Сектор литературы принимал участие в многотомных исследованиях, осуществляемых центральными научными учреждениями АН СССР. В 1965 году доработаны главы для многотомной «Истории советской литературы» («Дагестанская литература 20-х годов» — Э. Ю. Кассиев; «Дагестанская литература 30-х годов» — Л. Д. Шилова, М. И. Зульфукарова; «Дагестанская литература военного времени» — А. Г. Гусейнаев; «Дагестанская литература послевоенного времени» — Э. Ю. Кассиев, З. И. Имамкулиева, М. И. Зульфукарова; «Дагестанская литература на современном этапе» — Г. Б. Мусаханова, З. И. Имамкулиева, М. И. Зульфукарова; «Хроника» — В. Д. Лебедев, М. Р. Халидова, З. И. Имамкулиева). Написан раздел «Дагестанский театр в 1926—1933 гг.» для «Истории театра» (М. И. Зульфукарова).

Проблема «Устно-поэтическое творчество и его история» также представлена двумя коллективными темами — сборниками эпических и лирических песен.

«Эпические песни народов Дагестана» (исполнители — А.-Г. Ахлаков (рук.), Х. М. Халилов, Ф. О. Абакарова, В. Д. Лебедев) подготовлены в трех выпусках (песни аварцев, даргинцев, лаков). В сборники включены героические песни XVII—XVIII вв., баллады, отдельные из которых восходят к древности и раннему средневековью.

В сборнике «Лирические песни народов Дагестана» (исполнители — Х. М. Халилов (рук.), Б. М. Магомедов, М. Р. Халидова, З. А. Магомедов, Ф. А. Алиева, А. М. Ганиева) представлены обрядовая поэзия, семейно-бытовые, любовные, социальные, песни отходников, шуточные и детские песни. Книга дает представление о многообразии и художественной природе самого распространенного жанра горского фольклора. В нее вошли лирические песни аварцев, даргинцев, лаков, лезгин.

В 1965 году Институт приступил к написанию исследования о дореволюционной литературе народов Дагестана. Отсутствие подобного труда давно сказывалось при характеристике культурного наследия дагестанских народов в частности и народов бывших окраин царской России в целом.

В отчетном году написан проспект истории «Дореволюционной литературы народов Дагестана».

«Проспект» дает возможность приступить к созданию обобщающего труда по истории дореволюционной литературы народов Дагестана. Разработана периодизация литературного процесса. Осмысление истории литературы народов Дагестана противостоит попыткам отрицать наличие письменной многовековой литературы, недооценке национального наследия.

Начата разработкой тема «Русский романтизм и национальные культуры» (исп. Р. Ф. Юсуфов).

В области **дагестанского языкознания** продолжалась разработка проблем формирования и развития дагестанских литературных языков и сравнительно-исторического изучения дагестанских языков.

Работа над проблемой «Сравнительно-историческое изучение дагестанских языков» завершена в 1965 году составлением «Сравнительно-исторической лексики дагестанских языков» (рук. Ш. И. Михайлов, У. А. Мейланова, исполнители — У. А. Мейланова, Б. Б. Талибов, Г. Х. Ибрагимов, С. М. Гасанова, Я. Сулейманов, П. Т. Магомедова).

В основе исследования лежат сравнительные словари по языковым группам, завершенные в 1964 году. «Сравнительно-историческая лексика» включает 4 вводных раздела (введение, звуковые соответствия, структура именных основ, структура глагольных основ) и 12 тематических разделов (словарные статьи).

В результате составления сравнительного словаря дагестанских горских языков путем анализа лексико-семантического материала устанавливается материальная общность исконных слов и морфем, общность структур именных и глагольных основ в дагестанских языках, в чем обнаруживается генетическое родство этих языков. Лексические материалы позволяют проследить пути исторического развития лексических единиц и отдельных фонетико-морфологических явлений в дагестанских языках. В словаре дан анализ корнеслов, восходящих к общедагестанскому хронологическому уровню, сделаны попытки восстановить праформу слов и выявить основные звуковые процессы внутри группы дагестанских языков.

Продолжается работа по проблеме «Формирование и развитие дагестанских литературных языков». Две работы о закономерностях развития лакского (исп. Г. Б. Муркелинский) и кумыкского (исп. А. Г. Магомедов) языков выполнены. В них прослеживаются закономерности развития кумыкского и лакского литературных языков преимущественно в советский период, излагается история возникновения письменности и становления кумыкского и лакского литературных языков. Освещаются также вопросы о иноязычном влиянии, в особенности о влиянии русского языка на развитие кумыкского и лакского литературных языков, о взаимоотношениях их с другими дагестанскими языками, а также о взаимоотношении и взаимодействии письменного языка и диалектов.

Работа по изучению табасаранского языка начата в 1965 году (исполнитель — К. Т. Шалбузов), а по остальным дагестанским литературным языкам начнется, согласно плану, в 1966 году.

Разрабатывались также переходящие темы: «Синтаксис даргинского языка» (исп. З. Г. Абдуллаев), «Консонантизм восточно-кавказских языков» (исп. К. Ш. Микаилов), «Дагестанская топонимика» (исп. И. Х. Абдуллаев).

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ РАБОТА

В 1965 году Институт продолжал широкие экспедиционные работы в области археологии, этнографии, фольклористики, востоковедения. Проведено 5 экспедиций, в том числе: археологическая I в составе 4 отрядов, этнографическая—I, антропологическая I, фольклорная в составе 2 отрядов, по сбору восточных рукописей—I в составе 2 отрядов.

Собран большой письменный, фольклорный материал, который составит серьезную источниковедческую базу при разработке проблем истории и культуры дагестанских народов.

Археологическая экспедиция подвергла стационарным раскопкам два чрезвычайно ценных памятника — Чиркейское поселение эпохи ранней бронзы и могильник эпохи бронзы (рук. М. Г. Гаджиев) и средневековое городище Аркас (рук. Д. М. Атаев).

Материалы раскопок Чиркейского поселения послужат ценным источником по истории Дагестана эпохи раннего металла, позволит полнее охарактеризовать экономику, культуру и быт, а также древние связи населения Дагестана с населением Закавказья и Передней Азии. Они послужат также важным источником для освещения ряда вопросов, касающихся раннего этногенеза народов Дагестана.

Раскопки Аркаского городища дали новый материал, проливающий свет на процесс формирования и становления раннесредневекового города, уровень развития местного ремесленного производства.

Продолжались также разведочные работы по выявлению средневековых поселений и укрепленных пунктов. В 1965 г. разведкой было охвачено 15 районов южного, нагорного и северного Дагестана.

Антропологическая экспедиция (рук. А. Г. Гаджиев) добыла в результате раскопок на раннемусульманском кладбище XIV—XV вв. (с. Чирах) палеантропологический материал, характеризующий тип населения горного Дагестана.

Этнографическая экспедиция (нач. С. Ш. Гаджиева) проводила исследования в 12 районах Дагестана и охватила изучением 50 населенных пунктов. Широко использовано анкетирование. Материал характеризует важнейшие вопросы

преобразования хозяйства, материальной и духовной культуры, общественной и семейной жизни народов Дагестана за годы социалистического строительства в республике, а также истории искусства резьбы по дереву у народов Дагестана XIX—нач. XX вв. и художественной обработки металла.

Экспедицией по сбору восточных рукописей приобретено более 750 рукописей, некоторые из которых являются уникальными. Среди них рукопись Тайгиба из Харахи (1564 г.), рукопись Шахбана Ободинского по грамматике арабского языка (1613 г.), автограф по грамматике арабского языка Курбан-Али из сел. Аргвани и другие.

Кроме того собрано более 2000 документов (письма Ша-миля, официальная переписка и т. д.). Зафиксированы ценные частные коллекции рукописей.

Экспедиция фольклористов собрала значительный материал по устно-поэтическому творчеству народов Дагестана и его истории. Обследовано 162 населенных пункта в 22 районах республики. Записано 1950 текстов лирических и эпических песен, легенд на русском языке и языках народов Дагестана. Выявлены ранее неизвестные произведения дагестанских дореволюционных поэтов Чанки, Махмуда, Курклинской, Маммадея и произведения неизвестных поэтов-певцов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

За этот год Институтом была проведена большая работа по публикации научных трудов сотрудников Института. За год издано:

1. Г. Д. Даниялов. Расцвет социалистической экономики и культуры народов Дагестана. 22 п. л.

2. Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. 23 п. л.

3. В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. 25 п. л.

4. Х. О. Хашаев. Памятники обычного права Дагестана. 15 п. л.

5. А. Б. Баймурзаев. Общественно-политическая и философская мысль народов Дагестана во II пол. XIX века. 16 п. л.

6. А. Г. Гаджиев. Этническая антропология Дагестана. 15 п. л.

7. Ученые записки, т. XIV (серия историческая). 20 п. л.

8. Ученые записки, т. XV (серия историческая). 20 п. л.

9. М. Зульфугарова. История драматургии Дагестана. 13 п. л.

10. В. М. Котович. Верхнегунибское поселение—памятник эпохи бронзы в Дагестане. 16 п. л.

Находятся в производстве работы:

П. М. Дебиров. Искусство резьбы по стуку и глиняные рельефы Дагестана. 10 п. л.

Б. Б. Талибов, М. М. Гаджиев. Лезгино-русский словарь. 40 п. л.

М.-С. Саидов. Аварско-русский словарь. 40 п. л.

А. Г. Магомедов. Кумыкско-русский словарь. 40 п. л.

М. А. Казанбиев. Очерки истории советского строительства в Дагестанской АССР (1920—41). 10 п. л.

Коллектив авторов. Материальная культура аварцев. 25 п. л.

М. И. Пикуль. Этнические группы и племена Дагестана в эпоху раннего железа. 15 п. л.

Коллектив авторов. Каталог восточных рукописей. 8 п. л.

Коллектив авторов. Эпические песни народов Дагестана (3 выпуска). 30 п. л.

Г. А. Аликберов. Борьба за победу социалистической революции в Дагестане—1917—1921). 25 п. л.

Г. Б. Мусаханова. Очерки кумыкской советской литературы. 18 п. л.

А. Г. Магомедов. Послелогии в кумыкском языке. 8 п. л.

Коллектив авторов. Материалы по археологии Дагестана, т. III, 25 п. л.

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА

Ученый совет Института, определяющий общее направление научно-исследовательской и организационной работы, регулярно обсуждал на заседаниях различные вопросы научной деятельности. На заседаниях были заслушаны отчеты заведующих секторами о ходе выполнения научных планов по кварталам, о ходе работы над ведущими проблемами, о подготовке к научным сессиям, о работе аспирантов, о ходе выполнения издательских и редакционно-издательских планов. Утвержден проект плана научных исследований на 1966 г. и изданий на 1965—67 гг.

В 1965 г. значительно выросла научная квалификация сотрудников Института. Защищено 3 докторские (Г. Ш. Каймаразов, У. А. Мейланова, В. Г. Гаджиев) и 9 кандидатских диссертаций (из них по истории народов СССР—2, философии—1, языкознанию—3, литературоведению—3). Представ-

лено на соискание ученой степени доктора наук 2 диссертации (М. М. Ихиллов, И. К. Керимов) и на соискание степени кандидата наук — 8.

В Институте в истекшем году велась систематическая работа по подготовке квалифицированных кадров. При Институте ИЯЛ проходят аспирантскую подготовку 31 человек по различным специальностям: история СССР — 9, история КПСС — 3, археология — 1, теория научного коммунизма — 2, этнография — 3, литература народов СССР — 8, языкознание — 4, искусствоведение — 1.

Аспирантскую подготовку при Институте ИЯЛ проходят также представители северокавказских республик. В течение года работал теоретический семинар. На нем были прослушаны и обсуждены доклады и сообщения по вопросам истории и филологии: «Сближение народов в современных условиях» (Г. А. Аликберов); «Формы и методы идейно-политического воспитания крестьянства в Дагестане» (Ш. Г. Гасанов); «О некоторых закономерностях социалистического преобразования ранее отсталых национальных окраин (Г. Г. Османов); «О характерных особенностях изменения профессионального состава и квалификации рабочих в Дагестане в послевоенные годы» (А. И. Эфендиев); «О периодизации феодализма в Дагестане» (Р. Г. Маршаев); «Проблема изучения быта и культуры рабочего класса на современном этапе» (С. С. Агаширинова); «Особенности развития семейных отношений в Дагестане в I десятилетии установления Советской власти» (С. Ш. Гаджиева); «Основные этапы социально-экономического развития Дагестана по данным археологии» (В. Г. Котович); «О принципах издания эпических песен народов Дагестана (А.-Г. Ахлаков) и др.

Значительным событием в научной жизни республики была I научная сессия по вопросам сравнительно-исторического изучения иберийско-кавказских языков. В работе сессии приняли участие представители научно-исследовательских институтов и вузов Закавказских республик, Северного Кавказа, Москвы и Ленинграда. Сессия прошла на высоком научном уровне и имеет большое значение для развития кавказского и общего языкознания.

Научные сотрудники Института принимали активное участие также и в работе других всесоюзных и региональных сессий и совещаний:

научной сессии Отделения истории и Отделения общественных наук АН СССР по итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. (Баку). Прочитано 11 докладов;

совещании, посвященном обсуждению монографии «История национально-государственного строительства в СССР» в Ереване;

конференции молодых ученых Дагестана (прочитано 7 докладов);

сессии, посвященной 70-летию со дня рождения известного общественного и политического деятеля Карачаево-Черкессии Умара Алиева.

Большая работа проведена в 1965 г. по обсуждению и рецензированию работ, представленных научными учреждениями Москвы, республик Северного Кавказа, Дагестанского Государственного университета, Института школ. В 1965 году только на секторе истории советского периода обсуждены: X том «Истории СССР», «Очерки истории партийной организации Северо-Осетинской АССР», «Очерки истории партийной организации Краснодарского края», 2 докторские и 4 кандидатские диссертации.

Сектора, научные сотрудники Института оказывали систематическую помощь аспирантам других вузов.

Большая работа была проведена по пропаганде научных знаний среди населения республики. В районах было прочитано более 350 лекций, опубликовано большое количество статей и рецензий на страницах журналов и республиканских газет. Активное участие принимали сотрудники института в работе Дагестанского отделения общества «Знание». 3 сотрудника Института награждены почетными грамотами Всесоюзного общества «Знание».

Завязывались научные связи с учеными зарубежных стран. По приглашению Института Дагестан посетил чешский ученый Вацлав Черны, прочитавший доклад «Некоторые вопросы синтаксиса в дагестанских языках» на секторе дагестанских языков.

Весьма плодотворны были бы контакты наших археологов и востоковедов с учеными Польши, Венгрии, Болгарии, где имеются ценные дагестанские коллекции и другие исторические материалы о Дагестане. Однако вопрос этот не нашел еще положительного разрешения, несмотря на неоднократные заявки со стороны Института ИЯЛ.

Имеются в работе Института и существенные недостатки: не все темы были выполнены в срок и не все исследования проводятся на высоком теоретическом уровне; недостаточно внимания обращалось на подготовку через аспирантуру лингвистов по таким специальностям как тюркские языки, семитские языки; при планировании издательской деятельности Института не всегда учитывались реальные возможности исполнителей и поэтому план издания и публикаций статей в «Ученых записках» не был выполнен.

Остается нерешенным также ряд вопросов по изменению структуры Института. Предложения о разделении сектора археологии и этнографии на 2 самостоятельных сектора; о

создании социологической лаборатории и кинолаборатории не нашли до сих пор своего разрешения, несмотря на поддержку соответствующих отделений АН СССР.

Структурные изменения и привлечение высококвалифицированных кадров тем более необходимы, что они во многом будут способствовать успешному выполнению разработанного Институтом перспективного плана развития научных исследований на 1966—1970 гг.

instituteofhistory.ru

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Н. Курбанов. Строительство коммунизма — дело всего народа.	5
И. Керимов. Профсоюзы Дагестана в борьбе за претворение в жизнь исторических решений XXIII съезда КПСС	23
Т. Тагиров. Основы организации взаимодействия органов милиции с общественностью в борьбе с преступностью	51
Ю. Юнусов. Дагестанская АССР в системе Российской Федерации	83
И. Ш. Алискеров. Роль крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (кресткомов) в ликвидации духовенства в Дагестане.	113
Г. Хадисов. Уголовно-правовая характеристика грабежа и разбоя.	146
Г. Аликберов. Первые социалистические преобразования	188
В. Г. Гаджиев. Провал англо-ирано-турецких планов захвата Кавказа в 20—30 гг. 19 в.	221
А. Омаров. Система композиций в обычном праве Дагестана.	255
Б. Алиев. Социальные отношения в Акуша-Дарго 17—18 вв.	271
С. Гаджиева. Некоторые виды домашних промыслов даргинцев 19—20 вв. (ткани, кожа, войлок)	299
С. Асиятилов. Некоторые вопросы общественных отношений аварцев в свете их хозяйственной деятельности	323
С. Асиятилов. Хуторская система и формы ведения животноводства у аварцев в 19—начале 20 вв.	343
М. Агларов. Поселение и жилище андийской группы народов в 19—начале 20 вв.	367
А. Трофимова. Э. В. Кильчевская. «Декоративное искусство аула Кубачи», М., 1962	391
Год успехов (о работе ИИЯЛ за 1965 г.)	397

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ 16

(серия общественных наук)

Ответственный за выпуск **Чернигова Е. И.**

Технический редактор **Геллер Э. И.**

С03236. Объем 26 печ. л. Заказ № 62. Тираж 700.
Сдано в набор 28/I-1966 г. Подписано в печать 3/XII-1966 г.
Цена 1 руб. 56 коп. Переплет 10 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР.
г. Махачкала, 5 жилгородок, корпус 19.